

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1 9 8 1

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
1985

Очередной выпуск «Временника» посвящен исследованию малоразработанных и спорных вопросов биографии Пушкина и его творческого наследия; здесь же подводятся итоги изучения и популяризации творчества Пушкина в 1981 г.

Редколлегия:

академик Д. С. ЛИХАЧЕВ, В. Э. ВАЦУРО, С. А. ФОМИЧЕВ

Рецензенты:

А. А. Гозенпуд, В. Б. Сандомирская

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (девятнадцатый по общему счету) сохраняет традиционную структуру данного издания. Он, как обычно, состоит из четырех разделов (Материалы и сообщения; Обзоры; Заметки; Хроника) и наряду с освещением итогов научного изучения и популяризации пушкинского наследия в 1981 г. главной своей задачей ставит накопление материалов для подготовки второго академического Полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

Этой цели посвящены прежде всего исследования, включенные в первый раздел выпуска. В статье Л. М. Аринштейна обращается внимание на существенную для пушкинских произведений проблему реального комментария: на примере эпиграммы «Сказали раз царю...» здесь показывается, насколько важно каждый раз иметь в виду исторические первоисточники, проверяя ими достоверность мемуарных свидетельств, которые подчас определяют традиционную узкобиографическую интерпретацию пушкинских произведений. В статье Н. Н. Петруниной на основании анализа группы пушкинских рукописей проясняется творческая история «Повестей Белкина». В статье С. А. Фомичева обосновывается гипотеза, позволяющая осмыслить состав, композицию и реальную направленность последнего лирического цикла поэта (так называемого каменноостровского цикла 1836 г.).

Несколько расширен по сравнению с предыдущими выпусками раздел «Обзоры». Наряду с ежегодным аннотированным указателем пушкиноведческой литературы здесь помещены каталог автопортретов Пушкина, перечень впервые вводимых в научный оборот материалов о Пушкине в московской прессе 1820—1830-х годов, а также анализ переводов пушкинских произведений на персидский язык, появившихся в последнее двадцатилетие.

Как обычно, крайне разнообразен по материалам третий раздел выпуска, в котором освещаются ранее неизвестные факты биографии Пушкина, его литературного окружения. Здесь же дается реальный, историко-литературный и текстологический комментарий к различным произведениям Пушкина («Евгений Оне-

гйн», «Моцарт и Сальери», «Пиковая дама», «Медный всадник» и др.).

Раздел «Хроника» открывается некрологами выдающихся советских пушкинистов — Н. В. Измайлова и академика М. П. Алексеева. В этом разделе читатель найдет сведения о работе пушкинских музеев, о пушкинских конференциях, выставках, спектаклях и проч. (по материалам газет 1981 г.).

Все цитаты из Пушкина в выпуске даются по Полному собранию сочинений (т. I—XVI. Изд-во АН СССР, 1937—1949; Справочный том. Изд-во АН СССР, 1959). Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, в особом фонде (ф. 244, оп. 1), даются сокращенно: ПД (т. е. Пушкинский Дом), далее указывается лишь номер автографа, а в случае необходимости — соответствующий лист рукописи.

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Л. М. АРИНШТЕЙН

«ВТОРИЧНАЯ МЕМУАРИСТИКА» В КОММЕНТАРИИ

(Об эпиграмме Пушкина «Сказали раз царю...»)

1

Примечания к эпиграмме Пушкина «Сказали раз царю...»¹ обычно содержат ссылку на эпизод, который, как поясняют комментаторы, послужил реальной основой этой эпиграммы. В определении того, что это за эпизод, когда и при каких обстоятельствах он имел место, комментаторы расходятся. Н. В. Гербель, впервые опубликовавший эпиграмму в 1861 г., писал в примечании: «Написано по следующему случаю: однажды за обедом во дворце, когда зашла речь о смерти Риго, граф М. С. Воронцов <...> сказал: „Тем лучше, одним мерзавцем меньше!“».² Откуда у него эти сведения, Гербель не сообщил, не было это установлено и в дальнейшем.

Десятью годами позже П. И. Бартенев опубликовал «Записки декабриста Н. В. Басаргина (1800—1861)», где среди прочего рассказывается о похожем эпизоде, который, однако, произошел в другое время и в другом месте, а именно в Тульчине, еще до казни Риго, когда Александр I осенью 1823 г. приезжал на маневры и смотры войск 2-й армии. Упомянув по ходу повествования о том, что 1 октября состоялся смотр 7-го корпуса, Басаргин (он был тогда адъютантом начальника штаба 2-й армии ге-

¹ Чтобы было ясно, о чем пойдет речь, напомним начальные стихи эпиграммы:

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риго был удушен.
«Я очень рад, сказал усердный льстец:
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потушили взор...

(II, 378)

² Стихотворения Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений / [Изд. Н. В. Гербея]. Берлин, 1861, с. 228.

нерала П. Д. Киселева) сделал следующее примечание: «После завтрака был обед в лагере генерала Рудзевича.³ Когда сели за стол, накрытый полукругом, середину которого занимал государь, то он, получив перед самым выходом к столу с фельдъегерем письмо от Шатобриана, бывшего тогда французским министром иностранных дел, сказал, обращаясь к сидевшим около него генералам: „Messieurs, je vous félicite: Riego est fait prisonnier“.⁴ Все ответили молчанием и потупили глаза, один только NN воскликнул: „Quelle heureuse nouvelle, Sir!“».⁵ Басаргин добавляет: «Эта выходка так была неуместна и так не согласовалась с прежней его репутацией, что ответом этим он много потерял в общем мнении. И в самом деле, зная, какая участь ожидала бедного Riego, жестоко было радоваться этому известию».⁶

Эпизод, рассказанный Басаргиным, не остался незамеченным, и уже П. А. Ефремов использовал его в качестве комментария к эпиграмме в подготовленном им издании сочинений Пушкина.⁷ В следующем по времени комментированном издании сочинений Пушкина, предпринятом уже в нашем веке С. А. Венгеровым, в примечании к эпиграмме приведены как сообщение Гербеля, так и рассказ Басаргина.⁸ Три года спустя в академическом издании сочинений Пушкина П. О. Морозов приводит рассказ Басаргина в качестве единственного комментария к эпиграмме; о версии Гербеля здесь не упоминается вовсе.⁹ В первом советском комментированном издании полного собрания сочинений Пушкина (1949) Т. Г. Цявловская возвращается к версии Гербеля — без ссылки на последнего и без упоминания о том, что существует и другая версия.¹⁰ В малом академическом издании сочи-

---

³ Рудзевич Александр Яковлевич (1776—1829) — сын Якуба-аги Измаила (Якова Измайлова), крымского татарина, боровшегося против турецкого владычества в Крыму; учился в греческом кадетском корпусе, служил в Преображенском и других полках; участник Отечественной войны 1812 г., с 1813 г. генерал-лейтенант; возглавлял отряд русских войск, штурмовавших последний оплот Наполеона — Монмартрские высоты в Париже (март 1814 г.), за что награжден орденом Георгия 2-й степени; в 1820-е годы — командир 7-го корпуса 2-й армии; с 1826 г. — полный генерал.

⁴ Поздравляю, господа, Риго взят в плен (*франц.*).

⁵ Какое счастливое известие, ваше величество! (*франц.*).

⁶ Деятнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый П. И. Бартеневым. М., 1872, кн. 1, с. 82—83; отд. изд.: Басаргин Н. В. Записки / Ред. и вступ. статья П. Е. Щеголева. Пг., 1917, с. 28.

⁷ Пушкин. Соч. 3-е изд., исправл. и дополн. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880, т. 1, с. 568. Упомянутый комментарий вызвал весьма язвительные замечания рецензента Г. С. Чирикова, упрекавшего П. А. Ефремова в неточностях (Чириков Г. С. Заметки на новое издание сочинений Пушкина. — Русский архив, 1881, т. 1, с. 191). П. А. Ефремов ответил заметкой «О статье „Русского архива“», помещенной им в пятом томе того же издания сочинений Пушкина (СПб., 1881, с. 534).

⁸ Пушкин. [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909, т. 3, с. 547.

⁹ Сочинения Пушкина / Изд. имп. Акад. наук, СПб., 1912, т. 3, с. 464.

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6-ти т. М.: ГИХЛ, 1949, т. 1, с. 531.

нений поэта (которое выходило тогда же) Б. В. Томашевский, напротив, оказал полное предпочтение версии Басаргина.¹¹

Эпизод в Тульчине, со ссылкой на Басаргина, включен также в «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина».¹²

В дальнейшем Б. В. Томашевский дословно повторил свой комментарий к эпиграмме в издании сочинений Пушкина в серии «Библиотека поэта»¹³ и в академическом (малом) переиздании 1956 г. Что касается изданий стихотворений Пушкина, в которых примечания принадлежат Т. Г. Цявловской, то начиная с 1959 г. ее приверженность версии Гербеля находит выражение в следующем комментарии: «Эпиграмма на Воронцова, пользовавшегося репутацией „либерала“. Версию декабриста Н. В. Басаргина <...> о том, что эпизод связан с известием об аресте Риго (а не о казни), следует считать неправильной».¹⁴

Удивительно, что этот разнобой в комментариях к пушкинской эпиграмме, продолжающийся более ста лет, нигде и никогда не обсуждался. Та же Т. Г. Цявловская, которая дважды (в 1955 и 1959 гг.) выступала на Пушкинских конференциях с докладами, оформленными затем в весьма содержательную статью о пушкинской сатире¹⁵ (причем интересующей нас эпиграмме здесь уделено значительное место¹⁶), обходит полным молчанием вопрос о ее реальной основе. Е. А. Акулова, которая посвятила пушкинским эпиграммам на Воронцова специальную работу, даже не упоминает о существовании различных точек зрения по поводу вероятного источника эпиграммы «Сказали раз царю...». Она пишет: «Как известно, в основу своего произведения поэт положил действительный случай. В октябре 1823 г. в Тульчине...» и т. д.¹⁷

2

Попробуем оценить степень достоверности обеих версий. Комментарий Гербеля замечателен тем, что в нем назван адресат эпиграммы — генерал-губернатор Новороссии граф М. С. Воронцов; заметим, что текст эпиграммы не содержит каких-либо указаний на этот счет, а промежуточный вариант, где вместо слов

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. / Под ред. и с примеч. Б. В. Томашевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. 2, с. 431. Переиздание: М.; Л., 1956.

¹² Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, т. 1, с. 408.

¹³ Пушкин А. С. Стихотворения / Подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1955, т. 3, с. 802. (Б-ка поэта. Большая сер.).

¹⁴ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. / Под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди и др. М.: Худож. литература, 1959, т. 2, с. 684. То же в переиздании: М., 1974, с. 554.

¹⁵ Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры». — В кн.: Пушкин на юге. Кишинев, 1961, т. 2, с. 147—198.

¹⁶ Там же, с. 189—191.

¹⁷ Акулова Е. А. Сатира А. С. Пушкина на Воронцова. — Учен. записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, Л., 1963, т. 245, с. 240.

«усердный льстец» было «полу-подлец» (II, 926), т. е. явный намек на Воронцова, был Гербелею неизвестен. В остальном, однако, комментарий Гербеля не выдерживает критики. Во-первых, в нем отсутствует ссылка на источник. Во-вторых, при более детальном анализе выясняется, что приведенный эпизод вообще не мог иметь места. Воронцов расстался с Александром за несколько недель до казни Риго¹⁸ и в последующие месяцы — во всяком случае вплоть до того времени, когда Пушкин написал первые три стиха эпиграммы, — в Петербург не выезжал и с царем не встречался. Следовательно, ни «за обедом во дворце», ни в другом месте высказывать в присутствии царя свое мнение о казни Риго Воронцов не мог. Таким образом, сообщение Гербеля не более чем анекдот, повторенный, по-видимому, с чьих-то слов и самим комментатором не проверенный. О вероятном источнике этого анекдота пойдет речь несколько ниже.

Басаргин не знал ни о комментарии Гербеля, ни о варианте эпиграммы со словами «полу-подлец», но и он указывает на Воронцова как на ее адресата. Правда, вместо фамилии он использует инициалы NN, но последующая фраза: «Эта выходка<...> так не согласовалась с его прежней репутацией» — не оставляет сомнения, что под NN имелся в виду Воронцов, пользовавшийся в начале 1820-х годов репутацией либерально настроенного государственного деятеля.¹⁹

Рассказ Басаргина выглядит более правдоподобно, чем сообщение Гербеля. Во-первых, это свидетельство очевидца. Во-вторых, подробности, которые сообщает Басаргин, соответствуют известным историческим фактам: 1 октября 1823 г. Александр I действительно произвел смотр войскам 7-го корпуса в лагере близ Крапивны²⁰ (в нескольких верстах от Тульчина, где располагался штаб 2-й армии); после смотра царь и сопровождавшие его лица (в числе которых был и Воронцов) действительно обедали в лагере вместе с офицерами 7-го корпуса;²¹ существовало и письмо Шатобриана, доставленное с фельдъегерем, — это подтверждает сам Александр I в ответе французскому министру: «Ваш курьер, господин виконт, вручил мне Ваше письмо в самый разгар моей поездки. . .».²² Правда, письмо, отправленное из Парижа 26 сентября/8 октября, не могло оказаться на пятый день в Крапивне; вероятно, оно было вручено Александру I несколько позже и

¹⁸ См. письмо М. С. Воронцова к Н. М. Лонгинову от 18 октября 1823 г. из Одессы: ИРЛИ, Архив Н. М. Лонгинова, ед. хр. 23632, л. 45. Риго был казнен 26 октября/7 ноября 1823 г.

¹⁹ Ср. иронический каламбур Пушкина в письме к П. А. Вяземскому в июне 1824 г. о «Европейской молве о Европейском образе мыслей» Воронцова (XIII, 98).

²⁰ Русский инвалид, или Военные ведомости, 1823, № 262, с. 1045.

²¹ [Богданович М. И.]. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871, т. VI, с. 369.

²² Письмо Александра I Шатобриану от 16/28 октября 1823 г. из Вознесенска см. в кн.: Chateaubriand F.-R. Congrès de Vérone. Paris, 1838, t. 2, p. 203 (подлинник по-французски).

оглашено на другом торжественном обеде, состоявшемся в лагере под Тульчином 5/17 октября в честь завершения смотров и маневров.²³ Но для оценки достоверности рассказа Басаргина это уточнение не столь уж существенно. Существенные расхождения между воспоминанием Басаргина и свидетельствами исторических документов начинаются позже, а именно с момента ознакомления с письмом Шатобриана.

Вот это письмо:

«Государь! Испания и Португалия освобождены: две революции прекращены одновременно; два короля вновь возведены на троны; таковы результаты войны, которую король, мой повелитель, предпринял в интересах всех европейских монархий. Делегация, которую я имею честь препроводить Вашему величеству, оповестит Вас об этом событии. Вам, государь, как вдохновителю Союза,²⁴ должны быть в известной мере приписаны эти удивительные успехи²⁵ <...> Шатобриан. Париж [26 сентября]/8 октября 1823 г.»

К письму приложена делегация, прибывшая из Байонны 26 сентября/8 октября 1823 г.:

«Порт Сен-Мари, 1 октября
от герцога Ангулемского²⁶ Председателю Совета Министров.
Король и Королевское семейство прибыли сегодня²⁷
в 11 $\frac{1}{2}$ ч. утра в порт Сен-Мари».²⁸

Как видим, не без подробностей и даже с некоторым оттенком бахвальства плодами французской внешней политики Шатобриан сообщает Александру о победоносном завершении французской интервенции в Испании, о восстановлении в правах короля Фердинанда, отдаст должное той роли, которую сыграла при этом политика Александра I, и т. д., но ни словом не упоминает

²³ «По окончании маневров <...> в устроенном нарочно на тот случай обширном здании, приготовлен для государя обед, к которому приглашены все генералы и штаб-офицеры...» ([Богданович М. И.]. История царствования... Александра I..., т. VI, с. 370).

²⁴ Имеется в виду «Священный Союз» европейских монархов, от имени которого осуществлялась французская интервенция в Испании.

²⁵ Александр I был инициатором решения об организации военной интервенции для подавления революции в Испании; решение было принято осенью 1822 г. на Веронском конгрессе Священного Союза. После ряда дипломатических демаршей посланники России, Франции, Австрии и Пруссии покинули Мадрид (9 января 1823 г.), и в начале апреля французская армия вторглась в Испанию.

²⁶ Командующий французскими войсками в Испании.

²⁷ Вскоре после вторжения французов революционно настроенный испанский парламент (кортесы) эвакуировался из Мадрида в Кадис, захватив с собой в качестве политических заложников короля Фердинанда и его семью. Французские войска развернули широкое наступление. 24 мая был взят Мадрид; Кадис осажден с моря и с суши. 28 сентября французы штурмом взяли форты на подступах к Кадису и защитники революции были вынуждены капитулировать: король и королева были освобождены, кортесы распущены, абсолютная монархия восстановлена.

²⁸ Незданный Шатобриан. — Литературное наследство. М., 1939, т. 33—34, с. 651.

о Риего. Имя Риего не упоминается и в переписке Шатобриана.²⁹ Создается впечатление, что Шатобриан в то время либо еще ничего сам не знал о судьбе Риего, либо не торопился поделиться имевшимися у него сведениями с союзниками.³⁰

Так или иначе, но все, что Александр мог узнать из письма Шатобриана, и с чем он, следовательно, мог поздравить присутствовавших на обеде в Тульчине — это с успешным окончанием войны против кортесов и с возвращением на престол Фердинанда. Вероятно, так оно и было, ибо несколькими днями позже Александр в письме к Шатобриану поздравил его и просил «передать свои живейшие поздравления» королю Франции именно по поводу «счастливого возвращения короля Испании и всей его семьи», опять-таки ни словом не упомянув о Риего.³¹

Все это существенно меняет картину того, что произошло в Тульчине. Борьба за восстановление королевской власти в Испании была тогда важным элементом внешней политики русского правительства, и нет оснований считать, что эта политика не пользовалась поддержкой генералов и высших офицеров русской армии, часть которых присутствовала на обеде в Тульчине. Положительная реакция на поздравление царя была, надо думать, достаточно единодушной³² и уж во всяком случае никак не могла вызвать удивления или замешательства.

Таким образом, рассказ Басаргина в наиболее существенной своей части носит столь же анекдотический характер, что и сообщение Гербеля. Из сказанного не следует, что Басаргин что-то намеренно присочинил. Он писал свои «Записки» в конце 1850-х годов. После безоблачных дней службы в Тульчине ему пришлось пережить смерть горячо любимой жены, горечь поражения декабристского движения, арест, крепость, допросы, ка торгу, ссылку. Неудивительно, что его воспоминания о событиях почти сорокалетней давности порой путанны и неточны. Так, он пишет, что Александр попал в Тульчин по пути с Веронского конгресса, и он, Басаргин, был послан по этому случаю «в Бесса-

---

²⁹ Помимо письма Александру I Шатобриан в те же дни отправил письма об окончании войны в Испании королям Пруссии, Австрии, князю Меттерниху, другим деятелям Священного Союза, а также личным друзьям. См.: Chateaubriand F.-R. Congrès de Vérone, t. 2, p. 200 etc.

³⁰ Вождь испанской революции Риего, избранный 7 февраля 1823 г. Председателем кортесов, в августе 1823 г. сумел пробраться из осажденного французами Кадиса в Малагу, надеясь пробиться оттуда в Каталонию, где испанские войска продолжали вести бои с интервентами. Попытка увлечь за собой армию генерала Бальестероса не увенчалась успехом, и Риего во главе небольшого отряда двинулся с боями к Картахене. Вскоре его отряд, столкнувшись с одним из подразделений корпуса генерала Молитора, был разбит; сам Риего попал в плен. Это было 3/15 сентября; личность Риего была установлена не сразу. Не исключено, что три недели спустя французское правительство еще не знало о пленении Риего.

³¹ Chateaubriand F.-R. Congrès de Vérone, t. 2, p. 203.

³² Ср.: «За обедом, когда главнокомандующий поднял чашу за здоровье его величества, раздалось Ура!..» ([Богданович М. И.]. История царствования... Александра I., т. VI, с. 371).

рабию, чтобы приготовить ему ночлег и караул». ³³ И дело здесь не в том, что мемуарист запомнил какую-то дату, а в том, что в его сознании Веронский конгресс, на котором было принято решение о французской интервенции в Испанию, сама эта интервенция, продолжавшаяся более полугода, и капитуляция Риго — стали событиями, которые вполне укладывались в две-три недели. . .

Что касается рассказа о тульчинском эпизоде, где столь причудливо сочетаются исторические факты и анекдотические подробности, то, вероятнее всего, здесь имеет место эффект «вторичной мемуаристики»: на воспоминания Басаргина об обеде в Тульчине, вероятно, наслоились впечатления от прочитанной или услышанной эпитафии Пушкина «Сказали раз царю. . .». «Узнавание» в «усердном льстеце» Воронцова и параллелизм ситуации побудили мемуариста «вспомнить» слова, якобы сказанные царем: «Поздравляю, господа, Риго взят в плен», ответ Воронцова, и — опять-таки подсказанную строкой пушкинской эпитафии («Все смолкнули, все потупили взор. . .») — реакцию окружающих: «Все ответили молчанием и потупили глаза». Эпитафия «Сказали раз царю. . .», поскольку она объясняет неточности в рассказе Басаргина, вполне могла бы служить комментарием к его анекдоту, но не наоборот!

По-видимому, такого же рода аберрация — может быть, несколько более интенсивная — лежит в основе анекдота, приведенного Гербелем. Чье-то смутное воспоминание о том, что Александр, получивший сообщение о поражении испанской революции, сообщил об этом присутствующим и некто — возможно, Воронцов — выразил по этому поводу радость, выстроилось благодаря эпитафии Пушкина в четкое «воспоминание», которое в действительности, как видно из сравнения, почти дословно воспроизводит пушкинский текст:

у Пушкина: «Сказали раз царю, что наконец ! Мятёжный вождь Риго был удавлен. ! „Я очень рад, сказал усердный льстеп: ! От одного мерзавца мир избавлен“»;

у Гербея: «Однажды за обедом во дворце, когда зашла речь о смерти Риго, граф М. С. Воронцов < . . > сказал: „Тем лучше, одним мерзавцем меньше!“».

Есть немало иронии в том, что вторичное явление — порожденный пушкинской эпитафией анекдот — было осмыслено комментаторами как реальный исторический факт, который якобы и вызвал к жизни эпитафию Пушкина.

3

Нельзя, конечно, исключить, что тульчинский эпизод — немнимый, а реальный — как-то повлиял на замысел пушкинской эпитафии. Подробности пребывания Александра I в Тульчине,

³³ Деятнадцатый век, кн. 1, с. 81. В действительности Веронский конгресс состоялся годом раньше — в октябре—декабре 1822 г. Осенью 1823 г.

включая, разумеется, и такое заметное событие, как грандиозный обед, за которым император лично сообщил новость о победе в Испании, стали известны в Одессе в середине октября, т. е. сразу же по возвращении Воронцова, Киселева и тех, кто сопровождал их в поездке на встречу с царем.³⁴ Однако слишком «жесткое» привязывание эпиграммы к тульчинскому эпизоду, как это сделал Басаргин и следующие за ним исследователи,³⁵ препятствует, на наш взгляд, правильному ее пониманию.

Александр I и Воронцов несомненно имеются в виду как одна из возможных интерпретаций характеров, обозначенных в эпиграмме «Царь» и «усердный льстец». Быть может, по замыслу это важнейшая или даже единственно важная для автора интерпретация. Но на текстовом уровне фигурируют обобщенно-поэтический безымянный «царь» и столь же обобщенно-поэтический безымянный «придворный льстец»: все, что могло привести к однозначной интерпретации этих образов (например, эпитет «полуподлец»), поэт безжалостно отсекал.³⁶ Поэтическая многозначность характеров поддержана отсутствием каких-либо реалий, указывающих на место действия (в отличие, скажем, от стихотворения «Брови царя нахмура / Говорил: „Вчера / Повалила буря / Памятник Петра“» (II, 430), где «памятник Петра» сразу же раскрывает, о каком царе идет речь).³⁷

Вместе с тем эпиграмматическая ситуация отнюдь не лишена конкретно-исторических примет. Имена Риго и Фердинанда четко определяют время действия: вскоре после казни Риго 26 октября/7 ноября 1823 г. — и дают основательный импульс к проверке предположения: не в Испании ли все это происходило? К такому предположению, помимо испанских собственных имен,

---

Александр приехал в Тульчин из Петербурга с остановкой в Москве (см.: [Богданович М. И.]. История царствования... Александра I., т. VI, с. 360 и след.).

³⁴ См., например, письмо М. С. Воронцова к Н. М. Лонгинову от 18 октября 1823 г. из Одессы: ИРЛИ, Архив Н. М. Лонгинова, ед. хр. 23632, л. 45—46.

³⁵ Так Е. А. Акулова пишет: «... В Тульчине, где Александр I проводил смотр войск, ему сообщили об аресте (!) в Мадриде (!) вождя испанской революции Риго. Царь объявил эту новость своим генералам, все встретили ее молчанием, и только Воронцов сказал <...> Поэт сохранил <...> драматическую ситуацию, взятую им из жизни, но с целью карающей силы произведения (!) допустил некоторые отступления от подлинных событий <...> Подлинные слова Воронцова, сказанные им царю <...> были несколько изменены поэтом...» и т. д. (Акулова Е. А. Сатира А. С. Пушкина на Воронцова, с. 210—211).

³⁶ Тот факт, что в первоначальном варианте белого автографа вместо слов «усердный «неловкий», «придворный» льстец» было «полу-подлец» (ПД, № 835, л. 85; ср. II, 926), свидетельствует, что Пушкин имел в виду Воронцова. Именно так — «полу-подлец» — он назвал его в эпиграмме «Полу-герой, полу-невежда», написанной за несколько месяцев до того. Никого другого поэт так не называл.

³⁷ Ср. другие случаи неопределенно-личных характеристик у Пушкина: «Царь увидел пред собой / Столик с шахматной доской...» (III, 304); «Не знаю где, но только не у нас, / Достопочтенный лорд Мидас...» (III, 453).

подталкивает и ситуация: кому как ни Фердинанду, которого низложил и держал в заточении Риего, могли быть приятны слова, поносящие его заклятого врага. Пушкину и его современникам была хорошо известна и такая деталь: Риего был казнен экстремистами без утверждения приговора и без ведома Фердинанда — королю доложили обо всем *post factum* (так же и в эпigramме: «Сказали раз царю, что наконец / Мятежный вождь Риего был удавлен», II, 378).

«Испанскому» прочтению эпigramмы настоятельно препятствует слово «царь». В поэтическом словаре Пушкина это слово употребляется в трех значениях: 1) русский царь (часто с уточняющим эпитетом «русский» — III, 378; III, 409, и др.); 2) сказочный персонаж: царь Никита, царь Салтан, царь Дадон и т. п.; 3) в смысле «самодержавный правитель» в применении к европейским монархам (обычно во множественном числе — II, 45, 46, 47; II, 311, 312; II, 398; III, 251, и др.), а также по отношению к Наполеону (II, 311), к римскому императору Августу (IV, 186) и даже к Мазепе (V, 36) и Робеспьеру (II, 398). Последнее, впрочем, встречается либо в высокаторжественной «одической» речи («Вольность», «Недвижный страж дремал», «Андрей Шенья», «Герой»), либо в связи с речевыми особенностями говорящего (старика в «Цыганах», Марию в «Полтаве»). В конкретно-историческом контексте в применении к Фердинанду можно было бы ожидать скорее «король». Но в том-то и дело, что поэт и не стремится здесь к конкретно-исторической определенности, сохраняя ее лишь постольку, поскольку она способствует объемной многозначности, которая позволила бы показать на глубинном смысловом уровне эпigramмы характеры Александра I и Воронцова, не выводя их на поверхностный текстовый уровень произведения.

Конечно же не Фердинанд и не Риего волновали Пушкина, когда в его черновой тетради впервые появились наброски эпigramмы «Сказали раз царю...».³⁸ Со времени, когда Пушкин узнал о тульчинском эпизоде, о казни Риего и т. п., прошло уже больше года, и если бы эти события занимали поэта сами по себе, можно было бы ожидать более ранних откликов.

Летом 1824 г. и в последующие месяцы Пушкина более всего волновали его собственные злоключения. Опальный поэт, жертва самодержавного произвола, даже не сосланный по суду или по

---

³⁸ Черновые наброски эпigramмы «Сказали раз царю...» записаны во второй масонской тетради (ПД, № 835) на л. 2 об., 57, перебеленный текст (первоначальный вариант) — на л. 85. В академическом издании автографы датируются по положению в тетради: л. 2 об. — концом мая 1824 г., л. 57, 85 — не позднее января 1825 г. (II, 1156). С. А. Фомичев, проанализировав процесс заполнения тетради ПД, № 835, показал, что первые две записи сделаны одновременно — в конце января — начале февраля 1825 г. К тому же времени исследователь относит и третью запись (Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 835. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983, т. XI, с. 61—62).

указу, а просто выставленный из Петербурга только потому, что Александру I было неудобно его пребывание в столице, Пушкин за три с лишним года жизни в Кишиневе и Одессе сумел свыкнуться со своим положением, обрел новых друзей и, внимая уверениям А. И. Тургенева и П. А. Вяземского, ощущал себя в относительной безопасности под покровительством наместника края графа М. С. Воронцова. И вдруг все резко изменилось. Поэт ощутил, что над ним вновь нависла еще непонятная опасность. «[Воронцов] начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, — писал Пушкин А. И. Тургеневу 14 июля 1824 г., — я мог дожидаться больших неприятностей...» (XIII, 102—103).

Пушкин не знал того, что сегодня известно его биографам, а именно, что с 6 марта по 4 мая 1824 г. Воронцов отправил в Петербург 8 (восемь!) писем с просьбами о высылке поэта из Одессы. Письма были адресованы самому императору, министру иностранных дел графу К. В. Нессельроде (по ведомству которого Пушкин служил), а также П. Д. Киселеву, Н. М. Лонгинову и, возможно, А. А. Фонтону, имевшим, по мнению Воронцова, определенное влияние на первых двух. Письма должны были продемонстрировать безусловную лояльность Воронцова Александру I, усомнившемуся в ходе поездки на юг, что генерал-губернатор Новороссии принимает необходимые меры для искоренения вольнолюбия во вверенном ему крае; сомнения императора стоили Воронцову отсрочки в присвоении очередного чина — полного генерала, что он воспринял крайне болезненно и теперь всеми силами пытался вернуть благорасположение царя.³⁹

Всего этого, повторяем, Пушкин не знал, но резкий перелом в отношении к нему Воронцова он не заметить не мог. И поэт принял вызов. В конце мая он пишет эпиграмму:

Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал
И, положусь, не проще графа:

(XIII, 318)

Это и ответ на объявление войны Воронцовым, и скрытая угроза (еще посмотрим кто кого!), и издевка по поводу того, что Воронцов-то в отличие от библейского великана полного генеральского чина не получил.

Почти тогда же появляется еще более хлесткая эпиграмма на Воронцова:

Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще полу-подлец!..
Но тут однако ж есть надежда,
Что полный будет наконец.

(XIII, 411)

³⁹ Подробно об этом см.: А р и н ш т е й н Л. М. К истории высылки Пушкина из Одессы. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982, т. X, с. 286—304.

Разделяя мнение исследователей, которые считают этот вариант эпиграммы основным и датируют его не ранее конца мая—июлем,⁴⁰ мы воздержимся здесь от развернутой аргументации по данному поводу. Заметим лишь, что издевка насчет «полного генерала» повторена в этой эпиграмме в еще более обидной для Воронцова форме.

В невеселые размышления поэта о кознях, которые готовили ему недруги, постепенно втягивается еще одна весьма важная фигура. Впервые это выясняется из письма Пушкина к П. А. Вяземскому, датируемого серединой июня 1824 г.: «Начну с того, что всего ближе касается до меня. Я поссорился с Воронцовым, и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбой в отставку — но чем кончат Власти, еще неизвестно. Тиверий рад будет придраться; а Европейская молва о Европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня» (XIII, 98). Кто имеется в виду под именами римского императора Тиберия и главы его преторианской гвардии «графа» Сеяна — не требует пояснения: иносказание достаточно прозрачно и соответствия имен так же однозначны, как в эпиграмме «Певец Давид...».

Те же лица — Пушкин, Александр I, Воронцов — и те же отношения между ними имеются в виду и в эпиграмме «Сказали раз царю...».⁴¹ Только соответствия между действующими лицами эпиграммы и подразумеваемыми реальными лицами носят более сложный характер. Прежде всего, они, эти соответствия, основаны не на характерологическом (Тиберий — Александр, Сеян — Воронцов; певец Давид — Пушкин, Голиаф — Воронцов), а на функционально-ролевом сходстве, при довольно значительной несхожести текстовых персонажей и подразумеваемых лиц. Таково функционально-ролевое сближение Риго и Пушкина (при очевидном характерологическом несовпадении): Риго «грешен» перед Фердинандом, Пушкин — перед Александром; оба за то наказаны, хотя и в разной степени: Риго повешен, Пушкин сослан; оба в этом смысле являются жертвами произвола: первый — «жертва палача», второй — самодержавного беззакония, оба пострадали за свои убеждения. Оба и после понесения тяжелой кары (пусть даже заслуженной — делает допущение автор эпиграммы) подвергаются недостойному глумлению; ср. в эпиграмме: «Пристойно ли, скажите, сторяча / Ругаться нам над жертвой...» (II, 378); в письме Пушкина: «Он (Воронцов, —

⁴⁰ См.: Edgerton W. B. Puškin, Mickiewicz, and a Migratory Epigram. — The Slavic and East European Journal, 1966, vol. X, № 1, p. 1—8; Абрамович С. И. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым. — Звезда, 1974, № 6, с. 191, 196.

⁴¹ Мысли о Воронцове продолжают занимать Пушкина и в Михайловском: характерный профиль надменного графа поэт вычерчивает на полях своей рабочей тетради летом, осенью и зимой 1824—1825 г. (ПД, № 835, л. 4 об., 27, 65). Зимой 1825 г. в письме к брату Пушкин спрашивает о нем: «Приехал ли Воронцов? узнай и отпиши, как он отозвался обо мне в свете <...?» (XIII, 143).

Л. А.) начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением...» (XIII, 102). Наконец и в эпиграмме, и в реальной действительности есть некто («усердный льстец» — Воронцов), кто осуществляет это глумление с целью заслужить одобрение верховного владыки (Фердинанда, Александра), перед которыми провинились соответственно Риего и Пушкин.

Заметим, что в приведенных примерах степень соответствия текстовых персонажей подразумеваемым лицам неодинакова (это особенно заметно при сравнении с эпиграммой «Певец Давид...», где симметрия соответствий соблюдена полностью). Если соотношение «усердный льстец» — Воронцов охватывает и характерологические и функционально-ролевые черты и потому легко узнаваемо,⁴² то соотношение Риего — Пушкин, построенное исключительно на функционально-ролевом уподоблении, не столь прозрачно и во всяком случае не однозначно. Еще более затемнено соотношение Фердинанд — Александр I. Имя Фердинанда непосредственно представлено в тексте эпиграммы, но в двух других случаях вместо собственных имен в тексте читаем «царь», «государь» (строки 1,11), причем в обоих случаях контекст допускает двоякое понимание: 1) царь (государь) = Фердинанд, 2) царь (государь) = Александр I. В результате возникает та двойственность восприятия, которую, вероятно, и стремился вызвать Пушкин: с одной стороны, слово «царь» («государь») побуждает вспомнить об Александре, но вместе с тем сознание сохраняет и имя испанского короля, необходимое для полноты очерченного в тексте «треугольника» отношений: Риего — «усердный льстец» — Фердинанд.

Так, или примерно так, возникает та художественная многозначность эпиграммы, которая собственно и позволила поэту сказать все, что он хотел сказать о собственной участи, об отношении к нему Воронцова и Александра I, выразить свое отношение к ним, не назвав при этом в тексте эпиграммы ни одного из этих трех имен!

В заключение несколько слов о стихах: «Сам государь такого добротства / Не захотел улыбкой наградить», несколько противоречащих характеристике, которую Пушкин дает Александру I и в этой эпиграмме, и в цитированном выше письме к Вяземскому («Тиберий рад будет придраться...»), и в ряде других случаев. Полагаем, что дело здесь не столько в вере в «благородство» царя, сколько в вере в силу и действенность поэтического слова. Обра-

---

⁴² Здесь сближены даже речевые характеристики. Так, в эпиграмме «усердный льстец» говорит: «От одного мерзавца мир избавлен». Рсальный Воронцов, по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, в ответ на просьбу последнего не посылать Пушкина на саранчу (дело было во второй половине мая 1824 г., т. е. за несколько дней до появления первых набросков эпиграммы) ответил: «Не упоминайте мне (...) об этом мерзавце» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892, т. 6, с. 172). Может быть, Вигель подобно Басаргину тоже «вспомнил» не столько то, что говорил ему Воронцов, сколько слова «усердного льстеца» из пушкинской эпиграммы?

щаяся к Александру I, а позже к Николаю I, поэт нередко приписывал им не те поступки, которых вероятнее всего можно было ожидать от царей, а те, которые ему хотелось, чтобы они совершали. Наиболее показательный в этом отношении пример — знаменитые «Стансы» («В надежде славы и добра...»). Любопытно, что поэт использовал такого рода прием в эпиграмме, самый жанр которой, казалось бы, исключает любые формы идеализации.

* * *

Итак, эпиграмма «Сказали раз царю...» направлена против Воронцова. Но в ней обыгрывается не какой-то конкретный эпизод — тульчинский или другой, а обобщается мучительный опыт взаимоотношений поэта с наместником края весной—летом 1824 г.

Я. Л. ЛЕВКОВИЧ

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ
НАД «АРЗРУМСКОЙ» ТЕТРАДЬЮ ПУШКИНА**

1

Неоконченная заметка Пушкина, которая печатается в его сочинениях под условным названием «Разговор о критике», записана в так называемой «арзрумской» рабочей тетради Пушкина (тетрадь № 841). Тетрадь называется «арзрумской», потому что, отправляясь в 1829 г. в действующую армию, Пушкин взял ее с собой и вел в ней записи во все время пребывания на Кавказе. Заметка построена как разговор двух лиц (А и В) о современном состоянии критики. Поводом к диалогу послужил один из номеров московского журнала «Галатея» (издатель С. Раич). Начинается она с реплики А: «Читали ли вы в последнем номере „Галатеи“ критику NN?». Н. К. Козмин, Ю. Г. Оксман и В. В. Гиппиус датируют заметку 1830 г.¹ Б. В. Томашевский не указывает года и ограничивается общим комментарием: «Статья вызвана резкой полемикой на страницах „Галатеи“ — журнала, издававшегося С. Раичем. Раичу так же резко отвечал Полевой в „Московском Телеграфе“. Подобная же полемика велась в „Северной Пчеле“ Булгарина и в „Вестнике Европы“ Каченовского». Мы видим, что Томашевский не связывает заметку с каким-либо конкретным номером журнала, хотя Пушкин указывает на определенный («последний») номер «Галатеи».

Попытку объяснить, какой номер имел в виду Пушкин, сделал Ю. Г. Оксман. В его комментариях к заметке читаем: «Пушкин имеет в виду анонимную статью (автором ее был, видимо, С. Е. Раич), посвященную разбору альманахов „Денница“ и „Се-

¹ Пушкин А. С. Соч. / Изд. Акад. наук. Под ред. Н. К. Козмина. Л., 1928, т. 9, с. 96; Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. XI, с. 541 (датировка В. В. Гиппиуса); Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. / Примеч. Ю. Г. Оксмана. М.: Гослитиздат, 1962, т. VI, с. 540.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1958, т. VII, с. 674.

верные цветы на 1830 год“. Статья опубликована была в „Галатее“, 1830, № 6 и 8».

Стремлению связать неизвестный нам номер журнала с рецензией на «Депницу» (а следовательно, и датировать «Разговор о критике» 1830 г.) противоречит положение заметки в тетради № 841. Расположена она в середине строфы <15> главы «Странствие» «Евгения Онегина», которая по первоначальному замыслу поэта была восьмой главой романа. В плане-оглавлении романа, составленном в 1830 г. в Болдине, Пушкин обозначил, где и когда эта глава писалась: «Москва. Павловское. 1829. Болдино».³

Известно, что в 1830 г. в Болдине Пушкин заканчивал главу «Странствие» и приводил в порядок ее разрозненные строфы, а в 1829 г. он ее писал. Строфы <1>—<11> писались в Москве, а строфы <12>—<17>— в имении П. И. Вульфа Павловское, куда поэт заехал по пути из Москвы, возвращаясь после арзрумской поездки в Петербург.⁴ Положение в тетради свидетельствует, что «Разговор о критике» Пушкин писал в Павловском, прервав на какое-то время работу над «Онегиным».

Пушкин появился в Москве в конце второй декады сентября и вскоре (после 8 октября) отправился в Старицкий уезд, где он гостил не только у П. И. Вульфа, но и у П. А. Осиповой, в ее имении Малинники. Около 10 ноября поэт выехал уже в Петербург. Так что «последним» номером «Галатей» он мог назвать только тот из номеров, которые читал в Москве, в Малинниках и Павловском. Это был какой-либо из номеров, поступивших в продажу не раньше середины сентября. Просматривая номера «Галатей», видим, что 10 сентября было подписано цензурное разрешение на № 37, а 31 октября — на № 44.

В номерах с 37-го по 44-й имеется только одна критическая статья. Статья называется «К читателям „Галатей“» и напечатана в № 43 без подписи. Статья эта не могла не заинтересовать Пушкина. В ней подводится итог полемике, которая велась в течение последних месяцев на страницах «Галатей», «Московского телеграфа», «Вестника Европы», «Северной пчелы» и «Сына отечества». Автор, скрывший свое имя (скорее всего это был издатель «Галатей» С. Раич), касался вопросов, которые были животрепещущими для Пушкина. Речь в статье идет о состоянии критики, о торговых отношениях в литературе (когда полемические выступления вызваны не принципиальными соображениями, а борьбой за подписчика), наконец, об участии писателей в литературной полемике. В статье содержатся резкие выпады против «журнального триумvirата» (так автор пазывает «Северную пчелу», «Московский телеграф» и «Сын отечества»).

³ Здесь Пушкин не принимает во внимание написанные еще в 1825 г. в Михайловском, «одесские» строфы.

⁴ История заполнения рабочей тетради № 841 готовится нами для XII тома сборника «Пушкин. Исследования и материалы».

Обратимся к заметке Пушкина. Один из собеседников демонстративно заявляет, что он не читает русской критики, другой, напротив, сообщает, что следит за журнальными схватками, и сравнивает журнальную полемику с кулачными боями. «Разговор» включает две позиции Пушкина по отношению к современной критике. С одной стороны, утверждается, что русская критика при нынешнем ее состоянии не может «управлять общим мнением».⁵ С другой стороны, формулируется позитивная позиция: писатели не должны уклоняться от журнальной полемики. Участие в полемике писателей, «заслуживающих уважение и доверенность публики», — единственный путь к тому, чтобы критика стала достойной литературы.

В «Разговоре» находим реплики, которые прямо соотносятся с отдельными положениями анонимной статьи. Ее автор защищает издателя «Вестника Европы» Каченовского от нападков «триумвирата». О полемике «Вестника Европы» и «Московского телеграфа» говорится так: «В конце прошедшего года ему («Московскому телеграфу», — Я. Л.) заметили в „Вестнике Европы“ со всем хладнокровием и основательностью, что он судит о романтизме и классицизме, не понимая правильно ни того ни другого. Г. издатель „Московского телеграфа“ обещался отвечать на то особенную статью; и чем же он ответил! Беспремерными ругательствами. . .».

Ср. в «Разговоре»: «В. Мне не нужно читать „Телеграф“, чтобы знать, что поэмы Пушкина в моде и что романтической поэзии у нас никто не понимает — что же касается до отношений г-на Раича и г. Полевого, г-на Каченовского и г. Булгарина — это вовсе не любопытно <...> А. Однако же забавно» (XI, 90). Дальше речь идет о приемах современной полемики: в ответ на реплику А: «Однако же забавно» — В говорит: «Вам нравятся кулачные бои?».

Анонимная заметка вполне может быть сравнена с кулачным боем, где противники действуют, не считаясь с какими-либо правилами. Автор статьи в «Галатее» бьет членов «журнального триумвирата» наотмашь, не стесняясь в выражениях. Вот несколько примеров его полемических приемов. «Издатели С<еверной> П<челы> без зазрения совести начинают бранить журналы, которые, как им кажется, убавляют число подписчиков на С<ына> Отечества и Сев. Пчелу. И эти люди не стыдятся хвалиться своим

⁵ Несколько ранее, на Кавказе, в той же «арзрумской» тетради Пушкин принял за заметку о состоянии русской критики, но не окончил ее. Заметка начиналась словами «Литература у нас существует, а критики нет»; позднее, в Москве, он начинает другую заметку на ту же тему: «Многие недовольны нашей журнальной критикой» (датировать эти заметки по положению в тетради № 841 можно следующим образом: конец августа—начало сентября и конец сентября—начало октября 1829 г.). Тот же тезис о соотношении русской литературы и критики Пушкин выдвигал и ранее, в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—начала июня 1825 г.: «У нас есть критика, а нет литературы. Где же ты это нашел? Именно критики у нас и недостает» (XIII, 177).

литературным патриотизмом и укорять других в не-любви к отечественной словесности!»; «Появилась Галатея, <...> и журнальный триумvirат, давно уже известный литературною совестью, взволновался и вооружился против нее площадною бранью, грубейшими ругательствами».⁶ Разборы, которые печатаются на страницах «триумvirата», называются «торжеством самой наглой литературной ябеды»,⁷ «клеветою», «беспримерными ругательствами», а издатели этих журналов — людьми с «шарлатанской маской», «неучами», «литературными крикунами и самозванцами» и т. д.

Выше указывалось, что по положению в тетради «Разговор о критике» мог быть написан только в Старицком уезде. Была ли у Пушкина возможность видеть и читать этот номер в Малинниках или в Павловском? Цензурное разрешение на № 43 «Галатеи» подписано 25 октября 1829 г. Следует сказать, что «Галатея», не в пример другим журналам, очень скоро выходила в свет после цензурного разрешения. Разрыв между разрешением и началом раздачи журнала подписчикам составлял 3 или 4 дня. Номеру 43-му особенно повезло. Уже на следующий день после того как цензор написал «печатать позволяется», 26 октября, в № 86 «Московских ведомостей» читаем: «Сорок третий номер Галатеи, журнала литературы, новостей и мод, издаваемого Раичем, господам подписчикам раздается». Обитатели Малинников могли получить этот номер быстрее, чем он дошел до Петербурга (почтовая станция, куда, вероятно, доставлялась для них почта, была расположена гораздо ближе к Москве, чем к Петербургу).

Такая скорая доставка журналов в провинцию, по-видимому, поразила Пушкина. В «Романе в письмах», который писался также в Павловском, в письме № 5 (Лиза — Саше) читаем: «Маша хорошо знает русскую литературу — вообще здесь более занимаются словесностию, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обеим сторонам, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика» (VIII, 50). И свежие журналы в провинции, и участие их читателей в журнальной «перебранке» — конечно же непосредственные впечатления от пребывания в Старицком уезде в октябре—ноябре 1829 г. 43-й номер «Галатеи» мог дойти до обитателей Малинников в самом начале ноября. «Роман в письмах» Пушкин начал писать 21 октября. Эта дата стоит в конце письма № 1; письмо № 3 датировано поэтом 1 ноября; письмо № 5, цитату из которого мы приводили, могло быть написано уже 2—3 ноября. По горячим следам разговоров о полученном номере «Галатеи» пишется и «Разговор о критике». Однако статью Пушкин сразу же бросил. Не закончив «Разговора», он возвращается

⁶ Галатея, 1829, № 43, с. 115.

⁷ Там же, с. 111.

к прерванной работе над «Странствием». В этом убеждает порядок записей в тетради № 841. Конец «Разговора о критике» занимает л. 113 тетради (записи ведутся с обратного конца тетради, в перевернутом ее положении), а на л. 112 об. (т. е. на следующей странице) заканчивается <15> и начинается <16> строфы главы «Странствие», затем строфа <16> дорабатывается на л. 113, где уже был записан «Разговор о критике» и нижняя часть которого оставалась свободной. Дальше (после строфы <17>) в тетради пишется «Роман в письмах» (письма № 6—10), а потом следуют уже петербургские записи.

В Петербурге Пушкин поглощен планами издания «Литературной газеты». К этому времени номер «Галатеи», о котором шла речь в «Разговоре», перестал быть «последним». Да и заметка была, скорее всего, брошена, потому что связь ее с определенной статьей «Галатеи» требовала отклика в каком-либо из ближайших номеров выходивших журналов. Такой возможности у Пушкина, очевидно, не было. Затронув в «Разговоре» тему о состоянии русской критики, он будет разрабатывать ее позднее, но уже в других статьях.

Возвращаясь к датировке заметки, скажем, что датировать ее следует 2—8 (?) ноября 1829 г.

2

В предисловии к разделу «Приходо-расходные записи» книги «Рукою Пушкина» М. А. Цявловский писал: «Скупые, почти без слов, записи сумм рублей ярко живописуют ту материальную нужду, в тисках которой всю жизнь находился поэт. „Долги“ — такова тема почти всех этих записей».⁸

25 таких записей опубликовано в названной книге. Эти 25 не исчерпывают всех цифровых подсчетов, которые встречаются в рукописях Пушкина. Имеются они и в «арзрумской» тетради (№ 841). На л. 122 тетради находим следующую колонку цифр:

125

350

475

Колонка записана с обратного конца тетради, в перевернутом положении. Она расположена на правом поле листа. Выше ее — заметка «Литература у нас существует, а критики нет» (XII, 178), ниже — стихотворение «Здравствуй, Дон». На предыдущей странице (л. 123 об.) записана эпиграмма на Надеждина («Надеясь на мое презренье») и черновик стихотворения «Был и я среди донцов».

⁸ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты/ Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935, с. 355.

Последовательность появления всех этих записей разобрана нами в готовящейся к печати статье «Рабочая тетрадь Пушкина № 841. (История заполнения)». Особенно примечательно соседство цифровой записи с эпиграммой на Надеждина. Приехав во Владикавказ по пути из Арзрума, Пушкин прочитал критику Надеждина на «Полтаву». В «Путешествии в Арзрум» он так вспоминает об этом: «У Пуцина на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. Пуцин остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством. Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомысловым этой маленькой комедии. Требование Пуцина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца» (VIII, 483).

Хотя Пушкин и пишет, что «досада», вызванная критикой Надеждина, «совершенно исчезла», он не преминул ответить Надеждину эпиграммами. В тетради находим три эпиграммы на Надеждина: уже упомянутую «Надеясь на мое презренье», кроме того «притчу» «Саложник» и черновой набросок «В журнал совсем не европейский». Все они записаны с обратного конца тетради (именно здесь размещались стихи, которые Пушкин сочинял во время путешествия). Примечательно, что все три эпиграммы расположены в тетради до привлекавшей наше внимание цифровой записи, т. е. написаны до нее.

Что может означать эта запись? Нам кажется, что объяснение ее содержат воспоминания М. И. Пуцина. Отправляясь из Владикавказа на воды, Пуцин взял с собой Пушкина и известного бретера и игрока Р. И. Дорохова. Оба дали ему слово «во все время следования <...> в товариществе до вод в карты между собою не играть».⁹ Условие было выполнено. Однако в Пятигорске Пушкин познакомился с неким офицером Павловского полка Астафьевым. Эпизод с Астафьевым, со слов Пуцина, закончился следующим образом: «Более недели, — пишет Пуцин — Пушкин и Дорохов не являлись в Кисловодске, наконец приехали вместе, оба продувшиеся до копейки. Пушкин проиграл тысячу червонцев, взятых им у Раевского на дорогу». Дальше Пуцин пишет, что ему пришлось снабдить поэта деньгами на путевые издержки.¹⁰

Подсчеты на л. 122 в сумме дают без малого тысячу. Можно с уверенностью сказать, что, записывая колонку цифр, Пушкин подводил итог своего долга Астафьеву. Это значит, что запись сделана во время пребывания поэта в Пятигорске (или в первые дни после приезда в Кисловодск), т. е. в начале двадцатых чисел

⁹ Пуцин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 94.

¹⁰ Там же, с. 95.

августа (из Тифлиса Пушкин выехал 6 августа, 10-го или 11-го встретился с Пушиным во Владикавказе, 15-го или 16-го они приехали в Пятигорск и в начале 20-х чисел Пушкин, уже без денег, появился в Кисловодске).

Расположение записи карточного проигрыша Астафьеву является несомненно вехой, отделяющей кавказские записи от последующих обращений к тетради уже в Москве и играет немалую роль в истории заполнения тетради № 841. Запись позволяет уточнить датировку эпиграмм (10-е—начало 20-х чисел августа 1829 г.).

3

Еще одна «приходо-расходная» запись Пушкина в тетради № 841 опубликована (неточно) в книге «Рукою Пушкина» с примечанием: «смысл подсчетов неясен».¹¹

Выглядит эта запись так:

3 окт.

1650	Кор	<?>
3[900]	Ки	<?>
4650		
2500		
7150		

9300
1500
10800
7150
3650

3 октября в Москве Пушкин работал над главой «Странствие» «Евгения Онегина». Закончив на л. 118 строфу <11>, он сверху следующей страницы (на л. 117 об.) написал дату «3 окт.», ниже справа поставил изящную фигурную виньетку — обычный знак окончания какого-то этапа в работе, а слева тем же размашистым почерком, которым писались строфы романа, записал:

1600	Кор	<?>
3900	Ки	<?>

В этой записи у слов, которые стоят рядом с цифрами, четко прочитываются только первые слоги. Затем верхнюю цифру Пушкин меняет на 1650 (зачеркивает последние два нуля, чтобы вместо них написать 50, но, ошибаясь, снова пишет 00 и потом уже первый ноль исправляет на пятерку). Во второй записи зачеркивает 900. Сумма оставшихся цифр равняется 4650. Эту сумму мы находим в записи, расположенной во второй колонке. К ней прибавляется 2500, что в сумме дает 7150. Цифру 7150,

¹¹ Рукою Пушкина, с. 360.

в свою очередь, мы видим в третьей колонке. Она вычитается из 10 800.

В «Рукою Пушкина» слова, которыми сопровождается первая запись, предположительно расшифровываются как «Коробки» и «Книги». Однако трудно представить ситуацию, в которой Пушкину могло бы понадобиться 1650 коробок или 1650 рублей на какие-то коробки. Подсчеты эти, конечно, денежные. Можно предположить, что сперва суммируются долги, а потом сумма долгов вычитается из денег, имеющихся в наличии.

У вернувшегося в Москву из поездки в Арзрум Пушкина деньги были. В конце мая (поэт в это время был уже на Кавказе) в Петербурге вышла 1-я часть «Стихотворений Александра Пушкина», а 1 июня «Московские ведомости» сообщили об их продаже в Москве.¹²

Кому же мог быть должен Пушкин сумму, которая почти уничтожила всю его наличность? В черновиках «Путешествия Онегина» находим строки: «Вокруг него гремят стаканы, мелькают карты». Эти строки записаны на полях л. 119 «арзрумской» тетради рядом со строфой <8> «Странствия», в которой рассказывается о пребывании Онегина в Москве. Строфа <8> писалась в Москве 3 октября 1829 г. (дата поставлена Пушкиным сразу после строфы <11>), но приписка на полях о стаканах и картах сделана позже — другими чернилами и другим пером. Этими чернилами и пером поэт пользовался в Павловском (или в Малинниках), когда писал «кавказские» строфы «Странствия» (строфы <12>—<17> на л. 117 об.—116, 113—112 тетради). Поэт явно раздумывал, чем занять Онегина в Москве — отправить ли его разглядывать памятники русской славы или посадить за карточный стол.

В московских строфах отразились эпизоды жизни самого Пушкина — это вокруг него «гремели стаканы» и «мелькали карты», о нем «слагали стихи» и его же «производили в женихи».

Если цифровые колонки являются денежными подсчетами, то неразобранные слова в первой колонке цифр могут быть только фамилиями (отметим, что оба начальных «к» — прописные, т. е. скорее относятся к именам, чем к предметам). Из московских знакомых, с которыми Пушкин мог сесть за карточный стол и чья фамилия начиналась бы на «Кор», мы знаем только Корнилина-Пинского (так писал Пушкин) или Карниолина-Пинского. В письмах Пушкина Карниолин-Пинский упоминается всего один раз. 3 августа 1831 г. Пушкин пишет Нащокину: «На днях послал я к тебе Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка, Павел Воинович, получил ли все исправно, да еще покорнейшая просьба: узнай у Короткого, сколько должен я в Ломбард процентов за 40 000 займа? И когда срок к уплате? Пошел ли в дело Дороховский вексель и здоров ли Корниолин-Пинский?» (XIII, 204). Контекст

¹² См.: Сиявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати. 1814—1837. М., 1938, с. 66.

этого единственного упоминания примечателен. Вопрос о здоровье Пинского ставится не только рядом, но и в одном предложении с «дороховским векселем», т. е. он тесно связан с денежными расчетами. «Дороховский вексель», как отмечено Л. Б. Модзалевским, — «вероятно, вексель, выданный Пушкину <...> Дороховым при расчете по карточной игре».¹³ По-видимому, Карниолин-Пинский мало известен азартным игрокам, каким, например, был Нащокин, поэтому последний в ответном письме простоудушно удивляется: «Карниол Пиньский здоров. Я его на улице встретил; зачем тебе его» (XIII, 210).

Вторая фамилия может быть прочитана как «Киселев». С. Д. Киселев — московский приятель Пушкина, частый гость сестер Ушаковых, жених, потом муж младшей, Елизаветы Николаевны. Мы не знаем (так же как в случае с Карниолиным-Пинским), был ли он любителем карточной игры или нет, но можно предположить, что какие-то денежные расчеты с Пушкиным у него были. Вскоре после возвращения в Петербург, 15 ноября 1829 г., Пушкин пишет ему: «На днях приехал я в Петербург, о чем и даю тебе знать, ибо может быть твой поверенный приятель был уже здесь без меня. Адрес мой у Демута» (XIII, 204).

Если наше предположение верно и в первой записи имеются в виду Карниолин и Киселев, то из приведенных писем очевидно, что Пушкин со своими долгами еще не расплатился. Это подтверждает и сама записка. Первые две строки сделаны в Москве 3 октября, а следующие колонки цифр записаны уже в Старицком уезде. Мы видели, что одновременно Пушкин дописывал «московские» строфы «Онегина», вводя в них дружеские попойки и карточную игру. И не пришла ли ему мысль посадить Онегина за карточный стол в то время, когда он заканчивал приведенную нами цифровую выкладку?

4

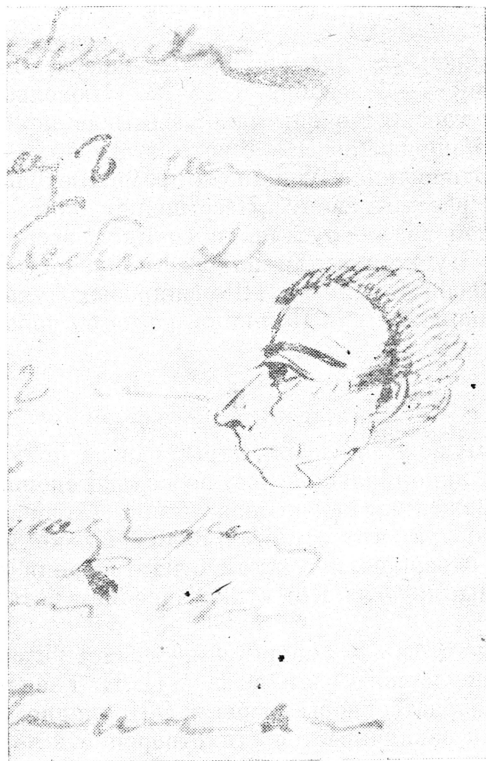
На полях 23-го листа «арзрумской» тетради нарисован профиль В. К. Кюхельбекера. Узнать его легко: длинный нос, срезанный подбородок, — таким он не раз встречается среди рисунков Пушкина. Глаза большие, немного выпуклые (как на известной акварели П. Яковлева). Листы 20 об., 21, 21 об., 22, 22 об., 23 тетради заполнены черновыми набросками двух сцен «Русалки» («Светлица» и «Днепр. Ночь»). Особенно нелегко давалась поэту песня русалок. Ее черновики занимают две совершенно исчерпанные страницы (л. 22 об., 23). «Здесь, — пишет С. М. Бонди, — мы находим редкий по своей отчетливости образец работы Пушкина над стихом, над выбором и уточнением образов, подбором звуков и чередования метров. Наброски эти, хотя и доведены местами до окончательного вида, все же никакой сводной редакции не

---

¹³ Пушкин. Письма. М.; Л., 1935, т. III (1831—1833), с. 373.

дают и в белой рукописи записаны в несколько иной редакции». ¹⁴

Наблюдения над рисунками Пушкина приводят к выводу, что если не как правило (такое утверждение требовало бы фронтальной проверки всех рисунков Пушкина), то очень часто можно уловить ассоциативную связь между рисунками и текстом, рядом с которым они помещены.

Портрет В. К. Кюхельбекера.
Рисунок А. С. Пушкина. (ПД, № 841, л. 23).

В 1825 г. Кюхельбекер издал «драматическую шутку» «Шекспировы духи», в которой, как писал он в предисловии, «желал бы несколько познакомить русских читателей с шекспировым романтическим баснословием». ¹⁵ Среди действующих в драме «стихийных духов» есть и «ондины», или «жители воды». Каждое появ-

¹⁴ Пушкин. Полн. собр. соч. Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. VII. Драматические произведения, с. 611.

¹⁵ Шекспировы духи: Драматическая шутка в двух действиях. Сочинение В. Кюхельбекера. СПб., 1825.

ление духов у Кюхельбекера сопровождается песней, которую они поют. Для песни «ондин» Кюхельбекер использовал амфибрахий. Амфибрахийем написан и один из вариантов песни русалок на л. 23 пушкинской тетради:

Тепло под водами
В речной глубине
Луч лунный
Играет на дне

(VII, 329)

Ознакомившись с драмой Кюхельбекера, Пушкин писал П. А. Плетневу 4—6 декабря 1825 г.: «Кюхельбекера Духи — дрянь, стихов хороших очень мало; вымысла нет никакого. Предисловие одно порядочно. Не говори этого ему — он огорчится» (XIII, 249). Отношение Пушкина к драме Кюхельбекера требует специального рассмотрения.¹⁶ Несомненно одно: вводя в свою драму «жителей вод» — русалок и сочиняя песню, которую они должны петь, Пушкин вспомнил своего предшественника — Кюхельбекера. Песня «ондин» в «Шекспировых духах» была одной из точек отталкивания для Пушкина, когда он работал над сценой «Днепр. Ночь» своей драмы.

5

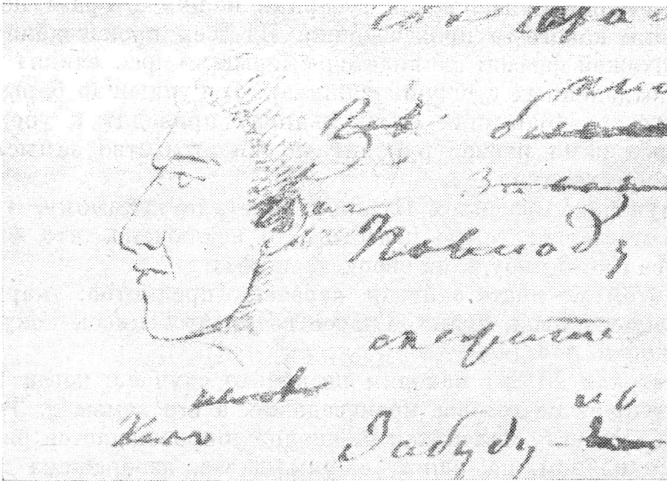
Еще один мужской профиль нарисован на полях листа 26 тетради: крупное лицо, большой нос, несколько скошенный подбородок, четко выраженная надбровная линия. Длинные волосы почти закрывают ухо так, что остается видна только мочка. Рисунок сделан рядом с черновым текстом стихотворения «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья». Под стихотворением дата: «23 декабря 1829».

«Поедем, я готов...» имеет конкретный биографический подтекст. После неудачного сватовства к Н. Н. Гончаровой Пушкин стремится «разорвать оковы любви» («Но полно, разорву оковы я любви» — так заканчивается стихотворение в черновике) и пуститься в дальние странствия — во Францию, в Италию или в Китай, с направлявшейся туда миссией (см. его письмо к Бенкендорфу от 7 января 1830 г.: XIII, 56). Стихотворение обращено к друзьям, поэтому естественно предположение, что нарисованный профиль принадлежит кому-либо из друзей Пушкина. С кем из петербургских друзей поэт делился своими невзгодами? Одним из таких, близких Пушкину, людей был П. А. Плетнев. О своих отношениях с Пушкиным Плетнев вспоминал: «Я был для него всем — и родственником, и другом, и издателем, и кассиром <...> Привычка относиться во всем ко мне, опыты прямотушия моего <...> сблизили его со мною».¹⁷

¹⁶ См.: Левин Ю. Д. Пушкинская пора. — В кн.: Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965, с. 134—136.

¹⁷ Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. XIII, с. 136—137.

Известные изображения Плетнева подтверждают наше предположение. Некоторые его портреты носят комплиментарный характер — резкие, характерные черты лица на них несколько сгла-

Портрет П. А. Плетнева.
Рисунок А. С. Пушкина. (ПД, № 841, л. 26).

жены, но даже они имеют сходство с рисунком Пушкина. Однако безусловно подтверждает это сходство фотография Флейшнера, сделанная в 1854 г. Плетнев не изменил прически, выглядит молодо, и черты его лица соответствуют рисунку Пушкина. Мы видим, что даже мочка уха вырисована Пушкиным очень тщательно. Очень близка профилю на л. 26 и литография А. В. Борисполька с портрета работы Тыранова.¹⁸

6

В «арзрумской» тетради привлекает внимание еще один рисунок — на л. 81 об. Рисунок занимает весь лист. Внизу справа крупным планом нарисована стоящая спиной женская фигура. Она в легком, нарядном летнем платье с вышивкой по подолу. По всему листу легкими штрихами набросаны деревья и кусты, так что рисунок изображает барышню на прогулке. Неупорядоченность, разбросанность пейзажных деталей показывает, что перед нами — пейзаж сельский. Внизу листа изображены два идентичных женских профиля, соединенные вместе (наподобие двуликого Януса). На правом профиле тонкими штрихами намечен венок из цветов. Выше — три мужских профиля.

¹⁸ См.: Альбом Пушкинской выставки в залах Исторического музея в Москве. М., 1899, табл. 32.

Что скрывается за рисунком — воспоминание о реальных впечатлениях, просто зарисовка, не имеющая скрытого смысла, или размышления, связанные с каким-либо творческим замыслом?

Разгадку рисунка, нам кажется, дает написанная сверху фраза: «В одной из южных губерний наших». Фраза построена как зачин какого-то произведения. Из всех произведений Пушкина похожей фразой начинается «Барышня-крестьянка» («В одной из отдаленных губерний наших. . .»). Гуляющая барышня, ее «двуликость» (барышня и крестьянка) приводит к убеждению, что перед нами первое рукописное свидетельство замысла «Барышни-крестьянки».

В мужских профилях Пушкин ищет, по-видимому, графическое соответствие герою повести. Не исключено, что здесь он нарисовал кого-нибудь из своих знакомых.

На этом же листе записан перечень предметов: «карандаши, полоскание, щетки, духи». Скорее всего, это список покупок перед какой-то поездкой.

В тетради № 841 находим несколько случаев, когда Пушкин иллюстрирует не готовое произведение, а его замысел. Так план повести «На углу маленькой площади» сопровождается рисунком: вслед за планом, на одном с ним листе, изображена сидящая в кресле, как бы усталая дама. Рядом с планом «Тазита» нарисованы черкес и кинжал.

На л. 81 об. смысловую нагрузку несет не план, а рисунок; поэтому, наверное, вариант зачина повести «В одной из южных губерний наших» не соотносился с «Барышней-крестьянкой» и не учтен в академическом издании.

«Барышня-крестьянка» писалась в болдинскую осень 1830 г. В автографе стоит дата: «20 сентября». Однако рисунок в «арзрумской» тетради свидетельствует, что замысел повести возник в феврале — начале марта 1830 г. Датировать его позволяют записи, расположенные на соседних листах тетради. А список покупок дает возможность уточнить датировку. 9 марта Пушкин выехал в Москву, так что рисунок, как и список, следует отнести к началу марта.¹⁹

---

¹⁹ См. нашу статью «История заполнения рабочей тетради Пушкина № 841», подготовленную для издания «Пушкин. Исследования и материалы», т. XII. Впервые рисунок (с неправильной датой и без ее аргументации) опубликован в кн.: Керцелли Л. Тверской край в рисунках Пушкина. М., 1976, с. 95. В одном из трех мужских профилей Керцелли находит сходство с Ал. Н. Вульфом. Ср. также: Левкович Я. Л. Ручкою поэта. — Литературная газета, 1984, № 1, с. 7.

Н. Н. ПЕТРУНИНА

КОГДА ПУШКИН НАПИСАЛ ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПОВЕСТЯМ БЕЛКИНА»

1

Текст, предпосланный «Повестям Белкина» под названием «От издателя», не имеет авторской датировки. Скупые косвенные свидетельства о времени его возникновения допускают разные толкования, поэтому многие годы ученые не могли прийти к общему решению: одни считали, что предисловие хронологически предшествовало повестям и при их создании играло роль камертона, по которому настраивалось повествование, другие — что фигура Белкина была данью традиции и обстоятельствам литературной жизни начала 1830-х годов и что предисловие было написано перед отправкой сборника в типографию, в 1831 г. В ходе подготовки большого академического издания первое мнение было подкреплено доводами текстологического характера, к которым мы еще вернемся, и с тех пор оно решительно восторжествовало. Но голоса скептиков звучат время от времени, и, по заключению современного исследователя поэтики Пушкина, «история предисловия „От издателя“ до сих пор недостаточно выяснена».¹

Между тем датировка предисловия, помимо обычных следствий, к которым ведет то или иное хронологическое приурочение произведения, помимо заключений о творческом контексте, в котором оно создавалось, незримо направляет и формирует теоретическое изучение «Повестей Белкина», предопределяет преимущественный интерес к одним сторонам их поэтики в ущерб другим. Отсюда насущная необходимость вернуться к анализу свидетельств о времени создания этого текста, заново всмотреться в давно привлеченный для решения вопроса материал и, по возможности, пополнить круг источников.

---

¹ Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина: Очерки. М., 1974, с. 129. Здесь же смотри историю вопроса с характеристикой основных направлений в его разработке.

Основные показания, по которым сейчас восстанавливается история предисловия к «Повестям Белкина», извлекаются из полной его рабочей рукописи, содержащей раннюю редакцию текста, появившегося в первопечатном издании «Повестей». Первые же прямые датированные упоминания о предисловии относятся к 1831 г. и связаны с приготовлениями к изданию сборника. 3 июля Пушкин писал П. А. Плетневу: «Я переписал мои 5 повестей и предисловие, т. е. сочинения покойника Белкина, славного малого» (XIV, 186). Однако около (не позднее) 11 июля, сообщая Плетневу, что повести отправлены ему с Н. Н. Геслингом, добавлял: «Предисловие доставлю после» (XIV, 189). То же повторилось и в августе, когда Пушкин вновь посылал вернувшиеся к нему повести Плетневу, на этот раз через Н. В. Гоголя (см.: XIV, 209). Но еще 5 сентября, по получении повестей из цензуры, Плетнев спрашивал Пушкина: «Не удержишь ли ты издания присылкою Предисловия и уморительно-смешного эпиграфа?» (XIV, 222). Другими словами, обещанное предисловие не было получено издателем и в начале сентября.

В группе источников, содержащих косвенные свидетельства, основное место занимают рукописи поэта, связанные с работой над предисловием. Назовем эти источники в последовательности дат их возникновения, принятых сейчас в литературе вопроса.

1. набросок биографии Петра Ивановича Д- (ПД, № 161; VIII, 581—583). набросок не датирован. По месту в рукописи Б. В. Томашевский отнес его к 1829 г.² Уже здесь жизнеописание Д-, помещика села Горюхино и автора «достойной некоторого внимания» рукописи, облеклось в форму письма его опекуна и друга к будущему издателю сочинения «покойного» автора. На этом основании Б. В. Томашевский полагал, что замысел «Повестей Белкина» может быть предположительно датирован осенью 1829 г., а Д. П. Якубович (см.: VIII, 581) прямо определил этот текст как «черновик первой редакции» предисловия к «Повестям Белкина». Следует, однако, со всей определенностью подчеркнуть, что упомянутая в наброске «рукопись» Петра Ивановича Д- связывается с болдинскими повестями чисто гипотетически — методом заключения от того творческого контекста, в который был вовлечен набросок в ходе дальнейшего использования. Но будучи бесспорно моментом творческой истории предисловия «От издателя», он ничего не дает ни для датирования этого, позднейшего текста, ни для решения вопроса о том, когда у Пушкина возник

---

² См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1957, т. VI, с. 759. В рукописи жизнеописание Петра Ивановича Д- предшествует первому черновому варианту начальных строк «Путешествия Онегина» (VI, 473—474). Перебеленный их текст Пушкин поместил в «арзрумской» тетради «2 октября» (VI, 476). Тем самым становится очевидным, что интересующий нас фрагмент возник до 2 октября 1829 г., т. е. не в селе Павловском одновременно с «Романом в письмах» (как писал Б. В. Томашевский), а еще до отъезда Пушкина в Тверскую губернию: поэт выехал из Москвы 12 октября.

замысел объединить болдинские повести образом вымышленного автора.

2. Список повестей на последней странице рукописи «Гробовщика» (ПД, № 997, л. 6 об.; VIII, 581). Датируется временем около (не ранее) 9 сентября 1830 г. Первыми в списке названы три повести, написанные в сентябре («Гробовщик», «Барышня-крестьянка», «Станционный смотритель»), затем две («Самоубийца» и следом — зачеркнутое и читаемое предположительно название «Записки пожилого»³), замысел которых, насколько можно судить, остался нереализованным. Ниже приписан общий эпитаф, впоследствии замененный, но важно иметь в виду, что уже в начале работы над повестями они связывались в сознании Пушкина в единый ряд и эпитаф — свидетельство тому. Предисловия в списке нет, и это тоже надо заметить.

3. «Если бог пошлет мне читателей. . .» — «первый автограф начала» «Истории села Горюхина» (ПД, № 994; VIII, 717—718). Время его возникновения Б. В. Томашевский широко определил как осень 1830 г. (VIII, 1052), но практические наблюдения учебного, проследившего использование текста «Если бог пошлет. . .» как более раннего в ходе работы над введением к «Истории» и над предисловием к «Повестям Белкина», сильно ограничили срок возможного появления наброска. По типу повествования — рассказ вымышленного автора о себе, «Ich-Erzählung», — он отличен от жизнеописания Петра Ивановича Д- и сходствует с будущим введением к «Истории села Горюхина».

4. План «Истории села Горюхина» (ПД, № 166; VIII, 718—719). Б. В. Томашевский отнес его ко времени между 7 и 18 сентября 1830 г.⁴ «История» и введение к ней рисуются здесь как будущее повествование от имени вымышленного автора, горюхинского помещика, который «попытки. . . в разных родах» сочинительства начал не с истории, а с повестей.

5. Черновик предисловия к «Повестям Белкина» («От издателя» — ПД, № 994; VIII, 583—591). Пушкиным рукопись не датирована, принято считать, что «черновой текст „От издателя“ закончен 14 сентября» 1830 г. (VIII, 1052; примечания Д. П. Якубовича). Черновик этот — наш основной рабочий материал, к мотивам существующей датировки и ее анализу мы вскоре и обратимся.

6. «План издания повестей», согласно определению М. А. Цявловского,⁵ или «эпитафы к повестям», как назвал (VIII, 580) этот рукописный перечень Д. П. Якубович (ПД, № 999, л. 18 об.; VIII, 580—581). Запись сделана на тыльной стороне последнего листа «тетрадки» с рукописью «Барышня-крестьянки», по мнению М. А. Цявловского — «после окончания последней из пове-

³ Чтение Б. В. Томашевского, см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т., т. VI, с. 758.

⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т., т. VI, с. 765.

⁵ См.: Рукою Пушкина. М.; Л., 1935, с. 251.

стей, „Метели“, 20 октября 1830 года).⁶ Пять повестей значатся здесь в последовательности их создания, названию каждой из них сопутствует эпиграф, но эпиграф, общий всем повестям, не приведен. Открывает перечень — и это нам особенно важно заметить — предисловие.

7. Беловой с поправками автограф «Истории села Горюхина» (ПД, № 1000; VIII, 127—140, 697—716). Из всех перечисленных рукописей только эта имеет авторские даты: «31 окт.» — после вступления, «1 ноября» — по окончании «главы 1».

Наконец, надо упомянуть о письме Пушкина к П. А. Плетневу от 9 декабря 1830 г., где читаем: «Написал я прозою 5 повестей <...> которые напечатаем <...> Анопуге. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает» (XIV, 133). Отсюда следует, что с публикацией повестей Пушкин уже в это время связывал мысль об анониме, однако письмо оставляет неясным, как далеко зашло к декабрю 1830 г. практическое осуществление этой идеи и в какую форму оно вылилось.

Забегая вперед, скажем, что, несмотря на широкое распространение точки зрения, согласно которой предисловие к «Повестям Белкина» было закончено к 14 сентября (т. е. тогда, когда трех повестей из пяти еще не существовало), эту точку зрения опровергают, как нам представляется, показания источников. И одновременно те же источники позволяют существенно уточнить представления о том, когда именно окончательно определилось намерение Пушкина представить болдинские повести как создание вымышленного автора, а себя как издателя его рукописи.

2

Принятая ныне датировка чернового текста предисловия к «Повестям Белкина» («От издателя») основана на положении его в рукописи, которая содержит не один, а группу текстов, связанных с «Историей села Горюхина» и с «Повестями Белкина». На четырех полных фабричных листах, которые в настоящее время сложены тетрадкой, тексты следуют в таком порядке: л. 1—2: первый набросок начала «Истории села Горюхина» («Если бог пошлет...»); л. 2—7: черновик предисловия «От издателя»; л. 7 об.: сцена между Выриным и молодым человеком, подхватившим брошенные им ассигнации, — вставка в рукопись «Станционного смотрителя»; л. 8: первоначальное название сборника повестей и общий эпиграф к ним. Ни один из текстов Пушкиным не датирован.

«Ключом» к датированию всех перечисленных автографов послужило дополнение к «Станционному смотрителю», истолкованное как повод для уточнения Пушкиным даты, проставленной им в рукописи повести по ее окончании (ПД, № 998, л. 10; VIII, 660). Здесь в помете «13 сент.» цифра «3» исправлена на «4».

⁶ Там же.

«Исправление даты, — читаем в большом академическом издании, где текст «Смотрителя» готовил В. В. Виноградов, а общую редактуру тома осуществлял Б. В. Томашевский, — сделано теми же чернилами и, по-видимому, в то же время, что и вставленный эпизод с ассигнациями» (VIII, 660).

Если допустить, что повесть была закончена 13 сентября, а на следующий день, набросав дополнительный эпизод, Пушкин уточнил дату, то останется заключить, что все тексты, которые в «тетрадке» ПД, № 994 предшествуют вставке, получившей, таким образом, точную датировку, возникли не позднее 14 сентября. Но так ли это? Думается, не объяснить исправление в дате внесенным в рукопись дополнением (пусть даже достаточно существенным) трудно.

Прежде всего, на следующий день после завершения «Станционного смотрителя» было бы естественно набросать дополнительный эпизод в непосредственном соседстве с основной рабочей рукописью повести (ее эпилог вместе с датой и росчерком-концовкой уместился на верхней половине листа 10: нижняя половина и весь оборот листа оставались чистыми⁷), либо на отдельном листе-вкладыше, но уж никак не в «тетрадке», занятой другими текстами, непосредственно со «Смотрителем» не связанными. Как раз в соседстве автографа вставки с этими текстами можно видеть знак того, что по времени возникновения она достаточно удалена от дня, когда был окончен «Станционный смотритель», что она появилась позднее.

Следует заметить и другое. В датирующих пометах Пушкина аналогичные исправления в указании на число не редкость. Сошлемся хотя бы на случаи, наиболее близкие к «Смотрителю» по времени: в черновом автографе «Романа в письмах», перед началом третьего письма, — помета «[30 окт.] 1 нояб.» 1829 г. (VIII, 559); в рукописи «Истории села Горюхина», в конце предисловия, — «[30] 31 окт.» (VIII, 706); по окончании черновика «Каменного гостя» — «[3] 4 ноября 1830» (VII, 315); под беловиком «Моей родословной» — «[2] 3 дек.» (III, 874). Случай, несколько более ранний и сложный, когда два смежных числа совмещены в пределах одной датировки, находим в черновой рукописи четвертой главы «Онегина», где под строфой XXIII читаем: «1 Генв. 1825 31 дек. 1824» (VI, 356). Два смежных дня календаря были на этот раз разделены гранью лет, и Пушкин вопреки обыкновению не зачеркнул и не исправил ссылки на день минувший,

⁷ В «Барышне-крестьянке», завершонной через несколько дней после «Смотрителя», вставка в текст, конкретизирующая одну из фабульных ситуаций повести, была набросана, судя по перу и чернилам, спустя некоторое время, — именно на оставшемся чистым обороте последнего листа рукописи (ПД, № 999, л. 17 об.; VIII, 122 и 690). Заметим, что появление этого дополнения (менее, правда, существенного для повести в целом, нежели сцена с ассигнациями для «Станционного смотрителя») не повлекло за собой уточнения подчеркнуто точной даты, проставленной по окончании «Барышни-крестьянки»: «20 сент. Болд.<ино> 9 ч.<асов> в.<ечера>».

а приписал к нему указание на день наступивший, тем самым превратив датирующую помету в род памятной записи о том, что 1825-й год он встретил над «Онегиным». Эта дата-образ наводит на мысль о причинах подобных поправок: вероятно, поэт, подобно герою «Отрывка», нередко «писал до петухов» (VIII, 410) и тогда-то, уже проставив в рукописи дату, спохватывался, что наступил новый день, и исправлял число. Но предположение остается предположением. Встречаются у Пушкина, причем той же болдинской осенью 1830 г., и поправки в датах, бесспорно отражающие историю создания произведения. Такова дата «Выстрела». Как известно, поначалу пушкинский замысел ограничивался событиями в местечке**, и в рукописи повести за описанием отъезда Сильвио, узнавшего о близкой женитьбе графа, поэт поставил дату «12 окт. 1830 Болд.», знак концовки и приписал: «(Окончание потеряно)» (VIII, 597). Однако уже через день, когда «Выстрел» был завершён в полном объеме и в конце автографа была выставлена дата действительного окончания повести, 14 октября, Пушкин вернулся к первой датирующей помете и исправил в ней «2» на «4».⁸ Случай это исключительный. Дописанная 14 октября половина повести определила ее лицо, без нее «Выстрел» не был бы тем, каким мы знаем его. Вставка-дополнение «Станционного смотрителя» при всей своей важности вносила в повесть еще один эпизод, не затрагивая ее вполне определившейся структуры. Думается, что в этих условиях исправление в дате завершения «Смотрителя» обнаруживает более сходства с исправлениями дат в «Романе в письмах», «Истории села Горюхина», «Каменном госте», «Моей родословной», нежели в «Выстреле». Но остается еще основной довод в пользу того, что поправка в дате «Смотрителя» вызвана созданием нового эпизода: сходство чернил, которыми Пушкин пользовался там и тут. Поэтому случай с «Выстрелом» заставляет проявить осторожность и, определяя время возникновения текстов, предшествующих в «тетрадке» вставке в «Смотрителя» (и предисловия к «Повестям Белкина» в том числе), не отказываться от аргумента, основанного на поправке в дате этой повести. Однако временно отклонить этот аргумент как спорный и попытаться найти другие пути к решению вопроса необходимо.

---

⁸ Поводом к этой поправке могло послужить чисто внешнее обстоятельство. Вторая часть повести еще до ее полного завершения (концовка приписана в рукописи позднее, другими чернилами) была вложена как в обложку в полный фабричный лист. На лицевой стороне «обложки» кончалась рукопись первой части и была проставлена дата ее завершения. Теперь на тыльную сторону той же «обложки» пришлось концовка всей повести и с ней — новая дата. Две даты — завершения первой части и повести в целом — оказались, таким образом, в близком соседстве одна с другой, и это могло стать причиной возвращения Пушкина к первой из них (поправка сделана теми же чернилами, которыми писана концовка «Выстрела»).

Ранее предисловия «От издателя» в «тетрадке» ПД, № 994 появился лишь один текст — охарактеризованный выше под № 3 набросок «Если бог пошлет...». Как уже говорилось, о времени его возникновения известно только, что он существовал, когда писался предисловие к «Повестям Белкина» и вступление к «Истории села Горюхина», а из этих двух дат нам известна пока одна: вступление к «Истории» завершено 30—31 октября.

Можно полагать, с другой стороны, что набросок «Если бог пошлет...» хронологически предшествовал и плану «Истории». План не затрагивает таких предметов, как детство автора и полученное им воспитание, послуживших ведущей темой отрывка «Если бог пошлет...». Между тем, хотя основная рукопись «Истории» была начата в точном соответствии с предварительным планом, ее текст очень скоро стал вбирать формулы, сложившиеся в раннем наброске. Характер обработки, которой подверглись эти формулы, втягиваясь в новый контекст, привлекает внимание к тому, что за время, прошедшее между созданием этих двух текстов, отношение Пушкина к автору-повествователю успело ощутимо перемениться: стала иной мера восторженности и простодушной говорливости рассказчика и одновременно чуть заметно, но последовательно уточнились образ самого горюхинского помещика, дистанция между ним и читателем. Датировав план, мы приблизимся таким образом и к датировке наброска «Если бог пошлет...».

О времени возникновения плана Б. В. Томашевский писал: «Он не датирован, однако наличие на его полях варианта к шестой строфе „Путешествия Онегина“ («Освободитель Ярослав») заставляет предполагать, что он писан вскоре после приезда в Болдино (7 сентября⁹) до окончания „Путешествия Онегина“ (18 сентября)».¹⁰ Этот вывод, как нам представляется, нуждается в проверке и уточнении.

Б. В. Томашевский обнаружил на листке с планом «Истории» вариант 11-го стиха шестой строфы «Путешествия Онегина» (см.: XVII, 49). Означает ли это, что возможное время появления записи «Освободитель Ярослав» истекло 18 сентября 1830 г., в день, которым помечена последняя, «34» строфа «Путешествия»? Думается, для такого заключения нет оснований. Б. В. Томашевский упустил из виду, что корректирующие заметки — варианты отдельных стихов — иногда выходили из-под пера Пушкина много дней спустя после завершения очередной главы романа. Так, беловик последних двух строф седьмой главы помечен датой «4 ноября <1828>. Малинники», а в «Хронологии» романа против этой главы стоит: «Москва. Мих. П. Б. Малинн. 1827. 8» (VI,

⁹ Вероятно оговорка: 7 сентября — не день приезда Пушкина в Болдино, а наиболее ранняя из дат, встречающихся в болдинских рукописях.

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т., т. VI, с. 765.

532). Между тем поправки к XXXI ее строфе набросаны поэтом на полях черновика стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне», писанного 2 ноября 1830 г. (ПД, № 841, л. 15 об.; XVII, 48), а к строфе XXXIII — около того же времени рядом с черновиком <18> строфы «Путешествия Онегина» (ПД, № 841, л. 108; VI, 446). Прошел год после окончания седьмой главы, но стихи, не удовлетворявшие поэта, продолжали присутствовать в творческом его сознании, и наступал момент, когда в ходе другой работы, а иногда и стимулированный ею, он находил решение старой задачи и оставлял заметку на полях.

Можно думать, что так было и с поправкой к <6> строфе «Путешествия Онегина». История «Путешествия» сложна,¹¹ и в конце концов Пушкин счел необходимым отказаться от публикации его в виде отдельной главы. Но еще 28 ноября 1830 г. поэт предполагал проститься с читателем «Онегина», выпустив в свет одновременно восьмую («Странствие») и девятую («Большой свет») главы романа: этим днем помечен проект предисловия к замышлявшейся публикации (см.: VI, 539—542). От своего плана он не отказался и 9 декабря, когда писал о нем П. А. Плетневу, и 16 декабря, когда рассказывал о нем Вяземскому.¹²

До 18 сентября — дня завершения восьмой главы, пока рукописи «Путешествия» были у Пушкина под рукой, поправка к <6> строфе с большой долей вероятности оказалась бы среди них. Другое дело, когда глава была окончена: поправка к ней могла появиться в любом случайном месте и в любой момент, вплоть до тех пор, когда Пушкин подготовил для печати сокращенный вариант «Путешествия», из которого он был вынужден в числе прочих исключить и строфу о Новгороде Великом. Иными словами, запись «Освободитель Ярослав» не может служить опорой при датировании плана, ибо время ее возможного возникновения достаточно широко и неопределенно. Для датирования плана надо искать других оснований. Одно из них подсказывает изучение того же автографа.

Когда план «Истории» появился на листе, обратная его сторона была уже занята¹³ черновиком XXXVII строфы последней главы «Евгения Онегина». В сентябре роман в стихах, «по крайней мере для печати» (VI, 541), близился к концу, и всё, к нему причастное, поэт ощущал как дело важное. Вряд ли он мог воспользоваться оборотом листа, уже занятого черновиком строфы, для наброска другого замысла, с «Онегиным» не связанного. Но этого мало.

---

¹¹ См. о ней: Дьяконов И. М. 1) О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина». — Русская литература, 1963, № 3, с. 53—58; 2) Об истории замысла «Евгения Онегина». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982, т. X, с. 100—104.

¹² Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 208.

¹³ Поэтому, когда план не уместился на странице, Пушкин не перевернул лист, а, повернув его вправо, записал продолжение на полях.

Девятая (восьмая) глава «Онегина», для которой этот черновик предназначался, была окончена и переписана в Болдине 25 сентября. Однако в перебеленном ее автографе (ПД, № 937; VI, 633) интересующая нас строфа отсутствует, а строфы, соседствующие с ней в окончательном тексте главы, занумерованы подряд. Нынешняя строфа XXXVII, в которой использованы первые четыре стиха нашего автографа, известна лишь по печатному тексту восьмой главы. Либо в ходе болдинской переписки последней песни романа поэт, неудовлетворенный черновой редакцией строфы, на какое-то время отказался от нее (что, думается, маловероятно: даже Пушкин, нередко в интересах целого поступавший превосходными частностями, вряд ли мог пожертвовать стихами «И перед ним воображенье | Свой пестрый мечет фараон»), либо этот черновик и сам сложился уже после 25 сентября, является памятником работы над последней главой, продолжавшейся уже после ее перебелки. В обоих случаях соседство плана «Истории села Горюхина» с этим автографом «Онегина» следует истолковать как знак того, что план едва ли мог появиться ранее 25 сентября, а скорее время возможного его возникновения отодвигается на октябрь.

Небесполезно, быть может, присмотреться и еще к одной мелкой детали автографа с планом «Истории». Слева от плана, наискосок по отношению к нему, то ли чуть более светлыми чернилами, то ли полусухим пером начато: «Семейст». Б. В. Томашевский, который неточно прочел эту запись, писал в примечании: *«Предыдущий абзац (Была богатая от нерадения) сбоку на полях. Слово Семеств рядом с этим абзацем, без точного отнесения к какому-нибудь месту плана»* (VIII, 719). О смысле записи «Семейст», не связанной, на наш взгляд, с планом, позволяет догадываться другой болдинский автограф Пушкина (ПД, № 1059), в котором Б. В. Томашевский (см.: VIII, 697) распознал обложку основного автографа «Истории села Горюхина». Записи, связанные с этим назначением листа, окружены на нем множеством отрывочных заметок, набросанных при чтении второго тома «Истории русского народа» Н. А. Полевого. Первая заметка, исходя из последовательности отраженных в пушкинских записях фрагментов книги Полевого, такова: «Семейственный феодализм есть бессмыслица Гизо».¹⁴ Если учесть, что оба автографа (и ПД, № 166 и ПД, № 1059) связаны с работой над «Историей села Горюхина», естественно предположить, что недописанное по соседству с планом «Истории» слово «Семейст» — начало той записи, которую мы только что процитировали по наброску на обложке «Истории». Видимо, Пушкин, начав было эту запись на практически уже заполненном листе, перенес ее на другой, где к этому времени оставалось достаточно чистого места. К сожалению, по виду автографа ПД, № 166 трудно понять, набросано ли «Семейст» до или после завершения плана «Истории»,

¹⁴ Рукою Пушкина, с. 167.

и уверенно опереться на эту запись при датировании плана *вельзя*.¹⁵ И тем не менее, в совокупности с соседством черновика «Онегина» и с палеографическими признаками рукописи, она побуждает думать, что время возникновения плана «Истории» не так далеко от времени, когда создавался ее текст, как это принято считать, что план был составлен в октябре или даже в конце октября. Правда, вывод этот в немалой степени остается гипотетическим. Но для приурочения плана к сентябрю мы не находим и таких оснований. К тому же простая мысль, что возникновению и конкретизации замысла «Истории», в которой исследователи единодушно видят разнообразные отражения болдинских впечатлений поэта, предшествовало продолжительное пребывание Пушкина в своей отчине, и сама по себе может служить аргументом в пользу нашей гипотезы.

Плану «Истории села Горюхина», по некоторым признакам, о которых уже говорилось выше, хронологически предшествовал набросок «Если бог пошлет. . .» — первая запись, сделанная Пушкиным в «тетрадке». Как мы убедились, доводы, которыми создание его относилось к началу болдинской осени 1830 г., достаточно шатки.

Обратимся теперь к обстоятельству, которое, быть может, способно пролить дополнительный свет на время, когда интересующий нас набросок вышел из-под пера Пушкина. При контрольном (по необходимости выборочном) просмотре болдинских рукописей нам показалось, что одна из них — рукопись «Выстрела» — в большей своей части писана чернилами, идентичными тем, которые Пушкин употребил в работе над отрывком «Если бог пошлет. . .». Оттенок чернил — критерий очень ненадежный, и ниже мы особо вернемся к этому вопросу. При внимательном сопоставлении названных автографов обнаруживаются, однако, и другие сближающие их палеографические признаки. Они писаны на бумаге одного сорта,¹⁶ но результаты сравнения определяет другое.

На л. 1 «тетрадки» с наброском «Если бог пошлет. . .» слева у корешка выделяется коричневатое пятно — след пролитой жидкости. Продолжением того же пятна оказывается пятно справа у корешка на л. 12 об. рукописи «Выстрела». В обоих случаях

---

¹⁵ Пользуемся случаем внести уточнение в представления о сроках работы Пушкина над статьей о II томе «Истории» Полевого. Заметки при чтении этой книги Пушкин делал на обложке рукописи «Истории села Горюхина». Обложка же, конечно, появилась, когда разделы «Истории», на ней обозначенные («Вступление. Глава I»), были уже готовы, т. е., согласно пушкинской пометке, не ранее 1 ноября. Это сокращает возможное время работы Пушкина над статьей до ноября. Ср. академическое издание (XI, 545), где статья отнесена к октябрю—ноябрю.

¹⁶ В обоих случаях Пушкин писал на бумаге № 39, по «Описанию» Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского (Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.: Л., 1937, с. 303), к которой в автографе «Выстрела» добавлена бумага № 43, а в «тетрадке» — № 44 (бумага последних двух номеров различается только по году выпуска).

бумага была залита и успела высохнуть до заполнения: заходящие на пятна строки письма не размыты и не растеклись. В обоих случаях пятна припали на наружные (тыльную в «Выстреле», лицевую в наброске «Если бог пошлет...») стороны сложенных вдвое фабричных листов бумаги № 39, причем на следующий лист «Выстрела» пошла бумага другого сорта. Похоже, что, переписывая повесть, Пушкин либо не заметил, что взял лист с пятном на обороте, либо запачкал его, уже частично заполнив. Лежавший же рядом и испачканный с лица листок он отложил и продолжил переписывать повесть на другой бумаге. А на листе со следом потека был потом набросан первый черновик начала «Истории села Горюхина». Пятно в рукописи «Выстрела» находится между двумя проставленными Пушкиным датами: 12 и 14 октября. Напрашивается вывод, что в это время рукописи, с которой началась работа Пушкина над «Историей» и которая в «тетрадке» ПД, № 994 предшествовала черновику предисловия к «Повестям Белкина», еще не существовало.

Доводы в пользу того же заключения приносит и непосредственное обращение к тексту наброска «Если бог пошлет...» и к истории этого текста. При подготовке большого академического издания Б. В. Томашевский выявил в рукописи наброска разные слои правки, связанные с последующим использованием раннего черновика в предисловии к «Повестям Белкина» и во вступлении к «Истории села Горюхина». Опираясь на наблюдения Б. В. Томашевского, попытаемся их продолжить и определить ту последовательность, в которой Пушкин правил текст «Если бог пошлет...» для двух названных произведений. Для этого нам придется проследить историю заполнения «тетрадки» ПД, № 994 в целом.

4

В незаполненном виде это была именно неспитая тетрадка: 4 полных фабричных листа, вложенных, как и теперь, один в другой (8 листов). В этой-то «тетрадке», начав писать с нынешнего 1-го листа, Пушкин и набросал первую редакцию начала «Истории села Горюхина» («Если бог пошлет...»). Ни предисловия к «Повестям Белкина», ни плана «Истории», никаких других связанных с нею рукописей из числа ныне нам известных в этот день еще не существовало.

План вступления к «Истории», не предусматривая круга тем, уже разработанных в тексте «Если бог пошлет...», открывался рубрикой: «Уважение мое к званию писателя». Поэтому, когда Пушкин всерьез приступил к «Истории», он отложил первый набросок как заготовку для будущего и «основал» новую рукопись, нынешнюю ПД, № 1000. Писать он начал, точно следуя за руб-

риками предварительного плана, однако очень скоро, уже на обороте первого листа, в текст стали «втягиваться» фрагменты раннего наброска. Приспособив для нового контекста уже существовавший там рассказ героя-повествователя о пребывании его в пансионе и возвращении в родительский дом, Пушкин в переработанном виде перенес его в новую рукопись, но до конца переписывать не стал и ограничился отсылкой к предварительному наброску: «По изгнании и проч.» (ПД, № 1000, л. 1 об.; VIII, 698). Однако почти сразу мелкая композиционная перестройка ранее написанного (перенос рассказа о «лапте, единственной науке», усвоенной героем в пансионе) потребовала правки, которую Пушкин начал было в рукописи ПД, № 994, но не довел там до конца и предпочел вписать новую редакцию фразы непосредственно в основную рукопись «Истории», где ниже этой фразы прочерком обозначил перенос во вступление следующего фрагмента предварительного наброска — описания военной службы героя вплоть до смерти его родителей и выхода в отставку. Либо тогда же, либо еще раньше, в ходе работы, Пушкин вернулся назад и всему только что написанному тексту предпослал помету «Если бог etc.» — знак того, что сюда следовало перенести начальные абзацы первого наброска.

Мы задержались на этом моменте работы над «Историей», достаточно ясно прослеженном в академическом издании (VIII, 697—700, 717—718), чтобы показать, как легко он прочитывается по рукописям, как очевидна форма связи между наброском «Если бог пошлет. . .» и основной рабочей рукописью «Истории». Так же отчетливо прослеживается по «тетрадке» и связанным с нею рукописям следующая стадия ее заполнения.

Вступление к «Истории села Горюхина» было завершено 30—31 октября. Не ранее чем в эти дни, быть может, несколько позднее, но еще в Болдине, в «тетрадке» появился следующий текст — черновик предисловия к «Повестям Белкина» («От издателя»). Столь решительное заявление требует доказательств. Обратимся к ним.

В первом же рукописном слое черновика «От издателя», в письме ненарядовского помещика, за сообщением о выходе И. П. Б. в отставку и приезде его «в село Горюхино, свою отчину» следовала фраза: «Описание приезда его почерпаю из его рукописи мне им подаренной, полагая, что вам онее как любителю любопытно будет —». Ей соответствовало примечание издателя: «Здесь выпущен довольно длинный отрывок из одной пространной рукописи, нами ныне приобретенной и которую надеемся издать, если сии повести благосклонно приняты будут публикою» (VIII, 585). Позднее, формулировал Б. В. Томашевский свои наблюдения над автографом «От издателя», Пушкин более черными чернилами зачеркнул примечание, фразу в тексте дополнил словами «здесь прилагаю» и приписал: «Пр.». В последней приписке ученый видел «указание на то, что сюда должен

быть включен отрывок, вошедший в „Историю села Горюхина“, начиная со слов „Прибыв на станцию...“ (VIII, 585, примеч. 18).

С заключением Б. В. Томашевского относительно смысла пометы «Пр.» нельзя не согласиться. Добавим лишь, что отсылает она к тому же отрывку «Истории», о котором говорилось в цитированном выше письме ненадарадовского помещика. Но в таком случае напрашивается вывод, что ко времени, когда писались эти строки предисловия «От издателя», вступление к «Истории», где Белкин вспоминает приезд в свою отчину, уже существовало.

Включенное было в предисловие «От издателя» описание приезда в Горюхино — цельный и законченный фрагмент жизнеописания Белкина, предпринятого им самим и предпосланного «Истории». Видимо, в этом фрагменте отразились личные, памятные Пушкину впечатления, во всяком случае поэт им дорожил. Об этом говорит хотя бы то, что в 1832 г. отдельные моменты «описания» были использованы в «Дубровском» (сцена приезда молодого Дубровского в Кистеневку) и еще в 1835 г. в письме к Н. Н. Пушкиной от 25 сентября отозвался рассказ Белкина о встрече его с дворовыми (VIII, 129; ср.: XVI, 50). Что же касается правки, произведенной в черновике «От издателя» «более черными чернилами» и впоследствии отмененной, то она позволяет догадываться, что настал момент, когда Пушкин перешел в работе над «Историей» ту грань, за которой вопрос о ее публикации (а быть может, и о ее продолжении) стал проблематичным и когда у поэта явилась мысль использовать отдельные находки жизнеописания Белкина отдельно от контекста, в котором они возникли, а заодно увеличить предисловие. Однако это произошло позднее.

Итак, вопреки принятым представлениям, Пушкин писал предисловие к «Повестям Белкина» после вступления к «Истории». Это видно и по характеру дальнейшего заполнения и использования «тетрадки» с черновым началом «Истории» (где вплотную за последними строками этого наброска, утратившего ко времени работы над предисловием «От издателя» свое первоначальное назначение, Пушкин стал писать текст, связанный не с «Историей», а с повестями), и по новой правке, которой подвергся набросок «Если бог пошлет...».

Когда было окончено предисловие «От издателя», Пушкин сразу (и в этом, быть может, причина того, что предисловие вопреки обыкновению болдинской осени 1830 г. осталось недатированным) вернулся к началу «тетрадки» и на лицевой стороне первого ее листа (нынешний лист 8)¹⁷ надписал: «Краткие по-

---

¹⁷ Лист 8 стал в «тетрадке» первым после того, как полный фабричный лист, который образуют листы 1 и 8, был развернут по сгибу и согнут в другую сторону. Почему это произошло, сказать трудно. Лист 1 оставался в «тетрадке» первым еще тогда, когда Пушкин начал набросок «Если бог пошлет...»: иначе (согласно пушкинскому обыкновению) этот

вести покойного И. П. Белкина». ¹⁸ «Тетрадка» ПД, № 994 превратилась в начало сводной рукописи пяти написанных в сентябре—октябре повестей. При этом уже использованный во вступлении к «Истории села Горюхина» черновик «Если бог пошлет. . .» стал в новом контексте инородным, и Пушкин вновь занялся им.

Первый рукописный слой предисловия «От издателя» еще не включал того фрагмента из черновика «Если бог пошлет. . .», который он в переработанном виде усвоил позднее: видимо, предисловие писалось очень быстро, и Пушкин не задумывался над тем, как использовать в нем уже сложившиеся ранее детали жизнеописания Белкина. Когда же оказалось, что ранний набросок «Истории» вторгся между названием сборника повестей и предисловием к нему, Пушкин стал его перечитывать. Начало наброска (от слов: «Если бог пошлет. . .» до: «не позволяли мне излишне отягощать»), предназначенное открывать «Историю села Горюхина», он теперь перечеркнул крест-накрест (чернила этой и последовавшей правки идентичны тем, которыми писано предисловие «От издателя»). Следующий фрагмент — рассказ героя о пребывании своем в московском пансионе — Пушкин переработал в повествование от третьего лица, отчеркнул по полю и сопроводил значком, тут же повторенным в рукописи «От издателя» (VIII, 585, примеч. 7; ср.: VIII, 717, примеч. 21). Конец наброска, использованный уже в «Истории», был в два приема перечеркнут. Сделано все это было, лист перевернут и «тетрадка» закрыта так быстро, что непросохшие чернила, которыми произведена правка (вычеркивания, отчеркивание, редактурa текста), отпечатались на смежных листах рукописи, причем отпечатки на обороте нынешнего листа 8 еще раз показывают, что в то время, когда все это происходило, он был в «тетрадке» первым.

Анализ «тетрадки» ПД, № 994 в целом и автографа «Если бог пошлет. . .» в особенности не оставляет сомнений, что правка, связанная с использованием последнего в предисловии к «Повестям Белкина», осуществлена тогда, когда большая часть наброска была уже назначена для включения во вступление к «Истории» и в связи с этим решением отредактирована. В совокупности с прослеженным выше отражением в предисловии «От издателя» отрывка, сложившегося в черновике «Истории», это дает достаточное основание считать, что рукопись предисловия

текст поместился бы на нынешнем листе 8. Но уже ко времени, когда дописывалась первая страница «тетрадки», оказалось, что лист 8 находится перед л. 1: на нем отпечатались отдельные непросохшие места последних строк текста, уместившегося на л. 1.

¹⁸ Кроме этой надписи, на обложке рукописи находится еще эпитафия из «Недоросля» Д. И. Фонвизина. По виду обложки (эпитафия расположен слишком близко к росчерку, поставленному под названием) можно допустить, что этот эпитафия, писанный более светлыми чернилами, чем название сборника, и как раз такими, какими писалась «История села Горюхина», был записан прежде названия, может быть в ходе работы над «Историей», когда он впервые пришел Пушкину в голову и сменил в его замысле изречение святогорского игумена Ионы.

к повестям складывалась тогда, когда вступление к «Истории» уже существовало, т. е. не ранее 31 октября 1830 г.¹⁹ А последняя из болдинских повестей, «Метель», была окончена 20 октября.

5

Настало, однако, время вспомнить о главном и единственном основании, на котором предисловие «От издателя» относили к середине сентября: о рукописи «Станционного смотрителя», о проставленной Пушкиным по окончании этой повести дате «13 сентября» и о желтовато-коричневых светлых чернилах (как раз таких, какими писал Пушкин в исходе октября!), которыми эта дата исправлена на другую, «14 сентября». Вернемся к «тетрадке» ПД, № 994.

Уже после того как новое назначение «тетрадки» определилось, в ней появился еще один автограф: вставка в текст «Смотрителя». К этому времени лист 7 об., на котором набросана вставка, оставался чистым и играл роль задней стороны обложки. Видимо, когда возникла мысль о дополняющей повесть сцене, «тетрадка», лежащая тыльной стороной кверху, попала в Пушкину под руку, да теперь ведь она и входила в состав сводной рукописи повестей. Произошло это тогда же, не ранее начала ноября: вставка писана теми же желтовато-коричневыми чернилами, что и предисловие «От издателя».

Чернила, которыми исправлена дата «Смотрителя», и впрямь по цвету очень сходны с чернилами вставки. Следует только еще раз повторить, что теми же (или очень похожими) чернилами писаны и предисловие к повестям, и заголовок «Краткие повести покойного И. П. Белкина», и план «Истории села Горюхина»; чуть более темными — оконченная 20 сентября «Барышня-крестьянка» (в ходе работы над ней чернила были разбавлены, см.: ПД, № 999, л. 8), чуть более светлыми — большая часть самой «Истории» и эпиграф из «Недоросля» на обложке рукописи повестей. Вообще в болдинских рукописях совпадение оттенка чернил в отдаленных по времени автографах не исключение.

Насколько можно судить при выборочном ознакомлении с болдинскими рукописями, осенью 1830 г. Пушкин все время писал орешковыми чернилами, но интенсивность их окраски колебалась по мере того, как в чернильницу подливалась то вода, то свежий настой. Но этого мало. Оттенок чернил мог изменяться от всего,

¹⁹ В окончательном тексте предисловия «От издателя» под письмом нарадовского помещика появилась дата «1830 году, Ноября 16». В рабочей рукописи письмо осталось недатированным, но та же дата, только приуроченная к предыдущему году, есть и там: «1829 году, ноября 16 дня», по сообщению мемуариста, умер П. И. Белкин (VIII, 590). Переписывая предисловие, Пушкин отказался от указания на день смерти Белкина, но дату сохранил и пометил ею «биографическое известие» о покойном. В дате, столь упорно сохраняемой, можно видеть отражение времени не перебелики, как предположил Н. Я. Эйдельман (Болдинская осень. М., 1974, с. 69), а возникновения рабочей рукописи предисловия.

что влияло на толщину их слоя, ложившегося на бумагу (от качества пера, от того, давно ли перо окумалось в чернильницу, от характера письма, пажима и пр.), и от свойств самой бумаги. В автографе «Станционного смотрителя» черно-коричневые чернила основного рукописного слоя, будучи размазаны, оказываются желтовато-коричневыми и напоминают цветом разведенные чернила позднейших рукописей; то же оказывается иногда и с отпечатками непросохших чернил. Рукопись «Смотрителя» имеет ряд поправок, сделанных светлыми чернилами (см. л. 3 об., 4 об., 6), но только о правке в сцене с ассигнациями (л. 7) и о некоторых исправлениях на л. 8 и 9 об. можно с уверенностью сказать, что выполнены они теми же чернилами, которыми писана в «тетрадке» с предисловием к «Повестям Белкина» вставка в повесть. Когда же речь идет об исправлении в одной цифре, причем по отпечатку на смежном листе видно, что чернила не успели высохнуть и часть их (утончив чернильный слой и тем самым повлияв на интенсивность цвета) перешла на соседний лист рукописи, уверенно судить об их оттенке, идентифицировать их с чернилами, которыми набросана вставка в «Смотрителя», или с употреблявшимися в работе над «Барышней-крестьянкой», например, а тем более строить на этом серьезные выводы трудно.

Когда сделано исправление в дате «Смотрителя» и чем оно вызвано, мы не можем объяснить за недостатком материала. Расхождение цвета чернил поправки и основного слоя автографа в этом случае так же загадочно, как вид другой болдинской рукописи (ПД, № 132). 5 октября Пушкин светлыми чернилами перебелил стихотворение «Прощание», 10 октября он черно-коричневыми чернилами переписал под ним «Отрока», теми же чернилами проставил дату, концовку, ниже написал: «Или?», а еще ниже — светлыми чернилами и, по-видимому, другим пером — вариант последнего стиха «Отрока». Когда записан здесь этот вариант, почему Пушкин, заранее предусмотрев его появление («Или?»), не осуществил своего намерения сразу, что означают в этом случае светлые, явно отличные от основного рукописного слоя чернила, мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем. Или «Выстрел»: как случилось, что в перебеленной рукописи весь текст (заметим: и первой части повести, вместе с пометой «(Окончание потеряно)», и второй) писан одними чернилами, а концовка и дата — совершенно другими? Ведь с датой «Смотрителя» все могло произойти совсем просто: окончив «Барышню-крестьянку», с удовлетворением набросав на обороте ее рукописи список готовых (уже три!) повестей²⁰ и присоединяя новую ру-

---

²⁰ Речь идет о документе, охарактеризованном выше под № 6. Рукопись этого перечня, в котором каждому из названий повестей сопутствует эпиграф, показывает, что набросан он был не за один раз, как, видимо, полагал М. А. Цявловский, относивший его ко времени «после окончания последней из повестей, „Метели“, 20 октября 1830 г.» (Рукою Пушкина, с. 251), а по менее чем в три приема, отражая пополнение сводной рукописи будущей книги. Сначала, теми же чернилами, которыми он окон-

копись к ранее существовавшим, Пушкин обратил внимание на датировку заверщенного совсем еще недавно «Смотрителя», заметил, что, как нередко с ним случалось, ошибся в дате, и устранил неточность. После подчеркнуто, «исторически» точной датировки «Барышни-крестьянки» это психологически было очень вероятно. Но это всего лишь возможность, и не единственная.

6

До сих пор мы сознательно не выходили за пределы анализа палеографических и текстологических свидетельств. Теперь необходимо осмыслить выводы и наблюдения, полученные в ходе этого анализа, на более широком фоне творческой истории предисловия «От издателя» с привлечением дополнительных данных о фактах, к этой истории причастных. При крайней скудости материала следует особо оговорить, что выводы наши носят предварительный характер и, не претендуя на полноту и окончательность, формулируются в виде рабочей гипотезы.

Свидетельств о том, что, создавая болдинской осенью 1830 г. одну повесть за другой, Пушкин изначально замышлял предпослать им предисловие, нет. В списке, набросанном по окончании «Гробовщика», повести, состав которых намечен пока предварительно, хотя число их уже здесь определилось как пять (видимо, так мыслил Пушкин минимальный объем сборника), явственно образуют некий ряд, объединенный общим эпитафием, но предисловие в нем не упомянуто. Не было его и в другом рукописном перечне повестей, который начал складываться после завершения «Барышни-крестьянки», т. е. не ранее 20 сентября: в рукописных материалах, непосредственно связанных с болдинскими повестями, предисловие впервые упомянуто после окончания последней из них, не ранее 20 октября.

Правда, еще в 1829 г. в жизнеописании горюхинского помещика Петра Ивановича Д- определились и некоторые моменты биографии и житейского облика покойного, которые годом позднее отозвались в истории П. И. Белкина, и характер отношений автора «достойной некоторого внимания» рукописи с единственным его другом — помещиком из числа тех, для кого «не прошли еще времена Ф. (он) Визина» (VIII, 53), и тип повествования, к которому Пушкин вновь обратился в предисловии «От издателя». Но творческий замысел, вызвавший к жизни этот на-

чивал «Барышню-крестьянку», на обороте последнего листа ее рукописи Пушкин записал названия и эпитафии трех готовых к этому времени повестей, из которых последняя — только что оконченная «Барышня-крестьянка» — эпитафия пока еще не получила. Последний, вместе с названием и эпитафием «Выстрела», добавлены к перечню, судя по цвету чернил, после создания четвертой повести, и лишь в последнюю очередь (совсем темными чернилами) в конце его были приписаны название и эпитафия «Метели», а над верхней строкой добавлено: «Предисловие». В таком виде перечень оказался необходимым дополнением сводной рукописи, ибо в рукописях отдельных повестей не было ни названий их, ни эпитафий.

бросок, сейчас может быть восстановлен лишь предположительно. Текст, который Пушкин в 1829 г. успел написать, прежде чем прервал работу, позволяет лишь догадываться, что его интересовала задача представить «покойного» автора, человека, так или иначе жившего духовной жизнью (памятником которой и является «достойная некоторого внимания» рукопись), с точки зрения рачительного помещика — наблюдателя доброжелательного, но неспособного рассмотреть в молодом своем друге ничего, кроме хозяйственной его беспечности. Но был ли набросок, разрешавший эту художественную задачу, своего рода эскизом, заготовкой впрок, или жизнеописание Д- было начато в связи с более широким замыслом, в котором ему отводилась роль, подобная роли будущего предисловия «От издателя», сказать сейчас трудно. И все же нельзя не заметить, что в творческой практике Пушкина, насколько мы можем судить о ней, нет случаев, чтобы, приступая к серьезному замыслу, он начинал работу с предисловия. В августе 1833 г., более чем за три года до завершения «Капитанской дочки», было, правда, написано введение к замышлявшемуся произведению («Любезный внук мой Петруша!» — VIII, 927), но ему предшествовало несколько вариантов плана будущего повествования. К тому же в 1829 г. создание предисловия к не написанному, а лишь задуманному произведению (или даже ряду произведений) представляется нам маловероятным еще и потому, что в это время опыт Пушкина-прозаика очень невелик: написанный в Болдине год спустя «Гробовщик» оказался, как известно, первым завершенным прозаическим произведением поэта. И еще одно. Даже исходя из предположения, что жизнеописание Д- было частью более широкого замысла, прежде чем искать следы этого замысла в творчестве следующего года, следует присмотреться к незавершенным прозаическим фрагментам того же 1829 г. Небезынтересно, что рассказчик, от имени которого начат набросок «В начале 1812 года», принадлежит к среде армейской офицерской молодежи, в которой до отставки протекала и жизнь Петра Ивановича Д-, автор же «Записок молодого человека» — подобно П. И. Д-, не только армейский офицер, но и выпускник кадетского корпуса. Ни один из названных прозаических набросков не исключает возможности литературного обрамления, повествующего об обстоятельствах, при которых отставной офицер, в прошлом кадет, вступил на путь литературного творчества. И тем не менее твердых оснований отождествлять упомянутую мемуаристом «рукопись» покойного Д- с одним из набросков 1829 г. или с «Повестями Белкина» текст жизнеописания не дает. Название же отчины Д-, села Горюхина, заставляет скорее вспомнить о будущей «Истории», ибо именно в «Истории» этот выразительный топоним ведет в сердцевину смысла произведения.

Возникло ли, однако, жизнеописание Д- как разрешение локальной творческой задачи и заготовка впрок или как начало более крупной работы, болдинской осенью 1830 г. темы, мотивы,

элементы поэтики этого наброска вовлекаются в новые связи и получают новое развитие. Произошло это не сразу.

Первый, твердо приуроченный хронологически случай обращения к жизнеописанию Д- в дни болдинской страды — «Выстрел». Вторая часть этой повести и стала, по-видимому, той точкой, в которой впервые соединились два пушкинских замысла: его болдинские повести и набросок о Петре Ивановиче Д-. Можно даже предположить, что на этом скрещении двух разновременных замыслов возникла самая мысль второй части «Выстрела». Как мы только что заметили, жизнь армейского офицера оказалась тем контрапунктом, в котором соединились три прозаических наброска 1829 г. Та же тема звучит и в «Выстреле», с первых строк этой повести. Согласно пушкинской помете в конце первой ее части, поначалу замысел «Выстрела» ею ограничивался. Но между 12 и 14 октября Пушкин решил перенести нас из мира полковой офицерской жизни в запштатном захолустье в мир провинциального мелкопоместного дворянства. Картины новой жизни рассказчика, которого «домашние обстоятельства принудили» (VIII, 70) выйти в отставку и «поселиться в бедной деревеньке Н** уезда», складываются как развитие мотива, намеченного в наброске о П. И. Д-, где читаем: «В сие время» лишился он матери и расстроенное здоровье принудило его взять отставку. — Он поселился в Нов<...> уезде <?>, в сельце Горюхине» (VIII, 582). По своему культурно-психологическому облику рассказчик повести о Сильвио ближе к Петру Ивановичу Д-, чем И. П. Белкин, явившийся на свет в недалеком уже будущем, но детальный анализ этого вопроса не входит в задачи данной работы. Вместе с тем мы не можем пройти мимо того факта, что именно во второй части «Выстрела» герой-рассказчик впервые оказался в ситуации, предвосхищающей вплоть до деталей то положение, в каком очутился по возвращении в свою отчину горюхинский помещик, закончивший описание своего деревенского житья словами: «В сей крайности пришло мне на мысль, не попробовать ли самому что-нибудь сочинить?» (VIII, 129). Вряд ли будет большой натяжкой предположение, что образ героя-повествователя «Выстрела» в сочетании с обстоятельствами его деревенской жизни (а также с неизвестными нам, но известными Пушкину мыслями, стоявшими за наброском жизнеописания помещика села Горюхино) и стал тем импульсом, от которого ведет начало зафиксированное в рукописях развитие замысла «Истории села Горюхина».

Первое документальное свидетельство замысла «Истории» — набросок «Если бог пошлет...» — относится к середине октября, скорее всего либо к последним дням работы над «Выстрелом», либо ко времени сразу по окончании этой повести. Герой наброска и он же рассказчик, автор «Истории села Горюхина», унаследовал от Петра Ивановича Д- кроме «рукописи», названной теперь полным именем, и села Горюхина только общие контуры биографии: прошлое армейского офицера и раннюю отставку.

Основное содержание наброска «Если бог пошлет...» связано с разработкой мотива, отсутствующего в жизнеописании Д- и в «Выстреле» и привносящего в облик героя существенно новые черты. Сам горюхинский историк определил это новое словами: «...воспитан я был, как говорится, на медные деньги и <...> в последствие не имел я случая приобрести сам собою то что было раз упущено» (VIII, 718).

О других литературных опытах автора ранний набросок «Истории» не упоминает. Мысль приписать историку болдинские повести зафиксирована лишь в плане «Истории села Горюхина», который появился за время, прошедшее между созданием наброска «Если бог пошлет...» и началом работы над «Историей». Заметим, что 20, 23 и 26 октября соответственно завершены «Метель», «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери», вступление же к «Истории» помечено «[30] 31 октября».

Тем же днем, что и творческая рукопись «Моцарта и Сальери», датирован беловой автограф «Отрывка» («Несмотря на великие преимущества...»). Еще С. М. Бонди, доказывая, что этот прозаический фрагмент, использованный Пушкиным в «Египетских ночах», написан был гораздо раньше, 26 октября 1830 (а не 1835) г., отметил сходство между его замыслом и замыслом «Повестей Белкина». «Отрывок» кончается словами: «Мы распространились о нашем приятеле <...> потому <...> что повесть, предлагаемая ныне читателю, слышана нами от него» (VIII, 411). «Итак, это повесть не про него, а слышанная от него, — писал С. М. Бонди, — он не герой повести, а рассказчик ее — вроде „титularного советника А. Г. Н.“, „подполковника И. Л. П.“, „приказчика Б. В.“ и „девицы К. И. Т.“, имена которых И. П. Белкин записал под каждой повестью с указанием: „слышано мною от такой-то особы“, — или, наконец, вроде самого И. П. Белкина».²¹

Это наблюдение ученого обретает совершенно особый смысл в свете наших разысканий, в итоге которых оказалось, что ряд творческих фактов, причастных к истории создания предисловия «От издателя», сконцентрирован во второй половине октября: 12 и 14 — даты в рукописи «Выстрела»; около 14-го — первый письменный след «Истории села Горюхина»; 20-го — окончена последняя повесть и, можно полагать, вскоре после этого перечню повестей предпослана помета: «Предисловие»; 26 октября перебелен текст «Несмотря на великие преимущества...», о котором в особой приписке замечено: «Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести, не написанной или потерянной» (VIII, 411). План «Истории села Горюхина», где повести предстали как первый опыт горюхинского помещика в сочинительстве, трудно точно соотнести во времени с фрагментом «Несмотря на великие преимущества...», но это уже и не столь важно. Думается, хронологическая близость последнего с перечисленными

²¹ Бонди С. Новые страницы Пушкина. М., 1931, с. 198.

текстами позволяет высказать гипотезу, что «Отрывок» — след какого-то неизвестного нам замысла, связанного с мыслями о предстоящем издании тех же болдинских повестей, и отразил колебания Пушкина в выборе фигуры вымышленного их автора. В момент, когда повести были только что окончены, идею «Отрывка», превратившегося 26 октября в «предисловие к повести, не написанной или потерянной», трудно понять и объяснить иначе. Именно во изменение ранее существовавшего замысла «Отрывок» перебелкой текста и сопроводившей текст припиской отделен был от повестей, написанных и не потерянных. Намерение издать повести «Апопуге», по-видимому, с этого только времени окончательно сливается с мыслью о горюхинском помещике, который, прежде чем создать историю своей отчины, чтобы «образовать» свой слог, записал слышанные им «от разных особ» анекдоты и лишь «от недостатка воображения» (VIII, 590) помянул в них окрестности села Горюхина.

В таком виде рисуется нам творческая история предисловия «От издателя» и центрального его образа — образа И. П. Белкина. Она началась наброском 1829 г.²² и разрешилась в исходе октября 1830 г., когда у Пушкина явилась мысль превратить фигуру историка села Горюхина в фокус, объединяющий написанные к этому времени повести.

---

²² Мы сознательно оставляем здесь в стороне отрывок «Если звание любителя отечественной литературы...» (1827), который давно поставлен в связь с генезисом образа Белкина (см. примечания Ю. Г. Оксмана с кратким очерком истории вопроса в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6-ти т. М.; Л.: Academia, 1936, т. IV, с. 727).

С. А. ФОМИЧЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ ПУШКИНА

Последний лирический цикл Пушкина (называемый также «каменноостровским циклом») открыт в пушкиноведении сравнительно недавно, менее тридцати лет назад. В последние годы интерес к нему не ослабевает. Мне представляется, что высказанные к настоящему времени гипотезы о возможном составе цикла требуют взаимной корректировки.

Однако прежде всего для этой цели необходимо подробно восстановить историю вопроса, ибо она содержит обычное в науке постепенное приближение к истине. В то же время заслуживает особого внимания одно частное и несущественное в тот момент, когда оно было высказано, излишне категорическое суждение, которое впоследствии уже не подвергалось сомнению.

1

На цифровые пометы, имеющиеся в автографах некоторых стихотворений Пушкина 1836 г., впервые обратил внимание М. Л. Гофман, который полагал, что «цифра III в рукописи стихотворения „Подражание италиянскому“ указывает на предположение Пушкина напечатать в „Современнике“ (II — «Отцы пустынноики»)».¹ Ему же принадлежит предварительное объяснение «странного названия» другого пушкинского стихотворения, напечатанного П. В. Анненковым в 1857 г. «Мы полагали всегда, — заметил М. Л. Гофман, — что странное название „Из VI Пиндемонте“ основано на плохом чтении „Из Исполита Пиндемонте“, но в рукописи действительно поставлено „VI“ (может быть, однако, эта цифра имеет такое же значение, как и III перед «Как с древа сорвался» или II — перед «Отцы пустынноики и жены непорочны»)».² Впоследствии эта догадка была убедительно обос-

¹ Гофман М. Л. Посмертные стихотворения Пушкина 1833—1836 гг. — В кн.: Пушкин и его современники. Пб., 1922, вып. XXXIII—XXXV, с. 403.

² Там же, с. 406.

нована академиком М. Н. Розановым. «У меня, — писал он, — возникло два предположения: 1) Пушкин хотел показать, что имел в виду шестую *sermone* (проповедь, — С. Ф.) Пиндемонта <...>. 2) Римской цифрой VI Пушкин обозначил лишь порядок, в котором группа его стихотворений должна была быть напечатанной (вероятно, в «Современнике») <...> В настоящее время, познакомившись с подлинною рукописью <...>, я пришел к выводу, что именно так дело и обстояло. В рукописи легко отличить два разных почерка и различные чернила. Правильным ясным почерком и довольно бледными чернилами поставлена цифра VI и написано все стихотворение, без обозначения, откуда оно заимствовано <...> Затем другими чернилами (более черными) и более мелким почерком сделаны исправления в тексте <...> Совершенно такими же чернилами и таким же почерком под цифрой VI поставлено в скобках: (из Alfred Musset). Совершенно ясно в рукописи видно, что, зачеркивая Alfred Musset, Пушкин, за неимением места, вынужден был написать *Пиндемонта* вправо от цифры VI и этим ввел в заблуждение всех издателей».³

Более двух десятилетий спустя был обнаружен автограф стихотворения «Мирская власть» с пометой «IV», и тогда Н. В. Измайлов впервые высказал предположение о том, что в данном случае мы имеем дело с последним лирическим циклом Пушкина.⁴ Выводы Н. В. Измайлова, получившие широкое признание, тем не менее разделяются не всеми исследователями. Так, академик М. П. Алексеев считал, что «цель, которую ставил себе Пушкин, определяя цифровую последовательность известных нам четырех стихотворений, в точности неизвестна».⁵ В самом деле, для того чтобы гипотеза Н. В. Измайлова стала вполне корректной, необходимо было обнаружить некий единый лирический «сюжет» цикла.

В последнее время В. П. Старк убедительно выявил логику, определяющую последовательность трех пронумерованных Пушкиным стихотворений: «II — „Отцы пустынноики и жены непорочны“»; «III — „(Подражание италиянскому)“»; «IV — „Мирская власть“». «Поскольку три стихотворения цикла, — указывает исследователь, — внешне связаны религиозно-христианской символикой и преданиями, то именно в этой сфере представляется вполне вероятной и их внутренняя, смысловая связь. Анализ цикла с такой точки зрения дает возможность утверждать наличие в нем композиционно-сюжетной последовательности, ко-

---

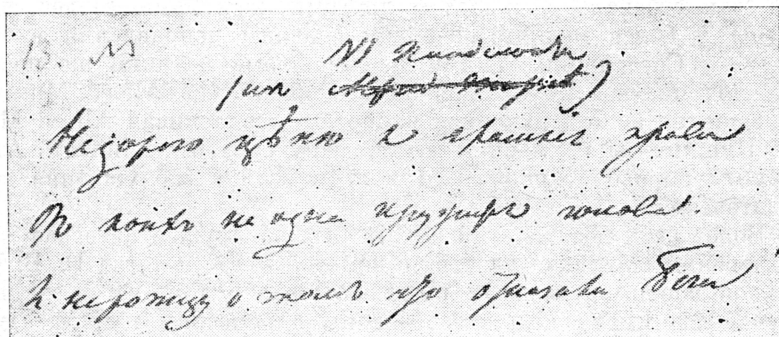
³ Розанов М. Н. Об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонта». — В кн.: Пушкин. М.; Л., 1930, сб. 2, с. 139—140.

⁴ Измайлов Н. В. Стихотворение Пушкина «Мирская власть»: (Вновь найденный автограф). — Изв. АН СССР. Отд-ние литературы и языка, 1954, т. XIII, вып. 6, с. 548—556.

⁵ Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967, с. 125.

торая в свою очередь обуславливает и тематическое, смысловое его развитие.

В цикле можно проследить сквозной сюжет, связанный с событиями Страстной недели Великого поста. В первом стихотворении, как мы выяснили, Пушкин сам называет время действия: „дни печальные Великого поста“ <...> молитва Ефрема Сирина используется в великопостном служении, причем последний раз в среду <...> Следующее стихотворение цикла „Как с древа сорвался предатель ученик“ <...> несомненно связано с четвергом Страстной недели. Именно в четверг, в ночь после среды, Иуда

А. С. Пушкин. «Из Пиндемонти». Автограф.

Искарriot поцелуем указал стражникам на Христа <...> Дальнейшим развитием темы является третье стихотворение цикла — „Мирская власть“ <...> Согласно Евангелию, Христос скончался в пятницу. Стихотворение, таким образом, композиционно следует за воспоминанием о четверге — дне предательства Иуды.⁶

Однако при такой трактовке цикла в него совершенно не вписывается стихотворение «Из Пиндемонти», лишенное религиозно-христианской символики и никоим образом не соотносящееся с событиями Страстной недели.

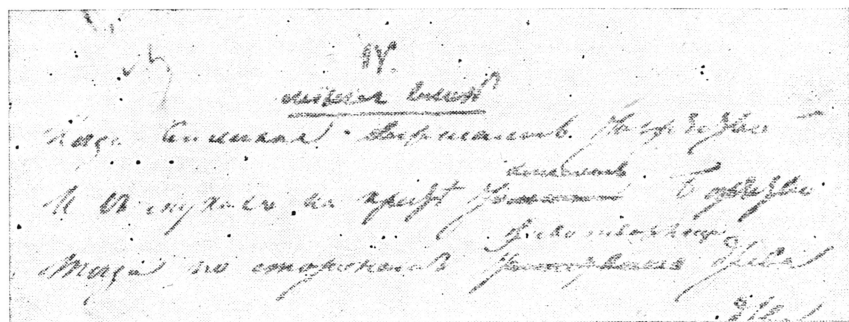
Десять лет назад я высказал предположение, что пушкинскую помету на беловом автографе «Из Пиндемонти» следует читать не как «VI», а как «№ I».⁷ Возражая на это, В. П. Старк пишет: «Обращение к автографу стихотворения и анализ особенностей почерка Пушкина в написании латинской буквы N, которой обозначается номер, заставляет придерживаться традиционного прочтения. Кроме того, над другими стихотворениями цикла Пушкин не ставит перед цифрами обозначения номера. Следует

⁶ Старк В. П. Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982, т. X, с. 200.

⁷ Фомичев С. А. О лирике Пушкина. — Русская литература, 1974, № 2, с. 51.

учесть и то, что перед римскими цифрами, как правило, обозначение номера не ставят».⁸

Однако анализ почерка Пушкина в данном случае нужно вести не относительно «латинской буквы N» (в прописи и заглавное русское N в пушкинские времена писалось так же — встречается такое начертание и у Пушкина), а относительно знака «№». В рукописях Пушкина начертание последнего различно. В деловых документах (и при обозначении номера дома на адресах писем) латинское N обычно перечеркивалось одной или двумя горизонтальными черточками, причем первые две «палочки» (вертикальная и диагональная) сходились под острым углом. В дру-

А. С. Пушкин. «Мирская власть». Автограф.

гих случаях у Пушкина эти «палочки» переходили одна в другую с плавным закруглением, и горизонтальных перечеркиваний не делалось, — см., например, цифровые пометы при пушкинских рисунках в Ушаковском альбоме.⁹ Именно здесь пушкинское начертание номера чрезвычайно похоже на первый знак в автографе «Из Пиндемонти», только в автографе стихотворения непрорисованным осталось первоначальное закругление знака № (может быть, в данном случае Пушкин, работая тонко очиненным гусиным пером, первоначально «промахнулся» и потому не обозначил нижнюю деталь знака).

Что же касается пушкинского начертания цифры V, то в беловых автографах поэта она никогда не похожа ни на №, ни на латинскую букву N. Об этом свидетельствуют беловые автографы онегинских глав, поэм «Анджело» и «Домик в Коломне» и другие рукописи. Собственно, достаточно взглянуть на начертание цифры IV в автографе «Мирской власти», чтобы все сомнения на этот счет отпали, а ведь в данном случае, по тонкому заме-

⁸ Старк В. П. Стихотворение «Отцы пустынноики...», с. 203. Последнее замечание В. П. Старка неверно: ср., например, обозначения номеров журнала «Сын отечества».

⁹ Эфрос А. Рисунки поэта. М., 1933, с. 257, 267 (см. рис. на с. 56).

чанию Т. Г. Цявловский, Пушкин сначала написал цифру V и лишь потом поставил перед ней цифру I.¹⁰

При непредубежденном взгляде на автограф «Из Пиндемонта» цифровая помета в нем скорее прочитывается как «№ I», чем как римская цифра VI, но в данном случае дает себя чувствовать давняя издательская традиция. Можно понять, почему

Портрет Ек. Ушаковой.
Рисунок А. С. Пушкина.

П. В. Анненков предпочел прочесть «VI», а не «№ I». Не поняв последовательности записи пометы и заголовка «Из Пиндемонта», он сконструировал «странное название», предполагая, вероятно, что Пушкин обратился к какому-то циклу итальянского поэта Пиндемонта, избрав для перевода шестое по порядку произведение. Заголовок «Из № 1 Пиндемонта» был бы еще более нелепым. В дальнейшем под анненковским заголовком стихотворение и печаталось. Восстановление М. Н. Розановым подлинного

¹⁰ См.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 246.

пушкинского заглавия не коснулось цифровой пометы (с этого времени стихотворение попросту стало печататься без нее). а само объяснение курьеза закрепило в памяти пушкинистов традиционную цифру VI.

Все эти замечания вполне убедительно иллюстрируются снимками с автографов Пушкина, содержащих знак № и цифру V. Правда, все остальные стихотворения Пушкин обозначил римской цифрой без использования знака номера, но это психологически объяснимо: замысел цикла мог возникнуть у Пушкина после того, как было написано стихотворение «Из Пиндемонти».¹¹ Все остальные же стихотворения писались в соответствии с общим замыслом, несколько позже.

Само собой разумеется, графическая экспертиза в данном случае не может не учитывать литературоведческого анализа композиции последнего лирического цикла Пушкина. Если цифровую помету на автографе читать не как «№ I», а как «VI», то для подтверждения традиционного ее толкования нам не только приходится уповать на находку новых автографов стихотворений Пушкина с пометами «I» и «V», но и отвергать плодотворную гипотезу В. П. Старка, обосновавшего давно искомую композиционно-сюжетную последовательность цикла. Стихотворение «Из Пиндемонти» (под № 6) не может по своему смыслу занимать то место, на котором должно стоять произведение на тему «Воскресение».

2

Основная сложность в трактовке «каменноостровского цикла» заключается в том, что на фоне всего остального пушкинского творчества последних лет с ярко выраженной публицистической направленностью, складывающегося под знаком исторических и журнальных интересов поэта, анализируемые стихотворения в целом прямо не обнаруживают своего актуального содержания — наоборот, казалось бы, выражают стремление поэта возвыситься над «суетой жизни», тем самым вроде бы подтверждая неоднократно в пушкиноведении заявлявшуюся концепцию «двух Пушкиных» — суетного человека и небожителя.

Между тем уже М. Л. Гофман и М. Н. Розанов предполагали, что цифры на автографах означали намерение Пушкина (в намеченной последовательности) напечатать эти стихотворения

---

¹¹ К сожалению, мы не можем проследить аналогичного обозначения (с использованием знака №) порядка стихотворений в других пушкинских лирических циклах, так как автографы и «Подражаний Корану», и «Песен западных славян» сохранились далеко не в полном виде. Замечу, однако, что белой автограф так называемых «Заметок по русской истории» («По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось...») предварен пометой — «№ I». В настоящее время большинство исследователей оценивают этот фрагмент в качестве первой главки автобиографических записок, над которыми Пушкин начал работать в 1821 г.

в своем журнале «Современник». В самом деле, в июне—июле 1836 г. Пушкин отдавал ему все силы.

Второй том «Современника» (цензурное разрешение 30 июня), который готовился почти без его участия (здесь напечатаны только две пушкинские статьи — о российской и французской академиях), окончательно подтвердил ту печальную истину, что журнал не расходуется. Напечатанные «двойным заводом» (2400 экз.) два первых тома «Современника» не покрывали издательских расходов — следующий том был издан тиражом, вдвое меньшим.

Живя на даче Каменного острова, Пушкин все лето был занят подготовкой этого тома. Здесь были напечатаны три его стихотворения («Полководец», «Родословная моего героя», «Сапожник»), «Отрывок из неизданных записок дамы» и исторические анекдоты екатерининского царствования, статьи «О мнении М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», «Вольтер», «Джон Теннер», антикритика на «Историю Пугачевского бунта» и три рецензии. Мы знаем также, что для этого тома Пушкиным готовилась, но была задержана цензурой статья «Александр Радищев».

Давно замечено, что через все номера «Современника» проходят несколько ведущих тем, объединяющих ряд публикаций, — прежде всего тема войны 1812 г. и декабристская тема, трактуемая по необходимости аллюзионно (первый номер журнала открывался стихотворением Пушкина «Пир Петра Первого»). В четвертом выпуске «Современника» (цензурное разрешение 11 ноября) будет отмечена двадцатипятилетняя годовщина основания Лицея. Об этом напомним дата под напечатанным анонимно романом Пушкина «Капитанская дочка»: «19 октября 1836 г.» (как и царскосельский эпизод в конце романа), а также очерк «Вечер в Царском Селе»; к той же теме, несомненно, тяготело и прямо с Лицеем не связанное стихотворение Баратынского «Князю Вяземскому», воссоздающее судьбу пушкинского пбколения:

Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарившие меня
И дружбы кроткими лучами,
И светом высшего огня?
Что вам дарует провиденье?
Чем испытует небо вас?
И возношу молящий глас:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минет скорбный час...¹²

Третий же том журнала должен был выйти в конце лета 1836 г. Именно для него Пушкин берег написанную еще весной статью «Александр Радищев» — о «бунтовщике хуже Пугачева», приговоренном к ссылке в 1790 г., возвращенном из Сибири

---

¹² Современник, 1836, т. IV, с. 217.

в 1796 г. и окончательно освобожденном в марте 1801 г., спустя десять с лишним лет со времени приговора.

Вероятно, Пушкин думал при этом (я надеялся пробудить воспоминание читателей) о других «бунтовщиках» — декабристах. Летом 1836 г. исполнялась десятилетняя годовщина последнего акта декабристской трагедии: 1 июня 1826 г. был учрежден Верховный суд, 13 июля состоялась казнь, на следующий день отслужили очистительный молебен на Петровской (Сенатской) площади,¹³ с 21 июля осужденные начали партиями отправляться к месту заключения, 24 июля выехала вслед за мужем в Сибирь первая из жен-подвижниц — Е. И. Трубецкая.

Приберегая для третьего выпуска журнала статью о Радищеве, Пушкин предусмотрел, чтобы ведущая тема варьировалась и в других материалах номера. Отголоски той же темы можно усмотреть в статье кн. П. Б. Козловского «О надежде», в статьях самого Пушкина, посвященных Вольтеру и полемике с Лобановым, а также в «Отрывке из неизданных записок дамы».

В высшей степени примечательна помещенная в третьем выпуске «Современника» пушкинская рецензия на новый перевод книги Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека»; рецензия не только была опубликована до выхода книги из печати, но полностью потом вошла в отрецензированную книгу — в предисловие переводчика (С. Дирин) — факт беспрецедентный в журнальной практике.¹⁴ Вполне очевидно, что Пушкин спешил неспроста: нужно было именно летом 1836 г. возбудить общественный интерес к личности итальянского поэта и драматурга С. Пеллико, который ровно десять лет провел в тюрьмах по обвинению в принадлежности к организации карбонариев и был выпущен повелением австрийского императора Франца I на свободу досрочно (по приговору суда ему оставалось отбывать наказание еще в течение пяти лет).

Именно в этой рецензии, на мой взгляд, находится ключ к последнему лирическому циклу Пушкина, который, по-видимому, также первоначально предназначался для третьего тома «Современника».

Стилизованная под евангельские проповеди, книга итальянского страдальца естественно вызывает на сопоставление с ними, которое и проводится в начале рецензии, после чего говорится следующее: «Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получив свободу, издал свои записки. Изумление было

¹³ См.: Северная пчела, 1826, 15 июля, № 84.

¹⁴ «Об обязанностях человека, наставление юноше. Сочинение Сильвио Пеллико. С итальянского» (СПб., 1836; цензурное разрешение — 20 декабря 1836 г.; на титуле — эпитафия из Книги премудростей Соломона: «Правда бо бессмертна есть»). В библиотеке Пушкина издание сохранилось с дарственной надписью переводчика: «Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика. Дирин. 18 генв. 1837. С.-Петербург». Это едва ли не последняя книга, подаренная поэту (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX—X, с. 75—76).

всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью, — прочли умиленные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви, доброжелательства...» (XII, 99). Пушкин недаром обращает внимание читателей на предыдущую книгу С. Пеллико «Мои темницы», вышедшую в русском переводе в начале 1836 г.¹⁵ Она благополучно миновала российскую цензуру, так как была наполнена благочестивыми рассуждениями, но вместе с тем скупой, констатирующий рассказ об участи заключенного неизбежно вызвал к памяти о декабристах, томящихся в «мрачных пропастях земли».¹⁶

Сама же евангельская тональность отрецензированной Пушкиным книги С. Пеллико была далеко не случайной. «Требование стремиться к моральному совершенствованию, предъявляемое каждому карбонарию, — пишет современный историк, — неразрывно связано с культом Иисуса Христа. Карбонариям внушалась мысль, что Иисус Христос, великий мастер Вселенной, являлся первым карбонарием и покровителем карбонарского общества <...> Посвящаемый исполнял роль Христа. Связанного веревками, его вели к Пилату — великому мастеру венты. Пилат, в соответствии с библейской легендой, послал Иисуса на суд к Кайяфу, тот — к Ироду. Наконец, судьба Христа передавалась в руки народа <...> „Да будет распят“, — требовал народ и заставлял посвящаемого нести крест на Голгофу. Лишь там ему даровали пощаду, после чего он становился на колени и произносил клятву».¹⁷

Несомненно, у Пушкина судьба С. Пеллико должна была вызывать особо острые воспоминания о В. К. Кюхельбекере. Достаточно сказать, что переводчиком книги «Об обязанностях человека» был С. Н. Дирин, близкий к семье Кюхельбекера, передававший письма последнего к родным для чтения Пушкину.¹⁸ В июне 1836 г. (10 июня Кюхельбекеру исполнилось 40 лет) Пушкин сам написал лицейскому товарищу в Варгузин.¹⁹ Пушкину несомненно была хорошо знакома религиозная экзальтация Кюхельбекера, охватившая его в тюрьме. Характерно, что в день своего 39-летия он читает «Подражания Христу», т. е. книгу, которую Пушкин вспоминает в своей рецензии на перевод Ди-

¹⁵ «Записки Силвио Пеллико Саллудского, с итальянского. С прибавлением биографического введения А. де Латура и дополнением исторических замечаний П. Марончелли. Перевод с французского актера Баранова» (т. 1—2. М., 1836; цензурное разрешение — 22 ноября 1835 г.).

¹⁶ О популярности книги С. Пеллико у декабристов см.: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980, т. 1, с. 95, 287, 302.

¹⁷ Ковальская М. И. Итальянские карбонарии. М., 1977, с. 11.

¹⁸ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 131.

¹⁹ Письмо это не сохранилось. Ответ на него Кюхельбекер написал 3 августа 1836 г., упоминая, в частности, о первом томе журнала «Современник», который до него не дошел (см.: XVI, 146). Следовательно, письмо Пушкина было послано до выхода второго тома «Современника» (цензурное разрешение 30 июня) и написано, вероятно, после 23 мая 1836 г. (когда Пушкин, возвратившись из Москвы, поселился на даче Каменного острова).

рина («В позднейшие времена неизвестный творец книги „О подражании Иисусу Христу“, Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем человеков благоволения» — XII, 99).²⁰ Ведущим в тюремной лирике Кюхельбекера стал мотив духовного возрождения павшего человека, — как правило, развитый в образах, почерпнутых в Ветхом и Новом заветах.²¹

По-видимому, как в рецензии на книгу С. Пеллико, так и в стихотворениях «каменноостровского цикла» мысль о декабристах у Пушкина прежде всего была связана с воспоминаниями о «брате по музам, по судьбам» — о Кюхельбекере.

3

Высказанные выше соображения помогают понять актуальный смысл «каменноостровского цикла» Пушкина (голос современника постоянно в цикле чувствуется), повествующего о «крестном пути» человека, поэта. Пушкинскому поколению довелось эту тему пережить как коснувшуюся многих и глубоко личную. В равной степени она была близка и Сильвио Пеллико, и Вильгельму Кюхельбекеру, и Александру Пушкину.

Прежде всего становится понятной соотнесенность с циклом стихотворения «Из Пиндемонти». Отметим, что подчеркнутая в заголовках стихотворений ориентация на итальянские литературные источники перекликалась с рецензией на книгу итальянского карбонария: и И. Пиндемонте (1753—1828), и не названный в третьем стихотворении Ф. Джигани (1760—1820)²² — старшие современники С. Пеллико.

В первом стихотворении цикла заметно акцентировано слово «права» (начальная строка: «Не дорого ценю я громкие права...»); центральная строка: «Иные, лучшие мне дороги права...»; концовка: «Вот счастье, вот права...» — III, 420). Вероятно, тема этого стихотворения возникла в представлении Пушкина по контрасту с названием книги С. Пеллико «Об обязанностях человека». Обычно считается, что в стихотворении «Из Пиндемонти» Пушкин проповедует «полную свободу мыслящей человеческой личности — в данном случае личности поэта — от всякой системы и всякой власти», «независимость, высокое сознание своего лич-

²⁰ См.: Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 364 (запись в дневнике 10 июня 1835 г.).

²¹ См., например, сонеты Кюхельбекера на евангельские темы и стихотворение «Ангел», в которых можно отметить определенное сходство с отдельными мотивами и строками пушкинского «каменноостровского цикла». Речь, разумеется, здесь идет не о реминисценциях Пушкина из Кюхельбекера; тем примечательнее эти совпадения, вскрывающие общность мыслей поэтов (см.: Кюхельбекер В. К. Избр. произв.: В 2-х т. М.; Л., 1967, т. 1, с. 235—237, 289—290 (Б-ка поэта. Большая сер.)).

²² См.: Томашевский Б. В. Источник стихотворения «Как с древа сорвался предатель-ученик». — В кн.: Пушкин и его современники. Л., 1930, вып. XXXVIII—XXXIX, с. 78—81.

ного достоинства, доведенное до отрицания всяких общественных обязанностей».²³ Но такая трактовка не учитывает особой тональности как этого, так и последующих стихотворений цикла. Оно вдохновлено не проповедью элитарности «мыслящей личности», напротив — оно страстно утверждает первейшее, неизбежное право (без которого все остальные «громкие права» фиктивны) каждого человека на физическую и духовную свободу. Стихотворение написано словно от лица узника, лишённого права

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам...

(III, 420)

Независимость и самоценность нравственной жизни человека здесь утверждаются с позиций наивного, естественного взгляда на мир. Именно такой взгляд был оправдан в просветительской доктрине естественного права, главным своим началом считающей следующий тезис: «Человек имеет право на все деяния и состояния, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может».²⁴ В статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» Пушкин писал: «Закон не вмешивается в привычки частного человека, не требует отчета о его обеде, о его прогулках и тому подобном <...> Закон постигает одни преступления, оставляя слабости и пороки на совесть каждого» (XII, 69). Здесь важно пушкинское уточнение: «частного человека». Наивный взгляд на мир такого уточнения не подразумевает, но именно глазам «простодушного» открывается, как много уродливого содержится в освященных авторитетом закона «правах». «Все это, видите ль, слова, слова, слова», — говорит поэт, отсылая читателя к Гамлету, и данная отсылка позволяет мысленно продолжить ту же сцену шекспировской трагедии и вспомнить диалог, который возникнет там чуть позже:

Гамлет. Дания — тюрьма.

Розенкранц. Тогда весь мир — тюрьма.

Гамлет. И превосходная, со множеством затворов, темниц и подземелий, причем Дания — одна из худших.²⁵

Обратим внимание на то, что в данной сцене «безумный» Гамлет выражает откровения естественного, наивного сознания.

Наивный взгляд на мир подразумевает не только бескомпромиссное отрицание всех опутавших человека условностей, но и предельную требовательность к себе. В стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны», в сущности, и формулируются обязанности человека, которые позволяют ему жить в мире с собой и другими. Важно подчеркнуть, что здесь говорится о нравственных основах человека «падшего» (ср.: «И падшего крепит

²³ Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина, с. 255.

²⁴ Кунцын А. Право естественное. СПб., 1818, с. 34.

²⁵ Шекспир У. Полн. собр. соч. Л.: Academia, 1936, т. 5, с. 58.

неведомою силой» — III, 421) — среди нескольких значений этого слова есть и близкое к понятию «узник». Очевидно, Пушкин помнит биографию «сирского пророка», чей текст воспроизводит; ср.: «Ефрем Сирий, сын земледельца <...>, будучи в юности безрассудным и раздражительным, но, попав случайно в тюрьму по обвинению в краже овец, здесь прозрел, удостоился слышать глас божий и смирился».²⁶ Не случайно в беловом автографе стихотворения Пушкин рисует молящегося старца — особенно старательно при этом прорисовывается кованая решетка на окне кельи (ПД, № 951).

Следующее стихотворение («Подражание италиянскому») может показаться противоречащим по духу предыдущему, где среди главных заповедей морали подчеркивается: «Да брат мой от меня не примет осужденья» (III, 421). На самом же деле цикл нигде не вступает в противоречие с главной идеей, лежащей в его основе. После проповеди добра, бескомпромиссного и полного, воссоздается картина зла, воплощенного в предательстве Иуды. Казалось бы, заветы добра, диктующего обязанность не посягать на свободу человека ни в каких обстоятельствах, развязывают руки злу и предопределяют его торжество в мире. Однако в соотнесении с общим наивным взглядом естественного человека, в третьем стихотворении цикла показывается, что злу положены неодолимые пределы. В отличие от всех остальных стихотворений цикла в «Подражании италиянскому» о судьбе Иуды рассказано строго объективно, без всяких оценок — и здесь выясняется, что зло самодовлеюще и самоисчерпывающе. И дело даже не только в том, что предатель-ученик сам осуждает себя на казнь; преступник при этом еще спасается (срывается из петли), но лишь для того, чтобы получить заслуженную награду: предательский поцелуй Иуды предопределяет лобзание Саганы, искренний, но и убийственный дар «врага человеческого» предателю.

И вновь по закону контрапункта от рассказа о гибели предателя поэт обращается в стихотворении «Мирская власть» к мучениям праведника — вновь, как и в стихотворении «Из Пиндемонти», но уже на новом уровне возвращаясь к теме попоранной свободы, когда охранительной регламентации подвергается сам символ бескорыстной любви к людям.

Важно понять, что символ веры, помогающий поэту удержаться от бездны отчаяния, Пушкин обнаруживает не только в «созданиях искусств и вдохновенья», но и в области народных представлений, противостоящих, в частности, официальной религии. В литературе уже отмечалось, что сюжет стихотворения «Подражание италиянскому» представляет собою контаминацию ряда апокрифических мотивов,²⁷ не находящих подтверждения в канонических евангелиях, где только однажды кратко упоми-

²⁶ Полный православный энциклопедический словарь. СПб., 1912, т. 1, с. 875.

²⁷ См.: Проблемы современного пушкиноведения. Л., 1981, с. 87—90.

нается, что Иуда «отыде и шед удавился» (Матф., 27, 129). Правда, в «Деяниях апостолов» встречаются сведения о том, что веревка оборвалась и Иуда потом жил долгие годы, но Пушкин, как мы видели, избирает иную версию легенды.

Столь же апокрифическим является и мотив присутствия у распятия на Голгофе только двух женщин: богородицы и Марии Магдалины. Наоборот, в каноническом рассказе говорится совершенно ясно, что у креста находился сотник, а многие женщины (среди которых были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова) стояли поодаль. И только в Евангелии от Иоанна читаем: «Стоя же при кресте Иисусове мати его и сестра матере его Мария Клеопова и Мария Магдалина. Иисус же видев мать и ученика стояща, егоже любяще, глагола матери своей: жено, се, сын твой» (Иоанн, 19, 25—26); но и здесь далее упоминается о воинах, которые поднесли к губам жаждущего мученика напитанную уксусом губку. И в данном случае Пушкин черпает свой сюжет в апокрифических преданиях, в которых особенно популярными героинями были богоматерь и Мария Магдалина.²⁸

Очевидно, прежде всего именно по этой причине Пушкин отказался от мысли опубликовать последний цикл в журнале «Современник», предвидя неодолимые цензурные препятствия.

Но значит ли это, что поэт, поставив на стихотворении «Мирская власть» цифру IV, отказался от продолжения цикла? Мне кажется, что нет.

4

Различными исследователями высказывались соображения о том, какие из стихотворений Пушкина (кроме четырех пронумерованных) могли также входить в цикл.

В 1954 г. Н. В. Измайлов предложил на первое место поставить стихотворение «Я памятник себе воздвиг...», а на пятое — «Когда за городом задумчив я брожу»,²⁹ и хотя впоследствии он отказался включать «Памятник» в состав «каменноостровского цикла», некоторые пушкинисты продолжают разделять эту гипотезу.³⁰ Что же касается стихотворения «Когда за городом задумчив я брожу...», то здесь предположение Н. В. Измайлова (которому он остался верен)³¹ не противоречит выявленному В. П. Старком сюжету цикла. Согласно легенде, тело Христа в пятницу вечером было положено в гроб и находилось там вплоть до воскресения. В Евангелии от Иоанна говорится: «При-

²⁸ См.: Сахаров В. Апокрифические легендарные сказания о деве Марии. — Христианское чтение, 1888, № 11—12.

²⁹ Измайлов Н. В. Стихотворение Пушкина «Мирская власть», с. 554—555.

³⁰ Ср., например: Еремин М. Пушкин-публицист. 2-е изд. М., 1976, с. 415, 457; Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982, с. 434—435.

³¹ Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина, с. 245—246.

яста же тело Иисусово и обвиста его ризами со ароматы, якоже обычай есть иудеом погребати. Бе же на месте, идеже распяты, верт, а в верте гроб нов, в немже николиже никтоже положен бе» (Иоанн, 19, 40—41). В связи с этими событиями и могла в пушкинском стихотворении возникнуть тема «кладбища родового»; возможно, упоминание о верте (вертограде) подсказало поэту заключительные строки стихотворения: «Стоит широко дуб над важными гробами, Колеблясь и шумя...» (III, 423).

Н. Н. Петрунина считает, что пятое место в цикле должно занимать сохранившееся в черновике «Из Пиндемонта» четверостишие «Напрасно я бегу к Сионским высотам...».³² Т. Т. Савченко допускает, что это стихотворение могло открывать цикл.³³ «Мы согласны, — поправляет Н. Н. Петрунину В. П. Старк, — что это четверостишие является разрешением проблем, поставленных в стихотворении „Из Пиндемонта“, но в таком случае оно может занимать место лишь следом за ним, т. е. под номером семь, завершая цепочку раздумий Пушкина, отразившихся в цикле».³⁴

Думается, что в данном случае В. П. Старк не вполне последователен, хотя, на мой взгляд, и отчасти прав.

Стоит только поставить вопрос о том, к каким событиям Страстной недели может тематически тяготеть стихотворение «Напрасно я бегу к Сионским высотам...», чтобы со всей очевидностью убедиться в том, что оно соотносится со «страстями господними», т. е. с ночью с четверга на пятницу, когда после тайной вечери смутилась душа Иисуса перед грядущим испытанием: «И испед иде по обычаю на гору Елеонскую: по нем же идоша ученицы его. Быв же на месте, рече им: молитесь, да не ввидите в напасть. И сам отступи от них яко вержением камене, и поклонь колена моляшеся. Глаголя: отце аще волише мимо нести чашу сию от мене...» (Лука, 22, 39—42).

Собственно, молитва Ефрема Сирина, читавшаяся в среду Страстной недели, и была откликом на «страсти господни». Таким образом, первоначально на месте стихотворения «Отцы пустынники и жены непорочны» Пушкин, по-видимому, предполагал поместить другое — «Напрасно я бегу к Сионским высотам»,³⁵ работу над которым начал сразу же в черновом автографе «Из Пиндемонта», но, на мой взгляд, не завершил, решив о «стра-

³² Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 66—72.

³³ Савченко Т. Т. О композиции цикла 1836 года А. С. Пушкина. — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1979, с. 70—81.

³⁴ Старк В. П. Стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны», с. 203.

³⁵ Ср. замечание Г. П. Макогоненко: «Четверостишие „Напрасно я бегу“ тематически, стилистически, образно связано со стихотворением „Отцы пустынники и жены непорочны“. Точнее — оно предсказывало это стихотворение (...). Четверостишие — не самостоятельное стихотворение, а отрывок начатого и брошенного стихотворения» (Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836), с. 451).

стях» поведать умиротворенно («смирennemудро»), обратившись к молитве Ефрема Сирина. Так после стихотворения «Из Пиндемонти» последовало стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны».

Необходимо также снова возвратиться к вопросу о датах, сохранившихся в пушкинских автографах.

Летом 1836 г., проживая на даче Каменного острова, Пушкин создал шесть стихотворений, дошедших до нас в беловых автографах. Четыре из них, как об этом говорилось много раз выше, помечены цифрами: кроме того, в конце автографов выставлены даты. В двух случаях эти даты читаются четко и недвусмысленно: «22 июня. Кам. остров» («Подражание италиянскому» — ПД, № 235) и 5 июля («Мирская власть» — ПД, № 1747); в двух же случаях название месяца может быть прочитано двояко: и как «июнь», и как «июль». Очевидно, первым Пушкин создал стихотворение «Из Пиндемонти», и потому дату на беловом автографе его (ПД, № 236) следует читать как «5 июня». Выше уже упоминалось, что в черновом автографе этого стихотворения (ПД, № 237) Пушкин начал работать над стихотворением «Напрасно я бегу к Сионским высотам», впоследствии в цикл замененным другим: «Отцы пустынноики и жены непорочны». Следовательно, дату на последнем стихотворении, на мой взгляд, следует читать как «22 июня» (т. е. оно было написано в один день с «Подражением италиянскому»).³⁶

Стихотворения «Когда за городом задумчив я брожу» и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» не имеют цифровых помет, но в конце их — аналогично стихотворению «Подражание италиянскому» — помечено соответственно «14 авг. 1836. Кам. остр.» и «1836. Авг. 21. Кам. остр.». Если читать цифру на автографе «Из Пиндемонти» как «№ I», то ничто не противоречит включению в цикл этих стихотворений в их хронологической последовательности.

Возможно, отказавшись от мысли опубликовать цикл, Пушкин все же «для себя» дописал его, вполне завершив заданный в первых четырех стихотворениях сюжет «крестного пути» поэта, который наперекор «жестокому веку» «смертью смерть поправ».

Если уж и включать стихотворение «Я памятник себе воздвиг...» в «каменноостровский цикл» (а такие попытки, как уже отмечалось выше, настойчиво предпринимались в пушкиноведении), то, несомненно, не в качестве зачина, а именно в качестве финала, апофеоза.

---

³⁶ К такому же выводу, исследуя автографы стихотворений, пришла Н. Н. Петрунина. Правда, придерживаясь традиционной трактовки цифровой пометы на стихотворении «Из Пиндемонти», она предполагает, что дату под ним следует читать как «5 июля». Вместе с тем исследовательница высказывает общее суждение, с которым я целиком согласен: «...последовательность произведений цикла определяется временем создания входящих в него стихотворений» (Петрунина Н. Н., Фридляндер Г. М. Над страницами Пушкина, с. 72).

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1981 ГОДА

- Агальцова В. А. Усадьбы Пушкинского кольца Калининской области: Проблемы восстановления и сохранения мемориального парка Бернова. — В кн.: Вопросы деятельности литературных музеев-заповедников (по материалам социологического исследования) / Сост.: А. К. Ломунова. М., 1981, с. 89—97. (Тр. НИИ культуры, вып. 105).
- Аксаков И. С. Речь о А. С. Пушкине. — В кн.: Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент. А. С. Курилова. М.: Современник, 1981, с. 263—280. (Б-ка «Любителям российской словесности». Из лит. наследия).
- Алянский Ю. Л. Рассказы о Русском музее. — 2-е изд., перераб. и доп. — Л.: Лениздат, 1981. — 247 с., ил.
С. 80—95: «Воспоминания в зале № 111» [История памятника Пушкину работы М. К. Аникушина]. С. 123—133: «Глазами Пушкина».
- Анатолийчук Н. Страницы поиска. — Радуга, 1981, № 4, с. 186—187.
Рец. на кн.: Зленко Г. Одесские тетради. Одесса: Маяк, 1980.
- Антиповская Г. К. Начальное понятие о реализме: Урок по лирике Пушкина в VIII классе. — Лит. в школе, 1981, № 6, с. 13—17.
Анализ стихотворений «Рассудок и любовь», «Разлука» и «Сожженное письмо».
- Антокольский П. Г. «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М.: Худож. лит., 1981, с. 3—20. (Классики и современность. Поэт. б-ка).
- Аршповский В. И. Об идейно-художественном единстве пушкинского цикла «Повести Белкина». — Вопр. рус. лит., Львов, 1981, вып. 2 (38), с. 36—43.
- Бабинский М. Б. Герой с романтическим мироощущением в русской литературе первой половины XIX в. — Лит. в школе, 1981, № 6, с. 58—60.
На примере «Евгения Онегина».
- Балашов В. Ф. Когда в садах Лицея...: Драма в стихах, в 3 актах, 11 сценах. — В кн.: Б.: Когда в садах Лицея... Легенда о Паганини. Пьесы. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1981, с. 4—108.
- Балашова Н. А. Некоторые вопросы пушкинской лирики 1826 года: Системные связи. — В кн.: Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Межвуз. сб. / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 1981, с. 23—34.
- Балашова Н. А. Особенности композиции лирики А. С. Пушкина 1827 г. / Рост. гос. ун-т. — Ростов н/Д, 1981. — 26 с.
Библиогр.: с. 23—26.
Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 9353 от 22.02.82.

Балкун Л. Автор памятника Пушкину [А. М. Опекушин]. — Наука и жизнь, 1981, № 1, с. 86—89.

Батурова Т. Живые образы друзей поэта. — Лит. в школе, 1981, № 6, с. 66—67.

Рец. на кн.: Лобикова Н. М. Тесный круг друзей моих. Пушкин и декабристы. М.: Просвещение, 1980.

Баулина В. В. Сады и парки Горьковской области. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. — 223 с.

С. 43—59: «Парк в Болдине». С. 59—62: «Сад во Львовке».

Бокедин П. В. Несостоявшаяся атрибуция. — Рус. лит., 1981, № 1, с. 197—199.

О статье Ю. П. Фесенко «Эпиграмма на Карамзина. (Опыт атрибуции)», напечатанной в книге: Пушкин. Исслед. и материалы. Л., 1978, т. 8, с. 293—296.

Березкин В. И. В. В. Дмитриев. — Л.: Художник РСФСР, 1981. — 296 с., ил.

С. 136—177: Гл. IV. От «Бориса Годунова» до «Екатерины Измайловой».

Берестов В. Д. Еще девять пушкинских строк?.. — Вопр. лит., 1981, № 8, с. 163—190.

О стихотворении Пушкина «Как за церковью, за немецкою...».

Берестовская Д. С. Предисловие. — В кн.: Пушкин А. Прекрасны вы, брега Тавриды... Стихи о Крыме / Сост.: Л. И. Кондрашенко и К. К. Яковлев; Авт. примеч. К. К. Яковлев; Худож. В. И. Жерибор. Симферополь: Таврия, 1981, с. 5—11.

Берков П. Н. Проблемы исторического развития литературы: Статьи / Вступ. статья Д. Лихачева; Сост. Н. Кочетковой и Г. Фридлендера. — Л.: Худож. лит., 1981. — 496 с.

С. 298—326: «Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века» [впервые в кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. М.; Л., 1962, т. 4, с. 75—93]. С. 327—368: «Пушкин и итальянская культура» [впервые в кн.: Annali dell' Istituto universario orientale. Sezione slava. Napoli, 1970. Печатается по рукописи с уточнениями].

Благой Д. Д. Беседа с Д. Д. Благим. Беседу вел В. Тульчин. — В кн.: День поэзии. 1981. М.: Сов. писатель, 1981, с. 27—28.

Благой Д. Д. Гений национальной и всемирной литературы. — В кн.: Пушкин А. С. Драматургия; Проза. М.: Правда, 1981, с. 3—20.

Благой Д. Д. Гений русской и мировой литературы. — В кн.: Пушкин А. С. Сказки; Дубровский; Капитанская дочка / Предисл. Д. Благого. Кишинев: Литература артистико, 1981, с. 5—16.

Благой Д. Д. Судьбы человеческие, судьбы народные. — В кн.: Пушкин А. С. Борис Годунов. Трагедия / Грав. В. Фаворского. М.: Дет. лит., 1981, с. 90—115.

Бойко К. А. Источник сказки А. С. Пушкина о золотом петушке. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная науч. сессия ЛО ИВ АН СССР (докл. и сообщ. по арабистике) / АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1981, ч. 2, с. 58—61.

Болдинские чтения / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. ун-т им. Лобачевского. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. — 192 с.

Содерж.: Творчество А. С. Пушкина периода «болдинской осени». Г. В. Краснов. Болдинские чтения 1969—1980. Некоторые итоги; Л. С. Сидяков. Творчество «болдинской осени» в художественной эволюции Пушкина рубежа 1830-х годов; Г. П. Макогоненко. «Сказка о рыбаке и рыбке» и вопросы ее интерпретации; Ю. Н. Чумаков. Два фрагмента о сюжетной полифонии «Моцарта и Сальери»; Н. И. Михайлова. Временная композиция «Истории села Горюхина». — Поэтика Пушкина. А. П. Чудаков. К поэтике пушкинской прозы; В. М. Маркович. О мифологическом подтексте сна Татьяны; Е. С. Хаев. Идиллические мотивы в «Евгении

Онегине»; Е. М. Калло, В. П. Турбиц. Эхо «Вакхической песни»; С. А. Фомичев. «Загадочное» стихотворение Пушкина «Олегов цит»; В. А. Грехнев. Пушкин и элегическая поэтика времени; Т. И. Орнатская. От «Путешествия в Арзрум» к «Фрегату „Паллада“». Пушкин и Гончаров; В. А. Викторovich. К поэтике сюжетного эксперимента. Пушкин и Достоевский; М. С. Альтман. Персонажи произведений Пушкина как читатели. — Пушкинское музееведение. Ю. И. Левина. Межевые пламы Болдина. Из истории некоторых экспонатов Болдинского музея—заповедника А. С. Пушкина.

Большаков Л. Н. Маска Пушкина. — В кн.: Б.: Клад комиссара. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1981, с. 63—81.

История маски, принадлежавшей И. А. Соколову.

То же. — В кн.: Рифей. Урал. лит.-краевед. сб. Челябинск: Урал. кн. изд-во, 1981, с. 115—129.

Борев Ю. Б. Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». — М.: Сов. писатель, 1981. — 399 с., ил.

Рец.:

Аникст А. Искусство читать. — Октябрь, 1982, № 10, с. 206—207.

Набиев Б., Девиц В. Искусство целостного анализа. — Лит. Азербайджан, 1982, № 6, с. 123—124.

Радионова Т. Как читать художественный текст. — В мире книг, 1982, № 7, с. 78.

Тимофеев Л. Состоялась ли интеграция науки о литературе? — Вопр. лит., 1982, № 9, с. 236—248.

Фомичев С. А. «Медный всадник». Интерпретации, оценки. — Лит. в школе, 1982, № 5, с. 67—70.

Борисенко И. В. О месте встречи А. С. Пушкина с калмыками в 1829 г. — В кн.: Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР / Калм. н.-и. ин-т ист., филол. и экон. при Совете министров Калм. АССР. Элиста, 1981, с. 49—61, карт.

Браже Т. Г. Комментарий к роману Пушкина. [Рец. на кн.:] Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителей. Л.: Просвещение, 1980. — Веч. сред. школа, 1981, № 4, с. 79—80.

Брюсов В. Я. Ремесло поэта: Статьи о рус. поэзии / Сост., послесл., примеч. Л. Асанова. — М.: Современник, 1981. — 399 с. — (Б-ка «О времени и о себе»).

С. 63—218: 2. О Пушкине.

Букалов А. «Сентиментальное путешествие в Захарово». — В мире книг, 1981, № 9, с. 71—74.

Посещение Музея А. С. Пушкина в Захаровской средней школе и пушкинского праздника.

Букалов А. След вдохновенного пера. — В мире книг, 1981, № 6, с. 66—67.

Рец. на кн.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд., пересм. и расш. М.: Искусство, 1980.

Быковская Т. Пушкинская площадь; Страстной бульвар. — Стр-во и архитектура Москвы, 1981, № 12, с. 23, фот. с. 24—25.

Бэлза И. Ф. К вопросу о пушкинских традициях в отечественной литературе: На примере произведений М. А. Булгакова. — В кн.: Контекст. 1980. Лит.-теорет. исследования / АН СССР, Ин-т мировой литературы им. Горького. М.: Наука, 1981, с. 191—243.

Васильев Н. Л. Научная лексика в литературном творчестве А. С. Пушкина: Автореф. дис. канд. филол. наук / Горьк. гос. ун-т им. Лобачевского. — Горький, 1981. — 27 с.

Вадуро В. Э. «Повести Белкина». — В кн.: Пушкин А. С. Повести Белкина. 1830—1831 / Вступ. статья, примеч. В. Э. Вадура; Худож. Г. М. Берштейн. М.: Книга, 1981, с. 7—60. (Книга и время).

- Видова О. И. Поэтическая функция элегического жанра А. С. Пушкина в романе «Евгений Онегин» / Новосибир. ун-т им. Ленинского комсомола. — Новосибирск, 1981. — 20 с.
- Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 7564 от 6.05.81.
- Волков Г. Н. «Я предпринял... литературный подвиг». — В кн.: Пушкин А. С. Драматические произведения; Проза. М.: Худож. лит., 1981, с. 3—17. (Классики и современники. Рус. классич. лит.).
- Впервые в кн.: Пушкин А. С. Драматические произведения; Проза. М.: Худож. лит., 1980, с. 5—20.
- Временник Пушкинской комиссии. 1978 / Ред. акад. М. П. Алексеев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз., Пушкинская комис. — Л.: Наука, 1981. — 167 с., ил.
- Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. В. Э. Вадуро. К истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...»; С. А. Фомищев. «Подражания Корану». Генезис, архитектоника и композиция цикла; Л. Лотман. «И я бы мог, как шут (<...>)»; Н. П. Прожогин. Переводчик Пушкина Чезаре Боччелла. — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1978 года; Р. В. Овчинников, Н. Н. Петрунина. Каталог архивных документов и соответствующих им текстов Пушкина в «архивных тетрадах» и в «Истории Пугачева». Дополнения и уточнения. — III. Заметки. Р. Г. Жуйкова. Портрет Д. В. Давыдова в лицейской тетради Пушкина; И. П. Медведев. Пушкин — переводчик Коллегии иностранных дел; Н. Н. Зубков. О возможных источниках эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану»; Л. А. Черейский. К портрету Н. Б. Голицына; Е. Я. Курганов. К истории одного авторского примечания к «Евгению Онегину»; В. П. Старк. Несколько пояснений к стихотворению Пушкина «Н. Н. (Примите «Невский Альманах»)»; А. Е. Тархов. К расшифровке так называемой «Второй программы записок» Пушкина; А. Н. Ильин. К истории создания стихотворения «Чу, пушки грянули...»; Ю. Б. Татаринов. К заметке Пушкина «О Железной Маске». — IV. Хроника. Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1978 г.; Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1978 г.; Пушкинские музеи Калининской области в 1978 г.; Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области в 1978 г.; Музей А. С. Пушкина в Чехословакии; По страницам газет 1978 года. — Временник Пушкинской комиссии 1962—1977 [Вып. 1—15]. Указатель содержания; Список иллюстраций.
- Гагуа Л., Виноградова А. Пушкин, но какой? — В кн.: Дни Грузии. Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1981, с. 238—239.
- Автограф стихотворения «На земле щедротой неба...», обнаруженный в архиве потомков А. П. Логинова в Тбилиси.
- Гаджиев А. Читая Пушкина... — В кн.: Г.: В поисках героя. Лит. исследования, размышления, разборы. Баку: Язычы, 1981, с. 80—83.
- Написано в 1974 г.
- Галущко Т. К. Рисовал Александр Пушкин. — Искорка, 1981, № 6, с. 18—22, ил.
- Гальперина Е. К. Преданность Пушкину. — В кн.: Осмерки и. Размышления об искусстве. Письма. Критика. Воспоминания современников / Сост. и общ. ред. А. Ю. Никича. М.: Сов. художник, 1981, с. 232—239.
- Гаркави А. М. «Маленькие трагедии» Пушкина как драматургический цикл: Композиция в связи с жанром и художественным методом. — В кн.: Сюжет и композиция литературных и фольклорных произведений. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981, с. 61—73.
- Гачев Г. Д. Образ в русской художественной культуре. — М.: Искусство, 1981. — 247 с.
- С. 37—41: «Анализ стихотворений Пушкина о поэте-пророке и „черни“ и теория „гения“ в западноевропейском романтизме» (в гл. «Деятнадцатый век», раздел первый. Теория образа). С. 87—94:

«Пушкин — „пластика души“. Категория прекрасного. Эпическая трагедия „Борис Годунов“. Недоверие односторонней субъективности. Легка мира и человека в „Евгении Онегине“. „На краю бездны“» (в гл. «Девятнадцатый век», раздел второй. История образа).

Гвелесиани С. Потомки Пушкина — Сванидзе. — В кн.: Дни Грузии. Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1981, с. 237—238.

Гдалин А. Д. Филателистическая Пушкиниана. — М.: Радио и связь, 1981. — 128 с., ил. — (Б-ка юного филателиста, вып. 9).

Содерж.: М. П. Алексеев. Предисловие. — Введение. — Филателистический материал. — Изучение темы. — От материалов к коллекции. — Коллекция на филателистической выставке. — Филателистическая Пушкиниана (каталог). I. Почтовые марки. II. Художественные маркированные конверты. III. Конверты первого дня (КПД). IV. Маркированные почтовые карточки. V. Штемпеля гашения. VI. Картаммаксимумы. — Список литературы. — Алфавитно-предметный указатель.

Гейченко С. С. В Михайловском. — В кн.: Устье. Лит. сб. / Сост. А. А. Бологов. Л.: Лениздат, 1981, с. 179—188.

Гейченко С. С. На земле поэта. — Библиотекарь, 1981, № 6, с. 26—30.

Гейченко С. С. Пушкиногорье / Предисл. Ю. Бондарева; Послел. А. Ларионова. — М.: Мол. гвардия, 1981. — 278 с., ил. — (Отечество).

Худож. Вл. Носков. Фото С. Токаря, В. Ахломова и И. Зотина и фото из архива музея А. С. Пушкина в Михайловском.

Фотоальбом.

Рец.:

Смирнова Т. И вновь я посетил. — В мире книг, 1982, № 6, с. 36—38, ил.

Козмин Б. Служение. — Огонек, 1983, № 7, с. 31.

Гейченко С. С. У Лукоморья: Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника / Вступ. статья М. Дудина; Рис. В. М. Звонцова. — 4-е изд., доп. — Л.: Лениздат, 1981. — 432 с., ил.

Гетапшвили Н. В. Произведения А. С. Пушкина в сценической интерпретации грузинских советских художников. — В кн.: Дружба / АН-ГССР, Музей дружбы народов. Тбилиси: Мецниереба, 1981, т. 3. Вопросы лит. взаимосвязей, с. 23—35.

Гиллельсон М. И. Пушкинская литературно-общественная среда (1810-е—1830-е годы): Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). — Л., 1981. — 50 с.

Гинзбург Л. В. Дорога к Пушкину. — В кн.: Г.: Над строкой перевода. Статьи разных лет. М.: Сов. Россия, 1981, с. 88—92.

Обзор пушкинского номера журнала «Нойе дойче литератур» за 1977 г. (№ 10).

Гинзбург Л. И. Авторская позиция и пространственно-временная организация повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». — В кн.: Проблемы творческого метода. Тюмень, 1981, с. 94—100. (Науч. тр. Тюм. гос. ун-та, вып. 83).

Гиршман М. М. Анализ поэтических произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева: Учеб. пособие для пед. ин-тов. — М.: Высш. школа, 1981. — 111 с.

Анализ стихотворения Пушкина «К*** (Я помню чудное мгновение)».

Горбенко Е. П. П. А. Плетнев и А. С. Пушкин. — В кн.: Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Межвуз. сб. / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 1981, с. 12—23.

Грачева А. Д. Из истории знакомства с Пушкиным в школах дореволюционной Туркмении. — Рус. яз. и лит. в туркм. школе, 1981, № 5, с. 7—14.

Грачева А. Д. Пушкинские жанровые традиции в романе А. Кекилова «Сейги». — В кн.: Актуальные вопросы туркменской литературы.

Сб. статей преподавателей вузов ТССР / Туркм. гос. ун-т им. Горького. Ашхабад, 1981, с. 121—132.

Сопоставление романа Кекилова «Сейги» с «Евгением Онегиным».

Григорьева А. Д. Прозаическое начало в поздней лирике Пушкина. — В кн.: Русский язык. Проблемы худож. речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения. IX—X / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1981, с. 111—124.

Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык лирики XIX в. Пушкин. Некрасов / АН СССР, Ин-т рус. яз. — М.: Наука, 1981. — 340 с.

С. 3—219: А. Д. Григорьева. Язык лирики Пушкина 30-х годов.

Рец.:

Калашник В. С., Тарасов Л. Ф. — Рус. яз. в школе, 1982, № 6, с. 107—109.

Грушева Я. У потомков Пушкина. — Дружба народов, 1981, № 6, с. 266—267. [О французских потомках].

Гуменная Г., Хаев Е. Десятые болдинские чтения. — Вопр. лит., 1981, № 2, с. 303—305.

Изложение докладов X Болдинских чтений, посвященных 150-летию Болдинской осени.

Гусев В. И. Пушкин: уроки стиля. — В кн.: Г.: Память и стиль. Современ. лит. и классич. традиция. М.: Сов. писатель, 1981, с. 40—72.

Дамдинов Н. Г. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2. Драматургические произведения; Статьи, выступления. — М.: Сов. Россия, 1981. — 381 с.

С. 241—249: «Прообраз пушкинского „Демона“» [впервые: Вопр. лит., 1972, № 8, с. 179—184]. С. 317—320: «На пушкинском празднике поэзии» [написано в 1975 г.].

Дарвин М. Н. О своеобразии авторской позиции в стихотворении А. С. Пушкина «Деревня». — В кн.: Художественное целое как предмет типологического анализа. Межвуз. сб. науч. трудов / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 1981, с. 62—71.

Дмитренко С. «История народа принадлежит поэту». — Вопр. лит., 1981, № 5, с. 256—262.

Рец. на кн.: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М.: Худож. лит., 1979.

Дроздова М. Ф. Музыка на уроках по лирике Пушкина. — Лит. в школе, 1981, № 5, с. 30—35.

Дыханова Б. Пушкиниана Д. Самойлова: К Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии. — Подъем, 1981, № 6, с. 150—154.

Еремин М. П. Муза свободы. — В кн.: Пушкин А. С. Собр. соч. В 10-ти т. М.: Правда, 1981, т. 10, с. 288—308. («Огонек». Отеч. классика).

Естафьева Т. Н. Государственный музей А. С. Пушкина — школе. — Лит. в школе, 1981, № 3, с. 50—52.

Железнова Н. «Окуните ваши кисти в голубое»: Графика Лидии Тимошенко. — Лит. обозрение, 1981, № 4, с. 93—94, ил.

О двух циклах иллюстраций Л. Тимошенко к роману «Евгений Онегин».

Жирмунский В. М. Гете в русской литературе / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. — Л.: Наука, 1981. — 558 с.

Гл. III. Пушкинская эпоха. С. 105—113: 4. Пушкин. С. 113—126:

5. Группа Пушкина: кн. Вяземский, Дельвиг, Баратынский, Языков.

Завадская Е. Рец. на кн.: Крейн А. З. Жизнь музея. М.: Сов. Россия, 1979. — Лит. обозрение, 1981, № 4, с. 69—70.

Записки краеведов: Очерки. Статьи. Документы. Хроника / Сост. Н. И. Куприянова, И. В. Сидорова. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. — 192 с., ил. (Горьк. обл.).

С. 121—140: Болдинские чтения. Ю. И. Левина. Из истории нижегородских имений Пушкиных; М. Н. Бутусов. А. С. Пушкин в Лукоянове; Н. И. Куприянова. К истории Болдинского музея-заповедника А. С. Пушкина; Л. М. Задоркина. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность музея-заповедника А. С. Пушкина.

- Злочевский Г. Венок на памятник Пушкину. — В кн.: Альманах библиофила. М.: Книга, 1981, вып. 11, с. 269—274.
- Об одноименной книге 1880 г., составленной Ф. И. Булгаковым.
- Золотарева О. Г. Роман в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Несобранные стихотворные циклы» 40—60-х гг. XIX в. / Новосибир. гос. ун-т им. Ленинского комсомола. — Новосибирск, 1981. — 28 с.
- Библиогр.: с. 21—23.
- Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 8921 от 23.12.81.
- Ильин А. Окованный сундук; Голубовский сад: Рассказы. — Нева, 1981, № 2, с. 136—139.
- То же. — В кн.: Устье. Лит. сб. / Сост. А. А. Бологов. Л.: Лениздат, 1981, с. 206—213.
- Искрин М. Первый комментатор Пушкина. — В кн.: Альманах библиофила. М.: Книга, 1981, вып. 10, с. 130—141.
- О комментариях поэта к своим произведениям.
- История русской литературы. В 4-х т. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму / Ред. Е. Н. Купреянова. — Л.: Наука, 1981. — 655 с.
- С. 235—323; Гл. 12. А. С. Пушкин (Е. Н. Купреянова). С. 324—342; Гл. 13. Поэзия пушкинского круга (В. Э. Вацуро).
- Итина О. М. На литературной эстраде: Афиша «А. С. Пушкин. „Пиковая дама“. Исполняет нар. арт. СССР Дмитрий Журавлев». — В кн. И.: О чтецах и слушателях. Искусство звучащего слова. М.: Сов. Россия, 1981, вып. 24, с. 32—56. (Б-чка «В помощь худож. самодеятельности», № 22).
- Казарская Л. А. Музей А. С. Пушкина в Бернове; Музей А. С. Пушкина в Торжке. — В кн.: Музеи Верхневолжья. Путеводитель / Сост. М. Я. Майстровский. М.: Моск. рабочий, 1981, с. 174—192, 193—208.
- Каплан И. Е. Пушкин рисует. — Рус. яз. и лит. в кирг. школе, 1981, № 3, с. 58—60, рис. Пушкина.
- Рец. на кн.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд., пересм. и расш. М.: Искусство, 1980.
- Карпенко Ю. А. Пушкинский ономастикон: «Повести Белкина». — В кн.: Русское языкознание. Респ. междувед. науч. сб. Киев: Вища школа, 1981, вып. 2, с. 80—86.
- Карякин Ю. Зачем хроникер в «Бесах»? — Лит. обозрение, 1981, № 4, с. 72—84.
- С. 79—80: «Хроникер, „Подросток“ и „Повести Белкина“».
- Катенин П. А. Размышления и разборы / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Л. Г. Фризмана. — М.: Искусство, 1981. — 374 с.
- С. 206—219: «Воспоминания о Пушкине» [первые: Лит. наследство, 1934, т. 16—18, с. 635—643]. С. 261—262, 266—271, 279—280, 313, 316—323: Письма к А. С. Пушкину [первые: Русский архив, 1881, кн. 1].
- Кацнельбоген А. Г. А. С. Пушкин и его врачебное окружение. — Клинич. медицина, 1981, т. 59, № 12, с. 95—98.
- М. Я. Мудров, П. А. Загорский, К. Ф. Фукс, И. А. Соколов, В. И. Даль, Н. Ф. Арендт, И. Е. Дядьковский.
- Керцелли Л. Ф. Рукою Пушкина. — Огонек, 1981, № 16, с. 25, рис. Пушкина.
- Атрибуция портрета Н. Д. Киселева, находящегося на листе стихотворения «Рифма, звучная подруга...» (ПД, № 838, л. 24 об.).
- Кибальник С. А. XXVI Пушкинская конференция. — Рус. лит., 1981, № 4, с. 248—256.
- Изложение докладов, прочитанных на конференции (Ленинград, 1981).
- Кибальник С. А. X Болдинские чтения. 1830—1980. — Рус. лит., 1981, № 1, с. 255—259.
- Юбилейная научная конференция, посвященная 150-летию со дня первого посещения Пушкиным села Большое Болдино.
- Кирпосов Е. М., Новикова М. Н. На истребителе «Александр Пушкин». — М.: Воениздат, 1981. — 85 с., ил.

- О летчике Ю. И. Горохове, летавшем на истребителе, построенном на средства писателя-пушкиниста И. А. Новикова.
- Киселев Г. Киевское дело о «Современнике» Пушкина. — *Вопр. лит.*, 1981, № 7, с. 312—315.
- Дело в Киевском университете, возникшее 10 декабря 1836 г. в связи с подпиской на «Современник».
- Кислякова И. В. Иван Васильевич Сорокин. Заслуж. художник РСФСР. Родники Пушкинских мест. — М.: Сов. художник, 1981. — 32 с. Альбом.
- Колосова Н. А. Нетранслитерированная историко-культурная и общественно-политическая терминология в языке Пушкина. — В кн.: *Смысл и формы его выражения*. Саратов, 1981, с. 2—15.
- Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 9764 от 13.04.82.
- Колосова Н. А. Нетранслитерированные французские элементы в языке Пушкина: Просеминарий. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. — 36 с.
- Костин И. ... И оживает болдинская осень — *Театр. жизнь*, 1981, № 6, с. 30—31.
- Концертная программа Г. Кузнецовой, посвященная 150-летию болдинской осени поэта.
- Кузнецов Ю. О воле к Пушкину: Полемиц. заметки. — В кн.: *Поэзия*. Альм. М.: Мол. гвардия, 1981, вып. 29, с. 99—101.
- Кузнецова А. А. А душу твою люблю...: Главы из повести. — *Огонек*, 1981, № 43, с. 25—27; № 44, с. 26—28.
- Повесть о Н. Н. Пушкиной.
- Кузнецова Н. Новое о Пушкине и его семье. — *Огонек*, 1981, № 23, с. 20—21.
- По материалам исследований И. Ободовской и М. Дементьева.
- Курбатов В. Вслушиваясь в Пушкина...: Три чтения одной трагедии. — *Лит. обозрение*, 1981, № 1, с. 110—111.
- «Моцарт и Сальери» в исполнении В. Яхонтова, В. Рецетера и И. Смоктуновского.
- Курцман А. «Хочу правды». — *Муз. жизнь*, 1981, № 10, с. 22.
- О постановке «Русалки» Мусоргского в 1856 и 1865 гг.
- Кучер Н. И., Эткин И. К. «Наследие Пушкина всегда с нами...»: Собеседование «Пушкин в школе» в Государственном музее А. С. Пушкина. — *Лит. в школе*, 1981, № 4, с. 60—64.
- Куфаев М. Н. А. С. Пушкин — библиофил. — В кн. К.: *Избранное*. Тр. по клиповедению и библиографоведению / Сост., вступ. статья и коммент. И. Е. Баренбаума. М.: Книга, 1981, с. 141—167.
- Впервые: Альманах библиофила. Л., 1929, с. 49—108.
- Ларионова Э. Надя Рушева. — *Юный художник*, 1981, № 3, с. 44—47, ил.
- Левин Ю. Д. Новый английский перевод «Евгения Онегина». — *Рус. лит.*, 1981, № 1, с. 219—228.
- «Евгений Онегин» в переводе Чарльза Джонстона (London, 1977, 1978 и 1979).
- Левитин К. Дом не сохранился. — *Знание — сила*, 1981, № 3, с. 48.
- Рец. на кн.: Волович Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосквья. М.: Моск. рабочий, 1979.
- Левкович Я. Л. Незавершенный замысел Пушкина [«Записки»]. — *Рус. лит.*, 1981, № 1, с. 123—136.
- Лекишвили С. С. Из каких источников черпал А. С. Пушкин сведения о Грузии? — В кн.: *Дружба / АН СССР, Музей дружбы народов*. Тбилиси: Мецниереба, 1981, т. 3. *Вопр. лит. взаимосвязей*, с. 13—22.
- Леонидов С. А. С. Пушкин и железные дороги. — *Нева*, 1981, № 1, с. 220.
- Леонидов С. Таким его видел А. С. Пушкин. — *Нева*, 1981, № 6, с. 219.
- Кондитерская Вольфа и Беракже на Невском проспекте.
- Леонова Т. Г. Сюжеты пушкинских сказок в местной фольклорной традиции. — В кн.: *Фольклор и литература Сибири / Омск. гос. пед. ин-т им. Горького*. Омск, 1981, с. 105—119.

- Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л.: Сов. писатель, 1981. — 215 с.
- С. 12—15: «Крестьянин, торжествуя...». С. 16—33: «Сады Лицея» [впервые в кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Л.: Наука, 1979, т. 9, с. 188—194].
- Лихачев Д. С. Природа России и Пушкин. — В кн. Л.: Заметки о русском. М.: Сов. Россия, 1981, с. 48—54. (Писатель и время).
- Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Посobie для учащихся. — Л.: Просвещение, 1981. — 255 с., ил. — (Сер. «Биография писателя»).
- Рец.:
Эйдельман Н. Я. Вклад в пушкиниану. — Новый мир, 1982, № 6, с. 255—260.
- Луначарский А. В. О музыке и музыкальном театре: В 3-х т. Т. 1 (1903—1920) / Сост. и текстолог. подгот. Л. М. Хлебникова; Вступ. статья и науч. ред. В. Г. Кисунько. — М.: Музыка, 1981. — 431 с., 1 л. ил.
- С. 153—155: «„Борис Годунов“ по-французски» [впервые: День, СПб., 1913, 31 окт./13 нояб.; перепечатано в кн.: В мире музыки. М., 1958, 1971]. С. 265—271: «„Борис Годунов“ Мусоргского» [впервые, отд. брошюрой, под загл. «Борис Годунов»: М., 1920; перепечатано в кн.: В мире музыки (1923, 1958 и 1971)]. С. 275—279: «Золотой петушок» [впервые: Культура театра, 1921, № 1, 1 февр.]. С. 280—282: «Сказка о царе Салтане» [впервые: Культура театра, 1921, № 1, 1 февр.].
- Маймин Е. А. Пушкин: Жизнь и творчество / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.: Наука, 1981. — 209 с. — (Сер. «Литературоведение и языковедение»).
- Макаровская Г. В. Белинский о «Медном всаднике». — В кн.: Наследие революционных демократов и русская литература. [Сб. статей, посвященный Е. И. Покусаеву]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981, с. 135—151.
- Макогоненко Г. П. Знал ли Белинский подлинный текст «Медного всадника» — Вопр. лит., 1981, № 6, с. 148—157.
- Макогоненко Г. П. О диалогах в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. — В кн.: Классическое наследие и современность / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1981, с. 126—137.
- Макогоненко Г. П. Последний поэтический цикл Пушкина. — Нева, 1981, № 6, с. 173—182.
- Малышев И. Пушкинский праздник 1880 года и Ф. М. Достоевский: К 160-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. — Москва, 1981, № 11, с. 201—205.
- Мальчукова Т. Г. О жанровой природе и композиции стихотворения А. С. Пушкина «Пророк». — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения. Межвуз. сб. / Петрозавод. гос. ун-т им. Куусинена. Петрозаводск, 1981, с. 3—24.
- Малютина Н. К., Сидеравичюс Р. К. Мир мыслей, мир чувств: Изучение стихотворения А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновение...» — Рус. яз. в нац. школе, 1981, № 4, с. 50—56.
- Мансветова Е. Н. О некоторых традициях поэтической речи XVIII века и их отражении в творчестве А. С. Пушкина / Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября. — Уфа, 1981. — 16 с.
- Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 10319 от 01.06.82.
- Марьянов В. После памятника. — Наука и религия, 1981, № 6, с. 45—48.
- О полемике, вызванной речью Ф. М. Достоевского на открытии памятника Пушкину.
- Маткурбанов У. Природа и душевный мир поэта: О знакомстве с пейзажной лирикой А. С. Пушкина. — Рус. яз. и лит. в узб. школе, 1981, № 1, с. 66—68.
- Мейлах Б. С. Еще о заметке Пушкина «Только революционная голова...» — В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981, вып. 2, с. 181—186.

- Мельник В. А. С. Пушкин и Дальний Восток. — Дальний Восток, 1981, № 4, с. 152—155.
- Милованова О. О. Мера историзма. — Лит. в школе, 1981, № 3, с. 65—67.
Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980.
- Мильчина В., Немзер А. Роман, который еще может удивить... — Вопр. лит., 1981, № 9, с. 256—264.
Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980.
- Михайлова Н. И. Читая «Опасного соседа»: В. Л. Пушкин и А. С. Пушкин. — Лит. учеба, 1981, № 1, с. 178—185.
- Мороз Д. «Медный всадник» Александра Бенуа. — В кн.: Альманах библиофила. М.: Книга, 1981, вып. 11, с. 221—231.
- Мотрошилова Н. Прикосновение к бесценному. — Коммунист, 1981, № 14, с. 56—64.
Рец. на кн.: Крейн А. Жизнь музея. М.: Сов. Россия, 1979.
- Муравьев В. Б. Московские литературные предания и были. — М.: Моск. рабочий, 1981. — 350 с.
С. 165—203: «Татьяны милый идеал...» [Н. Д. Фонвизина]. С. 232—247: «К неоконченному роману „Евгений Онегин“. Соч. А. Пушкина, продолжение и окончание...» [соч. А. Разоренова. М., 1890].
- Муравьева О. С. Литература по пушкинскому краеведению за 1970-е годы. — Рус. лит., 1981, № 4, с. 216—223.
Обзор.
- Нелидова В. А. Алгебра и гармония: Пушкин в переводах М. Рыльского. — В кн.: Писатель и жизнь. Сб. ист.-лит., теорет. и крит. статей. М.: Сов. писатель, 1981, с. 169—186.
- Непомнящий В. С. На XXVI Пушкинской конференции. — Вопр. лит., 1981, № 10, с. 304—311.
Подпись: В. Н.
Изложение докладов, прочитанных на конференции (Ленинград, 1981).
- Нечаева В. Мой труд многолетний... / Предисл. «О моей матери и ее последней книге» (с. 277—278) Д. Благого. — В кн.: Альманах библиофила. М.: Книга, 1981, вып. 11, с. 277—305.
С. 278—285: «Всесоюзная Пушкинская выставка».
- Никитина Ф. Кто автор? — Наука и религия, 1981, № 8, с. 26—27.
О французских источниках эпитаграммы «Мы добрых граждан позабавим», приписываемой Пушкину.
- Никольский С. В. Пушкин и Сухоруков. — В кн. Н.: Две эпохи чешской литературы. М.: Наука, 1981, с. 90—101.
Внимание Ф. Челаковского и А. С. Пушкина к идеям В. Д. Сухорукова.
- Николюкин А. Н. Из истории русско-американских литературных связей. — Вопр. лит., 1981, № 4, с. 180—199.
С. 183—187: 2. Пушкин и американская литература.
- Николюкин А. Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов / Отв. ред. Ю. Д. Левин. — М.: Наука, 1981. — 406 с.
С. 224—255: 4. Пушкин и американская литература.
- Нинидзе М. В. А. С. Пушкин в грузинской дореволюционной детской периодике («Джеджили», «Накадули»). — В кн.: Дружба / АН ГССР, Музей дружбы народов. Тбилиси: Мецнереба, 1981, т. 3. Вопросы лит. взаимосвязей, с. 7—12.
- Новиков И. А. Повести и рассказы / Сост. М. Н. Новиковой-Принц и Р. Н. Принца; Вступ. статья Ю. А. Козловского. — М.: Худож. лит., 1981. — 287 с.
С. 225—231: «Камера номер четырнадцать» [впервые: 30 дней, 1936, № 10, с. 18—22]. С. 232—237: «Свидание с няней» [впервые:

Работница, 1939, № 16, с. 12—13]. С. 246—250: «Часок в Захарове» [впервые: Огонек, 1954, № 23, с. 17].

Нольман М. Л. Путеводитель по «Онегину». — В мире книг, 1981, № 12, с. 61.

Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980.

Обитель дальняя трудов. Болдино. The remote abode of labour. Bolдино / Сост.: Ю. И. Левина, Г. Д. Петренко; Авт. статьи Ю. И. Левина; Фот. Г. Д. Петренко; Худож. А. К. Ершов; Пер. на англ. яз. Р. А. Ковалевой. — М.: Сов. Россия, 1981. — 158 с., ил. — (Лит. места России).

Фотоальбом.

Рец.:

Смирнова Т. И вновь я посетил. — В мире книг, 1982, № 6, с. 36—39, ил.

Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. — М.: Наука, 1981. — 159 с., ил. — (АН СССР. Сер. «Страницы истории нашей Родины»).

Содерж.: Предисловие. Гл. I. «В грубых, но сильных выражениях...». Гл. II. В мятежной Бердской слободе. Гл. III. «Имел я большой успех...». Гл. IV. В крепости Нижне-Озерной. Гл. V. «Тамосный атаман и казаки приняли меня славно...». Примечания. Список использованных архивных фондов. — Список иллюстраций.

Рец.:

Петрунина Н. Н. По следам Пушкина и Пугачева. — Рус. лит., 1982, № 3, с. 227—231.

Одинцов В. В. «...Все ходит по цепи...». — Рус. речь, 1981, № 4, с. 117—122.

Толкование пушкинских слов из пролога «Руслана и Людмилы».

Одинцов В. В. Лексика стихотворной речи Пушкина. — Рус. яз. в школе, 1981, № 3, с. 64—73.

Одинцов В. В. О поэтическом синтаксисе А. С. Пушкина. — Рус. речь, 1981, № 3, с. 21—26.

Одоевский В. Ф. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. Русские ночи; Статьи / Вступ. статья, сост. и коммент. В. И. Сахарова. — М.: Худож. лит., 1981. — 365 с., ил.

С. 249—255: «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» [впервые: Русский архив, 1864, № 7, стб. 824—831]. С. 256—259: «Пушкин» [впервые: Пушкин. Исслед. и материалы. М.; Л., 1956, т. 1, с. 333—336].

Озеров Л. А. «Дар напрасный, дар случайный». — В кн. О.: Биография стихотворения. М.: Знание, 1981, с. 5—12. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Литература», № 10).

Озеров Л. А. Пушкин-лирик. — В кн. Пушкин А. С. Стихотворения. / Сост., предисл. и примеч. Л. Озерова. М.: Дет. лит., 1981, с. 5—12. (Школьная б-ка).

Олейник М. «Это он...». — Радуга, 1981, № 4, с. 156—159.

Пушкинские Горы в годы Великой Отечественной войны.

Оразгалиева Г. Ш. К вопросу о тюркоязычных топонимах в прозе А. С. Пушкина. — В кн.: Молодые ученые — XXVI съезду КПСС и XV съезду Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1981, с. 9—13.

Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 9418 от 02.03.82.

Оразгалиева Г. Ш. Тюркоязычные топонимы в прозе А. С. Пушкина. — В кн.: Научные основы преподавания русского языка как второго родного языка в учебных заведениях Казахстана. Межвуз. сб. науч. тр. / Караг. ун-т им. Кирова. Караганда, 1981, с. 88—95.

Орлов В. Н. Гамаюн. Жизнь А. Блока. — [3-е изд.]. — М.: Известия, 1981. — 719 с., ил. — (Б-ка «Дружбы народов»).

С. 15—19: «Пушкинский праздник» [юбилей 1880 г.]. С. 695—700: «Именем Пушкина». [«О назначении поэта» (речь Блока, произне-

- сенная в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина)].
- Орлов П. А. Трагедия Пушкина «Борис Годунов» и «История государства Российского» Карамзина. — Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1981, № 6, с. 3—10.
- Павлова Е. В. Новый прижизненный портрет А. С. Пушкина. — Искусство, 1981, № 6, с. 58—63, портр.
- Атрибуция портрета Пушкина работы Вивьена (миниатюра на кости, 1826). Экспонируется в Московском музее А. С. Пушкина.
- Павлова Е. В. Питомец чистых муз. — Знание — сила, 1981, № 9, с. 24—25, портр.
- Портрет Пушкина предположительно работы Ж. Вивьена (миниатюра на кости. 1826).
- Певзнер Л. И. Рисунок Пушкина. — Художник, 1981, № 6, с. 58—59, ил.
- Атрибуция портрета Д. Ф. Фикельмон, находящегося в арзрумской рабочей тетради Пушкина (ИРЛИ, № 841).
- Перельмутер В. Восходящий «Водопад». — Лит. учеба, 1981, № 3, с. 179—185.
- О точности поэтического слова на примере стихотворения Вяземского «Нарвский водопад».
- Петриченко О. «Я нанял светлый дом...». — Огонек, 1981, № 24, с. 4, фот.
- Открытие мемориального музея «Дача» А. С. Пушкина в г. Пушкине.
- Петров И. Ф. Поэт и воин. — В кн. П.: В камне и бронзе. История Сибири в памятниках. Омск: Кн. изд-во, 1981, с. 307—316, ил.
- Памятники Пушкину в Хабаровске, Владивостоке и Кемерово.
- Петряев Е. Д. Нити к Пушкину. — В кн. П.: Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли. 2-е изд., доп. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981, с. 50—68.
- Пжестунова А. М. Проливающий свет. — В кн.: Люди великого города / Сост. А. Медников, П. Подляшук; Худож. Е. В. Терехов. М.: Сов. Россия, 1981, с. 227—249.
- Н. В. Кузьмин — иллюстратор Пушкина.
- Поддубная Р. Н., Красиков М. М. О пародийности «Пиковой дамы» А. С. Пушкина. — Вопросы русской литературы, Львов, 1981, вып. 1 (37), с. 60—66.
- Поликовская Л. И. Учителю, и библиотекарю. — Библиотекарь, 1981, № 2, с. 57.
- Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.
- Полонская В. Портрет. — Библиотекарь, 1981, № 8, с. 46—47, ил.
- Рец. на кн.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд. М.: Искусство, 1980.
- Поплавский Г. Ленский — Николай Гедда. — Театр, 1981, № 5, с. 77—78.
- Участие солиста Стокгольмской королевской оперы Н. Гедды в опере Чайковского «Евгений Онегин».
- Попов Ю., Заводовский Б. В действующей армии. — В кн.: Молодость. Лит.-худож. альм. Ташкент: Еш гвардия, 1981, вып. 8, с. 61—68.
- Поездка Пушкина на Кавказ. Отрывок из книги «В беспредельной Азии».
- Понов Ю. Великий читатель: Пушкин и книга. — Корреспондент, 1981, № 2, с. 42—43.
- Поэты пушкинской поры / Сост., подгот. текста и примеч. Н. В. Банникова. — М.: Моск. рабочий, 1981. — 334 с. — (Школьная б-ка).
- Праправнучка поэта — библиотекарю! [Ирина Евгеньевна Гибшман]. — Библиотекарь, 1981, № 6, с. 25,

- Прекви Г. Болдинская старина. — В мире книг, 1981, № 6, с. 65—66.
Рец. на кн.: Предания и песни болдинской старины. 2-е изд., изм. и доп. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1980.
- Проблемы современного пушкиноведения: Межвуз. сб. науч. трудов / Ленингр. гос. пед. ин-т им. Герцена. — Л., 1981. — 109 с.
Содерж.: К. И. Соколова. Лирика Пушкина и роман в стихах (некоторые аспекты взаимодействия). — И. Л. Альми. Пушкинская традиция в комедии Гоголя «Ревизор». — Э. В. Слинина. Неоконченное стихотворение Пушкина «Когда владыка ассирийский...» — Е. А. Маймин. О формах поэтического в прозе и стихах Пушкина 1829 года. — В. Г. Елкин. К методологии истолкования пушкинского текста (фрагмент анализа «Капитанской дочки»). — Н. В. Питолина. Пушкинский «Современник» и «Московский наблюдатель» (1835—1837). — Е. Е. Маймина. Стилистические функции французского языка в переписке Пушкина и в его поэзии. — Ю. Н. Чумаков. К традиции русского стихотворного романа (Пушкин — Лонский — Блок). — Н. В. Вьялицина. «Египетские ночи» А. С. Пушкина в интерпретации А. Ахматовой. — В. С. Зилитинкевич. Еще об источниках стихотворения А. С. Пушкина «Как с древа сорвался предатель ученик...». — Н. Л. Вершинина. К вопросу об источниках поэмы «Граф Нулин». — Э. В. Слинина. О теме поэта в лирике пушкинской эпохи (анализ трех стихотворений).
- Прожогин Н. П. Неизвестный портрет Е.-А. Фикельмон. — Искусство, 1981, № 5, с. 61—64, портр.
Портрет дочери Д. Ф. Фикельмон работы К. Брюллова (масло, 1837), хранящийся в запасниках Вельтрусского дворца-музея под Прагой.
- Прожогин Н. П. «Твой образ милый». — Творчество, 1981, № 9, с. 24—25, портр.
Впервые публикуется портрет Е. К. Воронцовой, выполненный Мари Виктуар Жако в 1819 г. Живопись по фарфору. Национальный музей в Стокгольме.
- Прокудин С. Б. Историко-патриотическая тема в лирике А. С. Пушкина. — В кн.: Воспитание духовного мира школьника средствами художественной литературы / Тамб. гос. пед. ин-т. Тамбов, 1981, с. 45—63.
- Прянишников Е. А. Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье. — В кн.: Из коллекций редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981, с. 72—80.
Публикуется письмо Г. Г. Геннинга от 21 февраля 1750 г., связанное с жизнью семьи Ганнибала (Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Горького МГУ).
- Александр Сергеевич Пушкин на Кавказских Минеральных Водах. 1820—1829 гг.: Библиогр. указ. лит. / Сост.: Е. Б. Польская, Н. К. Шахназарова; Пятигор. центр. гор. б-ка им. Горького. — Пятигорск, 1981. — 26 с.
- Пущин И. И. Записки о Пушкине; Письма / Сост., вступ. статья «... Дум высокое стремление» (с. 5—32) и коммент. С. Д. Селивановой. — Красноярск: Кн. изд-во, 1981. — 160 с., ил.
- Пятина Р. Д. М. Ю. Лермонтов и А. С. Пушкин: Средства художественной изобразительности в стихотворениях А. С. Пушкина «Я вас любил...» и М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой». — В кн.: Проблема традиций и новаторства в русской литературе XIX—начала XX в. Межвуз. сб. науч. трудов / Горьк. пед. ин-т им. Горького. Горький, 1981, с. 127—136.
- Рабкина Н. А. Из круга Пушкина. — Вопр. лит., 1981, № 2, с. 311—315.
Пушкин и Раевские.
- Рассовская Л. П. Особенности создания местного колорита в лирике А. С. Пушкина. — В кн.: Проблемы истории критики и поэтики ре-

ализма. Межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1981, с. 71—87.
Резниченко Т. Радость узнавания, радость общения... — Радуга, Киев, 1981, № 3, с. 166—176.

Освоение пушкинских традиций в украинской литературе.

Рифей: Урал. лит.-краевед. сб. — Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1981. — 270 с., ил.

Содерж.: Слово к читателю. — Р. Овчинников. Встреча в Оренбурге. — С. Попов. Дороги сентября. Страницы оренбургской Пушкинианы. — Ю. Зобов. Оренбург пушкинской поры. — А. Белый. «Три дни» в Уральске. — Р. Овчинников. Пушкинская карта окрестностей Уфы. — В. Савельзон. Рукою Пушкина [дорожный рисунок Пушкина; предполагается, что он сделан во время путешествия в Оренбург]. — В. Михнюкевич. «Пушкин слушал все это с большим жаром...» — Г. Рамазанов. В башкирской степи («Уходит вдаль воспоминаний цепь...»). — М. Клигиницер. Поездка гения. («Два дня из той далекой дали...»). — И. Малышева. Тетради той поры далекой. [Списки произведений Пушкина в собрании академика А. Н. Веселовского]. — А. Коровин. 1. «Соперница запретной розы». 2. «Полковник Г. С. О...» [расшифровывается как Г. С. Окунов в очерке П. П. Свинына «Посещение Илекой Защиты в 1824 году»]. — И. Елип. Год 1826-й. Январь. («Над Михайловским пурга...»). — Е. Субботин, Е. Егорова. Пушкинские связи рода Дягилевых. — А. Свитенко. «В архивах я был...» [впервые публикуется документ о командировании Пушкина в Московский главный архив Министерства иностранных дел от 3 марта 1836 г., обнаруженный в ЦГАДА]. — Л. Осинцев. В городе за Урал-камнем [чествование памяти Пушкина в Шадришке]. — Пушкинские реликвии уральских музеев. Л. Большаков. Маска Пушкина; Р. Андаева, Е. Егорова, А. Черняк. Графическая Пушкиниана Пермской галереи; Л. Медведева. Автор-художник Прохоров; Тропа к великому поэту.

Рец.:

Сентябрев Ю. Не только для краеведов. — Урал, 1982, № 5, с. 178—181.

Розенберг Н. Эпоха, увиденная через судьбы: Художник Александр Бакулевский. — В мире книг, 1981, № 10, с. 42—44, ил.

Иллюстрации Бакулевского к «Станционному зрителю» и «Барышне-крестьянке».

Романевич Т. В. Воссоздание национально-культурного фона литературного произведения: Вступ. урок по повести А. С. Пушкина «Дубровский». — Рус. яз. и лит. в кирг. школе, 1981, № 3, с. 31—37.

Романов Н. М. Эволюция пушкинского замысла романа о Пельмове. — Рус. лит., 1981, № 4, с. 191—200.

Русаков В. М. «Род Пушкиных мятежный...». — В кн.: Устье. Лит. сб. / Сост. А. А. Бологов. Л.: Лениздат, 1981, с. 196—206.

Русинов Н. Д. Угличское Петухово и Сказка о золотом петушке. — Рус. речь, 1981, № 2, с. 132—134.

Предположение о знакомстве Пушкина с угличской легендой о петухе.

Русская критика от Карамзина до Белинского: Сб. статей / Сост., вступ. очерк и коммент. А. А. Чернышева. — М.: Дет. лит., 1981. — 400 с. — (Для старш. возраста).

С. 90—170: III. Критика Пушкинской эпохи. С. 172—240: IV. Статьи о литературе Грибоедова, Пушкина и Гоголя. С. 288—394: VI. Статьи Белинского.

Рыжеволова А. В. «Горный родник». Вчера, сегодня, завтра: Формирование активной жизненной позиции учащихся в процессе лит.-краевед. работы / Ин-т усовершенствования учителей КБ АССР. — Нальчик: Эльбрус, 1981. — 94 с.

С. 37—46: «Здравствуй, Пушкин!» [Республиканская конференция в Нальчике, посвященная 180-летию со дня рождения Пушкина].

- Савин О. М. В библиотеке А. С. Пушкина. — В кн. О.: Живая память. Ист.-лит. очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981, с. 26—34.
- Книги о Мордовии в библиотеке Пушкина, а также книги лиц, чьи имена связаны с Мордовией.
- Савинов Н. Н. Мир оперного спектакля. — М.: Музыка, 1981. — 286 с. С. 186—196: «Я увидел, что „Онегиным“ нужно дирижировать по-иному».
- Савостин Н. Сбереженный свет: [Рассказы]. — Кодры, 1981, № 9, с. 12—45.
- С. 24—45: «Этюды о Пушкине». [«Свеча», «Дом в Долне», «Говариц вдохновенный...»].
- Садыков А. Пушкин и Горький в киргизской литературе: Вопросы традиции и влияния. — В кн.: Киргизская литература и современность (худож. образ и поэтика соц. реализма) / АН КиргССР, Ин-т яз. и лит. Фрунзе: Илим, 1981, с. 3—20.
- Садыхов М. За строкой Пушкина...: О сборнике «Пушкин в странах зарубежного Востока». [М., 1979]. — Лит. Азербайджан, 1981, № 1, с. 124—127.
- Сайтапов В. А. Мог ли Дантес просить займы у Идалии Полетики? — Вопр. лит., 1981, № 2, с. 246—252.
- По поводу статьи С. Ласкина «„Дело“ Идалии Полетики» (Вопр. лит., 1980, № 6).
- Сафонов В. А. Вечное мгновение: Этюды и размышления о литературе. — М.: Сов. писатель, 1981. — 504 с.
- С. 294—334: «Узкий путь и тесные врата» [повесть о последних днях Пушкина].
- Сахаров В. И. Живая вода поэтического образа. — В кн.: Поэзия. Альм. М.: Мол. гвардия, 1981, вып. 29, с. 102—103.
- О статье Ю. Кузнецова «О воле к Пушкину», опубликованной на с. 99—101.
- Свининников В. Тверские «досуги» Пушкина. — Наш современник, 1981, № 2, с. 190—191.
- Рец. на кн.: Пьянов А. Мои осенние досуги. Пушкин в Тверском крае. М.: Моск. рабочий, 1979.
- Свободин А. П. Пушкинская роль. — В кн.: С.: Театральная площадь. М.: Искусство, 1981, с. 40—54.
- Выступление И. Андроникова «Тагильская находка» (Центр. телевидение, 1962).
- Сергеева Н. М. Стилистическое значение рефлексов напряженных редуцированных гласных в языке А. С. Пушкина / Калинин. гос. ун-т. — Калинин, 1981. — 49 с.
- Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 6360 от 15.10.80.
- Серебряков К. Путешествие к поэту. — Звезда, 1981, № 6, с. 165—174.
- К биографии поэта. Поездка на Кавказ по маршруту Пушкина.
- Сидоров А. А. «Найди искусный и быстрый карандаш...». А. С. Пушкин и книжная графика. — В кн. С.: Друг книги — советский библиофил / Вступ. статья, ред. и примеч. Е. Л. Немировского. М.: Книга, 1981, с. 82—91.
- Впервые: В мире книг, 1973, № 12, с. 23—26.
- Скатов Н. Н. «Пушкинское» стихотворение Некрасова («Элегия»). — Лит. в школе, 1981, № 5, с. 13—16.
- Скатов Н. Н. «Это русский человек в его развитии...»: А. С. Пушкин. — В кн. С.: Далекое и близкое. Лит.-крит. очерки. М.: Современник, 1981, с. 25—70.
- Впервые: Вопр. лит., 1979, № 6, с. 42—71.
- Слущка Л. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в польских стихотворных переводах и литературной критике: Автореф. дис. на сопск. учен. степени канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. Ломоносова, Филол. фак. — М., 1981. — 17 с.
- Созвездие муз на телеэкране: Сценарии докум. телефильмов [и интервью с их режиссерами]. — М.: Искусство, 1981. — 238 с., ил.

- С. 131—162: А. Зоркий, А. Габрилович. «Монолог о Пушкине». С. 163—166: А. Габрилович. Встреча на пушкинской земле. С. 211—232; Ф. Мустафаев. Надя Рушева.
- Сокурова О., Белоненко А. «Согласные и стройные хоры»: Размышления о «Пушкинском венке» Георгия Свиридова. — Москва, 1981, № 8, с. 178—185.
- Соловей Н. Я. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; Учеб. пособие для пед. ин-тов. — М.: Высш. школа, 1981. — 109 с., ил.
Рец.:
- Захаркин А. Ф. Роман Пушкина в вузовском изучении. — Лит. в школе, 1982, № 5, с. 66—67.
- Недозорова Л. Л. Вновь прикасаясь к неисчерпаемому Пушкину. — Веч. сред. шк., 1983, № 2, с. 78—79.
- Стеллиферовский П. Золотая пора русской поэзии. — Лит. в школе, 1981, № 3, с. 63—65.
Рец. на кн.: Коровин В. И. Поэты пушкинской поры. [Пособие для учителя]. М.: Просвещение, 1980.
- Степанов Л. А. Стихотворение Пушкина «Чертог сиял...»: Источники и творческий процесс. — В кн.: Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Межвуз. сб. / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 1981, с. 34—47.
- Строев А. Жизнь романа и роман в жизни. — Вопр. лит., 1981, № 10, с. 281—289.
Рец. на кн.: Вольперт Л. И. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. Таллин, 1980.
- Студнова А. И. Глагольные сравнения в творчестве А. С. Пушкина. — В кн.: Развитие и функционирование русского глагола. Сб. науч. трудов / Волгоград. гос. пед. ин-т им. Серафимовича. Волгоград, 1981, с. 80—87.
- Суржок А. И. Пушкин и калмыки. — 2-е изд., перераб. и доп. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. — 192 с., ил.
- Тартаковская Л. А. Пушкин и Восток: Ориентальная проблематика в «Современнике». — Звезда Востока, 1981, № 6, с. 118—124.
- Тартаковская Л. А. Пушкин и зарубежный Восток. — Вопр. лит., 1981, № 8, с. 267—275.
Рец. на кн.: Пушкин в странах зарубежного Востока. М.: Наука, 1979.
- Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина / Отв. ред. Н. В. Измайлов. — Л.: Наука, 1981. — 175 с., 4 л., ил. — (АН СССР. Сер. «Литературоведение и языковедение»).
- Содерж.: От автора. Введение. Гл. I. Забытые родственные связи Пушкина. Родные С. Л. Пушкина; Родные бабушки М. А. Ганнибал. Гл. II. История рода Ржевских. Гл. III. Новое о прадеде Ганнибале. Приложения: Родословие Ржевских; Документы Ганнибалов.
- Титова И. Пушкин в Опочке. — Библиотекарь, 1981, № 6, с. 20—23.
- Тургенев И. С. «Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве». — В кн. Т.: Статьи и воспоминания. Сост. А. Д. Шавкута; Вступ. статья и примеч. С. Е. Шаталова. М.: Современник, 1981, с. 134—143. (В-ка «Любителям рос. словесности». Из лит. наследия).
- Тынянов Ю. Н. Пушкин / Вступ. статья «Юрий Тынянов и его роман „Пушкин“» (с. 3—12) В. Каверина. — М.: Правда, 1981. — 608 с.
- Тынянов Ю. Н. Пушкин: Роман. — Минск: Наука и техника, 1981. — 528 с.
- Уварова И. В. Эстетическая концепция К. Н. Батюшкова и А. С. Пушкина. — В кн.: Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Межвуз. сб. / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 1981, с. 3—12.
- Удодов Б. Т. Споры об Онегине и революционно-демократическом наследии. — В кн.: Наследие революционных демократов и русская литература. [Сб. статей, посвященный Е. И. Покусаеву]. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981, с. 117—135.

Фархат М. Испытание мастера: М. Рахими — переводчик «Бахчисарайского фонтана» Пушкина. — Памир, 1981, № 2, с. 90—93.

Перевод поэмы на таджикский язык (1949 и 1953 гг.).

Фейнберг И. Л. Упущенный черновик Пушкина. — М.: Правда, 1981. — 48 с. — (Б-ка «Огонек», № 2).

С. 3—7: «Упущенный черновик Пушкина («Сластолюбца восемнадцатого столетия») [написано в 1956 г.]. С. 8—35: «Работа над „Онегиным“» [написано в 1940 г.].

Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. — 2-е изд. — М.: Сов. писатель, 1981. — 431 с., ил., факс.

Издание дополнено статьями: «Арап Петра Великого», «По черновикам Пушкина», «Отчего погиб Пушкин?», «Судьба запретных рукописей», «Море в поэзии Пушкина».

Рец.:

Басманов А. О Пушкине-историке. — Огонек, 1982, № 47, с. 25.

Шайтанов И. Над пушкинскими страницами. — Октябрь, 1982, № 12, с. 202—203.

Озеров Л. Читая тетради Пушкина. — Вопр. лит., 1983, № 3, с. 243—249.

Фомичев С. А. Философская повесть А. С. Пушкина «Анджело». — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981, т. 40, № 3, с. 205—210.

Френкель В. Я. «Ценитель умственных творений исполинских». — Знание — сила, 1981, № 12, с. 25—27.

«Формулы на страницах „Современника“» [статья П. Б. Козловского «О надежде». Впервые публикуется приписка В. Ф. Одоевского на копии письма Козловского от 4 июля 1837 г., посвященного готовящейся Козловским статье «О паровых машинах»]. — «Похвальное слово справочной литературе». — «Козловский и Пушкин».

Фрид Э. М. П. Мусоргский: Проблемы творчества. Исслед. — Л.: Музыка, 1981. — 184 с.

С. 74—115: Очерк третий. Пушкин и Мусоргский.

Фридкин В. М. Один день в Сульце / Предисл. Н. Эйдельмана. — Наука и жизнь, 1981, № 8, с. 134—139, ил.

Посещение дома и фамильного кладбища Геккернов-Дантесов в Сульце.

Фридлиндер Г. М. Речь о Пушкине как выражение эстетического самосознания Достоевского. — Рус. лит., 1981, № 1, с. 57—64.

Фролов В. Хронотоп в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина. — В кн.: Театральная правда. Сб. статей. Тбилиси: Театр. о-во Грузии, 1981, с. 47—61.

Впервые, под заглавием «Хронотоп в „Борисе Годунове“ А. С. Пушкина и принципы киномонтажа», в кн.: Кино и литература. Сб. науч. трудов. М., 1977, вып. 16, с. 3—18.

Хаев Е. С. Об одном эпизоде «Медного всадника». — Лит. учеба, 1981, № 5, с. 199—202.

Хандрос Б. Н. Встратываясь в лица: Худож.-докум. повествования. — Киев: Молодь, 1981. — 191 с.

С. 31—44: «Сей камень возопіеть...» [посещение могил В. Л. Кочубя и И. Искры в Киево-Печерской лавре. Комментарий к «Полтаве»]. С. 45—122: «Левушка Пушкин» [впервые, в другой ред., в кн.: Пушкин. Исслед. и материалы. Л.: Наука, 1982, т. 10, с. 326—355].

Ханпира Э. Пушкин и археология. — Вопр. лит., 1981, № 10, с. 263—269.

Рец. на кн.: Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Наука, 1979.

Хвыля Л. К. Современное прочтение образа Евгения Онегина в иностранной аудитории. — Вестн. Киев. ун-та. Методика обучения студентов-иностранцев, 1981, вып. 5, с. 100—103.

Ходакова Е. П. Изменение лексики русского литературного языка в пушкинское время. — В кн.: Лексика русского литературного

языка XIX—начала XX века / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1981, с. 7—182.

Цветаева М. И. Мой Пушкин. [Вступ. статья «Сильная вещь — поэзия» (с. 4—18) Вл. Орлова; Подгот. текста и коммент. А. Эфрон, А. Саянц]. — 3-е изд., доп. — М.: Сов. писатель, 1981. — 223 с., ил.

Рец.:

Винокурова И. «Есмь я, и буду...» — Новый мир, 1982, № 9, с. 245—251.

Цилевич Л. М. Типологическая общность прозы Чехова и прозы Пушкина. — В кн.: Проблемы типологии литературного процесса. Межвуз. сб. науч. трудов / Перм. гос. ун-т им. Горького. Пермь, 1981, с. 15—22.

Цоффа В. В. «Крылатая богиня» и «крылатая лилия» в поэзии. — Рус. речь, 1981, № 5, с. 51—54.

Комментарий к стиху Пушкина «Подобна лилии крылатой, Коллеблясь, входит Лалла-Рук» (в беловом варианте 8-й главы «Евгения Онегина»).

Цюрупа Э. Я. С правдой вдвоем / Худож. В. С. Мухин. — М.: Сов. Россия, 1981. — 288 с., ил.

С. 131—137: 4. «Душа себя невольно выражает». С. 137—148: 5. «Живые ответы...».

Разговор пятый о библиотеке Пушкина.

Чегодаева М. «Пиковая дама» в иллюстрациях. Д. Шмарина. — В кн.: Советская графика. 79/80. М.: Сов. художник, 1981, с. 149—158, ил.

Челышев Б. Д. «Здесь лирой северной пустыни оглашая, скитался я...». — В кн. Ч.: Русские писатели в Молдавии. Кишинев: Картия Молдовеняскэ, 1981, с. 5—27.

Челышев Б. Д. Память города. — В кн.: Штрихи к портрету / Сост. Ю. Греков. Кишинев: Картия Молдовеняскэ, 1981, с. 107—127.

С. 108—111: «Дом боярина Варфоломея. Здесь на балах и вечерах часто бывал А. С. Пушкин». С. 111—113: «История Пушкинского парка».

Черейский Л. А. Вопреки фактам. — Нева, 1981, № 8, с. 183.

Рец. на кн.: Пушкинские места Ленинграда. Туристская схема / Сост. и подгот. Производственным картосоставительным объединением «Картография» ГУТК; Ред. Г. А. Скачкова. М.: Гл. упр. геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1980.

Черейский Л. А. «Он решительный либерал». — Нева, 1981, № 2, с. 217—218.

Отзывы иностранцев о Пушкине.

Черейский Л. А. Современники Пушкина: Докум. очерки / Науч. ред. В. Э. Вацуру; Оформл. Г. Г. Никеева; Фотоработы А. Л. Короля. — Л.: Дет. лит., 1981. — 271 с., ил.

Черняк К. И. В парижском домике Онегина. — В кн.: Альманах библиофила. М.: Книга, 1981, вып. 11, с. 154—169.

К истории создания «Пушкинского музея» Онегина. Впервые публикуется портрет А. Ф. Онегина работы А. А. Харламова.

Шадури В. С. Об откликах из Тифлиса на смерть Пушкина. — В кн.: Классическое наследие и современность / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1981, с. 138—150.

Швецова Е. Ф. «Почтовой станции диктатор». — Аврора, 1981, № 3, с. 156—160.

Музей станционного смотрителя в Выре.

Шелемова А. О. Становление классических основ зарубежной поэзии (Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович и творчество А. С. Пушкина): Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук / Мин. пед. ин-т им. Горького. — Минск, 1981. — 29 с.

Шестакова Н. А. Соотношение глаголов и существительных в произведениях А. С. Пушкина. — В кн.: Глагол в лексической системе современного русского языка. Межвуз. сб. науч. трудов / Ленингр. гос. пед. ин-т им. Герцена. Л., 1981, с. 116—120.

Ширинян Р. К. Оперная драматургия Мусоргского. — М.: Музыка, 1981. — 284 с.

С. 68—151: «Борис Годунов».

Впервые, в другой ред., в кн.: Ширинян Р. К. Эволюция оперного творчества Мусоргского. М.: Музыка, 1973, с. 33—79.

Шкловский В. Б. Энергия заблуждения: Книга о сюжете. — М.: Сов. писатель, 1981. — 351 с.

С. 138—148: 7. «Капитанская дочка» Пушкина.

Шустов А. Н. Александрийский столп. — Рус. речь, 1981, № 2, с. 135—138.

Пушкинский эпитет «Александрийский» в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Щеглов Ю. Небесная душа: Ист. повествование. — Дружба народов, 1981, № 12, с. 98—131.

Жуковский и Пушкин в преддверные дни.

Эйдельман Н. Я. «В родню свою неукротим...»: Еще раз о мемуарах Пушкина. — Знание — сила, 1981, № 4, с. 32—36.

Ответ читателям. — Знание — сила, 1981, № 6, с. 24.

Эйдельман Н. Я. Ганнибал Пушкинский. — Новый мир, 1981, № 5, с. 263—266.

Рец. на кн.: Леец Г. А. Абрам Петрович Ганнибал. Биограф. исслед. Таллин: Ээсти раамат, 1980.

Эйдельман Н. Я. Неизвестное письмо П. Нащокина к Л. Пушкину. — Вопр. лит., 1981, № 3, с. 305—308.

Впервые публикуется письмо от 27 ноября 1848 г., хранящееся в Пушкинском Доме.

Эйдельман Н. Я. Осьмнадцатый, пушкинский. — Наука и жизнь, 1981, № 9, с. 98—108.

Глава из книги «Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта».

Эйдельман Н. Я. Семнадцать веков. — Знание — сила, 1981, № 8, с. 42—45.

Анализ пушкинских «Замечаний на Анналы». Отрывки из книги «Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта».

Эйдельман Н. Я. «Чему, чему свидетели...». — Знание — сила, 1981, № 11, с. 21—23.

Эпштейн М. Фауст на берегу моря: Типол. анализ параллельных мотивов у Пушкина и Гёте. — Вопр. лит., 1981, № 6, с. 89—110.

Яковлев К. Неувядаемая роза. — В кн.: Крымские каникулы. Книга для чтения на курорте. Сб. Симферополь: Таврия, 1981, с. 331—340. Пушкин в Крыму.

ДОБАВЛЕНИЕ К «ПУШКИНИАНЕ 1980 ГОДА»

Анциферов М. Ю. Пушкин и Некрасов: социология творчества. Учеб. пособие / Иванов. гос. ун-т. — Иваново, 1980. — 96 с., ил.

Оформление художника А. Кузнецова.

Дарвин М. Н. Пушкинский герой чеховского рассказа: Опыт сопоставит. анализа «Гробовщика» А. С. Пушкина и «Скрипки Ротшильда» А. П. Чехова. — В кн.: Природа художественного целого и литературный процесс. Межвуз. сб. науч. трудов / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 1980, с. 131—143.

Обухова Э. А., Фризман Л. Г. Пушкинская традиция в поэзии позднего Вяземского. — В кн.: Поэтика жапра. Межвуз. сб. статей к 80-летию В. И. Абаева / Сев.-Осет. ун-т им. Хетагурова. Орджоникидзе, 1980, с. 126—135.

Цветаева М. И. Сочинения: В 2-х т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакяц. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит., 1980. — 543 с.

С. 325—367: «Мой Пушкин» [написано в 1937 г.]. С. 368—396: «Пушкин и Пугачев» [написано в 1937 г.].

Р. Г. ЖУЙКОВА

АВТОПОРТРЕТЫ ПУШКИНА (КАТАЛОГ)

Интерес к рисункам А. С. Пушкина, набросанным на листах его рукописей, попытки характеристики их содержания и стиля, опыты иконографических отождествлений совпадают с началом изучения автографов поэта, с возникновением пушкиноведения.

Уже первый биограф Пушкина, П. В. Анненков, отметил, что рисунки поэта — это как бы «разговор с самим собой», своеобразный рисованный дневник, что чаще всего Пушкин рисует «головы и лица», т. е. портреты; П. В. Анненковым же предложены и первые определения некоторых из этих рисунков-портретов.

Публикации рисунков поэта в «Альбомах Пушкинских выставок» 1880 и 1899 гг., отдельные факсимильные издания автографов с рисунками и особенно шеститомное издание сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова в 1907—1915 гг. имели огромное значение в популяризации графики поэта.

Государственное собирательство начала XX в., принявшее особый размах после Октябрьской революции, приводило к выявлению все новых и новых автографов Пушкина; их изучение сопровождалось, как правило, и вниманием к рисункам.

Начиная с 1910-х годов интерес к иконографической расшивке пушкинской графики, в особенности автопортретных изображений, становится устойчивым и постоянным. Он связан с именами Н. О. Лернера, Л. Б. Модзалевского, П. Е. Щеголева, Л. П. Гроссмана, М. А. Цявловского, С. Я. Гессена, Б. В. Томашевского, И. С. Зильберштейна, Т. Г. Зенгер (Цявловской), А. М. Эфроса. В результате этих работ был накоплен большой и значительный материал, касающийся отдельных атрибуций, отдельных фактов и наблюдений.

В 1930-е годы начинается качественно новый этап в изучении графического наследия поэта, связанный прежде всего с работами историка искусства и литературоведа А. М. Эфроса (1888—1954). В монографии А. М. Эфроса «Рисунки поэта», вышедшей первым изданием в 1930 г.,¹ было не просто обобщено все, сделанное ра-

¹ Эфрос А. М. Рисунки поэта. М.: Федерация, 1930. Второе издание, дополненное и расширенное, вышло в издательстве «Academia» в 1933 г.

нее, — в работе был дан блестящий и тонкий анализ генезиса и характера пушкинской графики, определено ее место в системе творческого, писательского труда поэта. А. М. Эфрос открыл в своих работах около ста новых иконографических отождествлений. Рисунки поэта были введены в арсенал пушкиноведения как своеобразный и богатейший источник для изучения биографии и творчества Пушкина. Графика поэта была осмыслена как вид искусства, была «узаконена» ее эстетическая ценность.

В связи со столетием со дня смерти Пушкина Институтом мировой литературы им. А. М. Горького и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР было принято издание Полного собрания сочинений поэта. Рисункам Пушкина должен был быть посвящен специальный том этого юбилейного академического издания, построенный по принципу тематического каталога. Работа по его подготовке велась А. М. Эфросом, Т. Г. Зенгер и, позднее, М. Д. Беляевым.² Б. В. Томашевский тогда же работал над книгой, посвященной специально автопортретам Пушкина.³ Однако начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война помешала осуществлению этих замыслов.

В послевоенные годы книги А. М. Эфроса — «Автопортреты Пушкина» и «Пушкин-портретист», изданные Государственным Литературным музеем в 1945 и 1946 гг., обогатили пушкиноведение новыми атрибуциями, открыли среди «портретов неизвестных» в пушкинской «портретной галерее на полях рукописей» новые имена. Итогом многолетних исследований и подлинным событием не только науки, но и всей нашей культуры явились три издания книги Т. Г. Цявловской (1897—1978) «Рисунки Пушкина» — в 1970, 1980 и 1983 гг. Работы А. М. Эфроса и Т. Г. Цявловской и поныне остаются классикой искусствоведческой пушкинианы.

В настоящее время интерес к графике Пушкина, особенно к портретным рисункам, очень значителен и интенсивен. Следует отметить роль пушкинских музеев с их большими рукописными экспозициями и новыми иконографическими определениями, сделанными в этикетажах и в картотеках, в публикациях. Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина эти работы связаны с именами Р. Е. Теребениной, С. С. Ланды, Т. К. Галушко, Р. Г. Жуйковой,

² Рукопись XVIII тома академического Полного собрания сочинений Пушкина, посвященного его рисункам, находилась в личном архиве Т. Г. Зенгер-Цявловской. Материалы тома были частично использованы в кандидатской диссертации М. Д. Беляева «Изучение рисунков Пушкина и их роль в пушкиноведении» (1946 г.; диссертация не опубликована, хранится в ГБЛ), в книге М. А. Цявловского «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» (М., 1951), а также в трех изданиях книги Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина» (М.: Искусство, 1970; 2-е изд., пересмотренное и расширенное. М.: Искусство, 1980; 3-е изд. — стереотипное переиздание, 1983).

³ Вводная статья к этому несостоявшемуся изданию, написанная Б. В. Томашевским в 1936 г., была опубликована в 1962 г. в сборнике «Пушкин и его время», изданном Всесоюзным музеем А. С. Пушкина (Л., 1962, вып. 1, с. 318—333).

в Государственном музее А. С. Пушкина — Ё. В. Мұзы, С. Т. Овчинниковой и А. И. Фрумкиной, в Государственном Пушкинском заповеднике Горьковской области с. Болдине — Ю. И. Левиной. Активно и плодотворно работают в области изучения пушкинской графики также Г. Ф. Богач, Л. Ф. Керцелли, В. С. Лаврентьев, Л. И. Певзнер, А. Ю. Чернов и др. Публикации, посвященные рисункам Пушкина, появляются не только в пушкиноведческих изданиях (прежде всего во «Временнике Пушкинской комиссии»), но и в периодической печати, рассчитанной на массового читателя. Это журналы «Огонек» и «Аврора», газеты «Литературная газета», «Советская Россия», ежегодные специальные выпуски «Литературной газеты» и «Литературной России», посвященные всесоюзным пушкинским праздникам поэзии, — «Пушкинский праздник», и др.

К настоящему времени накоплен значительный и интересный атрибуционный материал. Разбросанность этих новых сведений, а также затрудненность пользования старыми изданиями, давно ставшими библиографической редкостью, подсказывают необходимость обобщения, сбора, фиксации всего сделанного в специальном перечне, каталоге атрибутированных портретных рисунков Пушкина. Разумеется, подобный каталог не может претендовать на нечто окончательно завершенное: ведь поиск продолжается, возникают новые иконографические догадки, возможны и перемены в старых, уже принятых определениях. Однако значение такого каталога не нуждается в особых доказательствах. Каталог портретных рисунков очень нужен в справочных, координационных целях и как определенная подготовительная ступень к осуществлению давней уже задачи пушкиноведения — изданию тома «Рисунки» в новом академическом собрании сочинений Пушкина.

* * *

Каталог рисунков Пушкина закономерно начинается с автопортретов поэта. Закономерно как по формальному, алфавитному признаку, так и по существу.

Автопортреты, как писал исследователь, «это самое замечательное, что есть в пушкинской графике. Это — ее сердцевина. И по художественности, и по численности, и по внутренней значимости автопортреты стоят на первом месте».⁴

Автопортретам Пушкина посвящено несколько специальных исследований. Это уже упоминавшиеся монография А. М. Эфроса «Автопортреты Пушкина», статья Б. В. Томашевского под тем же названием, глава «Автопортреты» в книге Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина». В этих работах собран, выявлен в основном весь корпус самых ярких автопортретных рисунков, дана их характеристика, проанализированы внешние причины и внутрен-

---

⁴ Эфрос А. М. Автопортреты Пушкина. М.: Гослитмузей, 1945, с. 25.

ние импульсы, вызвавшие появление этих изображений на страницах рукописей, установлены хронологические границы и отдельные даты.

Исследователями отмечено поразительное разнообразие автопортретных рисунков; при всей «узнаваемости», кажется, нет двух идентичных профильных линий. Черты более грубые или утонченные; нос приплюснут или вытянут; возраст молодой и старческий; волосы длинные и короткие, вьющиеся и прямые; в образе «арапа» или Вольтера, Робеспьера или Е. Х. Крупенской⁵. . . Портреты реалистические, передающие реальные подробности внешнего облика, и портреты воображаемые, портреты «травести» . . .

Установлена причинная зависимость автопортретных «скопленний» с поворотными, кризисными, напряженными периодами в жизни поэта. Замечена прямая связь между характером литературного произведения и рисунками на полях его черновиков: «автобиографизм своих стихов и прозы, то обстоятельство, что он сам — первый и главный герой их, Пушкин отражал и прямыми автопортретами, и рисунками вымышленных лиц, у которых были его собственные черты».⁶ В этом плане огромна роль романа «Евгений Онегин», самого автобиографического из пушкинских произведений. Не случайно в черновиках романа сосредоточено свыше трети всех автопортретных рисунков, автопортретов всех видов.⁷

Основная масса автопортретов была создана Пушкиным в 1820—1830-е годы. Внутри этого десятилетия наиболее интенсивными оказались: начало южной ссылки (1821 г., Кишинев); начало работы над романом «Евгений Онегин», всплеск сердечных увлечений, конфликт с М. С. Воронцовым и ссылка в Михайловское (конец 1823 г. и весна и осень 1824 г., Одесса и Михайловское); реакция на события 14 декабря 1825 г. (январь 1826 г., Михайловское); царское «прощение» и возвращение из ссылки (осень 1826 г., Москва); наконец, весна и осень 1829 г.,

---

⁵ Говоря об автопортретах, где Пушкин рисует себя в женском облике, необходимо обратить внимание на два портрета Е. К. Воронцовой (ПД, № 834, л. 11, нег. № 715 и л. 12, нег. № 717), в которых, как нам кажется, также видны автопортретные черты.

⁶ Эфрос А. М. Автопортреты Пушкина, с. 34.

⁷ Интересные выводы относительно пристрастия к жанру портрета и, в особенности, автопортрета, как характернейшей черты, присущей художественной системе романтизма, содержатся в работе В. С. Турчина «Эпоха романтизма в России. К истории русского искусства первой трети XIX века. Очерки» (М., 1981). В очерке «Автопортрет — самое „романтичное“ в романтическом портрете» В. С. Турчин пишет: «Появление большого числа автопортретов — форма борьбы за утверждение прав художника на индивидуальное отношение к себе и к своему искусству. Никогда, пожалуй, больше русское искусство не знало такой силы и последовательности утверждения личности художника-творца и его эстетического кредо» (с. 184). Проявление этих закономерностей Турчин видит и в живописи, и в музыке, и в литературе, отмечая автобиографизм произведений и тягу к прямым графическим изображениям самого себя.

когда решалась его личная судьба (Москва). После 1830 г. автопортреты почти исчезают из рисунков поэта; редкие автопортреты этих лет отмечены печатью жизненной усталости.

Говоря об огромной значимости автопортретов Пушкина, сравнивая эти, зачастую «черновые», наброски с портретами поэта, выполненными профессиональными художниками, А. М. Эфрос писал: «Автопортреты Пушкина имеют огромную документальную ценность. Это наиболее надежные свидетельства примет и особенностей пушкинского облика. Они тем более важны, что охватывают весь основной период его жизни. Они отражают разные состояния, самочувствия, самонаблюдения Пушкина. Этого нет в официальных портретах поэта. Два основных портрета — Кипренского и Тропинина — и два добавочных — акварель Соколова и карандаш Вивьена, — сделанные с живого Пушкина, не могут перевесить ни убедительностью, ни интимностью дилетантских, черновых пушкинских самозарисовок. В его набросках есть непосредственность и близость, которая не вызывает сомнений и свидетельствует каждой своей подробностью, что именно так он выглядел или так обряжал себя, или таким хотел себя видеть. На автопортретах лежит горячность повседневности, живого прикосновения к большому и малым фазам пушкинской судьбы».⁸

В 1936 г. Б. В. Томашевский полагал, что «в сохранившемся фонде рукописей Пушкина находится свыше 50 автопортретов».⁹ В 1945 г. в книге А. М. Эфроса было учтено 66 (из них 55 воспроизведено) автопортретов. Т. Г. Цявловская, не вводя новых определений, говорит о том, что Пушкин рисовал себя «свыше пятидесяти раз».¹⁰

За последние годы были выявлены новые автопортретные рисунки, и в настоящем каталоге учтен 91 автопортрет.

Многие из них вполне безусловны и легко узнаваемы. Таковы, например, легкий, несколько схематичный рисунок в черновике стихотворения «Кинжал» (№ 10), в котором угадывается сходство с К. Зандом (ср. с изображением Занда в тетради ПД, № 831, л. 46, нег. № 383, 1821 г.), набросок профиля рядом с автопортретом в костюме скорохода (№ 29), два автопортрета рядом в первой арзрумской тетради (№ 67, 68) и др. Здесь же хочется отметить виртуозную графическую игру, превратившую в автопортрет голову лошади, в черновиках стихотворения «Андрей Шенье» (№ 50).

Некоторые же из вводимых рисунков нуждаются в рекомендациях, обосновании.

Среди портретов на обороте листа с записью турецких слов к известным автопортретам (№ 8, 9) добавлен еще один. Этот набросок сделан рядом с портретом М. Ф. Орлова и немного похож на него. Однако характерный наклон лба, очертание персе-

⁸ Эфрос А. М. Автопортреты Пушкина, с. 38, 40.

⁹ Пушкин и его время, вып. 1, с. 320.

¹⁰ Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд., с. 344.

носицы, линия носа, прическа с короткими завитками надо лбом (как и в автопортрете № 4 на полях поэмы «Кавказский пленник»), наконец, несомненное сходство наброска с известным автопортретом в круге (№ 2), по времени близким к данному, послужили основанием для атрибуции этого изображения как автопортрета Пушкина (№ 7).

Подобная автопортретная «схема», отличающаяся от общепринятой более энергичным очертанием подбородка, двумя линиями-складками на щеках, встречается и позднее. Таков, например, набросок среди черновиков поэмы «Бахчисарайский фонтан» 1822 г. (№ 18). По такой же «формуле» нарисован портрет на листе с черновиками XIV—XVI строф первой главы «Онегина». Лист этот знаменателен: с него начинаются «онегинские» автопортреты; здесь нарисованы два известных «воображаемых» автопортрета — в образе юноши и в образе старика (№ 21, 23). «Новый» автопортрет кажется стилизацией, он шаржирован. Но в то же время и серьезен: в выражении передано чувство тревоги, взгляд погружен в себя. Он вызывает в памяти подготовительные наброски В. А. Тropicина к его известному портрету Пушкина 1827 г., особенно эту юд маслом. Похож рисунок и на карикатурное изображение поэта, опубликованное в 1909 г. С. А. Венгеровым.¹¹ В то же время в этом, несомненно автопортретном изображении есть некоторые черты, взятые от М. С. Воронцова, так что получается некая своеобразная комбинация: «автопортрет с чертами Воронцова» (№ 24).

Этот рисунок — первый в целом ряде набросков конца 1823—начала 1825 г. (в основном на страницах первой и второй масонских тетрадей), когда поэт, пользуясь подобной профильной «формулой», создает своеобразные «автопортретные вариации на тему Воронцова».¹²

Не решаясь отнести все эти изображения к безусловным автопортретам, мы считаем необходимым в предисловии отметить наличие таких рисунков.¹³

¹¹ Пушкин. [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1909, т. III, с. 345. В настоящее время карикатура находится в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

¹² Почти все из этих изображений к тому же «усилены» наполеоновским мотивом сдвинутых бровей, придающих лицу надменность и власть (в первой масонской тетради это видно по нескольким портретам Наполеона и нескольким — причем разнообразным — портретам Воронцова).

¹³ К ним, например, по нашему убеждению, относятся следующие портреты: в черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 2, строфа XI (ПД, № 834, л. 42, нег. № 777), декабрь 1823 г. (Т. Г. Цявловская атрибутирует этот рисунок как портрет М. С. Воронцова, см.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд., с. 128); в черновиках начальных стихов поэмы «Цыганы» (ПД, № 834, л. 45, нег. № 784), январь 1824 г.; в черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 3, строфа XXXI (ПД, № 835, л. 4 об., нег. № 805), май—июнь 1824 г.; более поздний — в черновике письма к Н. О. и С. Л. Пушкиным от 6—11 апреля 1830 г. (ПД, № 515, л. 2 об., нег. № 2526). Надо добавить, что большинство этих изображений были определены М. Д. Беляевым как портреты М. С. Воронцова (Беляев М. Д. Изучение рисунков Пушкина..., л. 159—164). Однако исследователь не

Вообще выявление наряду с уже известными новых автопортретов-сближений, автопортретов-уподоблений, в которых поэт или стилизует сходство с персонажем, нарисованным рядом (с М. Ф. Орловым — № 7, с А. М. Худобашевым — № 12, с С. Л. Пушкиным — № 37 и др.), или прямо «совмещает» черты (автопортреты с чертами Воронцова, в образе лошади — № 50, и др.), позволяет, как представляется, уверенно говорить о графическом выражении «протеизма» Пушкина.

Высказанная всеми исследователями графики поэта мысль о поразительном богатстве нюансов, оттенков настроений и замысловатости о своем творчестве и жизненной судьбе, выраженных в многолетней серии автопортретов, получает новое подкрепление.

«Это осколки большой исповеди» — словами Гете об автопортретах Рембрандта, приводимыми А. М. Эфросом,¹⁴ уместнее всего закончить вступительную часть к каталогу автопортретов поэта.¹⁵

* * *

При составлении настоящего каталога в качестве основной библиографии были использованы: Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 16-ти томах, издания АН СССР, 1937—1949 гг.; научные описания автографов А. С. Пушкина, составленные В. Е. Якушкиным (1884 г.), Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским (1937 г.), О. С. Соловьевой (1964 г.) и Р. Е. Терехиной (1971 г.), работы Б. В. Томашевского, А. М. Эфроса,¹⁶ Т. Г. Цявловской, специально посвященные автопортретам Пушкина, а также картотека Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Ссылки на эти и ряд других работ даются в сокращении (см. список сокращений в конце каталога). Каталог построен по прин-

---

принял во внимание датировку рисунков: ведь первые наброски подобного типа сделаны в рукописях 1821—1822 гг. (см., например, № 39 у Беляева, соответствующий № 18 в данном каталоге), т. е. еще до знакомства Пушкина с М. С. Воронцовым.

¹⁴ Эфрос А. М. Автопортреты Пушкина, с. 28.

¹⁵ В последнее время (уже после того как настоящая работа была сдана в редакцию) вышли в свет два издания, о которых хотелось бы обязательно сказать. Это книга-альбом Е. В. Павловой «А. С. Пушкин в портретах» (М.: Советский художник, 1983) и книга Л. Ф. Керцелли «Мир Пушкина в его рисунках» (М.: Московский рабочий, 1983). В книге Л. Ф. Керцелли содержатся интересные, тонкие и убедительные наблюдения о природе графики Пушкина, в частности автопортретной. Альбом портретов А. С. Пушкина, подготовленный Е. В. Павловой, открывается воспроизведением 39 автопортретов поэта. Впервые пушкинские самоизображения так масштабно, в таком количестве включены в его иконографию, созданную профессиональными художниками; в результате многократно обогащаются наши представления об облике поэта.

¹⁶ Хотя некоторые из автопортретных изображений Пушкина были опубликованы А. М. Эфросом в книге «Рисунки поэта» в 1930 и 1933 гг., в настоящем каталоге ссылки даются на его работу «Автопортреты Пушкина» (1945), как итоговую и обобщающую.

ципу хронологической последовательности и с учетом целостного «раскрытия» автографических архивных единиц. В него включены следующие сведения: атрибуция рисунка; местонахождение рисунка в автографах поэта, с указанием шифра Пушкинского Дома; время создания рисунка; основная библиография (с обязательным указанием работы, впервые определяющей рисунок). Кроме того, в специальных примечаниях отмечается наличие спорных точек зрения на атрибуцию или датировку рисунка и приводятся некоторые другие дополнения и пояснения.

Шифр фонда автографов А. С. Пушкина дается в принятом условном сокращении; например, ПД, № 834 означает: ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 834. Кроме номера и листа автографа приводится номер негатива, так как исследователям часто приходится работать не с подлинниками, а с фотографиями автографов Пушкина.

Для большинства автопортретов приводится датировка, принятая А. М. Эфросом в книге «Автопортреты Пушкина». Некоторые автографы датируются по времени создания произведений, в рукописях которых находятся рисунки (по 17-томному академическому Полному собранию сочинений Пушкина). Случаи вариантов в датировании оговариваются особо.

1. Автопортрет в форме лицеиста.

Справа от изображения и в обратном направлении к нему помета: «Je suis».

На отдельном листе. ПД, № 1714, л. 1. Нег. № 9003.

Без даты. Предполагаемая датировка — 1816—1820 гг.

Томашевский Б. В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826). — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 827 (воспр.), 830; Эфрос, 1945, с. 9 (воспр.), 56—59.

Примечание. Т. Г. Цявловская отрицает принадлежность данного рисунка руке А. С. Пушкина (см.: Цявловская, 1980, с. 428, примеч. 140).

2. Автопортрет в круге на заштрихованном фоне; погрудный.

На отдельном листе. ПД, № 794, л. 1. Нег. № 9302.

Без даты. Предполагаемые датировки: 1817—1818 гг. (Т. Г. Цявловская), 1820 г. (А. М. Эфрос), начало 1820-х гг. (Л. Б. Модзалевский), 1823 г. (Б. В. Томашевский).

Модзалевский Л. Б. Новые автографы Пушкина. — Вестник Академии наук СССР. 1931, № 7, с. 50 (воспр. и атрибуция); Эфрос, 1945, с. 11 (воспр.), 59—62; Томашевский, 1962, с. 323, примеч.; Цявловская, 1980, с. 348 (воспр.), 347—351.

3. Автопортрет в виде юноши в композиции «Поцелуй».

Помета под рисунком: «le baiser», сбоку: «1818 15 Dec.».

На листе без текста. ПД, № 829, л. 46. Нег. № 89.

Анненков, 1874, с. 134; Венгеров, 1909, с. 473 (воспроизведение без портретной аннотации).

Примечание. Определение П. В. Анненкова вызвало возражения В. Е. Якушкина (Якушкин, 1884, т. ХLI, с. 649), А. М. Эфроса (Эфрос, 1933, с. 188), Б. В. Томашевского (Томашевский, 1962, с. 321, примеч. 1).

4. Автопортрет.

На листе рукописи поэмы «Кавказский пленник», на полях у строк: «Но русский жизни молодой / Давно утратил сладострасть». ПД, № 46, л. б. Нег. № 145.

1821 г.

Рукописи Пушкина, 1911 (воспроизведение всего листа); Эфрос, 1945, с. 13 (воспр.), 62—63; Томашевский, 1962, с. 322, примеч. 1; Цявловская, 1980, с. 362 (воспр.), 442.

5. Автопортрет, погрудный, $\frac{3}{4}$ влево; в позе, напоминающей портрет Пушкина работы Е. Гейтмана, 1822 г.

А. С. Пушкин. Автопортрет. (ПД, № 794, л. 1).
(Каталог, № 2)

В рукописи поэмы «Кавказский пленник», на листе с портретами Раевских. ПД, № 46, л. 15. Нег. № 163.

1821 г.

Рукописи Пушкина, 1911 (воспроизведение всего листа); Эфрос, 1945, с. 19 (воспр.), 116; Летопись, 1951, с. 306; Томашевский, 1962, с. 322, примеч. 1; Цявловская, 1980, с. 365 (воспр.), 442.

6. Автопортрет: линия профиля большего масштаба, чем на других рисунках; зачеркнут.

На том же листе, что № 5. ПД, № 46, л. 15. Нег. № 163.

1821 г.

Томашевский, 1962, с. 322.

7. Автопортрет рядом с портретом М. Ф. Орлова и с некоторым сходством с ним.

На обороте листа с записью турецких слов, среди других рисунков. *ПД, № 698, л. 1 об. Нег. № 2962.*

1821 г.

Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 276 (воспроизведен весь лист).

ВМП.

8. Автопортрет с длинными кудрями; шаржированный.

На том же листе, что № 7, в обратном направлении к другим рисункам. *ПД, № 698, л. 1 об. Нег. № 2962.*

1821 г.

Томашевский Б. Из пушкинских рукописей. — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 274, 276 (воспр.); Эфрос, 1945, с. 15 (воспр.), 66; Летопись, 1951, с. 309; Цявловская, 1980, с. 363 (воспр.), 442.

А. С. Пушкин. Автопортрет. (*ПД, № 698, л. 1 об.*)
(Каталог, № 7)

9. Автопортрет в облике женщины.

На том же листе, что № 7, 8. *ПД, № 698, л. 1 об. Нег. № 2962.*

1921 г.

Эфрос, 1945, с. 17 (воспр.), 90, 92; Томашевский, 1962, с. 323.

Примечание. Б. В. Томашевским было высказано предположение, что в данном рисунке Пушкин стилизует свое сходство с Е. Х. Крупенской (Томашевский Б. Из пушкинских рукописей. — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 316, примеч. 2). Предположение это было поддержано М. Д. Беляевым (Беляев, 1946, л. 208, № 135). Г. Ф. Богач считает этот рисунок портретом Е. Х. Крупенской (Богач Г. Ф. Новые определения портретов в рисунках Пушкина. — Сибирь, 1983, № 2, с. 76—77, 79 (воспр.)).

10. Автопортрет со спрямленной линией лба и носа, с некоторым сходством с К. Зандом.

В черновике стихотворения «Кинжал», у верхнего края листа, среди других рисунков. *ПД, № 830, л. 64. Нег. № 285.*

1822 г., 22 июня.

ВМП.

11. Автопортрет: линия профиля.

На том же листе, что № 10, под датой. ПД, № 860, л. 64. Нег. № 285.

1822 г., 22 июня.
Эфрос, 1945, с. 70.

12. Автопортрет с выпуклым глазом; не закончен; зачеркнут штрихами.

Рядом с портретом А. М. Худобашева и с некоторым сходством с ним. На том же листе, что № 10, 11. ПД, № 830, л. 64. Нег. № 285.

1822 г., 22 июня.
ВМП.

А. С. Пушкин. Автопортрет. (ПД, № 830, л. 64).
(Каталог, № 10)

13. Автопортрет: линия профиля с огрубленными чертами; не закончен.

На том же листе, что № 10—12, у нижнего края листа. ПД, № 830, л. 64. Нег. № 285.

1822 г., 22 июня.
Эфрос, 1945, с. 70.

14. Автопортрет в кавказской шапке.

На листе с пометой Опеки и двумя мужскими портретами. ПД, № 830, л. 65 об. Нег. № 288.

1822 г., сентябрь.
Эфрос, 1945, с. 66—67; Томашевский, 1962, с. 322, примеч. 1.

15. Автопортрет шаржированный; смазан.

На листе с черновиком стихотворения «Вдали тех пропастей глубоких» («В Гоене праздник...»); среди «бесовских» рисунков. ПД, № 831, л. 50. Нег. № 392.

1821 г., август—сентябрь.
ВМП.

16. Автопортрет: линия профиля.

На листе с «Планом статьи о французской словесности»; среди других рисунков. *ПД, № 286, л. 1 об. Нег. № 849.*

1822 (?) г.

Гроссман Л. Рисунки из неизданных черновиков рукописей Пушкина. — *Прожектор*, 1929, № 23, с. 11 (воспроизведен весь лист); *Модзалевский и Томашевский*, 1937, с. 112, № 286; *Эфрос*, 1945, с. 64.

17. Автопортрет: линия носа и подбородка.

На остатке вырванного из тетради листа, среди других рисунков; между листами со стихотворениями 1822 г. — «Гроб юноши» и «Песнь о вещем Олеге». *ПД, № 832, л. 3е. Нег. № 445.*

ВМП.

18. Автопортрет со смазанным глазом, с некоторым сходством с В. К. Кюхельбекером; не закончен.

На остатке вырванного из тетради листа; между листами с черновиками поэмы «Бахчисарайский фонтан». *ПД, № 832, л. 21а об. Нег. № 494.*

1822 г.

ВМП.

19. Автопортрет, зачеркнутый по линии профиля волнистой линией.

В черновиках поэмы «Бахчисарайский фонтан». *ПД, № 832, л. 23. Нег. № 497.*

1822 г.

Эфрос, 1945, с. 21 (воспр.), 70; *Томашевский*, 1962, с. 322, примеч. 1.

20. Автопортрет со светлыми волосами; зачеркнут по линии профиля волнистой линией.

В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 1, строфы IX—XIII; среди других рисунков. *ПД, № 834, л. 8. Нег. № 709.*

1823 г., июнь.

Эфрос, 1945, с. 23 (воспр.), 72, 74; *Цявловская*, 1980, с. 366 (воспр.), 443.

21. Автопортрет в образе молодого щеголя.

В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 1, строфы XIV—XVI; внизу, под текстом; среди других рисунков. *ПД, № 834, л. 9 об. Нег. № 712.*

1823 г., май—октябрь.

Эфрос, 1945, с. 27 (воспр.), 32, 81—82; *Летопись*, 1951, с. 381; *Томашевский*, 1962, с. 324; *Цявловская*, 1980, с. 366 (воспр.), 442.

22. Автопортрет: зачеркнутая линия профиля и бакенбард.

На том же листе и рядом с № 21. *ПД, № 834, л. 9 об. Нег. № 712.*

1823 г., май—октябрь.

Эфрос, 1945, с. 82; *Томашевский*, 1962, с. 324.

23. Автопортрет в образе обрюзгшего старика.

На том же листе, что № 21, 22, у правого края листа, вниз линией профиля. *ПД, № 834, л. 9 об. Нег. № 712.*

1823 г., май—октябрь.

Лернер Н. О. Из черновых тетрадей Пушкина. Неизданные рисунки. — *Столица и усадьба*, 1916, № 7, с. 7 (воспр. и атрибуция); *Эфрос*, 1945, с. 29 (воспр.), 81—82; *Летопись*, 1951, с. 381; *Томашевский*, 1962, с. 324; *Цявловская*, 1980, с. 367 (воспр.), 442.

24. Автопортрет шаржированный, стилизующий сходство с М. С. Воронцовым.

На том же листе, что № 21—23, в левой нижней половине; полузакрыт портретом неизвестного. *ПД, № 834, л. 9 об. Нег. № 712.*

1823 г., май—октябрь.

ВМП.

25. Автопортрет с черными волосами, в черном фуляре.
В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 1, строфы XLIV—XLV.
ПД, № 834, л. 17 об. Нег. № 728.
1823 г., октябрь.
Эфрос, 1945, с. 31 (воспр.), 84, 86, 90; Летопись, 1951, с. 410; Томашевский, 1962, с. 323, 328 (воспр.); Цявловская, 1980, с. 369 (воспр.), 442.
26. Автопортрет в образе изможденного старика.
В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 2, строфы IXa—IXб; среди других рисунков. *ПД, № 834, л. 26 об. Нег. № 746.*
1823 г., октябрь—ноябрь.
Эфрос, 1945, с. 33 (воспр.), 32, 84, 90; Летопись, 1951, с. 412; Томашевский, 1962, с. 324; Цявловская, 1980, с. 367 (воспр.), 442.
27. Автопортрет в образе Поэта (юноша с длинными кудрями).
В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 2, строфы XI—XII; здесь же портреты М. Н. Раевской и А. Ризнич. *ПД, № 834, л. 27 об. Нег. № 748.*
1823 г., конец октября.
Лернер Н. О. Один из одесских автопортретов Пушкина.— В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1925, вып. 1, с. 4 (воспр.), 5; Эфрос, 1945, с. 35 (воспр.), 84, 90; Летопись, 1951, с. 412; Томашевский, 1962, с. 323; Цявловская, 1980, с. 371 (воспр.), 367—368, 442.
Примечание. Данный автопортрет воспроизводится на грифе «Литературной газеты».
28. Автопортрет в рост, в образе дворцового скорохода.
В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 2, строфа XXIIa. *ПД, № 834, л. 34 об. Нег. № 762.*
1823 г., конец октября—декабрь.
Лернер Н. О. Из неизданных рисунков Пушкина.— Голос жизни, 1915, № 18, с. 17 (воспр.), 20; Эфрос, 1945, с. 37 (воспр.), 94; Томашевский, 1962, с. 324; Цявловская, 1980, с. 342 (воспр.), 341, 441.
Примечание. Данный рисунок имеет также другие определения: 1) как воображаемый портрет А. П. Ганнибала (Томашевский, 1962, с. 324; Цявловская, 1970, с. 145—146) и 2) как портрет Е. Х. Крупенской (Богач Г. Ф. Новые определения портретов в рисунках Пушкина.— Сибирь, 1983, № 2, с. 76—77, 78 (воспр.)).
29. Автопортрет: незаконченная линия профиля (лоб и нос).
На том же листе и рядом с № 28 (левее). *ПД, № 834, л. 34 об. Нег. № 762.*
1823 г., конец октября—декабрь.
ВМП.
30. Автопортрет со стрижкой, приоткрывающей уши, в черном фуляре.
В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 2, строфа XXVII; в верхней половине листа, у правого края. *ПД, № 834, л. 36. Нег. № 765.*
1823 г., ноябрь—декабрь.
Эфрос, 1945, с. 39 (воспр.), 74, 86; Цявловская, 1980, с. 368 (воспр.), 367, 442.
31. Автопортрет в виде мальчика; не закончен, зачеркнут штрихами.
На том же листе, что № 30 (у правого края листа, рядом — женские ножки); среди других рисунков. *ПД, № 834, л. 36. Нег. № 765.*
1823 г., ноябрь—декабрь.
Эфрос, 1945, с. 42 (воспр.), 74, 86, 88.

32. Автопортрет. в виде юноши, с выпуклым лбом; зачернут волнистой линией.
На том же листе, что № 31 и 32, в левом нижнем углу листа. *ПД*, № 834, л. 36. *Нег. № 765*.
1823 г., ноябрь—декабрь.
Эфрос, 1945, с. 45 (воспр.), 74, 86, 88.
33. Автопортрет в образе денди, с короткими пышными волосами; прочерчен линиями плеча неизвестной, портрет которой нарисован рядом.
В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 2, строфы ХХІХ—ХХХ; среди женских портретов. *ПД*, № 834, л. 36 об. *Нег. № 766*.
1823 г., ноябрь—декабрь.
Эфрос, 1945, с. 47 (воспр.), 86, 88; Летопись, 1951, с. 415; Томашевский, 1962, с. 328 (воспр.); Цявловская, 1980, с. 370 (воспр.), 367, 442.
34. Автопортрет в виде лицеиста.
В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 2, строфы ХХХ—ХХХІ; среди других рисунков. *ПД*, № 834, л. 37. *Нег. № 767*.
1823 г., ноябрь—декабрь.
Эфрос, 1945, с. 49 (воспр.), 84, 90; Летопись, 1951, с. 416.
35. Автопортрет, стилизующий сходство с Вольтером.
В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 3, строфы I—II; в верхнем правом углу листа, под портретом Вольтера. *ПД*, № 834, л. 48 об. *Нег. № 790*.
1824 г., 8 февраля, «ночь».
ВМЦ.
36. Автопортрет с Онегиным на набережной Невы: автоиллюстрация к гл. 1 романа «Евгений Онегин».
Помета под рисунком: «1 хорош. 2 должен быть опершился на гранит. 3. лодка, 4. Крепость Петропавловская».
В письме к Л. С. Пушкину. *ПД*, № 1261, л. 34. *Нег. № 7612*.
1824 г., начало ноября.
Библиографические записки, 1858, т. 1, № 4 (рисунок воспроизведен на листе без пагинации, после столбца 128; публикация С. А. Соболевского); Либрович, 1890, с. 37 (воспр.), 35, 36, 38; Эфрос, 1945, с. 57 (воспр.), 98, 100; Томашевский, 1962, с. 324, примеч. 2; Цявловская, 1980, с. 352 (воспр.), 351, 355, 441.
37. Автопортрет в виде молодого человека, с длинными кудрями; подчеркнута сходство с отцом, портрет которого нарисован рядом.
В черновиках поэмы «Цыганы» и романа «Евгений Онегин», гл. 3, строфа ХХХ. *ПД*, № 835, л. 3 об. *Нег. № 803*.
1824 г.
Эфрос, 1945, с. 84.
- 38—40. Три автопортрета: нарисованные рядом три линии профиля.
В черновике романа «Евгений Онегин», гл. 3, Письмо Татьяны; на этом же листе портрет П. А. Осиповой и другие рисунки. *ПД*, № 835, л. 5 об. *Нег. № 807*.
1824 г.
Эфрос, 1945, с. 64.
- 41—43. Три автопортрета рядом, в прическах и костюмах эпохи Великой Французской революции: 1780-х гг. (слева) и 1790-х гг. (в середине и справа).
В черновиках стихотворения «Зачем ты послан был...»; среди других рисунков. *ПД*, № 835, л. 6 об. *Нег. № 809*.
1824 г.

Лернер Н. О. Рисунки Пушкина. — Нива, 1912, № 5, с. 97 (воспр.), 99; Эфрос, 1945, с. 51, 53 (воспр.), 96; Летопись, 1951, с. 476; Томашевский, 1962, с. 324; Цявловская, 1980, с. 346 (воспр.), 345, 347, 441.

44, 45. Два автопортрета в женском облике, рядом.

В черновиках стихотворения «Клеопатра»; среди женских портретов. *ПД*, № 835, л. 23 об. *Нег.* № 843.

1824 г., октябрь.

Эфрос, 1945, с. 92.

Примечание. Данные рисунки определяются также как предположительные портреты Е. Х. Крупенской (Беляев, 1946, л. 209, № 136).

46. Автопортрет: набросок лба и носа.

В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 3, строфа XXXVI и стихотворения «Разговор книгопродавца с поэтом». *ПД*, № 835, л. 28 об. *Нег.* № 853.

1824 г., октябрь.

Эфрос, 1945, с. 64.

47. Автопортрет в образе старика в очках.

В черновиках стихотворения «И путник усталый на бога роптал» (из цикла «Подражания Корану», IX). *ПД*, № 835, л. 39 об. *Нег.* № 875. 1824, сентябрь—ноябрь.

Атрибуция (предположительная) дана С. А. Фомичевым (см.: Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина *ПД*, № 835: (Из текстологических наблюдений). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983, т. XI, с. 51).

48. Автопортрет с безволосой головой, стилизующий сходство с Вольтером; рядом с портретом Вольтера.

В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 4, строфа III; здесь же портреты Мирабо и др. *ПД*, № 835, л. 41. *Нег.* № 878.

1824 г., ноябрь—декабрь.

Эфрос, 1945, с. 61 (воспр.), 102; Цявловская, 1980, с. 345 (воспр.), 441.

49. Автопортрет с курносом носом и черными бакенбардами; шаржированный.

В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 4, строфы XXIVa—XXIVb. *ПД*, № 835, л. 53. *Нег.* № 902.

Конец 1824—начало 1825 г.

ВМП.

50. Автопортрет в облике лошади.

В черновиках стихотворения «Андрей Шенье»; среди изображений лошадиных голов. *ПД*, № 835, л. 60 об. *Нег.* № 917.

1825 г.

Керцелли Л. Ф. 1) Удивительный рисунок Пушкина. (Автопортрет в конском облике). — Огонек, 1978, № 23, с. 18 (воспр. и атрибуция); 2) Мир Пушкина в его рисунках. М., 1983, с. 10—17, 10 (воспр.), 12 (воспр.).

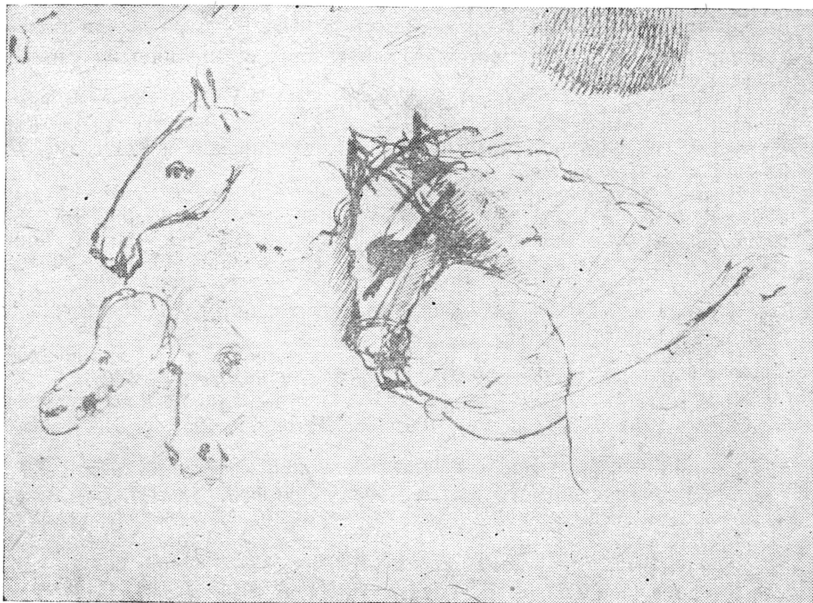
51. Автопортрет с бакенбардами, переходящими в бородку.

В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 4, строфы XXXIII—XXXIV. *ПД*, № 835, л. 75 об. *Нег.* № 947.

1825 г., декабрь.

Эфрос, 1945, с. 71 (воспр.), 108; Летопись, 1951, с. 665; Томашевский, 1962, с. 325.

52. Автопортрет без бакенбардов; в модном фраке; зачеркнут по линии носа и подбородка.
 В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 4, строфы XXXV—XXXVI. *ПД*, № 835, л. 76. *Нег.* № 948.
 1825 г., декабрь.
 Эфрос, 1945, с. 74; Летопись, 1951, с. 665.
53. Автопортрет с усами и бакенбардами.
 В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 5, строфы I—II. *ПД*, № 835, л. 79 об. *Нег.* № 955.

А. С. Пушкин. Автопортрет, шарж. (*ПД*, № 835, л. 5 об.).
 (Каталог, № 50)

- 1826 г., 4 января.
 Эфрос, 1945, с. 73 (воспр.), 110; Летопись, 1951, с. 670; Цявловская, 1980, с. 373 (воспр.), 372, 443.
54. Автопортрет в рост, в картузе, с тростью.
 В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 5, строфы III—IV. *ПД*, № 835, л. 80. *Нег.* № 956.
 1826 г., январь.
 Якушкин, 1884, т. XLIII, с. 36; Венгеров, 1910, с. 185 (воспр.); Эфрос, 1945, с. 75, 77 (воспр.), 104, 110, 112—113; Летопись, 1951, с. 670; Томашевский, 1962, с. 326.
55. Автопортрет в образе Робеспьера.
 В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 5, строфы V—VI; здесь же портреты П. И. Пестеля, Мирабо, Вольтера, К. Ф. Рыльева и др. *ПД*, № 835, л. 80 об. *Нег.* № 957.
 1826 г., январь.
 Эфрос, 1945, с. 79 (воспр.), 32, 110, 113; Томашевский, 1962, с. 325—326.

56. Автопортрет в облике молодого человека с длинными кудрями; очеркнут штрихами вместе с наброском портрета К. Ф. Рылеева, нарисованного рядом.
В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 5, строфы IX—X; здесь же портреты П. И. Пестеля, И. И. Пущина, А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера, К. Ф. Рылеева. *ПД, № 835, л. 81 об. Нег. № 959.*
1826 г., январь.
Эфрос, 1945, с. 83 (воспр.), 74, 112—113; ВМП.
- Примечание. Когда эта работа была уже подготовлена к печати, составителю стало известно, что подобное наблюдение (автопортрет нарисован рядом, как бы на фоне портрета К. Ф. Рылеева) сделано также А. Ю. Черновым.
57. Автопортрет среди портретов декабристов; прямоличный (немного влево); смазан.
На обертке книги. На обороте листа рукой А. Н. Вульфа: «Эскизы разных лиц замечательных по 14 Декб, 825 года, работы Алекс. Серг. Пушкина во время его пребывания в с. Тригорском в 826 году». *ПД, № 798, л. 1. Нег. № 9307.*
Новые автографы Пушкина. — Искры (прил. к газ. «Русское слово»), 1913, № 36, с. 283 (воспр. и атрибуция); Зильберштейн, 1926, с. 54, 57 (воспр.); Эфрос, 1945, с. 85 (воспр.), 114—118, 120; Летопись, 1951, с. 679; Томашевский, 1962, с. 326; Цявловская, 1980, с. 286—287.
58. Автопортрет с усами и бакенбардами, переходящими в бородку; в рубашке без воротника.
В рукописи статьи «О поэзии классической и романтической»; здесь же портрет Вольтера. *ПД, № 1068, л. 4 об. Нег. № 5406.*
1825 г., май—начало июня.
Эфрос, 1945, с. 65 (воспр.), 106, 108; Летопись, 1951, с. 616.
59. Автопортрет в образе «арапа».
В черновиках повести «Арап Петра Великого», гл. III. *ПД, № 836, л. 22 об. Нег. № 1012.*
1827 г.
Эфрос, 1945, с. 34; Томашевский, 1962, с. 324.
Примечание. М.: Д. Беляев (Беляев, 1946, л. 88), Б. В. Томашевский (Томашевский, 1962, с. 324) и Т. Г. Цявловская (Цявловская, 1980, с. 341, 427, примеч. 132) понимают данный рисунок как воображаемый портрет А. П. Ганнибала, сделанный «на основе самоизображения».
60. Автопортрет без бровей; не закончен, рядом с портретом неизвестной и с некоторым сходством с ней.
В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 5, строфа XXVI; здесь же портрет А. Ризнич и другие рисунки. *ПД, № 836, л. 42. Нег. № 1052.*
1826 г., июль.
ВМП.
61. Автопортрет в виде всадника на лошади.
На том же листе, что № 60. *ПД, № 836, л. 42. Нег. № 1052.*
1826 г., июль.
Эфрос, 1945, с. 87 (воспр.), 97, 120.
- 62, 63. Два автопортрета, один под другим: верхний — в виде юноши, с длинными кудрями; нижний — старше, с бакенбардами.
На отдельном листке, вырезанном из листа с рисунками Пушкина, принадлежавшего В. П. Зубкову. *ПД, № 1715, л. 1 об. Нег. № 9004.*
1826 г.

Венгеров, 1909, с. 351 (воспр.); Эфрос, 1945, с. 91 (воспр.), 89, 121—122; Томашевский, 1962, с. 325, 327 (воспр.); Цявловская, 1980, с. 375 (воспр.), 373—374, 443.

64. Автопортрет с полным лицом и волосами «под горшок».

В черновиках поэмы «Полтава», песнь 1; рядом портрет В. Л. Кочубея. *ПД*, № 838, л. 43 об. *Нег.* № 1261.

1828 г., апрель—сентябрь.

Литературное наследство. М., 1952, т. 58, с. 121 (воспроизведено без портретной аннотации).

ВМП.

Примечание. М. Д. Беляевым было высказано предположение, что данный рисунок изображает жену В. Л. Кочубея — Л. Ф. Кочубей (Беляев, 1946, л. 90—91).

65. Автопортрет шаржированный, в образе монстра (с уродливой нижней губой и голой головой).

В черновиках романа «Евгений Онегин», гл. 7, строфа LIV. *ПД*, № 838, л. 76 об. *Нег.* № 1327.

1827 г., август—1828 г., начало ноября.

ВМП.

66. Автопортрет.

В записной книжке Н. Д. Киселева. *ПД*, № 905, л. 21. *Нег.* № 3420.

1828 г., 14 июня.

Эфрос, 1945, с. 93 (воспр.), 121, 124; Томашевский, 1962, с. 326, 330 (воспр.); Цявловская, 1980, с. 376 (воспр.), 374, 443.

Примечание. Б. В. Томашевский и А. М. Эфрос ошибочно датируют портрет 1827 г. О датировке см. также: Соловьева, 1964, с. 20, № 905.

67, 68. Два автопортрета рядом (обращены в правую сторону).

На листе с фразой «В одной из южных губерний наших...» (вариант начала повести «Барышня-крестьянка»); среди других рисунков. *ПД*, № 841, л. 81 об. *Нег.* № 1690.

Лист находится между рукописями произведений весны 1830 г. (статья «Детская книжка») и лета 1831 г. («Рославлев»).

ВМП.

Примечание. Я. Л. Левкович датирует возникновение замысла повести «Барышня-крестьянка» и рисунки данного листа концом февраля 1830 г. (Левкович Я. Л. Рукою Пушкина. — Литературная газета, 1984, 4 января, № 1, с. 7).

69. Автопортрет в бараньей папахе.

На листе с тремя строками стихотворения «Фазиль-хану» («Благословен и день и час...»), портретом Александра I и другими рисунками. *ПД*, № 841, л. 127. *Нег.* № 1770.

1829 г., «25 мая Коби».

Эфрос, 1945, с. 95 (воспр.), 127—128; Томашевский, 1962, с. 326.

70. Автопортрет: набросок профиля; зачеркнут.

У верхнего края листа с черновиками стихотворений «Калмычка» и «На холмах Грузии»; на этом же листе портрет А. Мицкевича. *ПД*, № 841, л. 128. *Нег.* № 1772.

1829 г., май.

ВМП.

71. Автопортрет.

Под рисунком монограмма «АП» и помета: «Писанный им самим во время горестного его заключения в караantine Гумранском 1829 год.

28 июля». *ПД, № 801, л. 1. Нег. № 9310.*

Исторический вестник, 1899, май, Приложение «Автографы рукописей А. С. Пушкина», с. 7, 79 (воспр.); Эфрос, 1945, с. 99 (воспр.), 128; Томашевский, 1962, с. 326, 329 (воспр.).

72. Автопортрет верхом, в бурке и круглой шляпе.
В черновиках стихотворения «Делибаш». *ПД, № 911, л. 1. Нег. № 3424.*
1829 г., после 14 июля.
Эфрос, 1945, с. 101 (воспр.), 132; Томашевский, 1962, с. 331.
73. Автопортрет поясной; с рукой, заложенной за борт сюртука.
В альбоме Ел. Н. Ушаковой. *ПД, № 1723, л. 7 об. Нег. № 9450.*
1829 г.
Эфрос, 1945, с. 103 (воспр.), 136; Томашевский, 1962, с. 331.
74. Автопортрет в образе Поэта.
На отдельном листке, вклеенном в альбом Ел. Н. Ушаковой. *ПД, № 1723, л. 16. Нег. № 8845.*
1829 г.
Альбом, 1882, вклейка № 7 между с. 122—123 (воспр.); Либрович, 1890, с. 73, 74 (воспр.); Эфрос, 1945, с. 105 (воспр.), 134, 136; Томашевский, 1962, с. 326; Цявловская, 1980, с. 377 (воспр.), 374, 443.
75. Автопортрет в монашеском клобуке, напротив беса.
Помета под рисунком: «Не искушай(сай) меня без нужды».
В альбоме Ел. Н. Ушаковой. *ПД, № 1723, л. 49. Нег. № 8866.*
1829 г.
Альбом, 1882, вклейка № 6 между с. 122—123 (воспр.); Либрович, 1890, с. 74, 75 (воспр.); Эфрос, 1945, с. 107 (воспр.), 132—134; Томашевский, 1962, с. 326.
76. Автопортрет со лбом, прочерченными морщинами; погрудный (со сходством с автопортретом № 73).
В альбоме Ел. Н. Ушаковой. *ПД, № 1723, л. 64. Нег. № 9487.*
1829 г.
ВМП.
77. Автопортрет в виде всадника на лошади, в бурке и круглой шляпе, с пикой.
В альбоме Ел. Н. Ушаковой. *ПД, № 1723, л. 74 об. Нег. № 8874.*
1829 г., конец сентября—начало октября.
Альбом, 1882, вклейка № 8 между с. 122—123 (воспр.); Либрович, 1890, с. 74, 76 (воспр.); Эфрос, 1945, с. 109 (воспр.), 130, 132; Томашевский, 1962, с. 326, 331.
78. Автопортрет в образе пожилого человека.
На обороте листа с черновиком начальной строфы поэмы «Домик в Коломне» — «Пока меня без милости бранят...» (не вошедшей в окончательный текст поэмы). *ПД, № 134, л. 1 об. Нег. № 428.*
1829 г., август—сентябрь.
Зильберштейн, 1926, с. 54; Гроссман Л. Рисунки из неизданных черновиков рукописей Пушкина. — Прожектор, 1929, № 23, с. 10; Эфрос, 1945, с. 123 (воспр.), 145—147; Томашевский, 1962, с. 332.
- Примечание. В книге А. М. Эфроса автопортрет датирован более поздним временем — октябрем 1830 г., т. е. временем написания поэмы «Домик в Коломне». Однако последние исследования относят создание первой строфы поэмы — «Пока меня без милости бранят...» — к августу—сентябрю 1829 г. Принимая новую датировку, все же необходимо отметить, что по своему характеру этот портрет ближе к более поздним автопортретам 1830-х гг., чем к одновремен-

ным ему зарисовкам 1829 г. из альбома Ел. Н. Ушаковой. Обоснование новой датировки см.: Фомичев С. А. Из реального комментария к поэме «Домик в Коломне». — Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983, с. 122—124.

79. Автопортрет в лавровом венке, с обрезом шеи острым углом, как в скульптурном бюсте; зачеркнут.

В черновиках поэмы «Газит», рядом с портретом А. Мицкевича. ПД, № 842, л. 8. Нег. № 1785.

Конец 1829—начало 1830 г.

Эфрос, 1945, с. 117 (воспр.), 75—76, 138—140; Томашевский, 1962, с. 331; Цявловская, 1980, с. 378 (воспр.), 443.

80. Автопортрет, $\frac{3}{4}$ влево; смазан.

На том же листе, что № 79. ПД, № 842, л. 8. Нег. № 1785.

Конец 1829—начало 1830 г.

Эфрос, 1945, с. 115 (воспр.), 114—116, 138; Томашевский, 1962, с. 331; Цявловская, 1980, с. 378 (воспр.), 443.

81. Автопортрет, рядом с профилем Н. Н. Гончаровой.

В черновике письма к К. Собаньской. ПД, № 842, л. 27. Нег. № 1817.

1830 г., февраль.

Якушкин, 1884, т. XLIII, с. 327; А. С. Пушкин. Издание журнала «Русский библиофил». СПб., 1911, с. 58 (воспроизведен без портретной аннотации); Эфрос, 1945, с. 119 (воспр.), 144—145.

82. Автопортрет в женском облике; зачеркнут по линии профиля волнистой линией.

На обороте листа с портретом А. С. Грибоедова. ПД, № 1728, л. 1 об. Нег. № 9014а.

1831 г., май.

Эфрос, 1945, с. 125 (воспр.), 92, 94.

Примечание. О. С. Соловьева, описывая рисунок как «женский портрет», высказывает предположение, что он изображает О. С. Павлицеву (Соловьева, 1964, с. 84, № 1728).

83. Автопортрет с волосами, поредевшими надо лбом; рядом — профиль Н. Н. Пушкиной.

В черновике письма к А. Х. Бенкендорфу. ПД, № 577, л. 2 об. Нег. № 2692.

1832 г., 24 февраля.

Шляпкин, 1903, с. 87 (воспр. и атрибуция); Зильберштейн, 1926, с. 58 (воспр.), 54; Эфрос, 1945, с. 133 (воспр.), 150—151.

84. Автопортрет с Н. Н. Пушкиной, $\frac{3}{4}$ влево; автопортрет зачеркнут штрихами.

На обороте «Счета изданию Северных цветов на 1832 год». ПД, № 823, л. 2 об. Нег. № 9342.

1832 г.

Щеголев П. Е. Бюджет А. С. Пушкина в последний год жизни. — Прожектор, 1929, № 11 (181), с. 23 (воспр.); Эфрос, 1945, с. 131 (воспр.), 76, 150; Томашевский, 1962, с. 332.

85. Автопортрет.

Рисунок в записной книжке, заполнявшейся во время занятий в библиотеке Вольтера в Эрмитаже. ПД, № 840, л. 100 об. Нег. № 1565.

1832 г., март.

Якубович Д. П. Пушкин в библиотеке Вольтера. — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 911 (воспр.), 920.

Примечание. Д. П. Якубовичем не указано, какой из двух мужских портретов, нарисованных на листе, имеется в виду. В других работах данный автопортрет не учтен.

86. Автопортрет в образе пожилого человека.

На адресной стороне письма М. Ф. Орлова к Н. Н. Раевскому от 22 января 1834 г., здесь же еще два мужских портрета. *ПД, № 1731, л. 2 об. Нег. № 9017.*

1834 г.

Соловьева, 1964, с. 85, № 1731; Головин В. Автопортреты поэта. — Неделя (воскресное приложение к газете «Известия»), 1974, № 22 (742), с. 8—9 (воспр.).

87. Автопортрет прямоличный (немного влево).

В черновиках «Сказки о Золотом петушке». *ПД, № 845, л. 23. Нег. № 1998.*

1834 г.

Эфрос, 1945, с. 135 (воспр.), 115.

88. Автопортрет в образе безумца.

В черновиках стихотворения «Странник»; среди других рисунков. *ПД, № 982, л. 1 об. Нег. № 4127.*

1835 г., 26 июня.

А. С. Пушкин. Издание журн. «Русский библиофил». СПб., 1911, с. 61 (воспроизведен без портретной аннотации); Эфрос, 1945, с. 34, 137 (воспр.).

89. Автопортрет в образе глубокого старца.

В черновиках стихотворения «Когда владыка ассирійский...». *ПД, № 213, л. 1. Нег. № 657.*

1835 г., 9 ноября.

Модзалевский и Томашевский, 1937, с. 35, № 213 (атрибуция предположительная); Эфрос, 1945, с. 141 (воспр.), 151—152; Томашевский, 1962, с. 332—333.

90. Автопортрет в лавровом венке, в виде скульптурного бюста; шаржированный.

Помета под рисунком: «il gran padre. A. P.».

На листе, вклеенном в альбом с рисунками Сен-При, *ПД, № 1732, л. 59. Нег. № 8917.*

1835—1836 (?) гг.

Попов П. Пушкин в работе над историей Петра I. — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 469 (воспр.); Эфрос, 1945, с. 143 (воспр.), 152—153; Томашевский, 1962, с. 330 (воспр.).

91. Автопортрет (последний).

В черновике письма к В. С. Соллогубу; рядом с колонкой цифр. *ПД, № 343, л. 1 об. Нег. № 1096.*

1836 г., февраль.

Зильберштейн, 1926, с. 54, воспроизведен на обложке; Эфрос, 1945, с. 147 (воспр.), 153—154; Томашевский, 1962, с. 318 (воспр.); Цявловская, 1980, с. 379 (воспр.), 377, 380, 443.

Примечания. 1. Традиционно считалось, что колонка цифр, рядом с которой нарисован портрет, является подсчетом долгов. С. А. Фомичевым высказано предположение, что здесь Пушкин сделал прикидку предполагаемых доходов от издания журнала «Современник». Это предположение вносит существенный корректив в понимание последнего автопортрета поэта. См.: Фомичев С. «Я богат через торговлю стихистую...». — Пушкинский край, 1983, 10 февраля, с. 3.

2. В первом издании книги Т. Г. Цявловской «Рисунки Пушкина» (М., 1970, с. 166) указано, что данный автопортрет определен В. И. Срезневским.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Альбом, 1882 — Альбом Пушкинской выставки. 1880. М., 1882.
- Анненков, 1874 — Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874.
- Беляев, 1946 — Беляев М. Д. Изучение рисунков Пушкина и их роль в пушкиноведении. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 1946 (не опубликована, хранится в ГБЛ).
- Венгеров, 1909, 1910 — Пушкин. [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1909, т. III; 1910, т. IV.
- ВМП — этикетаж экспозиции рукописей и картотека «Рисунки А. С. Пушкина» Всесоюзного музея А. С. Пушкина.
- Зильберштейн, 1926 — Зильберштейн И. С. Из бумаг Пушкина: (Новые материалы). М., 1926.
- Летопись, 1951 — Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951.
- Либрович, 1890 — Либрович С. Пушкин в портретах, история изображений поэта в живописи, гравюре и скульптуре. СПб., 1890.
- Модзалевский и Томашевский, 1937 — Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание. М.; Л., 1937.
- Рукописи Пушкина, 1911 — Рукописи Пушкина, I. Издание вел. кн. Олега Константиновича. СПб., 1911.
- Соловьева, 1964 — Соловьева О. С. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание. М.; Л., 1964.
- Томашевский, 1962 — Томашевский Б. В. Автопортреты Пушкина. — В кн.: Пушкин и его время. Издание Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Л., 1962, вып. 1, с. 318—333.
- Цявловская, 1970, 1980 — Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М.: Искусство, 1970; 2-е изд., пересмотренное и расширенное. М., 1980.
- Шляпкин, 1903 — Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903.
- Эфрос, 1933 — Эфрос А. М. Рисунки поэта. М.: Academia, 1933.
- Эфрос, 1945 — Эфрос А. М. Автопортреты Пушкина. М.: Гослитмузей, 1945.
- Якушкин, 1884 — Якушкин В. Е. Рукописи поэта, хранящиеся в Румянцевском музее. — Русская старина, 1884, т. XLI—XLIV.

Г. Г. КУРОЧКИНА

МОСКОВСКАЯ ПРЕССА 1820—1830-х ГОДОВ О ПУШКИНЕ

«В огромной литературе о Пушкине до сих пор нет книги, в которой было бы собрано все то, что было напечатано о поэте при его жизни. Современным пушкиноведением остро ощущается настоятельная необходимость иметь такой сборник. Ведь совершенно очевидно, что пока полностью, до мельчайших подробностей не будет выявлена прижизненная пушкиниана, нельзя серьезно рассуждать о том, как воспринимали произведения Пушкина его современники, какое место он занимал в литературной борьбе своего времени, кто были его друзья и кто — враги, за что и как его превозносили и поносили, как раскупались его книги, что проникало в печать из его частной жизни и т. п.»¹ Так писал еще в 1936 г. М. А. Цявловский.

Единственным изданием, где собраны критические высказывания о Пушкине при его жизни, до сих пор остается сборник, составленный В. А. Зелинским, — «Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина», в 7 частях (М., 1887—1889).² Однако составитель обращал внимание преимущественно на крупные, значительные статьи, в заглавие которых выносилось имя поэта. Замечания о Пушкине, отклики на его произведения в других статьях, библиографические извещения, объявления и т. п. учитывались им далеко не полностью, есть лишь отдельные упоминания. Для примера приведем следующие цифры. В 1826—1828 гг. в московских журналах появилось более двухсот текстов, в которых говорилось о Пушкине. В сборнике Зелинского за эти годы перепечатано всего семнадцать статей и заметок московских журналистов.

В 1930-х годах М. А. Цявловский вместе с коллективом из 12 авторов собирал материалы для составления полного свода прижизненных публикаций о Пушкине с 1814 по 1837 г. Первый том этого труда (за 1814—1830 гг.), вероятно подготовленный

¹ Книжные новости, 1936, № 11, с. 21.

² Книга переиздавалась 4 раза; 3-е и 4-е издания вышли в 1910-х годах.

к 1936 г.,³ так и не вышел в свет, и дальнейшая работа остановилась.

В последние годы коллектив Государственного музея А. С. Пушкина составляет картотеку «Пушкин в московской периодике 1826—1837 гг.». Такое выделение московской журналистики за указанные годы объясняется прежде всего чисто практическими целями: идет работа над созданием экспозиции мемориального музея «Квартира Пушкина на Арбате», в которой значительное место займет тема «Пушкин и московская журналистика».

Кроме того, широко известно, что в конце 1820-х—начале 1830-х годов московская периодическая печать приобретает особое значение в культурной жизни России. «Русская моя душа радуется, видя, что центр просвещения, наконец, переведен в Москву. Влияние этого города, отдаленного от двора, будет благоприятно для нашей словесности. Теперь уже московские журналы далеко обогнали петербургские» (XIII, 322), — писал Пушкину из Одессы В. И. Туманский 2 марта 1827 г.

Первенство московской журналистики той поры отмечал и Пушкин: «Литераторы петербургские по большей части не литераторы, но предприимчивые и смысленные литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы. Московский журнализм убьет журнализм петербургский».⁴

Картотека, составленная музеем, насчитывает десятки рубрик и около полутора тысяч карточек.⁵ Она учитывает московские издания произведений Пушкина и журнальные публикации, критические статьи, библиографические заметки о сочинениях поэта и объявления о продаже в Москве его книг. В картотеке отражены также разнообразные критические отзывы или упоминания в общих литературных обзорах и статьях, посвященных альманахам, сборникам или произведениям других авторов. Кроме того, выявлены интереснейшие высказывания московских журналистов о многочисленных подражаниях Пушкину, отклики на иностранные переводы сочинений поэта, на статьи и заметки о Пушкине, появлявшиеся в те годы за рубежом, на театральные постановки по пушкинским сюжетам, а также стихи, посвящен-

³ В архиве М. А. и Т. Г. Цявловских остались материалы с черновыми выписками текстов 1822—1830 гг. Они были переданы в Государственный музей А. С. Пушкина после смерти Т. Г. Цявловской.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. VII, с. 276.

⁵ При составлении картотеки были постранично просмотрены за 1826—1837 гг. следующие журналы (в скобках даны годы существования изданий): «Вестник Европы» (1802—1830), «Дамский журнал» (1823—1833), «Московский телеграф» (1825—1834), «Московский вестник» (1827—1830), «Атеней» (1828—1830), «Русский зритель» (1828—1830), «Галатей» (1829—1830), «Телескоп» (1831—1836) с приложением газеты «Молва» (1831—1836), «Европеец» (1832), «Живописное обозрение» (1835—1844), «Московский наблюдатель» (1835—1839), а также «Ученые записки имп. Московского университета» (1833—1836), газета «Московские ведомости» (1756—1917) и более тридцати альманахов и сборников.

ные поэту, цитации его произведений и т. п. Отметим, что карто- тека является справочным, рабочим материалом. В ней библио- графически регистрируются статьи, заметки, упоминания, но их содержание лишь называется, иногда цитируются отдельные фрагменты.

Полностью выявлены, раскрыты и систематизированы тексты пока за три года: 1826—1828. В работе над выявлением статей частично использованы материалы из архива Цявловских.

Известно, что наиболее крупные, значительные для своего времени статьи о Пушкине П. А. Вяземского, И. В. Киреевского, Д. В. Веневитинова, Н. И. Надеждина, Н. А. Полевого были опубликованы именно в Москве. Но на страницах московских га- зет, журналов, альманахов появлялось и множество небольших, но столь значительных упоминаний о поэте, которые тем не ме- нее чрезвычайно интересны и существенны для понимания от- ношения современников к Пушкину, к авторитету его имени, для представления о бытовании его произведений в различной чита- тельской среде и т. д.

Нет сомнения, что этот материал, существующий пока в виде справочных картотек и отдельных выписок, должен быть опубли- кован целиком в хронологической последовательности, в сводах, подобных тем, над которыми начал работать М. А. Цявловский. Пока таких сводов нет, мы считаем своим долгом познакомить специалистов с некоторыми из этих текстов, до сих пор не введен- ных в научный оборот.

Начнем с темы, на сторонний взгляд, может быть, и незначи- тельной, — с библиографических заметок и объявлений о выходе в свет и продаже в Москве книг Пушкина за 1826—1828 гг. Как известно, эти три года были временем самой большой популярности Пушкина, самого пристального, заинтересованного, доброжелатель- ного внимания к нему со стороны публики, особенно московской.

Первые прямые отклики на возвращение поэта из ссылки в Москву оказались именно в разделах текущей библиографии московских журналов. Пушкинские книги всегда занимали в них первостепенное место, но все же это были скорее информаци- онные сообщения, не более того. С осени 1826 г. характер и тон их заметно меняются. Журналисты спешат не просто известить, а скорее поделиться приятной новостью, обрадовать читателя со- общением о выходе в свет еще одного произведения любимого поэта.

Большая часть библиографических заметок (кроме одной из «Вестника Европы»), о которых пойдет речь, появилась в трех изданиях: «Московском телеграфе», «Дамском журнале» и «Мос- ковском вестнике».⁶ Авторами сообщений, как правило, были

⁶ В настоящей статье приводятся тексты только тех библиографиче- ских известий, которые не были ранее перепечатаны в указанном сбор- нике В. А. Зелинского, см.: Зелинский В. А. Русская критическая ли- тература о произведениях А. С. Пушкина. 4-е изд. М., 1913, ч. II, с. 49—140.

сами издатели, т. е. Н. А. Полевой, князь П. И. Шаликов и М. П. Погодин. Все трое лично познакомились с Пушкиным в осенние и зимние месяцы 1826/27 г. Особым расположением поэта они (кроме М. П. Погодина) похвастать не могли. Однако журналисты стремились всячески продемонстрировать свою близость к прославленному поэту, как в зеркале отражая общее восторженное отношение москвичей к Пушкину. В своих сообщениях они как бы намекают публике, несколько даже по-хлестаковски, что их сведения исходят из самого верного источника, из самых близких Пушкину кругов, если не от самого поэта. . . Они говорят не только о вышедших книгах, но и о тех, которые вскоре выйдут, и — это самое главное — о тех, выход которых лишь предположителен («Борис Годунов», «Полтава» и др.).

Уже в сентябрьской книжке 1826 г. «Московский телеграф» сообщает: «А. С. Пушкин, находящийся ныне в Москве, вскоре издаст вторую главу „Евгения Онегина“ и стихотворение „Граф Нулин“. Мы не будем предупреждать суждений читателей касательно сих новых и прелестных произведений. Пожелаем, чтобы также вскоре изданы были другие важнейшие творения Пушкина: поэма „Цыганы“ и трагедия „Борис Годунов“».⁷

В литературных и светских салонах, в кругу московских литераторов постоянно велись разговоры о новых сочинениях, которые Пушкин привез из ссылки. С величайшим интересом расспрашивали счастливых, присутствовавших на авторском чтении «Годунова» и «Цыган». Нетерпеливо ожидали выхода в свет новых глав «Евгения Онегина» (вторая глава вышла в Москве в октябре 1826 г.), «Графа Нулина». Отголоски этих разговоров возникают на страницах журналов иногда в самых неожиданных контекстах. Так, заметка в шестом номере «Московского вестника», составленная в виде «Письма к другу в Петербург» и подписанная «М. П.» (М. П. Погодин), заканчивается фразой: «Все ли мое письмо прочел ты? — Прочел, так вот тебе, беллетристу, и награда *pour la bonne bouche*:⁸ Пушкина „Цыгане“ готовятся к печати; за ними последуют повести в стихах и третья глава „Евгения Онегина“».⁹

В разделе «Смесь» пятого номера «Вестника Европы» за 1827 г. появляется любопытное известие о постановке в Варшаве оперы композитора К. М. Вебера «Прециоза», сюжет которой связан с жизнью цыган. Разбирая схожие либретто других опер, анонимный автор неожиданно заключает: «Впрочем, критики наши скоро будут иметь благоприятный случай объяснить нам родословную „Цыган“ — поэмы А. С. Пушкина, нетерпеливо ожидаемой любителями изящного стихотворства».¹⁰

⁷ Московский телеграф, 1826, ч. X, № 16, с. 159.

⁸ на закуску (*франц.*).

⁹ Московский вестник, 1827, ч. II, № 6, с. 206.

¹⁰ Вестник Европы, 1827, № 5, с. 77. Следует заметить, что «Прециоза» не опера, а пьеса, написанная актером и драматургом П. А. Вольфом, к которой Вебер сочинил в 1821 г. музыку (песни, танцы, увертюру).

«Цыганы» печатались в Москве под наблюдением С. А. Соболевского. Сразу же по выходе поэмы в свет М. П. Погодин успевает вставить в раздел «Разные известия» восьмого номера «Московского вестника» за 1827 г. одну фразу: «Напечатана поэма А. С. Пушкина „Цыгане“». ¹¹ Это короткое сообщение уточняет дату выхода в свет «Цыган». Объявление о раздате подписчикам восьмого номера «Московского вестника» появилось в № 33 «Московских ведомостей» от 23 апреля 1827 г. Из этого следует, что 23 апреля «Цыганы» уже были отпечатаны. Н. Синявский и М. Цявловский в своем указателе «Пушкин в печати. 1814—1837» определяют дату появления «Цыган» — «до 10 мая», ¹² ссылаясь на письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 10 мая («На днях послал я вам через наше министерство и „Цыганов“» ¹³) и на извещение о продаже «Цыган» в Петербурге, появившееся в № 119 «Русского инвалида» от 15 мая. Из письма Вяземского следует, что он приобрел поему ранее 10 мая («на днях»). Теперь, на основании приведенных объявлений из «Московского вестника» № 8 и «Московских ведомостей» от 23 апреля 1827 г., датой выхода «Цыган» можно считать конец апреля — до 23-го.

Через неделю «Московский телеграф» (№ 7) в разделе «Библиография 1827 года» помещает под номерами 34 и 35 две библиографические заметки:

«Цыганы (писано в 1824 г.). М., 1827, в тип. Авг. Семена, in 12. 46 стр.

Новая поэма Пушкина, столь давно и нетерпеливо ожидаемая, издана. Не хотим пользоваться правом журналиста, не выписываем ничего, потому что не хотим разрушать наслаждения читателей знать поэму Пушкина вполне.

Для библиографов и охотников до типографических редкостей заметим, что один экземпляр ее напечатан на пергаменте (он находится в библиотеке С. А. Соболевского); ¹⁴ все остальные на веленовой бумаге.

Братья-разбойники А. Пушкина (писано в 1824 году). М., 1827, в тип. Авг. Семена. 8, 15 стр.

Эта небольшая поэма была уже напечатана в „Полярной звезде“ 1825 г. Она является отдельно с некоторыми перемнами». ¹⁵

Сюжет пьесы восходит к новелле М. Сервантеса «Цыганочка». Примечательно, что, занимаясь испанским языком, Пушкин начал переводить эту повеллю. Музыка Вебера опирается на испанский и цыганский фольклор. Драма Вольфа шла на русской сцене (Москва, Малый театр) в 1828 г., и Пушкин мог ее видеть.

¹¹ Московский вестник, 1827, ч. II, № 8, с. 418.

¹² Синявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати. 1814—1837. М., 1938, с. 43.

¹³ Остафьевский архив. [Б. м.], 1899, т. III, вып. 1, с. 160.

¹⁴ О судьбе экземпляра «Цыган», принадлежавшего С. А. Соболевскому, см.: Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 143 и 147.

¹⁵ Московский телеграф, 1827, ч. XIV, № 7, с. 236.

С ноября 1828 г. в Москве начинает выходить еще один литературный журнал — «Bulletin du Nord» («Северный бюллетень»)¹⁶. Новое издание с видимым энтузиазмом поддерживает традицию, принятую ведущими московскими журналами: ни одна тетрадь «Северного бюллетеня» не обходилась без каких-либо заметок, известий о поэте, правда, иногда перепечатанных из других изданий, но всегда со своими добавлениями, комментариями и т. п. В первом же номере издатель помещает следующую корреспонденцию: «Поэт Пушкин объявил, что он намерен незамедлительно выпустить в свет четвертую часть своей поэмы „Онегин“, а вслед за ней и другие песни; возможно, что он напечатает также свою трагедию „Борис Годунов“, ожидаемую публикой с большим нетерпением, как памятник, который создает эпоху в истории драматического искусства в России».¹⁷

Появление вторых изданий «Кавказского пленника» (СПб., 1828), «Руслана и Людмилы» (СПб., 1828) было также отмечено библиографическими известиями. «Московский вестник» в № 9 за 1828 г. под заглавием «Московские литературные новости» сообщает: «Вчера получено в Москве второе исправленное издание „Кавказского пленника“. Автор сделал следующее предисловие. . .» (далее приводится полный текст предисловия Пушкина ко 2-му изданию «Пленника»)¹⁸.

«Московский телеграф» помещает более распространенную библиографическую заметку в разделе «Русская библиография»: «*Кавказский Пленник*. Повесть Александра Пушкина. Второе исправленное издание. СПб., 1828 г., в т.ч. Деп. Нар. Просв., in 8, 60 стр.

Это второе издание напечатано Смирдиным точно так же, как *Руслан и Людмила* второго издания, не великолепно, но опрятно. Мы не понимаем, почему названо это издание *исправленным*? Все отличие против первого состоит в перемене четырех или пяти стихов. Небольшое предисловие показывает благородную скромность автора. „Сия повесть, — говорит он, — снисходительно принятая публикой, обязана своим успехом верному, хотя слегка означенному изображению Кавказа и горских нравов“. Далее автор соглашается с общим голосом критиков, „справедливо“, говорит он, „осудивших характер пленника, некоторые отдельные черты и проч.“. Публика должна понять, что подобное мнение объявляет авторская скромность, а не критика, которая, вероятно, скажет что-нибудь более о „Кавказском пленнике“».¹⁹

¹⁶ Полное название журнала гласило: «Северный бюллетень, журнал научный и литературный, содержащий: мемуары, заметки, разборы и извлечения из новейших произведений, смесь, библиографические известия и пр. и пр.». Издавался он в Москве графом Ж. де Лаво на французском языке. Журнал заметного значения не имел и существовал лишь два года (1828—1829).

¹⁷ Северный бюллетень, 1828, т. I, с. 75.

¹⁸ Московский вестник, 1828, ч. IX, № 9, с. 114.

¹⁹ Московский телеграф, 1828, ч. XX, № 8, с. 510.

Еще одна библиографическая заметка. В № 4 «Дамского журнала» за 1828 г. издатель П. И. Шаликов помещает письмо из Петербурга, датированное 31 января 1828 г. и подписанное инициалами «И. В.», под заглавием «Санкт-петербургские вести»: «Любители изящного увидят новое издание некоторых образцовых произведений любимца муз А. С. Пушкина. „Кавказский пленник“ и „Руслан и Людмила“, с портретом автора, скоро появятся вторым дополненным изданием. Сии сочинения печатаются на издании комиссионера Московского университета А. Ф. Смирдина, который приобрел сие право за 7000 рублей. Из очаровательного романа „Онегин“ готовы к напечатанию 4-я и 5-я главы».

При упоминании о новых главах «Онегина» Шаликов не мог удержаться от собственного комментария в примечании: «Они уже напечатаны (т. е. 4-я и 5-я главы, — Г. К.) и уже читаются в Москве. Мы также имели удовольствие читать их. Интересны чрезвычайно!»

Какое разнообразие картин и лиц! Какая свежесть красок и верность кисти! Какие знакомые карикатуры! Сколько нравственных истин! .

Врагов имеет в мире всяк:
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них не даром вспомнил я.

Верим: Изд. (атель)». ²⁰

Восторженный тон заметки и особенно примечания на удивление точно характеризует журнал и его издателя, князя Шаликова, сентиментальность которого в конце 1820-х годов воспринималась как литературный анахронизм. Смешной, недалекий Шаликов, верно, и не подозревал, что мог задеть своей осведомленностью Пушкина, которому пылко поклонялся. Поэту претили всякие разговоры о его финансовых взаимоотношениях с книгопродавцами, тем более когда они становились достоянием публики. К этой теме мы вернемся при рассказе о публикациях объявлений о продаже пушкинских книг.

Последнее библиографическое известие за 1828 г., относящееся к Пушкину, появляется в № 24 «Московского телеграфа». Номер опоздал и вышел в свет в первых числах января 1829 г. В разделе «Современная русская литература 1828 года» помещена заметка о книге, в которой были переплетены две поэмы: «Граф Нулин» А. С. Пушкина (СПб., 1827) и «Бал» Е. А. Баратынского (СПб., 1828). В конце известия, после чисто библиографического описания издания, говорится: «Небольшая прелестная поэма Пушкина была напечатана в „Северных цветах“ нынешнего года». ²¹

²⁰ Дамский журнал, 1828, ч. XIX, № 4, с. 212—213.

²¹ Московский телеграф, 1828, ч. XXIV, № 24, с. 475.

Несколько иной характер имели библиографические заметки, реплики, связанные с участием Пушкина в «Московском вестнике». Они добавляют еще несколько штрихов к взаимоотношениям поэта с журналом московских любителей. Объявления показывают, конечно, только внешнюю сторону происшедшего, только то, что видели и читали современники, соперничающие журналисты, подписчики издания, но и это представляет определенный интерес.

Горячий задор московской молодежи, идея создания своего издания увлекли Пушкина. В сентябре—октябре 1826 г. он принял самое живое участие в организации «Московского вестника» и дал согласие печататься в нем.²²

Молодой историк и начинающий журналист М. П. Погодин, избранный коллегиальной редакцией «Вестника» ответственным за издание, заранее хотел укрепить авторитет журнала. В ноябре—декабре 1826 г. он помещает в «Московских ведомостях» объявление о подписке, в котором особо выделяет только одного автора: «В следующем, 1827 году будет издаваться в Москве новый журнал под заглавием *Московский вестник* <...> В издании сего журнала участвует преимущественно А. С. Пушкин».²³

Московские журналисты по-разному восприняли «преимущественное» участие Пушкина в «Московском вестнике». Первый живой и непосредственный отклик на новое издание, в котором говорится и о пребывании Пушкина в Москве, появился в декабрьской книжке «Дамского журнала» за 1826 г. В «Обзрении газет и журналов на 1827 год, в особенности принадлежащих к дамскому чтению» кн. Шаликов рекомендует: «Московский Вестник. Новый журнал, издателем которого будет г. Погодин. В сем журнале обещается участвовать всеми любимым поэт А. С. Пушкин. Ныне, в бытность поэта в Москве, все или почти все московские дамы познакомились с автором „Онегина“ лично; тем еще милее будут для них новые произведения роскошной его музы».²⁴

Новое издание, освященное именем Пушкина, явилось еще одним поводом к продолжению серьезного разговора о судьбах русской журналистики, который постоянно вел на страницах «Московского телеграфа» П. А. Вяземский.²⁵ «Журнальный сыщик»

²² Подробно о взаимоотношениях Пушкина с «Московским вестником» см.: Цявловская Т. Г. Первая статья Пушкина для «Московского вестника». — В кн.: Замысел, труд, воплощение. М., 1977, с. 79—91; Маймин Е. А. Еще о Пушкине и «Московском вестнике». — В кн.: Пушкинский сборник. Псков, 1968, с. 165—190; Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950, т. I, гл. XI, с. 300—309.

²³ Московские ведомости, 1826, № 92, 17 ноября, с. 3748. Объявление было повторено в № 95 от 27 ноября и в № 103 от 25 декабря.

²⁴ Дамский журнал, 1826, ч. XIV, № 24, с. 256.

²⁵ Об участии П. А. Вяземского в «Московском телеграфе» см.: Гилельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 28—169; Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступит. статья и коммент. Вл. Орлова. Л., 1934; Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1886, т. X, с. 267.

(псевдоним Вяземского) писал в разделе «Журналистика» третьего номера «Телеграфа» за 1827 г.: «Можно поздравить читателей русских журналов и вообще просвещенных читателей наших с появлением „Московского вестника“. <...> Литература наша, какова ни есть, не в литературе, а в журналах <...> Кто у нас не читает журналов, тот ровно ничего русского не читает, по крайней мере новейшего, текущего. Поэтому и должно желать, чтобы журналы наши соответствовали важности своего положения в книжной иерархии. Имя Пушкина — фортуна для журнала, и он, как сказано в объявлении о новом издании, преимущественно в нем участвует».²⁶

Ту же мысль о значении роли писателей в журналах настойчиво развивает П. А. Вяземский и в окончании «Обозрения русских газет и журналов с самого начала их до 1828 г.» в последнем номере «Телеграфа» за 1827 г. В полемическом задоре автор упрекает «русских отличных литераторов» за то, что они не хотят «ревностно» участвовать в отечественных журналах, как это делают писатели во Франции, Германии, Англии. Подытоживая деятельность «Московского вестника» за прошедший год, Вяземский резюмирует: «Если бы, например, у нас Пушкин в самом деле участвовал деятельно в журнале, который гордится, вписывая имя Пушкина с исключительной привилегией в свои сотрудники, как не заслужить бы этому журналу особенного внимания публики, не быть оракулом нашей литературы и постепенно не приучать читателей к чему-нибудь более возвышенному».²⁷

В последней фразе явственно звучит упрек «Московскому вестнику», который, подняв на щит имя Пушкина и широко оповестив об этом, не сумел в должной степени привлечь поэта не только как автора, но и как участника редакционной деятельности журнала.

Однако, еще не чувствуя наступающего охлаждения Пушкина, Погодин продолжает усиленно рекламировать подписчикам особое отношение поэта к «Московскому вестнику» в объявлении и на второй год издания: «„Московский Вестник“ (издаваемый Михаилом Погодиным) будет продолжаться и в следующем, 1828 году <...> А. С. Пушкин будет по-прежнему участвовать в издании „Московского вестника“, т. е. помещать свои стихотворения исключительно в оном».²⁸

К концу 1828 г. тем не менее стало очевидным, что «Московский вестник» катастрофически теряет подписчиков. Погодин не захотел и не смог следовать дружеским советам, которые давал Пушкин в письмах к редактору журнала. От номера к номеру журнал становился все более сухим, по пушкинскому выражению — «дельным»: непомерно разросся отдел «Науки», все

²⁶ Московский телеграф, 1827, ч. XIII, № 3, с. 127.

²⁷ Там же, ч. XVI, № 24, с. 191—192.

²⁸ Московские ведомости, 1827, 29 октября, № 87, с. 3484.

меньше публиковалось критических статей, исчезала беллетристика. Надеясь вернуть утраченную популярность, Погодин вновь прибегает к могуществу имени поэта. В конце 1828 г. среди сообщений о выходе новых книг редактор помещает объявления, которые должны были продемонстрировать читателям особую осведомленность и близость журнала к поэту: «А. С. Пушкин написал поэму „Мазепа“²⁹ в трех песнях. Приготовлена к печати седьмая глава „Онегина“. Приготавливается вторая часть мелких стихотворений Пушкина».³⁰

На следующий, 1829 г. Погодин решил реорганизовать журнал: издавать его в новом виде — шесть частями, каждая из которых должна была соответствовать одному из разделов журнала. В последних сдвоенных номерах 1828 г. (№ 19—20 и № 23—24) Погодин дважды дает подробное содержание готовящейся первой части журнала («Стихотворения») будущего года и перечисляет все произведения, которые Пушкин передал ему для публикации в 1829 г.: «Первая часть „Московского Вестника“, украшенная портретом В. А. Жуковского, поступила уже в цензуру и подписавшимся раздаваться будет непременно к 1 числу января. Содержание следующее: <...> Утопленник, простонародная русская сказка (А. С. Пушкина). — Отрывок из Польской Поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод (А. С. Пушкина). К Б. (А. С. Пушкина). — Послание к Д. (А. С. Пушкина). — Подражания (А. С. Пушкина)».³¹

В повторном объявлении в № 23—24 к содержанию первой части добавлено: «„Чернь“ (А. С. Пушкина)».³²

Однако и новый вид издания не помог Погодину. Пушкин разочаровался в журнале, совсем отошел от него. «Московский вестник» еще выходил в 1830 г., но его пришлось закрыть за именем подписчиков.

* * *

За три года в «Московских ведомостях», имевших специальный раздел «О российских книгах», было напечатано более тридцати извещений о продаже пушкинских изданий. Они имели устойчивую стереотипную форму. Например: «У комиссионера императорского Московского университета Александра Сергеева Ширияева в университетской книжной лавке, состоящей в доме университетской типографии между Дмитровкой и Петровкой, на валу, продаются<...> Полученные с последнею почтою из

²⁹ «Полтава» вышла в свет в марте 1829 г.

³⁰ Московский вестник, 1828, ч. XII, № 22—24, с. 374.

³¹ «К Б. «аратынскому» («Стих каждый повести твоей»), «Послание к Д. «авыдову» («Нельзя, мой толстый Аристип»), «Подражания: I — „В крови горит огонь желаний...“, II — „Вертоград моей сестры“».

³² Московский вестник, 1828, ч. XI, № 19—20, с. 398; ч. XII, № 23—24, с. 400.

СПб. *Стихотворения Александра Пушкина*. СПб., 1826, в тип. Департ. Нар. прос. Цена 12 руб.»³³

Объявления повторялись обычно два-три раза в течение двух недель. Они извещали, что в Москве в 1826—1828 гг. продавались главы «Евгения Онегина» (глава первая — СПб., 1825, вторая — М., 1826, третья — СПб., 1827, четвертая и пятая — СПб., 1828, шестая — СПб., 1828), «Цыганы» (М., 1827), «Братья разбойники» (М., 1827), второе издание «Бахчисарайского фонтана» с 4 гравированными картинками (СПб., 1827), вторые издания «Кавказского пленника» (СПб., 1828) и «Руслана и Людмилы» с портретом автора (СПб., 1828), а также множество альманахов и сборников с публикациями сочинений поэта.

В Москве сочинения Пушкина чаще всего можно было приобрести у А. С. Ширяева в университетской книжной лавке, но иногда «Московские ведомости» адресовали покупателей в «контору Московского телеграфа», находящуюся «на Большой Дмитровке, в доме г-жи Селивановской под № 58», или в лавки, управляемые Петром Глазуновым (сыном Ивана Глазунова), состоящие «на Никольской улице, в доме его подле Синодальной типографии и Ремесленной управы, в лавке под № 2, и против Казанского собора, в лавках под № 3 и 4-м».³⁴

Постраничный просмотр коммерческих объявлений «Московских ведомостей» выявил новый интересный факт, вносящий уточнение в известную историю публикации и продажи в Москве «Братьев разбойников».

Напомним вкратце ход событий. В 1827 г. С. А. Соболевский по просьбе поэта издает в Москве «Братьев разбойников» маленькой брошюрой, на которой означена цена — 105 копеек. Московский книгопродавец А. С. Ширяев, купивший весь тираж издания за 1500 рублей, извещает, что поэма продается в его лавке по 2 рубля. Возмущенный произвольным повышением цены, Соболевский, соблюдая финансовые интересы друга, объявляет в «Московских ведомостях» о втором издании «Братьев разбойников» с новой ценой в 42 копейки. Ширяев в свое повторное объявление о продаже поэмы по два рубля добавляет: «по отпечатании же 2-го издания она будет продаваться по 21 коп.».

Все, кто до сих пор занимался этим вопросом, — В. И. Чернышев, М. А. Цявловский, Н. П. Смирнов-Сокольский³⁵ — ссылались только на два номера «Московских ведомостей»: № 48 (от 15 июня 1827 г., с. 1921) — объявление Ширяева о новой цене в 21 коп. и № 50 (от 22 июня, с. 2015) — объявление Соболевского о втором издании с ценой 42 коп.

³³ Московские ведомости, 1826, 6 января, № 2, с. 33—34.

³⁴ Там же, 1828, № 12, 15 и др.

³⁵ Подробно см.: Чернышев В. О двух изданиях «Братьев-разбойников». — Пушкин и его современники, СПб., 1908, вып. VI, с. 133, 156; Снявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати, 1814—1837, с. 44; Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина, с. 153.

Получалась некая несообразность, алогизм. Как мог Ширияев дать объявление раньше, чем Соболевский известил о втором издании?

Исследователь В. И. Чернышев, первым обнаруживший в № 50 «Московских ведомостей» объявление о втором издании, справедливо считал, что оно было повторным. Чернышев напрасно искал предполагаемое им первое объявление Соболевского в № 46 и 47 «Московских ведомостей» 1827 г. Безрезультатно просмотрев несколько полных комплектов газеты в хранилищах Москвы и Петербурга, он предположил даже, что имеет дело с дефектными экземплярами.

Как нам удалось установить, объявления Ширияева и Соболевского появились одновременно, в одном и том же № 48 «Московских ведомостей», от 15 июня 1827 г., только в разных разделах. Ширияев поместил свое, как обычно, в разделе «О российских книгах», на с. 1921, а «Извещение о печатании повести», данное Соболевским, попало на с. 1927. Никак не выделенное шрифтом, оно было помещено под № 27 между объявлением о продаже цветов английским садовником и сообщением для «любителей скотоводства» о продаже коров и гласило: «Братья разбойники, повесть в стихах А. Пушкина, печатается вторым изданием и поступит в продажу через несколько дней, ценою по 42 копейки за экземпляр».³⁶

Обнаруженное объявление еще раз подтверждает вызывающее поведение Ширияева. Вероятно, узнав заранее о готовящемся втором издании «Братьев разбойников», он поспешил поместить свою «новую» цену почти рядом с объявлением Соболевского.

Редактор газеты, князь П. И. Шаликов, искренне преданный Пушкину, вряд ли был повинен в сложившейся ситуации. Напомним, что «Московские ведомости» выходили два раза в неделю и каждый номер насчитывал от 20 до 45 страниц (к этому надо прибавить еще «Дамский журнал!»). Обремененный огромной корректурой, Шаликов скорее всего не обратил внимания на те несколько слов о «новой» цене, которые Ширияев прибавил к своему обычному объявлению.

Тем не менее произошел крайне неприятный для Пушкина казус: гласное препирательство о цене его издания, да еще на страницах одного номера газеты. Вероятно, именно это непредвиденное стечение обстоятельств дало повод к известной заметке о «Братьях разбойниках», появившейся в «Северной пчеле».³⁷ Ее безымянный автор со злорадной точностью пересказывал текст всех московских объявлений о продаже поэмы и, подчеркивая особо разницей в цене, заканчивал ядовитой репликой: «Конечно, такие объявления смешат публику, но через них, в некотором

³⁶ «Извещение о печатании повести» появилось еще дважды в «Московских ведомостях»: в № 49 от 18 июля и в № 50 от 22 июля 1827 г. О судьбе второго издания «Разбойников» см.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина, с. 153—154.

³⁷ Северная пчела, 1827, 23 августа, № 101, с. 1 нумер.

отношении, страдает личность автора, < . . . > вовсе неприкосновенного к этому делу и даже не бывшего тогда в Москве. В какую же силу имя и произведение его замешаны там, где толк идет о цене? — Не видя, однако, доселе нового издания „Братьев разбойников“, мы решились объявить о сем прежнем: но не решаемся выставить цены, которая, как видно, предоставлена *ad libitum*». ³⁸

Новый факт вносит еще одну деталь в журнальную полемику тех лет и приоткрывает мучительную сторону жизни поэта — его финансовое положение. «Я богат через мою торговлю стихийную, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича» (XIII, 349), — признавался Пушкин Соболевскому в 1827 г.

Пушкин действительно находился в зависимости от издателей и книгопродавцев, так как гонорар был единственным твердым источником его доходов. Догадываясь об этом, литературные противники поэта умудрялись обсуждать на страницах газет и журналов его гонорар. Не стесняясь, они вычисляли, сколько получает Пушкин за одно стихотворение, за одну стихотворную строку. Имя его постоянно втягивалось в назойливую околелитературную возню, доходившую порой до перебранки. Шум чаще всего исходил «из Булгаринской навозной кучи» (XIV, 21—22), как образно определил Пушкин печатные органы Булгарина и Греча. Все это причиняло боль, ранило самолюбие поэта, доставляло ненужные огорчения.

«Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства, — заметил Пушкин при чтении переписки Вольтера. — Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа» (XIV, 21—22).

Перефразируя Пушкина, скажем, что всякий факт, пусть не очень значительный, но имеющий отношение к биографии великого поэта, не менее ценен для нас. Даже мелкие библиографические заметки и объявления, скрытые на страницах старинных журналов и газет, давно ставших раритетами, дают возможность уточнить какие-то моменты жизни поэта, обстоятельства его литературных взаимоотношений с современниками.

---

³⁸ как угодно, на выбор (лат.).

А. З. РОЗЕНФЕЛЬД

**НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПУШКИНА
НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК
(50—70-е годы)**

Знакомство с творчеством Пушкина в Иране (мы имеем в виду переводы на персидский язык, так как произведения Пушкина в оригинале и в переводах на другие языки были известны иранцам давно) относится к началу 30-х годов. В 1932 г. появился перевод «Капитанской дочки». В 1937 г. в Тегеране состоялось заседание Литературного общества, посвященное столетию со дня гибели Пушкина. Тогда же был издан специальный номер журнала «Мехр» («Солнце»); опубликованные в этом номере переводы затем вышли отдельной книгой. После краткого предисловия («Дибаче») в книге приводится биография поэта. Интересно отметить, что первая страница книги оформлена в традициях старых персидских рукописей, имеет художественно орнаментированную рамку; весь остальной текст книги также заключен в рамку. Перед началом каждого произведения, как и в рукописях, дается художественная заставка, конец украшает розетка. В сборник вошли «Метель», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», прозаический перевод «Бахчисарайского фонтана» и стихотворные переводы: «Памятник» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный»), «Цветок», «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (последнему дано название «Клятва» — «Соукнаме»). Открывается сборник портретом Пушкина.¹

Новые переводы Пушкина на персидский язык появились в период второй мировой войны и в послевоенное время. К 1949 г. была переведена значительная часть прозы Пушкина — «Дубровский», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Пиковая дама», а также некоторые поэмы и стихи. Среди переводчиков Пушкина были лучшие персидские поэты — Абулькасим Лахути,

¹ См. об этом сборнике в нашей статье: Розенфельд А. З. А. С. Пушкин в персидских переводах. — Вестник ЛГУ, 1949, № 6, с. 92—93.

Малек ош-Шоара Бахар, Вахид Дастгерди, Хабиб Ягмаи и др. Эти поэты старшего поколения стремились передать наряду с содержанием произведения и мелодику стиха средствами персидской метрики. Некоторые стихи, такие как «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», «Цветок», переводились несколько раз различными поэтами.

Первым переводчиком «Капитанской дочки» (1932) был поэт и литератор, впоследствии редактор литературно-художественного журнала «Сохан» («Слово») проф. Парвиз Нател Ханлари. В 1973 г. этот журнал отпраздновал свое тридцатилетие. Повесть была переиздана в 1963 г., а затем в 1965 г.; очевидно, в том же переводе печаталась она и в нескольких номерах журнала для молодежи «Песарха ве дохтарха» («Юноши и девушки»). Профессору Ханлари принадлежит стихотворение «Окаб» («Орел»), посвященное крупнейшему персидскому новеллисту, другу Ханлари — Садеку Хедаяту (1903—1951). В основу этого стихотворения поэт положил калмыцкую сказку об орле и вбронне, которую в XI главе «Капитанской дочки» Пугачев рассказывает Гриневу. Стихотворение «Орел» впервые было опубликовано в журнале «Пеяме ноу» («Новая весть») в 1944 г.,² на русский язык оно переведено Вл. Сергеевым.³ В сказке у Пушкина спорят орел и ворон. В русских народных сказках и песнях ворон наделяется свойством долголетия. В стихотворении Ханлари слово «ворон» передано как «заг» и «калаг»; в персидском языке, где отсутствует грамматический род, оба эти слова значат и «вброн» и «ворона». В русском переводе Вл. Сергеева использовано слово «ворона», что представляется не очень удачным, так как для русского читателя тем самым снижается поэтичность образа.

Сведения о переводах Пушкина на персидский язык, которые вошли в нашу статью 1949 г., в настоящее время могут быть несколько дополнены. В частности, следует упомянуть перевод поэмы «Цыганы», который впервые появился еще в 1933 г. в журнале «Голхайе рангаранг» («Пестрые цветы»).⁴ Перевод напечатан также в журнале «Соуганд» («Клятва», 1336/1957). В журнале «Техране мосаввар» («Иллюстрированный Тегеран», 1961, № 941) в переводе Чингиза Мошаери опубликовано стихотворение «Зимняя дорога» («Джадеиде земистани»). В газете «Пейке

---

² Пеяме ноу, Тегеран, 1-й год изд., 1323/1944, № 7. Определение времени издания представляет известную трудность, поскольку в Иране до недавнего времени имели хождение четыре официальных календаря: 1) общемусульманский по так называемой «лунной хиджре» с принятыми в мусульманских странах названиями месяцев; 2) иранский календарь, введенный Резашахом Пехлеви, — «солнечная хиджра» с иранскими названиями месяцев; 3) календарь, введенный последним шахом Мохаммедом Реза Пехлеви в 1976 г. и просуществовавший до 1978 г.; 4) европейский календарь с обозначением месяцев на французском языке (в последние годы — на английском).

³ Современная персидская поэзия / Составление и предисловие А. М. Шойтова. М., 1969, с. 137—143.

⁴ Голхайе рангаранг, 1312/1933, т. 1, с. 47—62.

солх» («Вестник мира») в 1949 г. был напечатан перевод «Кавказского пленника».⁵

Отметим, что в Иране в 50—70-х годах существовала служба информации «Шома ва матбуат» («Вы и печать»). Благодаря иранисту, кандидату филологических наук А. М. Шойтову, работавшему представителем СССР в Ирано-Советском обществе дружбы в Тегеране, значительно пополнились наши сведения о публикации переводов русской и советской литературы в Иране. Так, можно указать, что в газете «Хорасан» (г. Мешхед) был напечатан прозаический перевод Шахрзада пушкинского стихотворения «Поэту» («Поэт, не дорожи любовью народной...»), под названием «Эй, ша'ер» («О, поэт»)⁶

Кроме рассмотренных выше, на персидском языке был напечатан перевод повести «Арап Петра Великого» («Ибрахим»), выполненный Хушангом Мостоуфи.⁷ Это произведение в 1977 г. вышло отдельной книгой под другим названием — «Ибрахим — голаме сийахе Петре Кабир» («Ибрагим — черный раб Петра Великого»), переводчик Голам Реза Баниджу.⁸ В его же переводе в 1977 г. была напечатана книга «Рославлев», в которую вошли четыре рассказа Пушкина.⁹

Повесть «Барышня-крестьянка» печаталась на персидском языке трижды: первый раз в упоминавшемся сборнике 1937 г. в переводе Исмаила Фаридшака, затем в 1956 г. отдельной книгой под названием «До делдаде» («Двое влюбленных») в переводе поэта Эгбала Ягмаи¹⁰ и наконец в 1965 г. под названием «Дохтаре ротаи» («Крестьянская девушка») в переводе Казема Ансари. Последний познакомил персидских читателей со многими произведениями русской классики, в частности с повестью «Пиковая дама», перевод которой впоследствии вышел отдельной книгой.¹¹

Если поэтические произведения Пушкина на персидском языке представлены небольшим числом переводов, причем часть из них вышла в прозаическом пересказе, то проза переводилась многократно. В 1950 г. вышел новый перевод «Капитанской дочки» («Дохтаре сарван»), принадлежащий Хосейну Ноурузи, с предисловием Ноузара. В книге дан биографический очерк Пушкина; подчеркивается, что перевод повести выполнен с немецкого языка, в то время как первый переводчик этой повести Парвиз Натель Ханлари (1932) воспользовался французским

⁵ Пейке солх, 10 деа 1328 / 31 декабря 1949.

⁶ Газ. «Хорасан», Мешхед, 1343/1964, № 261.

⁷ Фердоуси, 1335/1957.

⁸ См.: Кетабхайе меллийе Иран (Национальные иранские книги), 1977, № 43/44, с. 456.

⁹ Там же, № 41/42, с. 214.

¹⁰ Газ. «Иране ма» («Наш Иран»), 1335/1956, № 301.

¹¹ На эти переводы, как и на некоторые другие, нам любезно указала старший библиограф Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) Н. М. Сафарова, за что мы приносим ей свою благодарность.

переводом. По нашим сведениям, «Капитанская дочка» на персидском языке издавалась четыре раза, «Пиковая дама» также выдержала четыре издания (1931, 1948, 1956, 1962), «Барышня-крестьянка» — три (1937, 1957, 1965), «Выстрел» — четыре (1931, 1945, 1948, 1963). Как удалось установить, «Дубровский» издавался семь раз (1927, 1943, 1945, 1959, 1962, 1963, 1972; из них переводы изданий 1959, 1963, 1972 гг. принадлежат Кериму Кешаверзу, издания 1962 г. — Хушангу Мостоуфи).

Из поэм Пушкина дважды издавался «Кавказский пленник» (о первом переводе сказано в нашей статье 1949 г.);¹² второй перевод, прозаический, выполненный Мехди Баяни, появился в журнале «Пеяме ноу» в 1951 г.; песня девушек переведена стихами.¹³ Роман «Евгений Онегин» напечатан отдельной книгой в издательстве «Гутенберг» в переводе двух авторов — Минучехра и Тоукиния.¹⁴ В переводе Джавада Мохеба вышел «Бахчисарайский фонтан».¹⁵

В антологии прозы Мехди Хамиди опубликованы прозаические пересказы нескольких стихотворений Пушкина: «Воспоминание» («Ройа» — «Грезы», «Мечты»), «В степи печальной и безбрежной» («Се чешме» — «Три источника»), «Не пой, красавица, при мне» («Таранейе горджи» — «Грузинская песня»), «Поэт» («Ша'эр» — «Пока не требует поэта...»), «Поэту» («Эй, ша'эр» — «Не дорожи любовью народной...»), «Пробуждение» («Бидари»), «Ты и вы» («Шома ва ту»)¹⁶

Краткий прозаический пересказ «Евгения Онегина» помещен в иранской энциклопедии. Здесь даются краткая биографическая справка о Пушкине, портрет поэта и упоминаются следующие произведения: «Борис Годунов», «Медный всадник», «Полтава», «История Пугачевского бунта», «Гробовщик», «Дубровский», «Пиковая дама», «Цыганы», «Арап Петра Великого» и некоторые другие.¹⁷

Следует отметить, что за последние 30—40 лет в Иране исключительное развитие получила библиографическая работа, появились журналы, сборники с четкой рубрикацией, с описанием, хотя и кратким, издающихся в стране книг. В периодических журналах были введены библиографические разделы, публиковались рецензии, библиографические обзоры. Благодаря этому

¹² Автор первого перевода не указан, см.: Пейке солх, 10 дея 1328 / 31 декабря 1949.

¹³ Пеяме новин, 1330/1951. Журнал издавался Иранским обществом культурной связи с Советским Союзом сначала под названием «Пеяме ноу», а затем под видоизмененным названием «Пеяме новин». Оба эти названия имеют значение «Новая весть».

¹⁴ Сохан, библиографический раздел, 1348/1969, № 5—6, с. 614.

¹⁵ Ханданиха (Чтения), 16 тира 1343/7 июня 1961.

¹⁶ Хамиди Мехди. Дарйайе гоухар (Море жемчуга). Тегеран, 1333 / 1954, т. II, с. 299—330.

¹⁷ Дайрат ал-маареф. Фарханге данеш ва хонар (Энциклопедия. Словарь науки и искусств). 1-е изд. Тегеран, 1345/1966; 2-е изд. Тегеран, 1346/1967, с. 193—194.

появилась возможность получить сведения о новых публикациях и об отношении к ним литературной общественности. Наряду с национальной литературой в большинстве изданий печаталась информация и о переводах мировой литературы, в том числе и русской.¹⁸ Это тем более важно, что до того времени библиографические сведения публиковались крайне редко.

В 1973 г. после длительного перерыва было возобновлено издание органа Иранского общества культурной связи с СССР — «Пеяме новин».¹⁹ В первом же номере журнала в пересказе крупнейшего переводчика русских произведений на персидский язык Резы Азерахши была напечатана «Сказка о рыбаке и рыбке». Упомянем еще перевод «Моцарта и Сальери», принадлежащий Бижану Мофиду и напечатанный в журнале «Техране мосаввар» 20 шахривара 1340/15 сентября 1961 г., и перевод стихотворения «Арион» («Каике шекасте» — «Разбитая лодка»), появившийся в журнале «Голхайе рангаранг» (1946, № 2, с. 18 — 13-й год издания).

Московское издательство «Прогресс» начиная с 1948 г. выпустило несколько книг переводов Пушкина на персидский язык. Первым таким изданием явился сборник переводов Абулькасима Лахути, выдающегося персидско-гаджикского поэта (1887—1957).²⁰ Следующие переводы относятся уже к началу 70-х годов. Большим форматом с красочными иллюстрациями был напечатан в этом издательстве перевод А. Лахути «Сказки о рыбаке и рыбке» (уже седьмое издание сказки на персидском языке). Среди других переводов Пушкина, изданных в Москве, укажем на книгу «Чанд чаме ва драм» («Стихи и драматические произведения»). На суперобложке помещены гравюра Фаворского к драме «Моцарт и Сальери» и посвященное Пушкину стихотворение крупного персидского поэта — Вахида Дастгерди (1971 г.). На следующий год эта же книга была отпечатана фотоофсетным способом в Германской Демократической Республике. В этот сборник включены ранее опубликованные переводы А. Лахути (1948): «В прохладе сладостной фонтанов», «Песнь о вещем Олеге», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Моцарт и Сальери», «Медный всадник», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»; без указания имени переводчика, но также в переводе Лахути напечатаны «Вакхическая песнь» («Соруди нушашуш»), «Я помню чудное мгновенье» («Ахдшоде бе Керн» — «Посвящение Керн»),

¹⁸ «Кетабхайе мах» («Ежемесячные книги»), «Рахнамайе кетаб» («Путеводитель по книгам») — издатель Афшар, «Кетабхайе меллийе Иран» («Иранская национальная библиография») — издатель Бахрам Иллахи. Титульный лист дается на персидском и английском языках.

¹⁹ О журнале «Пеяме ноу», «Пеяме новин» см.: Розенфельд А. З. К истории советско-иранских культурных отношений: («Пеяме ноу» — «Новая весть», орган Иранского общества культурной связи с Советским Союзом). — Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук, 1959, вып. 11, № 282.

²⁰ Розенфельд А. З. А. С. Пушкин в персидских переводах, с. 95—100.

«Во глубине сибирских руд», сказки («Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о золотом петушке»), драмы «Русалка» и «Каменный гость». Всего 14 произведений.²¹

В том же издательстве «Прогресс» вышли и другие книги Пушкина, например «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» («Дастанхайе Иван Петрович Белкине факид») в переводе Зияуиллы Форушани (М., 1975). На суперобложке приведены краткие сведения о Пушкине и два высказывания о нем — Л. Н. Толстого и М. Горького.

В 1980 г. издательство «Прогресс» выпустило сборник рассказов или повестей о жизни русских писателей «Ин разе сар бе мохр» («Это — скрытая тайна»). На обложке напечатан портрет Н. Ф. Ивановой, в тексте фотографии с портретов Н. Н. Гончаровой, Е. Н. Карамзиной, Н. Ф. Ивановой, фотография Петербурга (Сенатская площадь, 1800 г.), рисунок Пушкина «Лицей». В сборник вошли переводы следующих произведений: «Утаенная любовь» Ю. Тынянова, «Тайна Н.Ф.И.» Ираклия Андроникова, «Воспоминания» А. Г. Достоевской, «Любовь Нины Заречной» Леонида Гроссмана, «Лев Толстой» М. Горького. В книге много стихотворных вставок из произведений Пушкина, но переводчики не указаны. Общий перевод книги принадлежит Ф. М. Джавану (очевидно, это псевдоним).²²

В изданной в Тбилиси в 1967 г. «Персидской хрестоматии», составленной проф. Д. И. Кобидзе (1906—1981) под редакцией проф. Дж. Ш. Гиунашвили, помещены следующие стихотворные переводы произведений Пушкина: «Я памятник себе воздвиг...», «Вакхическая песнь», «В прохладе сладостной фонтанов», «Я помню чудное мгновенье», «Послание в Сибирь»; переводы принадлежат перу А. Лахути.

Кроме переводов произведений Пушкина в самом Иране в персидской прессе и в различных сборниках печатались биографические материалы и разного рода статьи, посвященные Пушкину. Авторами многих статей выступали крупнейшие иранские писатели, литературоведы, переводчики. На некоторые из опубликованных ранее работ нами было указано в предыдущей статье (1949). Здесь назовем статью известного прозаика, общественного деятеля, литературоведа Бозорга Алави (род. в 1904 г.) «Александр Сергеевич Пушкин. К 115-летию со дня смерти»,²³ статью Мухаммада Фарахманда об утерянных воспоминаниях Пушкина.²⁴ В статье проф. Саида Нафиси (1895—1967) «Равабете фархангийе Иран ва Шоурави» («Ирано-советские культур-

²¹ Пушкин Александр. Чанд чаме ва драм. М., [1971], тираж 5108; то же: М., 1972, тираж 15 600.

²² Джаван — по-персидски «юноша», «молодой».

²³ Пеяме ноу, 1330/1951, № 6, с. 1—14.

²⁴ Фарахманд Мохаммад. Дар барейе йаддаштхайе гомшодейе Пушкина («Об утраченных воспоминаниях Пушкина»). — Музике Иран («Иранская музыка»), Тегеран, ордибехшт 1351/апрель 1972.

ные связи») ²⁵ и в статье проф. Абдолали Дастгейба «Гарджомейе фарсийе адабийате рус» («Персидские переводы русской литературы») ²⁶ уделено большое внимание переводам Пушкина.

В марте 1947 г. на Восточном факультете ЛГУ проходила научная конференция. Гостем преподавателей и студентов факультета был А. Лахути. Он прочел несколько своих переводов из Пушкина. В небольшом выступлении 4 марта 1947 г. он сказал: «В своих переводах Пушкина я старался следовать советской школе перевода, т. е. передавать содержание и форму подлинника в их неразрывном единстве, причем поиски форм для этих переводов сочетались у меня с поисками новых путей для персидского стиха вообще. Рад отметить, что этот стиль перевода приобретает сторонников и в самом Иране. Так, например, в переводе „Элегии“ Пушкина, сделанном Хабибом Ягмаи, кроме поэтического таланта, чувствуется искреннее стремление сохранить мысли и интонации подлинника. Такие переводы и оригинальные произведения молодых иранских поэтов дают основание надеяться, что выступления некоторых консервативных литераторов против всего нового, нападки, доходящие порой до неприличия, останутся безуспешными, а прогрессивная молодежь Ирана не оставит поле боя и пойдет по правильному пути». Прощедшее после этого высказывания А. Лахути тридцатилетие вызвало к жизни движение поэтической молодежи, стремящейся найти новые формы персидской поэзии.²⁷ Состоявшийся в 1967 г. в Душанбе Международный симпозиум, посвященный развитию современной персидской, таджикской и дариязычной поэзии (Афганистан), наглядно продемонстрировал успехи новых направлений.

Автор двухтомной истории персидской литературы за последние полтора десятилетия «От Саба до Нима» — Яхья Арьянпур в первом томе ее приводит отрывок из «Путешествия в Арзрум», а именно то место, где Пушкин пишет о встрече на Кавказе с персидской миссией Хосров-мирзы, следовавшей в Петербург в связи с трагической гибелью А. С. Грибоедова, и о своей встрече с персидским поэтом Фазыл-ханом (Шайда).²⁸

²⁵ Пеяме ноу, 1326/1947, № 11.

²⁶ Пеяме новин, 1338/1959, № 11—12.

²⁷ См.: Кляшторина О. Б. 1) Современная персидская поэзия. М., 1962; 2) «Новая поэзия» в Иране. М., 1975.

²⁸ Арьянпур Яхья. Аз Саба то Нима: Тарихе 150-салеи адабияте фарси (От Саба до Нима: История персидской литературы за 150 лет). Тегеран, 1351/1972, т. 1—2. Арьянпур приводит биографию Фазыл-хана, однако эти сведения относятся не к Фазыл-хану Шайда, а к другому поэту — Фазыл-хану Гарруси, который жил и творил при дворе Фатхали-шаха в Тегеране. Датой рождения этого поэта (Гарруси), происходившего из Хамадана, Арьянпур называет 1193 г. х. (1783 г. н. э.), а годом смерти — 1252 г. х. (1837—1838 г. н. э.). Вслед за Арьянпуром Д. С. Комиссаров также отождествляет поэта Фазыл-хана Шайда (знакового Пушкина) с поэтом Фазыл-ханом Гарруси (Комиссаров Д. С. Пути развития новой и новейшей персидской литературы. М., 1982, с. 22—29). К сожалению, Д. С. Комиссаров не использовал нашу последнюю статью «Персидский

К столетию со дня смерти А. С. Пушкина в газете «Известия» была напечатана статья тогдашнего министра просвещения Ирана, крупного историка персидской литературы, переводчика Пушкина на персидский язык («Талисман») Али Асгара Хекмата. В своей статье он писал: «В Михайловском он (Пушкин, — А. Р.) слушал сказки своей старой няни <...> Путешествуя по Крыму и Кавказу, он собирал материалы для своего творчества из восточных источников <...> строил фундамент русской литературы, так же как 700 лет назад наш национальный поэт Саади, путешествуя от Кашгара до Египта, собрал в двух своих книгах „Голестан“ и „Бустан“ рассказы и поговорки, создавая фундамент персидской поэзии. Период в 100 или даже в 700 лет является лишь мигом перед бессмертием поэта».²⁹

К настоящему времени на персидский язык переведена вся проза Пушкина. Некоторые стихи и поэмы, повести и сказки переводились разными переводчиками и издавались по несколько раз. Приведенные нами материалы свидетельствуют о неослабевающем интересе иранских читателей к творчеству великого русского поэта. Укажем лишь на один пример. В новелле «Пляска смерти» («Раксе марг») прозаик Бозорг Алави рисует образы двух горячо любящих друг друга молодых людей — Мортезы и Маргариты. Мортеза учится у Маргариты русскому языку. Познакомившись с «Евгением Онегиным» Пушкина, он ссылается в разговоре с Маргаритой на самоотверженность Татьяны Лариной как на образец верности долгу.³⁰

В нескольких номерах газеты «Пейгаме эмруз» («Сегодняшний привет», 1346/1967 г.) печатался очерк Ираклия Андроникова «Тагильская находка» («Ахерин рузхайе Пушкин» — «Последние дни Пушкина»). В 1977 г. вышел в Иране сборник, посвященный русской литературе «От Пушкина до Шолохова». Книга содержит семь статей в переводе А. Амини и М. Саджуди.³¹

Несомненно, нами не исчерпан весь материал, относящийся к переводам Пушкина на персидский язык. В частности, остались

поэт Фазыл-хан Шайда (к встрече Пушкина с миссией Хосров-мирзы и к русско-иранским культурным отношениям) (в кн.: Средневековый Восток: История, культура, источниковедение. М., 1980, с. 228—230). К статье приложен портрет Фазыл-хана, две страницы автографа — отрывок из автобиографического сочинения (ГПБ) и портрет Хосров-мирзы, множество раз воспроизводившийся в печати (с. 315—316). Нет никаких оснований сомневаться в достоверности русских источников, среди которых следует отдать предпочтение свидетельству Н. В. Ханыкова, с большой теплотой отзывавшегося о Фазыл-хане Шайда (Розенфельд А. З. 1) Тургенев и Н. В. Ханыков. — В кн.: Тургенев и его современники. Л., 1978, с. 77—88; 2) Пушкин в персидских переводах). Так же не вызывает сомнения и подлинность опубликованного нами портрета Фазыл-хана Шайда, выполненного Э. Гаузером и им подписанного и литографированного наряду с портретами других членов персидского посольства в 1829 г.

²⁹ Известия, 1937, 17 февраля, № 42.

³⁰ Алави Бозорг. Пляска смерти. — В кн.: Тугой узел. М., 1969. (Сер. «Современная восточная новелла»).

³¹ См.: Кетабхайе меллийе Иран. Тегеран, 1977, № 43/44.

неучтенными провинциальные издания; не все, что выходило и в Тегеране, удалось зафиксировать. Однако некоторые выводы напрашиваются сами собой.

Реалистические тенденции персидской литературы, демократические и гуманистические идеалы, которые нашли отражение в современной персидской прозе и поэзии, несомненно формировались под влиянием Пушкина и других представителей русской литературы.³²

---

³² Розенфельд А. З. Русская литература в Иране и современная персидская проза. — Вестник ЛГУ: История, язык, литература, 1968, № 20, вып. 4, с. 95—104.

III. ЗАМЕТКИ

О СЕМЬЕ ПУШКИНЫХ В МОСКВЕ В 1801—1803 гг.

В начале 1801 г. семья Пушкиных живет в Москве в Огородной слободе, в небольшом деревянном доме подпоручика П. М. Велкова (современный адрес этого несохранившегося дома: Чистые пруды, дом 7/2). Вероятно, тогда же в Москву приезжает М. А. Ганнибал с сестрою — объявлении об их отъезде из Петербурга трижды печатались в конце 1799 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Отъезжающие: (...) Марья Алексеевна Ганнибалова, с сестрою Катериною Алексеевною Пушкиною, с девицею Александрою Гавриловною Золотовою и дворовыми людьми; жив. Литейной части в доме под № 70».¹

По приезде в Москву М. А. Ганнибал поселилась в той же Огородной слободе — обнаружен контракт на наем ею дома М. Я. Силина в Яузской части: «№ 23. 1801-го года Генваря 20-го дня я, нижеподписавшаяся, флота капитанша второго рангу Марья Алексеева дочь, жена Ганнибалова, дала сие условие надворному советнику Михайле Яковлеву сыну Силину в том, что наняла я в доме у него болшия особливья покои с принадлежащим к ним каретным сараем, конюшнею и людскою избою, состоящая в Яузской части 5-го квартала под № 45-м, которые приняты мною по описи с имеющимися в них мебелями, и договорилася я с ним, господином Силиным, взять оныя ево покои от вышеписанного числа впредь на шесть месяцев ценою за двести десять рублей...».²

Из этого дома по истечении срока найма она переезжает неподалеку, в дом статской советницы Ф. И. Штриттер, контракт на наем которого сохранился в архиве.³ Дом был нанят также на полгода, с 21 июля 1801 по 21 января 1802 г. Можно предположить, что маленький Пушкин бывал в этих, не дошедших до нашего времени домах.

Семья же Пушкиных осенью 1801 г.⁴ занимает новую квартиру — она

¹ С.-Петербургские ведомости, 1800, 18 декабря, № 101, с. 4298; 21 декабря, № 102, с. 4356; 25 декабря, № 103, с. 4402.

² Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦГИА г. Москвы), ф. 53, оп. 4, д. 885, л. 16 (современный адрес: ул. Машкова, д. 8 — дом не сохранился).

³ Там же, л. 63 об. (современный адрес: Малый Козловский переулок, дом 10—12 — не сохранился).

⁴ В 1967 г. В. П. Гурьяновым в ЦГИА г. Москвы была обнаружена запись в метрической книге церкви Харитония в Огородниках (см.: Вечерняя Москва, 1967, 11 марта), которую он отнес к С. Л. Пушкину;

переезжает в дом князя Н. Б. Юсупова в Большом Харитоньевском переулке. Князю здесь принадлежали два больших участка, один из которых (современный дом 21) был занят жилыми и хозяйственными постройками, а второй (дом 24) — в основном обширным садом.

О том, что Пушкины жили у Юсупова, стало известно из публикации 1930 г.,⁵ но автор ее допустил ряд неточностей, устранение которых позволит уточнить некоторые детали биографии пушкинской семьи.

На основании сведений историка К. В. Сивкова, работавшего с юсуповским архивом и предоставившего их автору публикации 1930 г., выяснилось, что Пушкины нанимали у Юсупова так называемый «средний желтый дом». Автор публикации утверждал, что этим домом был некий «деревянный особняк, стоявший параллельно каменным хорамам Юсупова на нынешнем круглом дворе».⁶ Трудно сейчас сказать, откуда появилось такое утверждение, но из внимательного рассмотрения нескольких планов участка Юсупова, относящихся к разному времени,⁷ выяснилось, что такого «особняка» просто не было. И более того, был найден контракт, где говорится о том, какой именно дом был нанят Сергеем Львовичем Пушкиным у Юсупова 24 ноября 1801 г.: «...взял я в наймы (...) московской состоящей в Яузской части 1-го квартала под № 14-м в приходе церкви Трех Святителей, что близ Красных ворот, каменной по улице Хомотовой средней дом для жительства моего на нижеследующих условиях: 1-е — во оном доме каменные в верхем этаже одиннадцать покоев (...) в нижнем этаже каменных пять, со всеми принадлежностями, то есть: плотнишною, столярною, слесарною и штукатурною работою, полами, панелями, дверми, окошками, миобелью какая есть, также фряжской погреб, кладовую и кухню с приспешною избою, каменный ж один жилой покой, погреб, анбар, хлебной, каретной сарай и конюшню о восьми стойлах деревянную».⁸

Здесь важно отметить, что Сергей Львович нанял «для жительства», как следует из текста контракта, каменный двухэтажный дом, который назывался «средним». На участке, параллельно улице, располагались три каменных жилых здания: правое, двухэтажное — так называемые «старые палаты», левое, одноэтажное — «Чирьев дом» (по фамилии бывшего владельца) и посередине, между ними, — двухэтажный, «средний» (по место-

---

23 октября 1801 г. «в доме иностранца Крестьяна Иванова Лика у жильца его полковника Сергея Павлова Пушкина, служителя его Ивана Иванова, родилась дочь Настасья...». Однако в это время у Лика жил некий Бобрищев-Пушкин (см. контракт на наем дома: ЦГИА г. Москвы, ф. 53, оп. 4, д. 885, л. 36 об.), и вышеприведенная запись, вполне очевидно, никакого отношения к С. Л. Пушкину не имеет. Весьма вероятно, что и запись в метрической книге церкви Вознесения, что на Гороховом поле, в 1799 г. (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982, с. 5—6) также можно адресовать к С. П. Бобрищеву-Пушкину.

⁵ См.: Вигорадов Л. А. Детские годы Александра Сергеевича Пушкина в Немецкой слободе и у Харитония в Огородниках. — В кн.: Пушкин в Москве. М., 1930 (Труды Общества изучения Московской области, вып. 7).

⁶ Там же, с. 30.

⁷ ЦГИА г. Москвы, ф. 105, оп. 1, д. 2564, л. 3 (1791 г.); д. 256, л. 4а (1805 г.); Государственный историко-архитектурный архив г. Москвы, Яузская часть, д. 29—30 (1802 г.).

⁸ Так тогда называлась часть теперешнего Большого Харитоньевского переулка, ближайшая к Садовому кольцу.

⁹ ЦГИА г. Москвы, ф. 53, оп. 4, д. 885, л. 102—102 об.

положению) или, как он еще назывался в документах юсуповского архива, «желтый» (очевидно, по окраске) дом. Ясно, что именно об этом доме говорилось в контракте Сергея Львовича и что именно в нем, а не в мифическом деревянном «особняке», жила пушкинская семья.

Сроки найма выясняются из приходо-расходных книг по «Московской канцелярии» Юсуповых: «Приход в ноябре. 25 числа». За отданный в наем средней желтой дом коллежскому асессору Сергею Львовичу Пушкину в счет договорной в год цены 1000 р., считая ноября с 24, будущего 1802 года мая по 24-е число, то есть за полгода впредь, получено пять сот рублей.¹⁰ За первый год жизни в юсуповском доме было окончательно уплачено 22 ноября 1802 г.¹¹ В этом же году, 22 февраля, в тех же книгах было отмечено: «... куплено на Красном холму для желтого дома, где живет Пушкин, на делание оконных рам досок дубовых отборных...».¹²

Последней записью о найме этого дома С. Л. Пушкиным является запись в приходной книге 1803 г.: «1 июня». За отдаваемый в наем средней дом желтой коллежскому асессору Сергею Львовичу Пушкину в счет договорной цены 1000 р. за прошедшие месяцы, считая срок ноября с 24, сего июня по 1-е число, то есть за 6 месяцев и 7 дней, от него господина Пушкина принято пять сот девять рублей пятьдесят копеек.¹³

Следующей по этому дому была запись об уплате за наем его с 7 октября 1803 г. уже кригсшальмейстером М. Ф. Булыгиным.¹⁴ Следовательно, можно считать установленным, что семья Пушкиных жила здесь с 24 ноября 1801 по 1 июня 1803 г. В конце этого года Пушкины переехали по другому адресу в той же Огородной слободе — в дом графа Л. Ф. Санти (современный адрес: Большой Харитоньевский переулок, дом 8 — не сохранился).¹⁵

В юсуповском архиве сохранилась «опись мебели и прочему» в наймаемом Пушкиными доме, датированная 1801 г. В ней перечисляются 8 «зеркалов в золоченых рамах больших», 4 «канаве с чехлами затрапезными простого дерева», 9 «кресел без чехлов», 5 «кресел красного дерева с зелеными фанзовыми подушками и набойчатыми чехлами» и еще 12 «кресел дубовых с подушками российского ковра».¹⁶

Палаты князя Н. Б. Юсупова прекрасно сохранились — это одна из архитектурных достопримечательностей Москвы. Возможно, что в основе их здание XVI в., но большая часть их относится к концу XVII в., расцвету «московского барокко». Первым документально известным владельцем этих палат является сподвижник Петра I барон П. П. Шафиров,¹⁷ ко-

¹⁰ Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА), ф. 4290, оп. 3, д. 51, л. 6 об.

¹¹ Там же, д. 62, л. 61 об.

¹² Там же, д. 61, л. 35 об.

¹³ Там же, д. 73, л. 10 об.

¹⁴ Там же, л. 11.

¹⁵ Обнаружено соглашение между графом П. Л. Санти и С. Л. Пушкиным, который «нанял у него графа Петра в наем дом, принадлежащий родителю ево графу Льву Францовичу Санти», за 1200 рублей в год «с отдачею сих денег пред наступлением каждой трети». Контракт этот датирован 7 декабря 1804 г.: ЦГИА г. Москвы, ф. 32, оп. 22, д. 375, л. 73.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1290, оп. 3, д. 53, л. 18.

¹⁷ См.: Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896, с. 100.

тому они были пожалованы, вероятно, после разгрома сторонников царевны Софьи. Шафиров в феврале 1723 г. был обвинен в злоупотреблениях, и палаты были переданы графу П. А. Толстому, владевшему ими в течение 4 лет. В мае 1727 г. Толстого обвинили в заговоре и сослали в Соловецкий монастырь, а палаты эти были отданы одному из ближайших помощников А. Д. Меншикова — обер-секретарю Военной коллегии А. Волкову.¹⁸ С падением баловня судьбы, «полудержавного властелина», палаты у Волкова отобрали: «понеже Алексей Волков, быв при князе Меншикове, явился во всех его, князя Меншикова, непорядочных и худых поступков согласник <...> данные ему в нынешнем 1727 году деревни и московский двор от него взять», — гласил указ Петра II, данный 6 ноября этого года.¹⁹ Через неделю, 15 ноября 1727 г., они были пожалованы князю Г. Д. Юсупову²⁰ и оставались в его роду в течение 190 лет. В продолжение XIX в. здания на участке Юсуповых подверглись реставрации и некоторой переделке. В частности, «средний дом», где жили Пушкины, был соединен переходом со старыми палатами; кроме того, был надстроен третий этаж (архитектор В. Д. Померанцев, 1891 г.). Интерьеры зданий, как отмечалось еще в конце XIX в., не сохранились.

Почему же князь Николай Борисович Юсупов, владелец этих палат в пушкинское время, один из самых богатых людей в России, человек, занимавший высшие государственные посты и явно не нуждавшийся в деньгах, сдавал один из своих домов С. Л. Пушкину? Автор публикации 1930 г. уверенно ответил на этот вопрос: Сергей Львович был милостиво допущен в дом вельможи только лишь потому, что он был «человек особо нужный и полезный для Юсупова», ибо «лучше его никто не умел организовывать любительских спектаклей, декламировать Мольера и вносить оживление в общество, а это и было именно то, чего уже не хватало старому вельможе и записному театралу».²¹ Таким образом, С. Л. Пушкин был, по мнению Виноградова, таким забавником и своего рода домашним режиссером у Юсупова. На заседании общества «Старая Москва», где обсуждался доклад Виноградова, М. А. Цявловский, введенный в заблуждение автором этих уверенных утверждений, счел возможным рассматривать Сергея Львовича как «приживальщика, бедного дворянина на положении увеселяющего богатого магната».²²

Однако незнание документальных материалов привело автора публикации 1930 г. к неверным выводам, выданным за доказанный факт, который проник и в последующие работы.

При знакомстве с актовыми материалами Москвы выяснилось, что дома многих богатых владельцев постоянно сдавались в наем и это отнюдь не было чем-то исключительным. Так, тот же Юсупов (или, вернее, его управляющий) сдавал «средний» дом до С. Л. Пушкина княгине Тюфяки-

¹⁸ Ирония судьбы: палаты до сих пор зовутся его именем — «палаты боярина Волкова», хотя он не был боярином и ему они принадлежали меньше времени, чем кому-либо из других владельцев.

¹⁹ Сборник Русского исторического общества, СПб., 1889, т. 69, с. 716.

²⁰ Данную на этот участок см.: ЦГАДА, ф. 1290, оп. 2, д. 10, л. 1.

²¹ Виноградов В. А. Детские годы А. С. Пушкина..., с. 31. «Старому вельможе» исполнился тогда 51 год.

²² ИРЛИ, ф. 244, оп. 26, д. 402, л. 7 об.

ной, после него кривоцалмейстеру М. Ф. Булыгину; другие же помещения в его усадьбе в 1798—1810 гг. занимались камергером князем Н. М. Львовым, гвардии капитаном Д. Н. Бологовским, М. И. Римской-Корсаковой. Таким образом, в том, что семья С. Л. Пушкина проживала в одном из юсуповских домов, не было ничего необычного.

Почти все дома детства А. С. Пушкина — их насчитывается в Москве 12 — не дошли до нашего времени. Они либо сгорели во время пожара 1812 г., либо были снесены в XIX в. Но, как выяснилось после обращения к архивным документам, юсуповские палаты — а именно их левая (если смотреть с улицы) часть — представляют собой единственное дошедшее до нашего времени здание, имеющее непосредственную связь с детством А. С. Пушкина.

С. К. Романюк

ДВЕ ДАТЫ К БИОГРАФИИ ПУШКИНА

1

Неопубликованное письмо Александра Сергеевича Норова к А. И. Кочелеву, датированное «1829. Апреля. Москва. Суббота», наряду с восторженным отзывом о Б. Ромберге¹ содержит любопытное упоминание о Пушкине:

«Вчера я слышал в Собрании славного Ромберга, которого несколько лет назад я вместе с тобою слышал; помню, что и ты был от него в восхищении. Что за смычок! что за упоительные звуки. Но я еще более наслаждался, вспоминая, что я слушал его вместе с тобою. Он теперь едет прямо в Петербург. Пожалуста, мой друг, не пропусти ни одного концерта, где будет играть он. Но если хочешь без развлечения его слушать, то приезжай на его репетицию, так, как мы здесь делали. Надобно взять билет в концерт и с тем же билетом всякой может приехать на репетицию, которая обыкновенно бывает поутру. В многолюдном собрании все есть какой-то шорох, который мешает и бесит. В репетиции же только одни охотники и тишина глубокая. У Ромберга же есть такие воздушные звуки, которые от малейшего шепота пропадают, и чем чаще его слышишь, тем более он очаровывает. Несмотря что ты не страстный любитель, но я уверен, что он много удовольствия и наслаждения даст тебе. Когда он играет мудреные концерты, он не восхищает, а удивляет только. Но всякие на-

¹ Выдающийся немецкий виолончелист Б. Ромберг (1767—1841), представитель известной музыкальной семьи, пользовался большой популярностью в России первой трети XIX в. Этому во многом способствовали и его личные контакты с деятелями русской музыкальной культуры (в частности, своим лучшим учеником он называл М. Ю. Вьельгорского), и большие гастрольные поездки по России (1806—1807, 1808—1813, 1824—1825, 1828—1830). В «Истории виолончельного искусства» Л. С. Гинзбурга Б. Ромбергу уделено заметное место (см. особенно кн. 2 (М., 1957) и кн. 4 (М., 1978)); здесь собраны, в частности, отзывы о нем русских слушателей, мнения музыкантов (в том числе В. Ф. Одоевского).

родные напевы, *adagio* и *Rondo* делаются под его смычком божественны. И хочешь и плачешь по его произволу.

Я пишу к тебе с братом моим, Александром Николаевичем Норовым, который завтра чем свет едет с своим генералом Щербатовым в Петербург. — Вчера в концерте я виделся с А. Пушкиным. Он мне сказал, что едет в Тифлис. В поэме его *Полтава* вторая песнь превосходна.²

Отсутствие точной даты потребовало обратиться к комплекту «Московских ведомостей», что позволило обнаружить следующее объявление: «В пятницу, 5-го апреля, г-н Бернард Ромберг, капельмейстер его величества короля Прусского, будет иметь честь дать в Большой зале Благородного собрания второй концерт, в котором он будет играть в последний раз пред своим отъездом в Санкт-Петербург. Билеты для входа в залу по 10 р. асс. и на хоры по 5 р. асс. можно получать ежедневно у г-на Ромберга, живущего в музыкальном магазине г-на Шильдбаха на Никольской улице под № 7, у г-на Ленгольда на Ильинке и при входе в залу».³ Поскольку в следующих номерах объявление о переносе помещено не было, следует считать, что 5 апреля 1829 г. Пушкин присутствовал на концерте Б. Ромберга.⁴ Следовательно, письмо Ал. С. Норова к А. И. Кошелеву датируется 6 апреля 1829 г.

Как указано в справочнике Л. А. Черейского, Ал. С. Норов был, «по-видимому», знаком с Пушкиным.⁵ Теперь об этом можно говорить с полной определенностью.

Помимо того, допустимо предположение, что память о концерте Б. Ромберга огазилась в первой главе «Египетских ночей». При первой встрече с Импровизатором (а Б. Ромберг был особенно известен в России именно как исполнитель импровизаций на русские народные темы) «Чарский подумал, что неаполитанец собирается дать несколько концертов на виолончели и развозит по домам свои билеты» (VIII, 265). Почему Чарский принял незнакомца, представившегося как «художник», за виолончелиста (хотя его, по словам Пушкина, можно было принять за разбойника, политического заговорщика или шарлатана), из текста неясно. Видимо, «ключ» к этому «темному месту» повести — опубликованный выше фрагмент из письма Ал. С. Норова к А. И. Кошелеву.

М. Д. Эльзон

2

2 ноября 1836 г. А. С. Пушкин в качестве члена Российской Академии принимал участие в чествовании П. А. Загорского, известного физиолога и анатома, профессора Медико-хирургической академии (он был членом Российской Академии с 1828 г.). По случаю пятидесятилетнего юбилея его творческой деятельности была издана брошюра, в специальном разделе которой («Имена особ, принявших участие в праздновании пятидесяти-

² ЦГАЛИ, ф. 390, оп. 1, № 408, л. 35—35 об.

³ Московские ведомости, 1829, 3 апреля, № 27, с. 1322.

⁴ В новейшей монографии, посвященной теме «Пушкин в Москве», — «Пушкинские места Москвы и Подмосковья» Н. М. Волович (М., 1979) — отмечены три посещения Пушкиным Дворянского благородного собрания (зимой 1826/27 г., в марте и мае 1830 г.) (с. 208—209).

⁵ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 279.

летнего юбилея г. Загорского в г. С.-Петербурге) указано, что в праздновании приняли участие «члены Российской Академии гг. Востоков, Лобанов, Панаев, Поленов, Пушкин, князь Ширинский-Шихматов, Шишков, Языков».⁶

Л. А. Черейский

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ «ГЕРОЙ»

Первая болдинская осень — время высокого взлета пушкинского вдохновения, несколько недель, в которые поэт «писал так, как давно уже не писал» (XIV, 133). Прочная исследовательская и читательская традиция признает осенние месяцы 1830 г. отдельным и очень важным периодом жизни и творчества Пушкина.

Вместе с тем мы знаем о болдинской осени гораздо меньше, чем она заслуживает. Причина тому прежде всего в скудости, малочисленности источников. Уединенная жизнь, которую ведет Пушкин, отражается главным образом в его рукописях. Но отсутствие у Пушкина круга общения почти полностью лишает нас привычного разнообразия источников — дневников, воспоминаний, официальных документов и т. д. Тем пристальнее и подробнее следует изучать те источники, которыми мы располагаем.

Предлагаемая работа и представляет собой попытку обратиться к полузабытому источнику и соотнести его показания с общеизвестными фактами. В поле зрения в данном случае попадают некоторые московские связи Пушкина и некоторые моменты из творческой истории стихотворения «Герой».

Исходной точкой наших суждений будет письмо Пушкина к М. П. Погодину, отправленное из Болдина в Москву на рубеже октября—ноября 1830 г. Поэтому нам придется привести его почти полностью:

«Из Моск.овских Ведомостей, единственного журнала, доходящего до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петрович, что вы не оставили Матушки нашей. Дважды порывался я к вам, но карантинны опять отбрасывали меня [в] на мой несносный островок, откуда простираю к вам руки и воюю гласом велиим. Пошлите мне слово живое, ради бога. Никто мне ничего не пишет. Думают, что я холерой схвачен или зачах в карантине. Не знаю, где и что моя певичка. Знаете ли вы, можете ли узнать? ради бога узнайте и отпишите мне: в Лукояновский уезд в село Абрамово, для пересылки в село Болдино. Если при том пришлите мне вечерую свою трагедию, то вы будете моим благодетелем, истинным благодетелем. Я бы на досуге вас раскритиковал — а то ничего не делаю; даже браниться не с кем. Дай бог здоровья Полевому! его второй том со мною и составляет утешенье мое. Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь. Напечатайте, где хотите, хоть в Ведомостях — но прошу вас и требую именем нашей дружбы не объявлять *никому* моего имени. Если московская цензура не пропустит ее, то перешлите Дельвигу, но также без моего имени и не моей рукою переписанную...» (XIV, 121—122).

⁶ Пятидесятилетие заслуженного профессора, академика, действительного статского советника и кавалера Петра Андреевича Загорского. СПб., 1838, с. 7.

«Апокалипсическая песнь», которую Пушкин пересылает при письме Погодину, это, как известно, стихотворение «Герой», только что написанное в Болдине.

Внимательное чтение письма рождает несколько вопросов, на которые, кажется, нет ответов ни в подробных комментариях Б. Л. Модзалевского,¹ ни в других работах, посвященных болдинскому периоду жизни Пушкина.

Прежде всего неясно, почему поэт просит Погодина напечатать «Героя» где угодно — «хоть в Ведомостях». Откуда такая неразборчивость у Пушкина? Да еще по поводу столь важного, программного стихотворения? И как объяснить это второе упоминание «Ведомостей» в тексте письма? Речь, понятно, как и в первом случае, идет о «Московских ведомостях», так как никакие другие «ведомости» Погодину, оставшемуся в холерной столице, недоступны.

Однако «Московские ведомости» — официальная газета. Основные жанры публикаций здесь — манифесты, рескрипты, указы, сенатские разъяснения, а в отделе неофициальном — торговые объявления, хроника, муниципальные новости и т. д. Никакими стихами свой казенный орган, редактируемый князем Шаликовым, своих читателей, как правило, не баловал. Пушкину ли об этом не знать? Здесь, в Болдине, он только что закончил «Барышню-крестьянку» и в варианте первых же строк повести отметил: коренной русский барин Иван Петрович Берестов, отец Алексея, «ничего не читал <...> кроме Моск.<овских> Ведомостей» (VIII, 662). Тем определяется полное безразличие этого барина к российской словесности и изящным искусствам.

Поэтому, соглашаясь печатать стихи «хоть в Ведомостях», Пушкин учитывает какие-то ускользающие от нас мотивы: либо в самом «Герое» автор видит нечто такое, что позволяет адресовать его более широкому и необычному кругу читателей, либо «Московские ведомости» холерной поры как-то отличаются от обыкновенных. Либо каким-то образом сосуществуют обе возможности.

Вторая странность письма состоит в удивляющем отношении автора к адресату. Сомнений нет — Пушкин и Погодин достаточно близки. Как раз на 1829—1830 гг. приходится высшая точка этой близости. Михаил Петрович переживает время очень понятной нам влюбленности в Пушкина — восхищается каждой его строчкой, хлопочет о его денежных делах и даже ругает себя в дневнике за то, что не удержал в памяти одного из разговоров с Александром Сергеевичем — «а надо бы помнить все пушкинское».² Но Пушкин-то несомненно думает о Погодине хладнокровнее; письмо строго на «вы», оно по тональности не выходит за рамки обычной светской приязни. И тогда становится непонятным то место письма, где Пушкин просит Погодина скрыть подлинное авторство «Героя» от самого Дельвига! Переслать Дельвигу вещь без его имени и не его рукою переписанную — значит, одному из самых близких, самых задушевных друзей нельзя доверять то, что спокойно открыто Погодину. Почему?

Видимо, вокруг «Героя» существует какой-то микроклимат отношений

¹ См.: Пушкин. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928, т. II, с. 11—12.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 18.

Пушкина и Погодина; что-то сближает их не вообще, а именно по поводу стихов, посланных из Болдина в Москву.

Хорошо известная история участия Погодина в первых двух публикациях «Героя» не разъясняет дела, но важна как ступень приближения к какой-то удовлетворительной версии. Погодину, получившему стихотворение (при письме) 8 ноября,³ не пришлось ни печатать «Героя» в «Московских ведомостях», ни пересылать его в Петербург Дельвигу. Стихи были отданы Надеждину и появились в январской (1831) книжке его журнала «Телескоп». Имя автора, как Пушкин и просил, в журнале выставлено не было; быть может, и сам Надеждин не знал, чье произведение он печатает. Во всяком случае, за движением рукописи несомненно присматривал Погодин. В его дневнике под 22 декабря 1830 г. вслед за знаменитой записью о чтении Пушкиным девятой главы «Онегина» идет торопливая заметка: «На минуту к Аксаковым, раздосадованный на поправки Надеждина» в «Герое».⁴

О каких поправках Надеждина идет речь, понять невозможно: текст «Героя» по «Телескопу» в общем соответствует пушкинскому автографу; видимо, Погодину (или уже вернувшемуся из Болдина Пушкину, если он раскрыл инкогнито перед издателем) удалось отстоять авторскую волю.

Шесть лет спустя, весной 1837 г., Погодин вновь опубликует «Героя» — теперь уже с полным именем автора — в посмертном томе пушкинского «Современника». Письмо Погодина к одному из издателей «Современника», П. А. Вяземскому, от 11 марта 1837 г. открывает многие важные смысловые пласты и в самом стихотворении, и в обстоятельствах его создания.

«Вот вам еще стихотворение, — пишет Погодин, — которое Пушкин прислал мне в 1830 году из Нижегородской деревни, во время холеры. Кажется, никто не знает, что оно принадлежит ему <...> Очень кстати перепечатать его теперь в „Современнике“ <...> В этом стихотворении самая тонкая и великая похвала нашему славному царю. Клеветники увидят, какие чувства питал к нему Пушкин, не хотевший, однако ж, продраться со лъстецами <...> Я напечатал стихи тогда в Телескопе (1831, № 1, без подписи) и свято хранил до сих пор тайну. Кажется, должно перепечатать их теперь. Разумеется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкиным под стихотворением, после многозначительного *утешья* 29 сентября 1830 — есть день прибытия государя императора в Москву во время холеры».⁵

Не будем судить Погодина строго: конечно, он упрощает чувства, которые Пушкин питал к Николаю I. Конечно, весной 1837 г. «тонкая и великая похвала нашему славному царю» от имени Пушкина не должна была восхитить близких друзей покойного поэта. Тем не менее три свидетельства Погодина и существенны и бесспорны. Верно, что Пушкин составляет в «Герое» Наполеона и Николая I. Верно и то, что он стремится завуалировать свое сопоставление — только условная дата, выставленная в конце стихотворения, напоминает о приезде Николая в старую столицу, охваченную холерой. Наконец, верно, что Пушкин не хочет «продраться со лъстецами».

³ См.: Пушкин и его современники. Пг., 1916, вып. XXIII—XXIV, с. 109.

⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 22.

⁵ Пушкин. Письма, т. II, с. 474—475.

Но дальше пушкинский текст и погодинский комментарий вступают в противоречие. Для Погодина финальное «Утешся» есть простой результат действий мудрого государя, который «руку жмет Чуме / И в погибающем уме / Рождает бодрость...». Для Пушкина дело не сводится к такой прямолинейной формуле. Недаром же в письме, при котором «Герой» отправлен из Болдина в Москву, Пушкин тревожится, что «московская цензура не пропустит». Да и Надеждин, не самый напуганный издатель, печатавший впоследствии скандальное письмо Чаадаева, также чувствует необходимость поправок — не для цензуры ли?

Значит, в стихотворении были какие-то смысловые оттенки, существенно отличные от официальных воззрений.

Один из таких оттенков, кажется, нетрудно выявить. Это уже упомянутое сопоставление Наполеона с ныне царствующим православным государем. Легендарное посещение Наполеоном чумного госпиталя в Яффе Пушкин соотносит с приездом Николая I в Москву, пораженную холерой. Конечно, и тот, и другой совершают доброе дело. Но русский император как бы идет по следам Бонапарта. Пушкин, разумеется, понимает, сколь в официальном легитимном сознании широка пропасть между французским узурпатором и русским царем из династии, третий век сидящей на престоле. Поэт вовсе не стремится возвеличить Наполеона или унизить Николая. В историко-философском контексте «Героя» это, может быть, и неважно. Но сама возможность такой примитивной трактовки могла усложнять цензурную судьбу «Героя».

Не менее сомнительным для официальных воззрений того времени было и другое сопоставление, сделанное Пушкиным, — сопоставление различных деяний государя. Самоотверженность монарха перед лицом смертельной болезни, грозящей народу, поэт ставит выше военных побед и других царственных свершений. А кто дал право подданному, хотя бы и поэту, судить поступки своего государя, выстраивать их, как мы бы сказали сегодня, по собственной шкале ценностей? Разумеется, никто. Единый бог — судья царской воле, это азбучная истина официально-монархических воззрений, от которой Пушкин здесь вольно или невольно отступает. Ему, повторяем, не это — или по крайней мере не только это — важно в «Герое». Но, толкуемое так, стихотворение обнаруживает некоторую идейную неясность, уклончивость.

Вот почему комментарий Погодина, высказанный в письме к Вяземскому, явно не отражает всех сложностей самого стихотворения и не проясняет вопросов, следующих из болдинского письма Пушкина. Остаются загадкой и «Московские ведомости» как возможное место для публикации «Героя», и доверие Пушкина к Погодину, несомненно не соответствующее характеру их обычных отношений и последующему погодинскому пониманию стихов как простой аполгии царю...

Теперь мы оставим обе эти проблемы, ибо они неразрешимы умозрительным путем, и перейдем к изучению источников. В кругу материалов к болдинской осени есть два источника, которые известны литературоведам, но, по-видимому, недостаточно внимательно прочитаны: даже их прямая взаимосвязь, кажется, не прослежена как следует. Речь идет о газете «Московские ведомости» и скромном бюллетене «Ведомость о состоянии города Москвы».

Когда холера в столице обнаружилась во всей силе — а произошло это в конце сентября 1830 г., — московское начальство решило учредить специальное периодическое издание в помощь борьбе с эпидемией и для оповещения о ходе этой борьбы. Первый номер такой газеты появился уже 23 сентября. Он открывался небольшой программной заметкой, занимавшей всего несколько строк: «Для сообщения обывателям верных сведений о состоянии города, столь необходимых в настоящее время, и для пресечения ложных и неосновательных слухов, кои производят безвременный страх и уныние, московский военный генерал-губернатор князь Д. В. Голицын предписал издавать при временном медицинском совете особливую ведомость, ежедневно или через день, смотря по тому, как потребует нужда».

«Нужда» (точнее, масштабы эпидемии) потребовала издавать «холерную ведомость» ежедневно, и по январю 1831 г. вышло более ста номеров. Комплект хранится ныне в Отделе редкой книги Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве.

На страницах этого листка не только статистика смертей, не только медицинские советы, как уберечься от болезни и лечить ее. Здесь довольно подробно представлен круг московских знакомых Пушкина и в самых неожиданных проявлениях.

Начнем с того, что каждый номер «Ведомости...» подписан его редактором — адъюнктом Погодиным. И вместе с ним подписывается секретарь временного медицинского совета доктор Маркус. Трудно представить себе, чтобы у малоформатного издания, напечатанного обычно только с одной стороны листа, были другие соавторы, кроме этих двух. Тогда заметки специфически медицинского свойства — о хлорной воде, симптомах холеры, диете и т. д. — должны быть написаны врачом. А все информационные заметки и моральные сентенции, подлежащие усвоению обывателем, принадлежат, по-видимому, перу М. П. Погодина. Во всяком случае читающая публика пушкинского круга несомненно воспринимает «Ведомость...» как творчество самого Погодина.

Например, А. С. Хомяков, переживающий холеру в деревне, в письме к Погодину пишет: «При отъезде из Москвы обещал я вам посильные вклады в Вестник;⁶ теперь по ежедневным бюллетеням вижу я, что у вас новое, не совсем забавное запытие — объявлять России, сколько добрых людей в Москве на тот свет отправляется. Итак литература на время в стороне, дело не до нее <...> Даже в 12-м году не с большим нетерпением ожидали газет, чем мы ваших бюллетеней. Нужно ли мне прибавить, с каким удовольствием я всегда взгляну на подпись, доказывающую мне неоспоримо, что по крайней мере один приятель в Москве жив и здоров».⁷

Кроме суждения о «Ведомости...» как о сочинении самого Погодина, для которого теперь «литература на время в стороне», в письме Хомякова важен мотив, совпадающий с начальными строками пушкинского письма. Пушкин узнает о том, что Погодин жив и не покинул старой столицы, из «Московских ведомостей», Хомяков знает то же из «холерного бюллетеня».

⁶ Речь идет о «Московском вестнике», издававшемся М. П. Погодиным.

⁷ Цит. по кн.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды Погодина. СПб., 1889, кн. III, с. 207—208.

Сам Погодин понимает свое редакторское участие в «Ведомости о состоянии города Москвы» как работу авторскую, сочинительскую, о чем свидетельствует приводимое его биографом письмо к С. П. Шевыреву: «Я с 21 сентября по уши в ведомостях и рапортах. Наконец дожил я до такого сочинения, — расмейся — которое раздается обывателям бездежно».⁸ Тот же биограф свидетельствует, что погодинские «холерные бюллетени» сделались осенью 1830 г. таким же предметом общего внимания, как афишки Ростопчина в 1812 г.⁹

Знал ли Пушкин о погодинских бюллетенях? Читал ли их? Несомненно, знал и читал. Свидетельством тому хотя бы его письмо Н. С. Алексееву из Москвы в Бухарест от 26 декабря 1830 г. К этому письму родственник Алексеева С. Д. Киселев делает такую приписку: «Писать мне в одном письме с Пушкиным, конечно, есть преступление, но зато ты легко можешь разделить его на два листка. — Немало мне стоило труда заставить его писать, и то, мне кажется, он забыл, что пишет в Бухарест, а не в Кишинев! —

Холера у нас продолжается, но уже гораздо слабее. К брату посылаю дневную ведомость, из коей можешь видеть общий итог: в числе умерших двое Офросимовых, а прочие ни для тебя, ни для меня не интересны» (XIV, 136).

Таким образом, погодинская ежедневная «холерная ведомость» приложена к совместному посланию Пушкина и Киселева; в Бухарест она путешествует в одном пакете с пушкинским письмом. У Киселева нет причин скрывать от Пушкина это вложение. Соображение о знакомстве поэта с «Ведомостью...» обретает здесь вполне конкретные черты.

Обращение же к тексту самого бюллетеня позволяет сделать несколько существенных уточнений к общепринятым комментариям. Например, Б. Л. Модзалевский явно не имел в своем распоряжении погодинского издания, когда в комментарии к приведенному месту приписки Киселева отметил: «С. Д. Киселев посылал брату, без сомнения, последнюю выходящую тогда (под редакцией М. П. Погодина) „Ведомость о состоянии города Москвы“».¹⁰ Но Пушкин и Киселев отправляют свое письмо 26 декабря, а о печальной судьбе семьи Офросимовых «Ведомость...» сообщила 13 ноября (№ 52), т. е. на месяц раньше. Значит, С. Д. Киселев вкладывает в пакет не последнюю «Ведомость...», как думал Модзалевский, а просто номер, в котором есть сведения о людях, близких Алексееву и Киселевым.

Текст заметки об Офросимовых заслуживает того, чтобы привести его полностью, тем более что он явно написан пером литератора (наверняка Погодина) и едва ли не читан Пушкиным:

«В ведомости описаны были многие подвиги соотечественников, достойные общего почтения, общей признательности. Вот еще один, который может украшать источник добродетели. В. П. Офросимов прошедшего 15-го октября занемог холерою; сестра его Елена Павловна не отходила ни на

⁸ Там же, с. 203—204.

⁹ Там же.

¹⁰ Пушкин. Письма, т. II, с. 499. На ошибку Б. Л. Модзалевского в датировке другого номера «Ведомости...» уже указывалось в литературе, см.: Гукасова А. Г. Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. М., 1973, с. 60 (примечание).

минуту от его постели во время сильнейших припадков; сама исполняла над ним все предписания врачебные, усаждая горькие минуты сердечным, деятельным участием. Но богу не угодно было, чтобы помощь имела спасительное действие: больной скончался; те же нежные попечения она обратила на несчастную вдову его. Напрасно друзья, видя ее почти без сил, старались остановить ее рвение. Забыв себя, она думала только о своих близких: „Я видел ее после несчастья тотчас“, пишет один из ее знакомых к другому брату ее, „умолял ее именем твоим побережься; но ангел этот мне отвечал: «могу ли я беречь себя, когда в той комнате несчастная вдова, которую умирающий мне и Александру препоручил? Как я ее оставлю?»“. На другой день она сделалась жертвою своего усердия. Кто не почтет усопшей слезою горести? Но для такой души не лучше ли место — небеса.

Этот короткий реквием трогает и сегодня, полтора века спустя. Но заметка интересна и в другом отношении. В 17-м (справочном) томе к «Большому» академическому собранию сочинений Пушкина указатель имен дает глухое «двое Офросимовых» и странице с киселевской припиской к пушкинскому письму (XVII, 321). Теперь можно сказать, о ком идет речь: это — погибшие от холеры брат и сестра Владимир Павлович и Елена Павловна и оставшийся в живых Александр Павлович.¹¹

На страницах бюллетеня немало и других имен москвичей пушкинского круга.

24 октября Погодин оповещает своих читателей: «Генерал-майор Денис Васильевич Давыдов, столько прославившийся в войну 1812 года, принял на себя должность надзирателя 20-м (холерным) участком в Московском уезде, с 14-го октября». Подобная должность, как известно, предлагалась и Пушкину в Лукояновском уезде. Но поэт, стремившийся в Москву, должен был от нее с сожалением отказаться (XIV, 130, 421).

1 декабря другой знакомец Пушкина Александр Сергеевич Ширяев, книгопродавец и первой гильдии купец, публикует в погодинской «Ведомости...» письмо, в котором сообщает о своем пожертвовании — он безвозмездно передает в холерные лечебницы целую библиотеку. Среди книг — двенадцатитомная «История государства Российского» Карамзина, басни Крылова и другие сочинения.

Среди оповещений о многочисленных жертвованиях, печатаемых мелким шрифтом, есть и такое сообщение: «В пользу временной Пречистенской больницы пожертвовано через благочинного Троицкого на Арбате священника Сергия от г-жи Екатерины Николаевны Хитрово пятьдесят аршин ткацкого полотна...». Это публикуется в «Ведомости...» от 14 октября. Интересно, что именно в арбатском доме этой жертвовательницы и, надо думать, усердной прихожанки вскоре наймет квартиру сочинитель Пушкин¹² и проведет в ней медовый месяц с молодой женой.

Но обращаясь к сообщениям «Ведомостей о состоянии города Москвы», пора вновь поставить вопрос о том, читал ли их Пушкин. Понятно: если

¹¹ Братя и сестра Офросимовы — дети знаменитой Настасьи Дмитриевны Офросимовой, послужившей близким прототипом Марьи Дмитриевны Ахросимовой из «Войны и мира» Л. Н. Толстого.

¹² См.: Романюк С. «Наша мле на Арбат в дом Хитровой». — Наука и жизнь, 1979, № 6, с. 111—113.

Пушкин их читал и знал, то цена этим сообщениям одна, если нет, то другая. Теперь пора сообщить главное: все до единой «Ведомости о состоянии города Москвы» были перепечатаны газетой «Московские ведомости». «Холерная ведомость» № 1 от 23 сентября появилась в газете «Московские ведомости» четырьмя днями позднее — 27 сентября. С этого времени газета регулярно — без единого пропуска — публикует все погодинские бюллетени.

Как уже говорилось, бюллетени выходят ежедневно, а «Московские ведомости» — два раза в неделю. Поэтому в каждом номере большой газеты печатаются, как правило, три или четыре «Ведомости о состоянии города Москвы». При сверке текстов отдельных оттисков бюллетеня с текстами перепечаток в «Московских ведомостях» никаких существенных расхождений не обнаружено; в газете помещены полные тексты — от заголовков с датами и номерами выпусков и до подписей Погодина и доктора Маркуса.

Это обстоятельство становится решающим в ходе наших наблюдений. Ведь первая же фраза из письма Пушкина к Погодину наполняется вполне ясным и новым смыслом: «Из Моск.овских Ведомостей, единственного журнала, доходящего до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петрович, что вы не оставили Матушки нашей» (XIV, 121), т. е. Москвы.

Это написано не ранее конца октября. Но в «Московских ведомостях», просмотренных с конца сентября до начала ноября 1830 г., не оказалось ни одного упоминания о Погодине за исключением регулярно повторяющейся его подписи под перепечатками бюллетеня. В каждом номере «Московских ведомостей» эта подпись фигурирует три-четыре раза. Таким образом, как показывает фраза в письме: «Из Моск.овских Ведомостей... вижу», Пушкин мог узнать, что Погодин не покинул старой столицы, только на основании знакомства с бюллетенями, перепечатанными газетой, единственным, как мы помним, периодическим изданием («журналом»), который до него доходит.

Следовательно, в составе «Московских ведомостей» Пушкин в сентябре—октябре читает погодинскую «Ведомость о состоянии города Москвы»: в погодинском бюллетене содержатся самые важные для Пушкина новости — об эпидемии в Москве, о карантинах, о действиях властей в борьбе с холерой и т. д. Нетрудно догадаться, с каким волнением пробегает Пушкин строки «холерной ведомости». Скажем, сегодня Погодин печатает сообщение о смерти девицы Офросимовой. А что, если завтра в этом же зловещем отделе появится имя другой московской благородной девицы — Натальи Гончаровой? Теперь ясно, с каким чередованием ужаса и облегчения читает Пушкин погодинские листки...

Но что же нового дает «Ведомость о состоянии города Москвы» для понимания стихотворения «Герой»?

Мы помним, что в стихотворении есть намек на приезд Николая I в холерную Москву, намек, выраженный в условной дате и топониме, выставленных под стихами: «29 сентября 1830 Москва». В этой связи важно знать, как погодинский листок и в целом «Московские ведомости» отражают событие такой первостепенной для того времени важности. В «Московских ведомостях» (напомним: единственной газете, которую читает Пушкин) в номере от 1 октября есть только краткое, но помещенное на видном месте уведомление: «Москва. Его величество государь импера-

тор изволил прибыть из С.-Петербурга в сию столицу 29 сентября в 11 часу по полуночи».

И погодинский листок, и «Московские ведомости» вслед за ним подробно описывают столичную жизнь, «осчастливленную» высочайшим присутствием; сменяют друг друга молебствия, аудиенции, повеления и т. д. Из «Ведомости о состоянии города Москвы» № 9 от 1 октября Пушкин мог узнать и новость, определившую весь его быт на два ближайших месяца. Вот что «Московские ведомости» перепечатают 4 октября из погодинского листка: «Государь император в дополнение принятых уже доселе мер к скорейшему прекращению заразительной болезни холеры в Москве соизволил признать нужным, чтоб сия столица с 1-го октября на некоторое время была оцеплена и никто из оной выпускаем, а равно и выпускаем в оную не был, кроме следующих с жизненными и другими припасами».

Заметим попутно, что от этого сообщения берут начало все выраженные письменно тревоги Пушкина о Наталье Николаевне. Когда из письма отца, Сергея Львовича, он узнал, что семейство Гончаровых еще 9 октября было в Москве (XIV, 120, 412), то ему стало ясно: выезд из столицы закрыт с 1 октября, и таким образом Наталья Николаевна осталась в городе, охваченном эпидемией.

Царь пробыл в Москве больше недели и 7 октября уехал в Петербург. Отклик Погодина на это событие в «Ведомости...» от 9 октября и есть, по нашему мнению, ключ к решению вопросов, поставленных нами вначале. Вот он:

«Итак неделя, которую уделил он (т. е. царь, — В. Л.) для Москвы от важных, многотрудных своих занятий, особенно по нынешнему политическому состоянию Европы, призывающему непрерывно все его внимание, не пропадет для его истории. Москвитяне будут помнить ее долго, отцы с сердечною признательностью расскажут детям об этой чистой жертве, принесенной им на олтарь отечества, и она дойдет до потомства скорее многих побед, торжеств и завоеваний».

Нетрудно заметить: здесь прозаическая параллель одному из главных мотивов пушкинского «Героя». Ведь в погодинском листке подчеркнуто сравнивается приезд государя в холерный город с множеством «побед, торжеств и завоеваний». И это сравнение — в пользу «чистой жертвы», перевешивающей политические и военные достижения, т. е. именно то, что Поэт отвечает на вопрос Друга.

Конечно, не надо понимать историю создания «Героя» упрощенно: Пушкин, мол, читает погодинскую апологию царю и перекладывает ее стихами. Дело обстоит сложнее, хотя бы уже потому, что сравнение разных деяний монарха вовсе не единственный и не основной смысл стихотворения. Но чтение похвального слова Погодина могло стать исходной точкой пушкинских размышлений, ведущих в конце концов к строкам «Героя».

В этом убеждают и простые хронологические выкладки. Погодин печатает свои суждения о «чистой жертве» 9 октября в листке. 11 октября они перепечатаны в «Московских ведомостях». Добавим несколько дней — даже неделю — на преодоление почтой карантин. Примерно 18—20 октября Пушкин уже может читать номер «Московских ведомостей» от 11 октября. В конце октября он посылает «Героя» в Москву Погодину. Погодин

получает стихотворение 8 ноября при письме.¹³ Тут простая и непротиворечивая последовательность событий. По связи с письмом Пушкина к Погодину написание «Героя» всегда датировалось временем не позднее конца октября. Теперь можно положить и другой хронологический предел: не ранее 11 октября, когда вышли «Московские ведомости» с погодинским текстом.

Становится понятным и исключительное доверие, оказанное Пушкиным Погодину, которому открывается в письме авторство «Героя», т. е. то, что даже Дельвигу Пушкин открывать не хочет. У Погодина в этом случае преимущество свидетеля и участника трагических событий. Оставшись в холерной Москве, он тоже по-своему «руку жмет чуме / И в погибающем уме / Рождает бодрость». В понимании Пушкина деятельность Погодина в Москве, охваченной холерой, должна была перевешивать все заслуги литератора на поприще изящной словесности. То же замечает в своем уже приведенном письме Хомяков: для Погодина «литература на время в стороне, дело не до нее». Перед лицом национального бедствия явно отступают на второй план привычные мотивы поведения, устоявшиеся прежде отношения между людьми, литературные пристрастия. Отсюда и особое доверие Пушкина к Погодину, который был своего рода связующим звеном между поэтом и страдающей Москвой.

Прочитав рассуждение Погодина о поступке государя, который выше «побед, торжеств и завоеваний», Пушкин услышал здесь мотив, оказавшийся ему очень близким. Он пишет «Героя» и, конечно же, ясно понимает, что в реальных обстоятельствах народного бедствия это стихотворение не должно быть в обыкновенном ряду сочинений словесности — «литература на время в стороне». Стихотворение становится не только литературным фактом, но фактом жизни, свидетельствующим об участии поэта в общих испытаниях. Напоминая властям о нравственных ценностях, Пушкин исполняет свой долг «среди граждан», вносит свой вклад в то, что Погодин называет «летописью добродетели».

Здесь же, как нам кажется, надо искать причины, почему Пушкин просит напечатать «Героя» где угодно, хотя бы и в «Московских ведомостях». В разгар трагических событий ему мало дела до литературных амбиций — важно только, чтобы стихи были опубликованы скорее. И лучше всего именно в Москве, пораженной болезнью. Но на худой конец, «если московская цензура не пропустит», можно отослать и в Петербург к Дельвигу.

При этом у Пушкина, по-видимому, есть ощущение, что именно в Москве цензура должна пропустить «Героя». Вот ведь мотив сравнения разных деяний царя прошел у Погодина дважды — один раз в «холерном листке», а другой раз в тех же «Московских ведомостях». В дни настоящей беды цензура меньше озабочена отыскиванием мнимых опасностей. Если у Пушкина действительно был такой расчет, то он оказался правильным: «Герой» увидел свет как раз в Москве, хотя и на исходе холерной эпидемии.

Упоминая «Московские ведомости» как возможное место для помещения стихотворения, Пушкин в какой-то мере учитывает и собственную,

¹³ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 21.

личную ситуацию. Ему нетрудно представить себе таких же, как он, обранных читателей, разбросанных по среднерусским усадьбам и отгороженных от всего мира карантинными. До многих из них тоже доходит единственный «журнал» — «Московские ведомости». Значит, стихи, помещенные здесь, скорее, чем в любом другом издании, найдут читателей.

Осталось понять, почему Погодин не напечатал «Героя» сам, как просил его Пушкин. Объяснить это, кажется, нетрудно. Мы помним признание Погодина в его письме к Шевыреву — он занят только «холерной ведомостью», до собственного издания, т. е. до «Московского вестника», руки не доходят.

Возможен и совсем простой ход событий. Погодин получает «Героя» по почте 8 ноября и в следующем месяце просто не успевает этим стихотворением распорядиться. В начале декабря Пушкин возвращается в Москву, и Погодин может отдать «Героя» в «Телескоп» Надеждину уже с соизволения автора...

Между анонимной публикацией «Героя» и гибелью Пушкина проходит ровно шесть лет. За все это время Пушкин не печатает и не поправляет текст «Героя» — во всяком случае никаких свидетельств об этом нет. Погодин надежно хранит известный ему секрет авторства.

Только однажды Пушкин набрасывает несколько слов, близких по смыслу к погодинской апологии царю из «холерного листка». В статье «Путешествие из Москвы в Петербург», написанной от имени независимого московского боярина, есть такое место: «Ныне царствующий император чаще других государей удостаивает Москву своим посещением (...). Неожиданный его приезд в 1830 году, во время появления холеры, принадлежит истории» (XI, 239).

Но и эти строки Пушкин вымарает, перебеливая статью для печати. На дворе уже не 1830-й год, надежды Пушкина на Николая I как на реформатора, на нового Петра Великого, давно исчезли. Даже от имени симпатичного ему друга-повествователя Пушкин не станет теперь, в середине десятилетия, поминать лестный для царя исторический эпизод.

А со стихотворением «Герой» произошло то, что часто происходит с великими произведениями искусства. Написанное по конкретному, сегодняшнему поводу, оно утратило связь с повседневностью осени 1830 г. и осталось высочайшим образцом русской и мировой философской лирики.

В. С. Листов

ТРИ СТРОКИ ДНЕВНИКА ПУШКИНА

Он был титулярный советник...

31 декабря 1833 г. титулярному советнику Александру Пушкину (лицо 9-го класса по «Табели о рангах») было пожаловано придворное звание камер-юнкера.¹

¹ С.-Петербургские ведомости, 1834, 3 января, № 4, с. 4; Северная пчела, 1834, 3 января, № 2, с. 5, и др.

Поэт, которому шел в это время 35-й год, воспринял это назначение с нескрываемым раздражением. «Третьего дня, — записывает он в дневнике 1 января 1834 г., — я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове» (XII, 318). Когда великий князь Михаил Павлович поздравил Пушкина с этим назначением, он отделался шуткой (дневник 7 января 1834 г., XII, 319). Царь при ближайшей встрече с поэтом на балу у гр. Бобринского 17 января его не поздравил, и Пушкин, нарушая этикет и традицию, «ве благодарил его» (там же). Только 8 апреля 1834 г. Пушкин представлялся императрице Александре Федоровне и, как сказано в ее камер-фурьерском журнале, «благод[арил] за пожалование» в это звание».²

В письмах поэта не раз проскальзывают ирония и прямое недовольство этим новым своим положением; о том же свидетельствуют и мемуаристы. Н. М. Смирнов (муж бывшей фрейлины А. О. Россет) писал: «... это его взбесило, ибо сие звание точно было неприлично для человека 34 лет, и оно тем более его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтобы иметь повод приглашать ко двору его жену».³ Брат поэта Лев Сергеевич 4 января 1834 г. в письме к М. В. Юзефовичу писал: «... брат (...) только что ни с того ни с сего и совершенно неожиданно произведен в камер-юнкеры».⁴

Новый камер-юнкер успел попасть в «Месяцеслов и общий штат Российской империи» на 1834 г.⁵ Имя Пушкина стоит в конце списка, составленного, как видно, в порядке старшинства присуждения звания.

Количество камер-юнкеров не было в это время регламентировано какими-либо специальными постановлениями. Реформой 1801 г., однако, было установлено, что это звание является знаком монаршего внимания, и от носителя его требовалось пребывание (хотя бы номинальное) на службе — коронной или сословной; впрочем, это далеко не всегда соблюдалось. Несколько позже общее число камер-юнкеров было сокращено; запретили представлять к пожалованию в это звание чиновников ниже титулярного советника. Но на три года раньше такого закона не существовало, хотя этот обычай считался более или менее обязательным. Отметим, что в «Табели о рангах» вообще почти не указано соответствие того или иного гражданского чина придворному ведомству. Только высшие чины его (обер-камергеры, обер-гофмаршалы, обер-церемониймейстеры и др.) были приравнены ко второму и третьему классам (тайный и действительный тайный советники). Девятый класс, в котором в это время состоял Пушкин, был невысокий, но все же старший из обер-офицерских чинов, соответствующий капитану военного ведомства.

---

² Дневник Пушкина, 1833—1836. М.; Пг., 1923, с. 135—136 (примечания Б. Л. Модзалевского).

³ Смирнов Н. М. Из памятных заметок. — Русский архив, 1882, № 2, с. 239.

⁴ Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982, т. X, с. 339 (подлинник по-французски).

⁵ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1834 год. СПб., 1834, ч. 1, с. 24. Тот же список см. в издании: Придворный календарь. 1835, СПб., 1835, с. 57—71.

Рассмотрим список 161 камер-юнкера 1834 г., невольных товарищей Пушкина по придворному ведомству в течение последних трех лет его жизни. Следует отметить оперативность составителей: в «Месяцеслове» на 1834 г. он в списках уже значится, хотя прошло только трое суток со дня его пожалования; из «Месяцеслова» на 1837 г. его успели своевременно исключить — со времени смерти поэта прошло всего 29 дней.

Диапазон представленных на восьми страницах «Месяцеслова» чинов камер-юнкеров очень велик (сходно и в соседствующие годы). Мы находим в нем представителей восьми из двенадцати классов (два чина, 13-й и 11-й, — корабельный секретарь и провинциальный секретарь — уже давно не давались). В этом списке находим лиц от пятого (так сказать серединного) и до последнего, четырнадцатого класса (коллежского регистратора) — им числился (притом «в отпуску») граф Мстислав Потоцкий! В пятом классе (статского советника) состояли только двое — правитель канцелярии департамента разных податей и сборов министерства финансов П. И. Дубенский и состоявший за обер-прокурорским столом в 3-м департаменте Сената М. С. Барцов.

Амплитуда занимаемых должностей тоже была достаточно велика. Так, например, около десяти человек служили в министерстве иностранных дел актуариусами и протоколитами — это была служебная мелюзга, а на другом конце были одиннадцать уездных предводителей дворянства — должность выборная, не очень обременительная, но почетная.

Наиболее многочисленные группы среди камер-юнкеров составляли сорок два (26 %) титулярных советника и тридцать три (21 %) коллежских асессора; свыше восемнадцати человек (11 %) — чинов вообще не имели. Остальные чины (коллежского советника, надворного советника, коллежского секретаря и губернского секретаря) представлены в списке незначительно — от шести до девяти человек.

Если классный состав камер-юнкеров был невысок, то он существенно компенсировался исключительным уровнем дворянского ценза. Мы находим здесь самые аристократические и родовитые имена, какие только можно себе представить в России тех лет. Назову для примера: гр. Бобринский, кн. Волконский, кн. Гагарин, кн. Голицын, кн. Долгоруков, бар. Иксуль, бар. Корф, кн. Кочубей, гр. Голенищев-Кутузов, светл. кн. Ливен, бар. Медем, кн. Мецкерский, кн. Оболенский, кн. Одоевский, кн. Понятовский, гр. Потоцкий, кн. Репнин, кн. Италийский — граф Суворов-Рымникский, гр. Толстой, кн. Трубецкой и др. Во всяком случае для Пушкина никаких оснований быть травмированным с этой стороны не найти: его шестисотлетнее дворянство соседями по камер-юнкерскому корпусу унижено не было. Единственный, кто в нем усомнился, был чиновник, составлявший «Послужной список титулярного советника в звании камер-юнкера Александра Пушкина». В графе «Из какого звания происходит» написано: «Из дворян. О сем ожидается доказательство»!⁶

Из 161 камер-юнкера, конечно, далеко не все были связаны с ненавистными Пушкину придворными явками, соблюдением этикета и другими

---

⁶ См. «Формулярные списки о службе камергеров и камер-юнкеров 1833 г.»: Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 469, оп. 1, дело № 226, л. 886 об.—887.

формальностями. Некоторые были хронически больны, числились в длительном (понимай— вечном) отпуску, иные состояли в посольствах и миссиях за границей, другие значились по Царству Польскому, Финляндской канцелярии, на Кавказе, в Курляндии, при том или ином губернаторе — все они не жили постоянно в столице; целый ряд камер-юнкеров занимали должности уездных предводителей дворянства в разных губерниях и в Петербурге бывали только изредка. Трудно сказать, сколько именно камер-юнкеров были в 1834—1836 гг. реально связаны со двором — едва ли больше половины. Во всяком случае разнообразие чинов камер-юнкерского корпуса несколько снижало унизительность пребывания титулярного советника Пушкина в их числе.

К сожалению, у нас нет полных сведений о возрастном составе сорока трех титулярных советников — камер-юнкеров 1834 г. С помощью самых разнообразных источников — некрополей, энциклопедических и иных словарей, данных картотеки Б. Л. Модзалевского в Пушкинском Доме Академии наук СССР, а главное огромного собрания формулярных списков 1833—1834 гг. в Центральном гос. историческом архиве (ф. 469, оп. 1, дела № 226 и 228), любезно указанных мне С. И. Вареховой и В. Э. Боградом (за что приношу им самую сердечную благодарность), удалось определить даты рождения тридцати шести (86 %) камер-юнкеров и лишь семь (14 %) остались неустановленными.

Эти тридцать шесть камер-юнкеров, являющихся титулярными советниками, распределяются по возрасту следующим образом. Считая и Пушкина, тринадцать (36 %) родились в период 1791—1799 гг., а двадцать три (54 %) — в 1801—1812 гг.; из них только девять (21 %), родившихся после 1805 г., Пушкин мог считать гораздо моложе себя.

Можно условно считать, что из семи человек, чьи даты рождения нами не установлены, человека три были старше Пушкина или одного с ним возраста, человека четыре моложе.

В таком случае, не боясь сколько-нибудь серьезно ошибиться, можно предположить, что общий итог (не считая Пушкина) был таков: пятнадцать человек — сверстники поэта и лица старше его, двадцать семь моложе, из них двенадцать гораздо моложе. Эти двадцать семь и могли дать поэту основание для раздражения.

Главная же причина обиды заключалась, однако, не в том, что поэт оказался в обществе людей более молодых, чем он, — он ясно видел, что звание камер-юнкера было ему пожаловано в несоответствии с его возрастом — обычно оно давалось в гораздо более молодые годы. Так, В. В. Кочубей стал камер-юнкером в 16 лет, П. А. Вяземский — в 18 лет, С. А. Долгоруков — в 19, А. Д. Салтыков — в 20, Ф. И. Тютчев — в 22 года, Г. Г. Гагарин и А. Г. Политковский — в 23, Н. Ф. Ремер — в 28 лет, и т. д.⁷

---

⁷ Кажется, до сих пор не было отмечено, что среди сорока трех камер-юнкеров одновременно с Пушкиным числились еще два замечательных русских писателя. Один из них — надворный советник В. Ф. Одоевский, который был моложе Пушкина на четыре года; через три года он стал камергером. Другой — коллежский ассессор Ф. И. Тютчев; он был моложе Пушкина тоже на четыре года и 1834 год был для него последним годом пребывания в этом звании; уже в следующем году он стал камергером. Оба, как видам, обогнали поэта, в течение трех ближайших лет не

У нас есть частичная возможность (с помощью названных выше материалов, в особенности же формулярных списков) определить, в каком именно возрасте тот или иной камер-юнкер, имевший это звание в 1834 г., его получил. Сведения нашлись для 82 из 161 камер-юнкера, другими словами, ровно для половины.

Эти 82 камер-юнкера дают двадцать два возрастных варианта, т. е. очень рассеянную и невыразительную картину. Результаты подсчетов можно резюмировать так: наибольшая группа — одиннадцать человек (13 %) стали камер-юнкерами в 22 года, девять человек (11 %) — в 16 лет, восемь человек (9 %) — в 17 лет, семь человек (8 %) — в двадцать пять лет. В «пушкинском» возрасте — в 34 и 35 лет — камер-юнкерами стали только по одному человеку. Удвоив все эти данные, мы, вероятно, получим достаточно верную и репрезентативную картину. Камер-юнкерами становились от 16 до 39 лет, но основная масса стала ими в возрасте от 20 до 25 лет. Пушкин, стало быть, имел все основания считать себя обиженным. Он был единственный, кому оно было дано в половине четвертого десятка лет его жизни. Это и вызвало нескрываемое раздражение поэта; он не знал тех подсчетов, какие мы можем произвести сегодня, но ясно и верно представлял себе общую картину.

Пушкин не был самым старшим по возрасту среди камер-юнкеров 1834 г.: были и сорокалетние и даже сорокачетырехлетние.⁸

На основании доступных мне материалов удалось определить даты рождения 100 из 161 камер-юнкера этого года, т. е. 62 % всего состава. Оказалось, что в списке представлены двадцать четыре возрастных варианта — от 1790 и до 1814 г. рождения. Основная группа, тридцать пять человек, родилась в 1806—1810 гг. Старше Пушкина было двадцать три человека, родившихся в 1790—1798 гг. Но зато моложе поэта были шестьдесят девять человек, т. е. в три раза больше. Пушкин не мог не заметить, что он находится в группе людей гораздо более молодых. Поэт считал, что звание дано ему за красоту жены, понимал, что оно потребует новых непомерных расходов и неизбежно вызовет гораздо более близкое и частое общение с высшим светом, которого он все более и более сторонился.

Новейший исследователь совершенно справедливо замечает, что это «звание ставило его в самый низ иерархии придворных чинов и званий, что, конечно, было унижительно».⁹

Чиновная «карьера» великого поэта представляется в следующем виде. При окончании Лицея Пушкину был присвоен чин коллежского секретаря (десятого класса).

продвинувшегося ни на один класс в чиновной иерархии — это меньше входило в его планы; попытка вовсе освободиться от этой кабалы окончилась в июне 1834 г. всем известной неудачей.

⁸ Некоторым преувеличением является предположение Ю. М. Лотмана, что «камер-юнкеры все были почти мальчики по возрасту» (Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: Пособие для учащихся. Л., 1982, с. 214).

⁹ Шепелев Л. Е. Отмененные истории: Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977, с. 123.

С этим же чином Пушкин пробыл пять лет на юге, без всякого повышения, хотя в других случаях даже формальное пребывание на службе вело к получению очередных чинов «Табели о рангах». Обычный интервал между чинами составлял при благоприятной аттестации начальства от трех до четырех лет. Сколько-нибудь твердых возрастных норм для получения того или иного чина не было.

Напомню, что 22 мая 1824 г. Пушкин писал правителю канцелярии Воронцова А. И. Казначееву: «...чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался от всех выгод службы и от всякой надежды на дальнейшие успехи в оной» (XIII, 93).

Еще выразительнее Пушкин вскоре высказался на ту же тему в письме к А. И. Тургеневу 14 июля 1824 г.: «Воронцов» видел во мне коллежского секретаря, а я признаюсь, думаю о себе что-то другое» (XIII, 103). Замечу, кстати, что адресат сам был действительный статский советник и состоял в 1819 г. в звании камергера, но с 1824 г. числился в отпуску.

8 июля 1824 г. Пушкин был «уволен вовсе от службы <...> без награждения чином»,¹⁰ как это было принято при отставке. Но поэт был не просто уволен, а сослан. Само собою разумеется, что в Михайловском в 1824—1826 гг. продвижение не могло иметь места.

После вызова в Москву, в беседе с Николаем I 8 сентября 1826 г., вопрос о службе не поднимался и, стало быть, никакого разговора о чине не могло быть.

Так продолжалось еще пять с половиною лет, когда произошло существенное изменение положения поэта. В письме к Бенкендорфу 16 апреля 1830 г. читаем: «...окончив лицей в 1817 году с чином 10-го класса, я так и не получил двух чинов, следуемых мне по праву, так как начальники мож обходили меня при представлении, я же не считал нужным напоминать о себе» (XIV, 406, подлинник по-французски). Однако эти строки ничего не изменили.

Только через полтора года, 14 ноября 1831 г., Пушкин был определен тем же чином в ведомство государственной коллегии иностранных дел министерства иностранных дел, а 6 декабря того же года он был произведен в следующи й чин титулярного советника. За пятнадцать лет поэт продвинулся на один чин! Намек о возможности возвышения сразу на два чина (в коллежские асессоры с перспективой камергера) был обойден. В практике служебного чинопроизводства такого рода скачки, однако, встречались.

Следует иметь в виду, что камергерский корпус (143 человека) в 1834 г. состоял из тридцати двух коллежских советников, тридцати трех статских советников, сорока действительных статских советников. Другие чины (четыренадцать человек их вовсе не имели) представлены небольшими дифрами — десять коллежских асессоров и двенадцать надворных советников. В равном Пушкину чине титулярного советника состоял только один человек — гр. П. С. Толстой. Ниже его был коллежский секретарь —

---

¹⁰ См.: Гастфрейд Н. Пушкин. Документы государственного и С.-Петербургского архива министерства иностранных дел, относящиеся к службе его в 1831—1837 гг. СПб., 1900, с. 2.

отставной поручик польских войск Ф. И. Джирбицкий. Таким образом, претендовать на звание камергера Пушкин по своему положению, по правилам и традициям никак не мог.

29 января 1837 г. экзекутор министерства иностранных дел сверхоперативно известил хозяйственный департамент того же министерства о том, что Пушкин «сего числа, после кратковременной болезни, умер».¹¹ Дело в том, что слово «дуэль» нельзя было употреблять в официальных бумагах (ибо дуэль была официально запрещена).

Эвфемизмом «кратковременная болезнь» завершается летопись «чиновной карьеры» титулярного советника и камер-юнкера, которого П. А. Вяземский назвал «обер-камергером наших поэтов при лучезарнейшем дворе Феба».¹²

Таков реальный комментарий к короткой записи в дневнике Пушкина.

С. А. Рейсер

КНИГИ А. В. ЗРАЖЕВСКОЙ В ПУШКИНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Среди книг, зафиксированных в библиотеке великого поэта, есть сочинения и переводы А. В. Зражевской (1805—1867).¹ В наши дни имя этой писательницы забыто, но в середине 1830—1840-х годов оно встречалось практически во всех литературных журналах. «Зражевская бесспорно заслуживала больше внимания как одна из немногих русских женщин 30-х и 40-х гг., дерзнувших вступить на тернистый путь литературной деятельности при самых тяжелых условиях», — так оценивался творческий путь писательницы в единственном ее биографическом очерке.²

Зражевская написала книгу «Картины дружеских связей» (СПб., 1833); кроме того, известны ее переводы следующих произведений: «Лорнет» Д. Жирарден (СПб., 1834), «Созерцательная жизнь Лудвига Ламберта» О. Бальзака (СПб., 1835), «Девушка де Марсан» Ш. Нодье (СПб., 1836), «Пустынный Чимборасский» Ж.-Б. Шампаньяка (СПб., 1838), «Три повести г-жи Рэбо» (СПб., 1841), «Очерк новой итальянской литературы» Ф. Прадди (СПб., 1841), «Осень 1812 г. в Москве» С. Фюза (СПб., 1842). Ее перу принадлежали также статьи о русско-французских научных связях, пользе соляных источников в Старой Руссе, о женщинах-писательницах. Незавершенным остался роман «Женский век» — в конце 1840-х годов Зражевская тяжело заболела и впоследствии не принимала никакого участия в литературной жизни. Творческая биография писательницы еще ждет своего открытия.

¹¹ Там же, с. 55.

¹² Русский архив, 1868, стб. 637.

¹ Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX—X, с. 4, 42, 69.

² Русский биографический словарь (Жабокритский—Зяловский). СПб., 1916, с. 496.

Как же попали в пушкинскую библиотеку книги писательницы и что это были за книги? В 1952 г. в очередном выпуске «Литературного наследства» было опубликовано письмо Зражевской к другу поэта П. А. Вяземскому. «Если бы Вы знали, князь, нетерпение мое получить ответ Ваш и узнать об участи моих блаженных малюток, которых Вы так приглубили и обещали подвести под благославление нашего Архи-поэта», — писала Зражевская.³ Вяземский выполнил просьбу начинающей писательницы и передал книги Пушкину. В небольшом комментарии, сопровождаемом публикацией, письмо датируется 1834—1836 гг., а также сообщается о двух книгах Зражевской в библиотеке поэта — ее сочинении «Картины дружеских связей» и переводе романа популярной в те годы французской писательницы, сверстницы переводчицы Д. Жирарден — «Лорнет». Однако при просмотре каталога пушкинской библиотеки выяснилось, что здесь зафиксированы еще две переведенные ею книги французских авторов — О. Бальзака и Ш. Нодье.

Известно, какой пристальный интерес испытывал Пушкин к творчеству Бальзака. Поэт, работая над «Пиковой дамой», неоднократно обращаясь к произведениям французского писателя — «Красная гостиница», «Шагреновая кожа» и особенно «Луи Ламберт».⁴ Известный пушкинист Н. О. Лернер, отмечая значительное влияние Бальзака на «Пиковую даму», писал, что при сравнении повести поэта и произведений Бальзака «заметно немало сходства и в фантастике сюжетов, и в характерах героев, и в положениях».⁵ Поэтому можно представить, с каким интересом отпесся Пушкин к переводу и выходу в свет «Созерцательной жизни Лудвига Ламберта». Эта книга получила высокую оценку русской критики. Так, Н. А. Полевой, разбирая ее, отмечал мастерство перевода, «который в самом деле обнаруживает в ней (писательнице, — М. Ф.) прекрасное дарование и хороший вкус».⁶

Автор другого романа — «Девушка де Марсан», историк, журналист, естествоиспытатель, один из ведущих французских романтиков Ш. Нодье также входил в круг западноевропейских писателей, которые особенно интересовали Пушкина. Еще в 1830 г. поэт опубликовал, в «Литературной газете» (№ 55) рецензию на сочинение Нодье «История о Богемском короле и его семи замках». Эта книга, как писал впоследствии Н. О. Лернер, заставила Пушкина взяться «за перо, и он воспользовался случаем высказать свое отношение и к самой школе французских романтиков, и к ее крайностям».⁷

Все книги, подаренные Зражевской поэту, были прочитаны Пушкиным. Это подтверждают и пометы «разрезано», сопровождающие издания в каталоге библиотеки. Неизвестно только, был ли Пушкин лично знаком с молодой писательницей. Данных, подтверждающих это, нет. Из письма

³ Литературное наследство. М., 1952, т. 58, с. 113.

⁴ Тамарченко Н. Д. Пушкин и неистовые романтики. — В кн.: Из истории русской и зарубежной литературы XI—XX вв. Кемерово, 1973, с. 58—77.

⁵ Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929, с. 142.

⁶ Библиотека для чтения, 1836, т. 14, отд. 6, с. 48.

⁷ Лернер Н. О. Пушкин и футуризм. — Северные записки, 1914, № 1, с. 99.

Зражевской к Вяземскому видно, с каким почитанием и глубоким уважением относилась она к творчеству «Архи-поэта». Несомненно также факт пушкинского влияния на ранние литературные опыты писательницы. Так, читая «Картины дружеских связей», невольно вспоминаешь «энциклопедию русской жизни» — «Евгения Онегина». Даже героиню произведения Зражевской зовут Татьяной.

М. Ш. Файнштейн

ПУШКИН И НИКОЛАЙ ТИТОВ

В конце 1836 г. в четвертом томе пушкинского «Современника» был опубликован прозаический отрывок «Прогулка за Балканом» без указания имени и фамилии автора.

До последнего времени не было точно известно, кто он.¹ Автором считали литератора и дипломата Владимира Павловича Титова (1807—1891),² напечатавшего еще в 1828 г. в «Северных цветах на 1829 год» повесть, причастную к имени Пушкина, — «Уединенный домик на Васильевском». А так как «Прогулка за Балканом» представляла собой главу из трехтомного романа о русско-турецкой войне 1829 г. «Неправдоподобные рассказы чичероне дель К...о», то В. П. Титова считали долгие годы творцом этого романа. Только к 1975 г. розыски помогли выявить подлинного автора: им оказался офицер Кавказского корпуса Николай Павлович Титов (1805—1845),³ брат дипломата.

Чем могла привлечь 8-я глава из «Невероятных⁴ рассказов...» сотрудников журнала?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить такие произведения пушкинского «Современника», как «Путешествие в Арзрум» Пушкина и «Долина Ажигутай» Султана Казы-Гирея, их идейную направленность и некоторые художественные особенности.

Обратившись в «Путешествии в Арзрум» к проблеме взаимоотношений России и Кавказа и анализируя политику российского самодержавия среди народностей Востока, Пушкин, можно сказать, в каждой из глав рассматривал этот сложный комплекс человеческих и государственных отношений с позиций сторонника дворянского просветительства. Он искренне полагал, что знакомство народностей Кавказа, сравнительно недавно принявших магометанство, с христианской религией и европейской культурой обернется в перспективе более значительным и более гуманным результатом, чем тот, что приносили стране военные действия.

¹ Е. И. Рыскин, посвятивший многие годы исследованию пушкинского «Современника», еще в 1967 г. писал: «Вопрос о том, кто автор „Прогулки за Балканом“ (являющейся частью книги «Неправдоподобные рассказы чичероне дель К...о». СПб., 1837), не вполне ясен» (Рыскин Е. И. Журнал А. С. Пушкина «Современник». 1836—1837: Указатель содержания. М., 1967, с. 62).

² См., например: Краткая литературная энциклопедия. М., 1972, т. 7, с. 517.

³ См. статью В. Безъязычного «Загадочные чичероне дель К...о» в газете «Неделя» (1975, № 3, с. 8).

⁴ Так были обозначены в «Современнике» «Неправдоподобные рассказы...».

Справедливость и своевременность мыслей Пушкина убедительно подтверждал очерк Султана Казы-Гирея, помещенный в том же, первом томе «Современника», что и «Путешествие в Арзрум». Магометанин, «сын полудикого Кавказа» (XII, 25), еще в детстве воевавший против России, будучи приобщен к «роскошной образованности» (XII, 25), смог вступить в ряды русских писателей и в то же время, не утратив национальных черт, мечтал о гуманном преобразовании родного края.

К аналогичным проблемам, неоднократно привлекавшим внимание Пушкина, обращался и автор романа «Бимбаш», первого из трех томов «Неправдоподобных рассказов чичероне дель К...о».

В «Прогулке за Балканом», как и в «Путешествии в Арзрум», описаны события русско-турецкой войны 1829 г. В центре обоих произведений — момент трагического столкновения исторически отсталого государства с более развитым. Независимо друг от друга и Пушкин и Н. П. Титов запечатлели в своей прозе заключительный этап восточного кризиса 20-х годов XIX в. — поражение Османской империи.⁵ Н. П. Титов рисует восприятие русскими солдатами происходящих событий, окружающей их природы, говорит о непосредственности казаков, правдиво рассказывает о настроениях русских и турок, подмечает даже общие черты в поведении воюющих сторон. «Турецкие наездники, в разноцветных одеждах, выезжали из городских ворот отдельно и небольшими группами, как маков цвет покрывали долину перед городом. Они муштровали легких накоротке жеребцов, гарцевали, рисовались на них в отдалении, вот один, потом другой, а там и третий (и так далее) несется во весь дух на русскую цепь; сумасшедший зарежет, задавит, растопчет... Ничуть не бывало. Мусульманин из своей цепи вылетает только несколько шагов; легкий жеребец на всем скаку поворачивает крутым вольтом; наездник выхватывает длинный пистолет, живописно опрокидывается назад и игриво пускает пулю на ветер, и, довольный собою, подъезжает к своим, красуется, гарцует, беснуется и уезжает назад, ругаясь с казаками, из коих некоторые выезжают вперед; казак пригнулся к луке, крадетсья, будто его не заметят... удар нагайки, другой... лошадь на всем скаку, неверная пуля свистит из винтовки, казак оборотился, во весь дух несется к своей цепи... Эта живописная игра в бар, увеселяющая, воспламеняющая мальчика. Тут взрослые люди веселятся, играют, резвятся, пятнают друг друга пулей, острием сабли, тяжкими ранами, пленом или смертью. Удачный удар, ловкая увертка получают одобрение с обеих сторон, эта игра (не говоря об необходимых трагических случаях) радует и зрителей и участников, кои, подобно фигляру-индийцу, мечут около себя непрерывный круг острых кинжалов».⁶

Однако красота окружающего мира не согласуется с действиями людей, их убийством друг друга: «...прелестное сие место должно бы было быть свидетелем любви, согласия, а не сценой для войны, разрушения и смерти»⁷ (эти строки издатели «Современника» выделяли в отдельный

⁵ Подробно об этом см.: Шермет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.

⁶ Современник, 1836, т. IV, с. 269, 270.

⁷ Там же, с. 268.

абзац). Автор «Прогулки за Балканом» не отказывал турецким воинам ни в смелости, ни в решительности, ни во внешней привлекательности. Случалось, и не раз, что отчаянные донцы бежали от них на рысях. Однако участь кампании оказалась предрешенной, поскольку русская армия была организована на европейский манер, тогда как противостоящая ей придерживалась исторически отсталых форм; в человеческих отношениях там господствовали устарелые нормы морали, а турецкие военачальники открыто противились новым армейским порядкам.

Большая часть событий 8-й главы, как и всего первого тома, развертывалась перед читателем через восприятие их двадцатидвухлетним турком, бимбашем⁸ Осман-Беем. В свое время Осман-Бей получил «воспитание во Франции», которое «поставило его в середине между Европою и Азиею». «Утратив понятия о религии и нравственности соотчичей, он презирал их предрассудки и обычаи».⁹ Раненый в ходе боя, он остается в живых благодаря великодушию русских офицеров. Попав в госпиталь к русским, бимбаш дружит с русскими офицерами, а после заключения мира не торопится вернуться на «свои пепелища».

Факт гуманной помощи, оказанной раненому противнику, вызывал в памяти читателя сходные эпизоды. Так, Д. В. Давыдов незадолго до пригласения участвовать в «Современнике» опубликовал в «Библиотеке для чтения» «Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау». Оно содержало трогательную историю о помощи, которую оказал после Аустерлицкого боя русскому раненому, а им был юный брат Дениса Давыдова, французский поручик Серюга. А когда в ходе следующих боев этот поручик был смертельно ранен русскими, то ему последнюю помощь оказал как «вечному другу» поручик Денис Давыдов.¹⁰

О заступничестве за раненого врага сообщал и Пушкин в главе четвертой «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года»: «Из лесу вышел турок, зажимая свою рану окровавленной тряпкою. Солдаты подошли к нему с намерением приколоть, может быть, из человеколюбия».

Но это слишком меня возмутило; я заступился за бедного турку и насилу привел его изнеможенного и истекающего кровию к кучке его товарищей» (VIII, 71).

Таким образом, есть определенная переключка между «Прогулкой за Балканом» и другими материалами «Современника». Художественная ценность образа Осман-Бей заключалась в том, что он противостоял по контрасту галерее ориентальных персонажей Барона Брамбеуса (О. Сенковского), ставших известными читателю в тот же промежуток времени, но исключавших из своей духовной сути возможность идеала «великой семьи народов», что было так дорого Пушкину.

Однако возникает следующий вопрос: каким образом рукопись романа «Бимбаш» Н. П. Титова оказалась в руках Пушкина?

О Николае Павловиче Титове как о писателе и личности известно пока очень мало. В отличие от брата Владимира Павловича он не получил уни-

⁸ Бимбаш — лицо, начальствующее над тысячею воинов.

⁹ Неправдоподобные рассказы чичероне дель К...о. СПб., 1837, т. I (Бимбаш), с. 14.

¹⁰ Библиотека для чтения, СПб., 1835, т. XII, отд. III, с. 105—107.

верситетского образования, и это обстоятельство, как можно догадываться, несколько угнетало молодого человека, обладавшего немалым литературным талантом. «20-летний юноша становится прапорщиком Украинского пехотного полка, с которым принимает участие в кампании 1828—1829 гг.».¹¹ В 1831 г. Н. П. Титов оставляет военную службу и, получив чин титулярного советника, оказывается в следующем году в Тифлисе. Здесь он принимает участие в ряде военных экспедиций в Чечню и Северный Дагестан.

На Кавказе Н. П. Титов знакомится с некоторыми из сосланных декабристов, в том числе и с А. А. Бестужевым-Марлинским.

Титулярный советник охотно читал тифлисским приятелям свои сочинения, однако печататься в столичных журналах воздерживался.¹² Письма Н. П. Титова к В. Ф. Одоевскому, к которому он питал самые сердечные чувства, характеризуют его как человека, который тщательно скрывал свою причастность к литературному творчеству.

Знакомство с его письмами к В. Ф. Одоевскому за период с 1836 по 1844 г. показывает, что к второй половине 1836 г. Н. П. Титовым была закончена первая часть трилогии, т. е. «Бимбаш». В. Ф. Одоевский был, пожалуй, единственным человеком, с которым Н. П. Титов делился творческими планами. Именно Одоевскому доверил автор и рукопись романа, и ведение переговоров с издателями. В архиве В. Ф. Одоевского сохранился перебеленный вариант договора, согласно которому «автор, известный под именем Джегитова,¹³ обещает сообщаться с Плюшаром не иначе, как через третье лицо, располагающее рукописью как собственностью».¹⁴

Указание это показывает, каким образом поступила к Пушкину рукопись «Неправдоподобных рассказов чичероне дель К...о», тем более что во второй половине 1836 г. сношения Пушкина с В. Ф. Одоевским по делам «Современника» «стали особенно тесными»,¹⁵ а сам Владимир Федорович держал тогда же корректуру первого тома задуманной Титовым трилогии.

Разночтения (свыше ста!) журнального варианта и книжного, имеющие в основе своей принцип сокращения фразы, дают все основания считать, что редакторская правка 8-й главы была осуществлена Пушкиным. В. Ф. Одоевский этих изменений в «Современник» внести не мог, поскольку держал корректуру всего романа, и если бы он осуществлял журнальную правку, то не было бы отмеченных разночтений. У В. Ф. Одоевского имелось время и возможность сохранить текст идентичным, так как цензорское разрешение на IV том «Современника» было выдано 11 ноября 1836 г., а на книгу Н. П. Титова — 17 января 1837 г.

Вспомним: в очерке «Долина Ажигутай» Пушкин не пожелал пере-

---

¹¹ Безъязычный В. «Загадочные чичероне дель К...о». — Неделя, 1975, № 3 (775), с. 8.

¹² См.: Т. [Торнау Ф. Ф.]. Воспоминание о Кавказе и Грузии. — Русский вестник, М., 1869, т. 80, с. 699; Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976, с. 18.

¹³ В. Безъязычный указывает следующие псевдонимы Николая Титова: Джигитов, Джегитов, П. Глебов, Николай Пауль и др.

¹⁴ ГПБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевского), оп. 2, ед. хр. 1064.

¹⁵ Пушкин. Письма последних лет. 1834—1836. Л., 1969, с. 340.

Менить «ни одного слова» (XII, 25). В случае же с Н. П. Титовым он проявил высокую требовательность к русскому литератору, который избрал в качестве центральных героев романа представителей других племен и народностей.

О возможности личной встречи Н. П. Титова с издателем «Современника» приходится говорить весьма осмотрительно. В одном из его писем к В. Ф. Одоевскому, не имеющем даты и относящемся, судя по содержанию, к 1838—1839 гг., встречается такое признание: «Препровождаю к Вам, почтеннейший князь, пять тетрадей как к моему литературному патрону и крестному отцу, выпустившему в свет заодно с покойным Александром Сергеевичем одним болтуном больше».¹⁶

Содержание письма подтверждает только причастность Пушкина к выбору отрывка из «Невероятного рассказа чичероне дель К...о» для «Современника» из рукописи, доставленной ему В. Ф. Одоевским, а также участие поэта в редактировании «Прогулки за Балканом», наконец, его сочувственное, благожелательное отношение к молодому литератору, скрывающему свое авторство. Других упоминаний о Пушкине или встречах с ним в известных нам письмах Н. П. Титова к В. Ф. Одоевскому нет.

Однако в тексте заключительных страниц третьей части «Неправдоподобных рассказов дель К...о» — романе «Несчастливцев», действие которого разворачивается не под Адрианополем, а на Кавказе, сохранилось удивительное по своей лиричности признание о беседе с Пушкиным.

Рассказывая о трагедии, разыгравшейся в одном из чеченских аулов Северного Дагестана,¹⁷ автор привел русский текст песни горцев, обречших себя на смерть: «„Нам ли сдаваться, — пели осажденные, — когда мы дали слово друг другу умереть вместе. Нам ли сдаваться, когда каждое пятно и рубец на пашке есть смертный удар, врагу нанесенный. А вы, русские, посмотрите в ущелье Якташа на ваши непогребенные кости, это наша работа, посмотрите на ваши свежие могилы против Омер-Аджи-Юрта, это наша работа. А вы, русские, что же нейдете в недоступные горы отбивать ваших пленных, они звенят цепями — мы их пленили.

Пойдите, скажите вашим товарищам, что они трусы, что между всеми свободными людьми мы только одни умеем умирать. Что же вы, русские, к нам сюда не войдете?»

Пойдите, скажите нашим, сколько неприятельских трупов мы около себя положили; пойдите, скажите нашим женам и детям, как мы здесь умерли. Нам ли сдаваться, когда мы дали слова друг другу умереть вместе“.

Таков был смысл смертной песни недавних горцев., Знаменитый русский поэт, единственный наш русский поэт хотел было одеть эту песню в звучные свои строфы; вольно же было неумолимой смерти подрубить прекрасное расцветшее дерево в полной его силе».¹⁸

¹⁶ ГПБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевского), оп. 2, ед. хр. 1064.

¹⁷ Считают, что Н. П. Титов включил в роман эпизоды, рассказанные ему русским контрразведчиком на Кавказе бароном Торнау, см.: Русский вестник, 1869, т. 80, с. 698—700; Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976, с. 48, и др.

¹⁸ Неправдоподобные рассказы чичероне дель К...о. СПб., 1837, т. III (Несчастливцев), с. 222. Данная «песнь горцев» напоминает не только сти-

Публично утверждать об этом замысле Пушкина в романе, выпедшем в Петербурге, судя по цензорскому разрешению, 20 июня 1837 г., когда живы были все друзья и знакомцы гениального поэта, мог только тот человек, кто ознакомил Пушкина с этой песней и кто слышал из его уст желание передать ее печальное содержание достойными стихами.

Д. И. Белкин

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

Текст «Евгения Онегина» комментировался неоднократно и в посвященных роману работах общего характера, и в специальном жанре «комментария». Из книг последнего рода пять изданий выдержал комментарий Н. Л. Бродского, дважды было напечатано исследование Вл. Набокова. Ряд таких самостоятельных, целенаправленных комментариев к роману Пушкина завершает новейшая книга Ю. М. Лотмана, в которой кроме многочисленных собственных находок автора тщательно учтено и современное состояние «онегинского» вопроса в целом.¹ Казалось бы, тема разработана с полнотой, необычной даже для пушкиноведения. Но таково свойство исторического комментария, что работа над ним не может никогда считаться полностью завершенной. Напротив, любое издание итогового характера в этой области выявляет все новые и новые «темные» места текста, требующие пояснений, без которых истинное, современное Пушкину звучание текста ускользает от понимания читателя нашего времени. Чаще всего это касается таких реалий и выражений, которые, как писал В. Я. Брюсов, лишь только «кажутся понятными»,² на самом же деле имели в пушкинскую эпоху своеобразное значение. Уточнения к нескольким таким местам в тексте «Онегина» мы и хотим предложить, опираясь прежде всего на комментарий Ю. М. Лотмана как самый последний и наиболее точный.

1

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу...

(VI, 21)

хотворение Грибоедова «Хищники на Чегеме» (это отмечено В. Безъязычным), но и старинную песню в повести А. Бестужева-Марлинского «Аммулат-бек» и «Песнь горных греков» П. Ободовского (Северная пчела, 1828, № 82, 10 июля).

¹ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. М., 1932; 5-е изд. М., 1964; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980 (далее: Лотман. Комментарий); Nabokov V. I. *Eugen Onegin. A novel in verse by Aleksandr Pushkin*, translated from russian, with a commentary. New York, 1964, vol. 1—4; ed. 2. New York, 1975 (далее: Nabokov VI).

² Брюсов В. Я. Избр. произв. М., 1955, т. 2, с. 548.

XXXVIII строфа первой главы «Евгения Онегина», упоминающая о болезни века и очень важная для понимания характера Онегина как общественного типа, подвергалась толкованиям неоднократно, начиная со статей В. Г. Белинского, посвященных Пушкину и Лермонтову. Она имеет непосредственное отношение к теме «лишнего человека», «разочарованного» поколения людей декабристской и последекабристской эпохи. Однако в связи с этим текстом встает и более частный вопрос об истории слова «сплин» и его русского эквивалента совсем другой стилиевой тональности — «хандра», а также о путях проникновения этих слов в язык Пушкина.

Вл. Набоков в пространной заметке, посвященной приведенным стихам, в качестве первого известного ему упоминания слова «сплин» в русской литературе привел отрывок из лондонской части «Писем русского путешественника», где Н. М. Карамзин применил его, характеризуя национальный тип британца. В целом же, опираясь на широкий круг произведений европейских писателей, где возникала тема «скуки», «тоски», Набоков фиксирует, что слово «сплин», как и само понятие, было в начале XIX в. крайне употребительным; поэтому, с точки зрения Набокова, разыскивать конкретный источник пушкинского заимствования было бы бессмысленно. Что же касается русского синонима «хандра», то, по мнению Набокова, это слово появилось в русском языке в результате расщепления медицинского термина «hypochondria»; если в английском его просторечным аналогом стало «hur» (=сплин), то в русском с тем же стилиевым оттенком прижилась вторая часть термина — «hondria» (=хандра). Таким образом, хотя словари начинают включать слово «хандра» только с 1847 г., Набоков справедливо предполагал, что Пушкин не изобрел, а использовал уже имевшееся в живом употреблении слово.³ Остроумное предположение Набокова о происхождении слова «хандра» все же грешит некоторой умозрительностью. Оно не отвечает на вопрос, каким образом первоначально чисто медицинский термин стал в русской литературе употребляться для характеристики душевного состояния, а в романе Пушкина приобрел и оттенок политической оппозиционности.

Упоминания «ипохондрии» как одного из физических недугов встречаются уже в петровское время. «Ипохондриум» упомянут, например, в длинном перечне заболеваний, поддающихся излечению открытыми В. И. Геннином в Карелии «марциальными водами».⁴ Приблизительно в те же годы известный дипломат Борис Иванович Куракин в своем жизнеописании, ссылаясь на консилиум врачей, записал диагноз повергшей его в изнеможение болезни: «болезнь скорбутика (скорбут, цынга, — В. С.), или похондрия и меленхолия и близится к лепре, которая называется по-славянски проказа».⁵

Не затрагивая чисто лингвистического вопроса о семантике слова, отметим только основные случаи его употребления в литературе XVIII в., которые сближали его постепенно по значению со словом «сплин» у Пушкина.

³ Na b o k o v V l . , ed. 1, vol. 2, p. 150—152.

⁴ Московские ведомости, 1719, т. II, с. 262.

⁵ Архив кн. Куракиных. СПб., 1890, т. 1, с. 272.

Обыденность словечка «ипохондрия» в языке светских петиметров 1760-х годов отметил Н. И. Новиков в «Живописце». В письме щеголихи («Моп соеиг, Живописец»), начинавшем в журнале эту сатирическую тему, оно закурсивлено издателем вместе с другими вульгаризмами.⁶ Культурно-бытовые корни подобного афиширования светской разочарованности, неожиданных приступов скуки и мрачного настроения, выставленных напоказ, уходят ещё в елизаветинское царствование. Законодателем моды в 1750-е годы стал молодой Ив. Ив. Шувалов, усердно переносивший в Россию нравы французского двора. Об ипохондрической скуке пресыщенного фаворита идет речь в одном из писем А. П. Сумарокова, по должности директора придворного театра хорошо знавшего эту среду. «Милостивый государь, — писал он обращаясь к Шувалову, — оставьте вашу гипохондрию; она вам не к лицу <...> Когда я вас увижу, сделаю все возможное, чтобы прогнать вашу гипохондрию: я хороший медик и знаю эту болезнь в совершенстве <...> Ваши искренние друзья сделают это лучше, чем все лекари с их галиматей и шарлатанством. Не лекари лечат подобные болезни, а поэты».⁷

Хотя сам Сумароков постоянно, особенно в старости, жаловался на болезненные нервные приступы, которые он именовал припадками ипохондрии, из цитированного письма очевидно, что в его сознании и употреблении слово имело уже не только медицинское, но и более широкое культурное значение. Именно в этом значении упоминания «ипохондрии» приобретают полемический смысл ближе к концу века.

Основной доминантой внутренней политики Екатерины II был официальный оптимизм. И литература, и театр должны были показывать, что если в российской действительности и есть теневые стороны, то в новое царствование все успешно исправляется и полное процветание государства — лишь вопрос времени. Сатира новиковских журналов вызвала крайнее недовольство императрицы прежде всего указанием на коренные социальные пороки крепостнического государства. Начав во «Всякой всячине» борьбу с дворянской оппозицией, Екатерина определила Новикова и других передовых литераторов как ипохондриков и меланхоликов, все воспринимающих в черном цвете. Ответом на подобные насмешки и обвинения явилась в «Живописце» статья от лица «Неудобо-разумо- и духодеятельного», одна из немногих достоверно атрибутируемых самому Новикову. От лица дав-

⁶ Живописец, 1772, л. 9. Цит. по: Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступит. статья и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951, с. 313. Имеются и более ранние упоминания об этой модной болезни в литературных имитациях речи щеголей и щеголих, см.: Биржакова Е. Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII в. — В кн.: Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981, с. 98.

⁷ Письмо от 5 августа 1758 г. Подлинник по-французски: «Abandonnez, monseigneur, votre hypochondrie, elle ne vous convient pas, ce n'est pas à vous de se soumettre à des pareilles choses. Quand je vous verrai, je suis un bon médecin et je connais cette maladie parfaitement, il faut la déraciner ou diminuer; vos sincères amis feront cela mieux que tous les médecins avec tous leurs galimatias et les charlataneries; c'est aux poètes de chasser des pareilles maladies et non par aux médecins, quoique que les poètes soient incapables de se guérir eux-mêmes, comme les cloches qui invitent tout le monde dans l'église et eux-mêmes ne viennent jamais» (Письма русских писателей XVIII в. Л., 1950, с. 82).

него «ипохондрика» он в иносказательной, но прозрачной для современников форме защищал право писателя видеть и описывать вещи в их истинном свете.⁸ Полемика Екатерины II и Новикова имела свое продолжение. В лексиконе Екатерины «ипохондриа» осталась обозначением всех проявлений общественного недовольства, несогласия с властью и существующим порядком вещей. Злостными и вредными «гипохондриками» она называла ненавистного ей Ж.-Ж. Руссо, автора «Истории двух Индий» аббата Рейналя. Характерен и ее поздний отзыв о Радищеве, сделанный под свежим впечатлением от чтения «Путешествия из Петербурга в Москву». В одной из помет на собственном экземпляре книги она, в частности, сформулировала общую оценку автора: «сочинитель <...> любит распространять гипохондрические и унылые мысли».⁹

Синонимический ряд ипохондриа — сплин — меланхолия — возник, таким образом, к концу XVIII в. Мы наблюдаем его в «Письмах русского путешественника» Карамзина: «Друзья мои! путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии!», «сплин... т. е. меланхолия», «в грусти и меланхолии здесь (в Англии, — В. С.) скорее, нежели где-нибудь, хочется застрелиться».¹⁰ С другой стороны, уже в екатерининское царствование со словом «ипохондриа» соединяется тот оттенок подозрительной оппозиционности, на который в связи со словом «сплин» справедливо и доказательно обратил внимание Н. Л. Бродский при анализе интересующей нас строфы Пушкина.¹¹

Слово «хандра» не зафиксировано в языке XVIII в.¹² Оно получает распространение уже после появления в печати первых глав «Евгения Онегина». Есть основание предполагать, что оно принадлежит к числу искусственных образований и даже можно установить его изобретателя.

В 1808 г. появился сборник стихотворений князя Ивана Михайловича Долгорукова, куда вошли произведения, созданные под впечатлением от смерти его первой жены Е. С. Смирной. Среди них обращает на себя внимание стихотворение «Старинка», посвященное воспоминаниям об ушедшей молодости автора. Оно затем вошло и во второе и в третье собрания сочинений поэта, выходявшие под заглавием «Бытие моего сердца». В стихотворении сопоставляется былое и нынешнее время:

Печаль, как аспид, не сосала
Души незлобивой моей,
Хандра ума не посещала;
О! — я и не знаком был с ней.

⁸ Сатирические журналы Н. И. Новикова, с. 405—410.

⁹ См.: Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1953, с. 157, 160, 161.

¹⁰ Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964, т. I, с. 201, 518, 590.

¹¹ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин»... 3-е изд., переработанное. М., 1964, с. 99—107.

¹² Оно не зарегистрировано в картотеке «Словаря русского языка XVIII века» (ЛО Институт русского языка АН СССР), с которой собираю материалы для данной заметки, я смог ознакомиться благодаря любезному содействию заведующего словарной группой доктора филологических наук Ю. С. Сорокина. В «Словаре современного русского литературного языка» (М.; Л., 1965, т. 17, с. 26) хронологически первый пример со словом «хандра» — цитата из «Евгения Онегина».

Робят (т. е. молодых, — В. С.)

и нынче я встречаю,

Но лиц веселых уж никак:

Все стали томны, скучны, вялы,

Никто не рад здесь ничему;

Давай, какие хочешь, балы,

В них нет отрады никому.

К слову «хандра» Долгоруков сделал пояснение: «В моем лексиконе так называется ипохондрия»; оно повторялось и при перепечатках стихотворения.¹³

Долгоруков скончался в 1823 г., пережив свою поэтическую популярность. Однако целый ряд свидетельств говорит о том, что Пушкину его произведения были хорошо известны. В десятой главе «Онегина» упоминается стихотворение Долгорукова «Авось», правда, в сочетании с не совсем почтительной характеристикой поэта как «великородного стихоплета». П. А. Вяземский, развивая в заметке из «Старой записной книжки» мысль о «простонародном» складе ума и поэзии Долгорукова, вспоминал, что Пушкин «знал наизусть несколько десятков стихов его».¹⁴ Свидетельство Вяземского об интересе Пушкина к поэзии Долгорукова не вызывает сомнения. Этот интерес отметил и Н. А. Полевой в «Листках из записной книжки» 1840 г.: «Пушкин любил стихи князя Долгорукова и доказывал, что князь Долгорукой — неоцененное, но великое дарование. Помню, как однажды изъяснял он мне удивительную прелесть стихов Долгорукова из его, помнится, «Обеда» (стихотворение «Пир», — В. С.):

А Колобов как бес по всем избам прощался...

Посовестившись взять с собой в дорогу книжку,

От голода в запас взял вяземску коврижку.

Пушкин находил тут неподдельный гумор».¹⁵

Наиболее существенно то обстоятельство, что самое полное 3-е издание «Бытия моего сердца» Пушкин читал в Одессе, в период формирования замысла своего романа в стихах. В южной ссылке он познакомился со

¹³ Долгоруков И. М. 1) Сумерки моей жизни. М., 1808, с. 23; 2) Бытие моего сердца. 3-е изд. М., 1818, т. I, с. 208. У Долгорукова встречаются также другие образцы собственного его словотворчества, нуждавшиеся в разъяснении для читателей. В послании «П. Н. Нарышкину» он счел нужным откомментировать стих «С полчаса мечу один долготерпенье»: «Я так перевел французское название *grand patience*». В стихотворении «Везет», одном из самых популярных, Долгоруков, вспоминая о своей близости в прошлом ко двору великого князя Павла Петровича и участия в придворных спектаклях, употребил слово «театрить»:

Везло — когда в дворянску шайку

Попал театрить во дворец...

«Слово собственное мое, — заявил он, — чтоб посредством его избежать целой речи; ибо слово одно „играть“ не значило бы еще точно — играть комедии; а это много ничего разуместь не дает» (Долгоруков И. М. Бытие моего сердца. М., 1818, т. II, с. 135; М., 1818, т. III, с. 35).

¹⁴ Вяземский П. А. Полн. собр. соч., СПб., 1883, т. 8, с. 480.

¹⁵ Сын отечества, 1840, т. II, с. 384.

старшим сыном поэта, П. И. Долгоруковым, служившим при Воронцове членом Попечительного комитета о колонистах южного края. Хотя близкие отношения между ними не сложились, многочисленные записи о Пушкине в дневнике Долгорукова представляют важный и точный биографический материал. В частности, под 12 марта 1822 г. в нем имеется помета, что Пушкин «прислал сегодня просить батюшкиных сочинений».¹⁶ Это дает основание предположить, что слово «хандра» появляется в первой главе «Евгения Онегина» как отзвук недавнего чтения произведений Долгорукова.

2

Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой.

(VI, 201)

Последний стих этой строфы, вошедшей в «Отрывки из путешествия Онегина», самим Пушкиным был выделен курсивом. Такое выделение предполагало подразумеваемую цитату из чужого текста. Ссылку на источник дает Ю. М. Лотман, указывая, что Пушкин воспроизвел выражение из 5-й сатиры А. Д. Кантемира: «Щей горшок, да сам большой хозяин я дома», уложив, таким образом, в онегинский ямб первый полустихи силлабической строки.¹⁷ Нам кажется небесполезным отметить использование данной цитаты из Кантемира также и у современников Пушкина. Строку, ритмически более близкую к «Онегину», находим в стихотворении И. М. Долгорукова «Соседу. Призывание в деревню»:

Когда за стол обедать сядем.
Он там накроется простой;
Его в игрушки не нарядим:
Хоть щей горшок, да сам большой.¹⁸

В несколько другой форме та же поговорка обыграна Долгоруковым и в его комедии «Дурылом, или Выбор в старшины»:

Поди и веселись — там пир готов чужой:
Здесь каши лишь горшок — но мой, — и я большой!¹⁹

3

Защитник вольности и прав
В сем случае совсем не прав.

(VI, 15)

В комментарии к XXIV строфе первой главы романа многократно отмечается ее литературный источник (указанная самим Пушкиным «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо), а также источники сведений молодого Пушкина

¹⁶ Звенья, М., 1951, т. IX, с. 53; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 1, с. 356.

¹⁷ Лотман. Комментарий, с. 388.

¹⁸ Долгоруков И. М. Бытие моего сердца, т. II, с. 115.

¹⁹ Там же, т. IV, с. 25.

о Руссо, Гримме и его общее отношение к французским просветителям. История каламбура в двух последних стихах внимания не привлекала. В принципе можно предполагать, что он принадлежит самому Пушкину и продиктован стремлением к богатой рифме. Однако подобный же каламбур встречается в русской литературе много раньше и в произведении, с которым Пушкин был явно знаком. Карамзин начал автобиографическую повесть «Рыцарь нашего времени» следующим ироническим рассуждением об исторических романистах: «Неугомонный род людей, который называется авторами, тревожит священный прах Нум, Аврелиев, Альфредов, Карломанов и, пользуясь истари присвоенным себе правом (едва ли *правым*) вызывает древних героев из их *тесного домика* (как говорит Оссиан), чтобы они, вышедши на сцену, забавляли нас своими рассказами».²⁰

Впрочем, не исключено, что после появления повести Карамзина каламбур успел стать расхожим, и авторство Карамзина уже не ощущалось Пушкиным.

4

На столик ставят вощаной
Кувшин с брусничною водой.

(VI, 52)

Приведенный Ю. М. Лотманом комментарий к слову «вощаной» — «речь идет о вощаных (натертых воском, — В. С.) скатертях, которыми покрывались столики»²¹ — является результатом досадного недоразумения. Столешницей одновременно называют и скатерть, и, в профессиональном языке краснодеревщиков, крышку стола. Речь идет, конечно, об одном из способов отделки домашней мебели. Это нашло отражение в академическом словаре русского языка: «вощаной — натертый, пропитанный воском». Данное значение хорошо иллюстрирует цитата из А. Ф. Писемского: «Калинович» поместился за рубль серебром в четвертом этаже, в трехаршинной комнате, но с вощеным столиком и таковым же диваном.²²

Лаки и лаковая отделка утвари получили распространение в Европе только с середины XVIII в. На русском языке руководства по составлению лаков и лакированию появляются еще позднее. В Россию полированная мебель попадала из-за границы, и по своей дороговизне становилась прежде всего принадлежностью дворцов и особняков вельмож. В русском мебельном деле наиболее распространенной оставалась отделка дерева при помощи восковых эмульсий (главным образом на основе терпентина, скипидара). Впитавшийся в поры и разровненный восковый слой защищал поверхность от грязи и влаги, одновременно придавая ей легкий тусклый блеск. В наше время тот же эффект имитируется при помощи дорогих матовых лаков.

²⁰ Карамзин Н. М. Избр. произв., т. I, с. 755.

²¹ Лотман Ю. М. Комментарий, с. 209.

²² Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1951, т. 2, с. 697. «Словарь Академии Российской» дает значение: «вощаный — воском натертый, покрытый воском <...> Вощаной стол» (СПб., 1789, т. 1, с. 866).

Новоценный столик в доме Лариных, сделанный доморощенным крепостным мастером, является в романе Пушкина одной из деталей провинциального быта, противопоставленного роскоши и моде столицы.

По поводу «брусничной воды» в дополнение к приведенному Ю. М. Лотманом рецепту ее приготовления можно отметить, что в последние годы к ней проявили неожиданное внимание не только кулинары, но и биологи. Ряд заметок о свойствах настоя брусничных ягод, в том числе и в связи с замечанием Онегина: «Боюсь брусничная вода Мне не наделала б вреда», появился в журнале «Химия и жизнь».²³

Но что бы ни говорили биологи или историки быта о свойствах «брусничной воды», очевидно, что герой романа Пушкина к этому сельскому деликатесу относится иронически. С таким значением, наряду с другими цитатами из «Евгения Онегина», данные стихи и вопли в языковой обиход. Однако Пушкин не первый упомянул о «брусничной воде» в поэтическом произведении. Задолго до «Евгения Онегина» эта реалья русского быта промелькнула в стихотворении Н. П. Николаева «А та cousine»:

С огненной кровию,
С вечной любовью
Я уважающий,
Я почитающий
Волю сеструшечки,
Душеньки, душечки,

Вняв повеление,
Во угождение
(Молвить без лишнова)
Соку бруснишнова
Ей посылаю,
Кушать желаю.²⁴

Два этих упоминания почти наверняка не связаны между собой, но их сопоставление позволяет обнаружить происшедшее за четверть века изменение поэтического контекста одного и того же понятия.

В. П. Степанов

5

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил...

(VI, 32)

Выражение «мух давил» не привлекало внимания комментаторов романа и современными читателями воспринимается в прямом смысле. Между тем в русском языке имеется фразеологизм «раздавить (убить) муху (букашку)» — со специфическим значением, несомненно предусмотренным автором «Евгения Онегина»:

«Муху раздавить (зашибить, задавить). Прост. Выпить хмельного, клюкнуть. — *Сочини-ка ты мне того, чтоб муху задавить, то есть рюмочку.* Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели. — *Приходи покалякать когда, поболтать, а и муху можно раздавить.* Мамин-Сибиряк Дикое счастье. — *Любили они муху зашибить. Бывало, мимо кабака проехать нет возможности.* Чехов. Происшествие».²⁵

²³ Химия и жизнь, 1975, № 4, с. 127; 1976, № 1, с. 74; № 10, с. 89—90.

²⁴ Николаев Н. П. Творения. М., 1798, т. 5, с. 55.

²⁵ Фразеологический словарь русского языка. М., 1968, с. 379. См. также: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.,

О том, что Пушкин имел именно это в виду, сигнализирует десятая строка той же строфы:

Онегин шкафы отворил:
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливкок целый строй...

(VI, 32)

П. П. Дудочкин

6

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще неясно различал...

(VI, 190)

В «Словаре языка Пушкина» словосочетание «магический кристалл» объяснено как «шар из прозрачного стекла, употреблявшийся при гадании».²⁶ Такое толкование восходит к Н. О. Лернеру²⁷ и в последнее время в комментариях к роману подверглось дополнительному обсуждению. «Стеклянные шары, заполненные водой сферические сосуды либо обыкновенные бутылки, — уточняет М. Ф. Мурьянов, — являлись всего лишь суррогатами „настоящих“ магических кристаллов, изготовлявшихся, как правило, из горного хрусталя, то есть кристаллического кварца, реже — из берилла, а в единичных случаях из яшмы».²⁸ Ю. М. Лотман, принимая определение Н. О. Лернера, обратил внимание на то, что «слово „кристалл“ в высоком смысле могло означать „стекло“. См. в „Вельможе“ Державина: „Не истуканы за кристаллом (т. е. под стеклом, — Ю. Л.), В кивотах блещущи металлом (т. е. в золотых рамах, — Ю. Л.), Услышат похвалу мою“».²⁹ Е. А. Тархов видит в «магическом кристалле» «своеобразнейшую метафору поэтического творчества»: «Независимо от того, обращался ли поэт к опытам с реальным кристаллом для гадания или нет, но метафора такого гадания была для него, очевидно, самой адекватной формой изображения замысла „Евгения Онегина“».³⁰

Нам представляется, однако, что все эти толкования не улавливают подлинного смысла пушкинской метафоры, ее вполне конкретное, предметное значение, на которое указал в своем комментарии к роману В. Набоков: «Любопытно, что „кристалл“ был применен в аналогичном смысле нашим поэтом к его чернильнице в стихотворении 1821 г.: „Заветный твой кристалл Хранит огонь небесный“. У Лернера имеется довольно наивный этюд о гадании на кристалле, которое между прочим не было типично русской формой гадания».³¹

1979, т. 2, с. 362; Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб., 1903, т. 1, с. 579.

²⁶ Словарь языка Пушкина. М., 1956, т. 2, с. 406.

²⁷ См.: Звенья. М.; Л., 1935, т. V, с. 105—108.

²⁸ Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 92.

²⁹ Лотман. Комментарий, с. 370.

³⁰ Тархов А. Е. Комментарий. — В кн.: Пушкин А. С. «Евгений Онегин». М., 1980, с. 325.

³¹ Nabokov V., ed. 1, vol. 3, с. 244—245.

Для того чтобы пушкинский смысл выражения «магический кристалл» проявился яснее, следует несколько расширить контекст, в котором этот образ запечатлен в стихотворении «К моей чернильнице»:

Сокровища мои	И под вечер, когда
На дне твоём гаятся	Перо по книжке бродит,
С тобой успех узнал	Без вялого труда
Отшельник неизвестный	Оно в тебе находит
Заветный твой кристалл	Концы моих стихов...
Хранит огонь небесный;	

(II, 183)

Оба эти атрибута поэтического творчества — перо и чернильница — вспоминались и в заключительных строфах последней главы романа, но первый из них — в той строфе, которую Пушкин вынужден был опустить, сокращая свое произведение до восьми глав. Место этой строфы в контексте произведения легко восстанавливается:

... Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

Пора: перо покоя просит,
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал —
Хвала вам, девяти Каменам...

(VI, 189, 197)

Чуть ниже, вслед за пером, поэт в последней строфе романа вспоминает и чернильницу, «магический кристалл». Заслуживает внимания и то, что последняя строфа романа, обращенная к друзьям («иных уж нет, а те далече»), также переключается с концовкой стихотворения «К моей чернильнице»:

Когда же берег ада	Последний твой привет
Навек меня возьмет,	Любимцу прежних лет. —
Когда навек уснет	Иссохшая, пустая
Перо, моя отрада,	Меж двух его картин
И ты, в углу пустом	Останься там немая,
Осиротев, остынешь	Укрась его камин.
И навсегда покинешь	Взыскательного света
Поэта тихий дом...	Очей не привлекай,
Чедаев, друг мой милый	Но верного поэта
Тебя возьмет, улылый;	Друзьям напоминай.

(II, 183)

С. А. Фомичев

«ЗВУКИ ИТАЛИАНСКИЕ!»

Как известно, приведенным в заголовке восклицанием Пушкин отметил строки Батюшкова из стихотворения «К другу» — «Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус, / Любви и очи и ланиты», добавив при этом: «Что за чудотворец этот Б<атюшков>» (XII, 267).

Исследователи помет Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова указывали на то, что некоторые из этих «мелких заметок говорят <...> о требованиях эвфонии в стихе, „гармонии“, как любил выражаться сам Пушкин».¹ Восклицание «Звуки италийские!» обычно относят к группе заметок именно такого рода и при этом указывают — среди прочих деталей, как будто вызвавших у Пушкина ассоциации со звучанием итальянской поэтической речи, — на зияния (хиатусы) во второй из отмеченных Пушкиным строк: «Любви и очи и ланиты».

Заметим, что музыканту открывается возможность более широкого толкования пушкинской пометы. Так, Ю. А. Кремлев вскользь высказал предположение, что применение эпитета «итальянский» для характеристики «музыкальности» стихов Батюшкова возникло «преимущественно на основе восприятия итальянской оперы».² Предположение это кажется нам по сути верным, но нуждающимся в уточнении и обосновании.

Обратим внимание на то, что из трех зияний батюшковской строки два образуются за счет повторения одного и того же гласного. Звучание, при этом возникающее, весьма похоже на распев гласного.

В связи с этим стоит напомнить, что важнейшим признаком *bel canto* — вокального стиля, господствовавшего в итальянской опере с XVII в. и переживавшего в пушкинские времена новый расцвет в творчестве Россини, Меркаданта и др., — является обилие так называемых вокализаций — длительных распевов гласных в пассажах, мелизмах и каденциях. Подчеркнем, что в *bel canto* мы встречаемся не просто с увеличением долготы гласного по сравнению с разговорной речью, но с особым культивированием распевов, связанных с изменением высоты звучания гласного. В вокализации, допустим, на гласном *и* звучит не просто долгое *и*—[i:], но нечто вроде плавного *и-и-и-и*. Иначе говоря, вокализации весьма напоминают те случаи зияний, в которых сочетаются одни и те же гласные. К тому же нередко в вокализациях происходит плавное перетекание одного гласного в другой (наиболее характерны модуляции: *а ↔ о*, *о ↔ у*, *э → и*), что еще более усиливает сходство вокализации со стиховым зиянием. Природная красота тембров итальянских голосов придает таким звуковысотным переживаниям гласных неотразимое эстетическое обаяние.

Как известно, представления Пушкина об итальянской поэзии складывались в основном из впечатлений от прочитанных, а не услышанных стихов. В итальянской же орфографии сочетания гласных встречаются весьма часто. В реальном произношении большинство их «проглатывается», «сворачивается» в дифтонги и потому не образует слышимых зияний. Но следует иметь в виду то очевидное обстоятельство, что Пушкину пришлось гораздо чаще слышать на итальянском языке пение, чем собственно речь.³ Итальянский же текст, распетый в манере *bel canto*, вполне мог — за счет обилия вокализаций — предстать слуху насквозь пронизанным зияниями и подтвердить неволью рождавшееся впечатление об особой ха-

¹ Комарович В. Л. Пометы Пушкина в «Опытах» Батюшкова. — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 898.

² Кремлев Ю. Русская мысль о музыке: Очерки истории русской музыкальной критики и эстетики в XIX веке. Л., 1954, т. 1, с. 53, примеч.

³ Ср. замечание О. Мандельштама в «Разговоре о Данте» (М., 1967, с. 74) об итальянской речи, «слышимой из оперных кресел».

рактёрности переливов гласных для итальянской фонетики. Восторженное отношение Пушкина к итальянской опере хорошо известно. Не исключено, что именно слуховой опыт завсегдатая итальянской оперы способствовал закреплению в сознании Пушкина ассоциации «звоние — итальянская речь, поэзия, музыка».

Приведем ряд наблюдений, как кажется, подтверждающих правоту нашей догадки.

Стоит, думается, обратить внимание на явное предпочтение, оказываемое Пушкиным при написании слова «итальянский» варианту «италианский». Согласно «Словарю языка Пушкина» на 6 использований варианта «итальянец» приходится 15 использований варианта «италианец» и «италиянец», на 4 случая варианта «итальянский» — 16 случаев вариантов «италианский» и «италианский», а слово «италианка» вообще не имеет варианта с мягким знаком. Между тем в речевом произношении соответствующих слов на итальянском языке отчетливо прослушивается йотизация. Следовательно, оказывая предпочтение написанию типа «италианский», Пушкин подчинялся орфографии, а не орфоэпии, и вводил звоние туда, где его по сути не было.

С другой стороны, любопытно, что в строфе из «Отрывков из Путьшествия Онегина», посвященной музыке Россини, наблюдается сгусток звоний.⁴ Так в четырех следующих строках, характеризующих течение россиниевских звуков:

Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего *Au*
Струя и брызги золотые...

(VI, 204)

встречается семь звоний (два внешних и пять внутренних), причем в конце третьей и начале четвертой строк употреблены подряд два соединения внутреннего звония с внешним. Более таких соединений — даже однократных — в тексте «Отрывков» не встречается. Зато в черновом варианте третьей строки встречается последовательность четырех гласных — «вдохновенное *Au*». Звония пронизывают и другие черновые варианты отдельных строк той же строфы — «Своей Италии Орфей», «Своей Авзонии Орфей», «О дева неги и любви». Примечательно, что два черновых варианта свидетельствуют о намерении Пушкина ввести в строфу подлинное звучание итальянского языка с помощью названий опер — «*La gazza ladra, il barbiere*», «*La gazza ladra, Figaro*» (VI, 470—471).

⁴ К звониям мы относим и сочетания, включающие йотированные гласные. При этом мы опираемся на аргументацию М. В. Панова, показавшего, что в сочетаниях типа *áя, ýю* звучит не [ja], но [ä], не [ju], но [ý], и назвавшего такие сочетания лжейотовыми. В стихе «нагнетание звоний идет и за счет лжейотовых сочетаний» (Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967, с. 64). Заметим, что фактически лжейотовыми оказываются иногда и внешние звония, включающие написание йота, типа *ей* — при плавном чтении. Для наших рассуждений важно и то, что йот, зафиксированный или не зафиксированный на письме, не препятствует распеву сочетания гласных.

Анализ окончательного текста «Отрывков» (точнее, четырнадцати последних, т. е. полных и не прерываемых прозаическими вставками строф) не обнаружил больше последовательности четырех строк с таким же или большим числом зияний, как в цитате из строфы о Россини.

Правда, выявилось несколько четверостиший (или в ряде случаев «четверострочий»), содержащих по пять зияний. Любопытно, что одно из них говорит о звучании итальянского языка:⁵

Там все Европой дышит, веет.
Все блещет Югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой.

(VI, 201)

И в следующей строке — внешнее зияние:

Звучит по улице веселой.

Обратим внимание на содержание других четверостиший, включающих по пять зияний. Одно из них воспевает красоту южной природы:

Без поплины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего ж вам более друзья?
Благославенные края!

(VI, 203)

Другое — сферу художественного созерцания и высоких чувств:

И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны.

(VI, 200)

Третье имеет отчасти фривольную окраску:

А закулисные свиданья?
А prima dona? а балет?
А ложа, где, красой блистая,
Негоцианка молодая...

В следующей за этим строке — внешнее зияние:

Самолюбива и томна...

(VI, 206)

Отметим также, что из четверостиший, содержащих по четыре зияния, выделяются два. Первое — за счет трех подряд внешних зияний:

Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость.

(VI, 204)

⁵ Отметим, что из пяти зияний здесь четыре возникают за счет повторения предшествующего гласного.

Второе — за счет двух внешних зияний:

Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый.

(VI, 205)

Создается впечатление, что сгустки зияний не только объединяют представление о звучании итальянской речи и итальянской музыки, но и своими появлениями характеризуют некий «гедонистический комплекс», в который включены наслаждения, так сказать, разного ранга — от художественных и поэтически-созерцательных до фривольно-эротических и даже гастрономических. Намек на такой комплекс содержится в черновиках «Отрывков из Путешествия Онегина», где суммируются одесские впечатления:

А я от милых южных дам
От [жирных] устриц черноморских
От оперы от темных лож

(VI, 492)

Но еще отчетливее такой комплекс проступает в письмах Пушкина 1823—1825 гг. Приведем наиболее показательные цитаты: «Правда ли, что едет к вам Россини и итальянская опера? — боже мой! Это представитель рая небесного. Умру с тоски и зависти» (XIII, 75); «Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей богу обновили мне душу» (XIII, 67); «...здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы» (XIII, 129); «Твои письма (...) точно оживляют меня как умный разговор, как музыка Россини, как похотливое кокетство итальянки» (XIII, 210).

Видимо, этот комплекс «наслаждений жизни», из которых «одной любви музыка уступает» (VI, 145), был в то время в сознании Пушкина неразрывно связан со звуками итальянского вокала, а сгустки зияний в стихах становились (разумеется, непреднамеренно) своеобразными знаками этого комплекса.

Все сказанное, как хочется думать, подкрепляет догадку о том, что восклицание «Звуки итальянские!» по своей глубинной семантике шире простой констатации эвфонического сходства стихов Батюшкова с итальянской поэзией и, во всяком случае, нагружено ассоциациями (возможно, подсознательными) с итальянской вокальной музыкой. О. Мандельштам писал: «Никогда не признававшийся в прямом на него влиянии итальянцев, Пушкин был тем не менее втянут в гармоническую и чувственную сферу Ариоста и Тасса».⁶ Добавим, что, видимо, не в меньшей, если не в большей мере Пушкин «был втянут в гармоническую и чувственную сферу» итальянского *bel canto*, что, возможно, отразилось и на эвфонии его собственных стихов и даже — в какой-то степени — на его мироощущении. В подтексте пушкинского восклицания, на наш взгляд, допустимо увидеть не только слуховую чуткость стихотворца, но и упоение художника гармонией в любом ее проявлении. За восклицанием стоит восторг человека перед любым наслаждением, даруемым жизнью.

⁶ Мандельштам О. Разговор о Данте. М., 1967, с. 74.

Учитывая, что наиболее яркие впечатления от итальянской оперы получены Пушкиным во время пребывания в Одессе, можно предположить, что приведенные соображения окажутся способными стать косвенным аргументом в известной полемике о датировке пушкинских помет на страницах «Опытов» Батюшкова.⁷

Б. А. Кац

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ В «ПИКОВОЙ ДАМЕ»

1

Действие «Пиковой дамы» с первой же главы раздваивается во времени. Современным событиям, протекающим в начале 1830-х годов, здесь постоянно противопоставляются годы молодости графини. При внимательном анализе оказывается, что это прошлое в «Пиковой даме» вовсе не одномерно, а охватывает целую историческую эпоху, с которой собственно и соотносится современность.

Казалось бы, Пушкин имеет в виду здесь лишь одно десятилетие, о чем совершенно определенно говорится во второй главе: «Графиня <...> сохранила все привычки своей молодости, строго следовала модам *семидесятих годов* (здесь и далее в цитатах курсив наш, — Б. В.) и одевалась так же долго, так же старательно, как и *шестьдесят лет тому назад*» (VIII, 1, 231). Та же хронологическая вежа намечена и в главе IV: «По этой самой лестнице, думал он, может быть, *лет шестьдесят тому назад*, в эту самую спальню, в такой же час... прокрадывался молодой счастливец» (VIII, 1, 245).

Создается впечатление, что к тем же 1770-м годам относится и игра графини с герцогом Орлеанским у французской королевы, и игра Зорича с Чаплицким.¹ Однако вовсе не 1770-е годы воскрешает обстановка спальни графини, хранящая, несомненно, самые дорогие воспоминания эпохи ее молодости. Как показал в своем исследовании академик М. П. Алексеев, здесь явственно царствует дух кануна французской революции — во всех вывезенных графиней из Парижа «игрушках, изобретенных в конце миновавшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом» (VIII, I, 239—240).²

⁷ См., в частности: Горохова Р. М. Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умиравший Тасс»: (К вопросу о заметках Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова). — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 24—45.

¹ См.: Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980, с. 256—257, 261.

² Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени. — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 103. Впервые в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1956, т. I, с. 82.

Так, стало быть, «тайна трех карт» зародилась не в 70-е, а в 80-е годы «века минувшего»? Или же, учитывая прямое указание автора на «семидесятые годы», мы должны считать, что графиня провела в Париже около двух десятков лет?

Однако попытка дать непротиворечивый реальный комментарий к рассказу Томского в первой главе неожиданно вызывает, казалось бы, непреодолимые трудности. Напомним этот рассказ.

«Надобно знать, что бабушка моя лет шестьдесят тому назад ездила в Париж и была там в большой моде <...> Рипелье за нею волочился и <...> чуть было не застрелился от ее жестокости. В то время дамы играли в фараон. Однажды при дворе она проиграла герцогу Орлеанскому что-то очень много <...> С ней был коротко знаком человек очень замечательный. Вы слышали о графе Сен-Жермене <...> Над ним смеялись как над шарлатаном, а Казанова в своих Записках говорит, что он был шпион <...> Тут он открыл ей тайну <...> В тот же самый вечер бабушка явилась в Версали au jeu de la Reine (на игру у королевы, — *В. В.*). Герцог Орлеанский метал...» (VIII, 1, 228—229).

На первый взгляд, здесь, как и во второй главе, речь идет о происшествиях 1770-х годов («лет шестьдесят тому назад»). Действительно, в начале этого десятилетия в Париже проживал граф Сен-Жермен, который навсегда покинул Париж в 1774 г., после смерти Людовика XV.³ Был там в то время и герцог Орлеанский — Людовик Филипп (1725—1785).⁴ Но в те годы не могла состояться «игра у королевы», потому что жена Людовика XV, Мария Лещинская, скончалась в 1768 г.

Нельзя происшествие датировать и 1780-ми годами, временем «Монгольфьева шара и Месмерова магнетизма». В Париже в то время не было графа Сен-Жермена.⁵

Значит, игру графини с герцогом мы должны отнести к 1760-м годам и, как оказывается, к самому их началу. Дело в том, что в пушкинском тексте содержится косвенное, но достаточно выразительное хронологическое уточнение: рассказчику известно, что Казанова считал Сен-Жермена в своих «Записках» шпионом. Надо полагать, что Томский читал «Записки» и помнил мотивировку этого обвинения. Пушкин во всяком случае ее знал: в рукописи книги Вяземского о Фонвизине к словам «Сен-Жермен был шарлатаном» он добавил: «И шпион. Смотри Casanova».⁶

С. А. Рейсер обнаружил то единственное место в издании мемуаров Казановы, имеющиеся в библиотеке поэта, где говорится о Сен-Жермене как о французском шпионе: «Герцог Шуазель сделал вид, что Сен-Жермен лишился его доверия во Франции, для того, чтобы он в качестве шпиона служил ему в Лондоне. Но лорд Галифакс не поддался на этот обман —

³ Encyclopedia Britannica. Chicago; Toronto; London, 1957, vol. 19, p. 831; *В і г с h U n a*. The comte de Saint-Germain. — *The nineteenth century*, 1908, January, N 371, p. 124—125.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897, т. XXII, п/т. 43, с. 152—153 (статья «Орлеанский дом»).

⁵ Поэтому встречающиеся указания на то, что графиня играла в карты в Версале с сыном Людовика-Филиппа Филиппом Эгалитэ «у королевы» Марии-Антуанетты, являются ошибочными.

⁶ См.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Новонайденный автограф Пушкина. М.; Л., 1968, с. 41, 73.

он даже нашел хитрость неуклюжей. Но это лишь обычные любезности, которыми все правительства обмениваются, чтобы казаться безупречными».⁷

Для комментария к «Пиковой даме» необходимо подробней ознакомиться с несколькими страницами мемуаров Казанова, конечным выводом из которых и является свидетельство, обнаруженное С. А. Рейсером. В 1759 г. Сен-Жермен был послан в Гаагу для переговоров с английскими представителями по поводу заключения мира — в Семилетней войне Англия была противником Франции. С аналогичной целью в Гааге оказался и Казанова, попытавшийся — по указанию французского посла в Голландии — наладить контакт с Сен-Жерменом. Однако своими действиями Сен-Жермен отнюдь не способствовал успеху переговоров, что вызвало гнев министра иностранных дел Шуазеля и Людовика XV, после чего Сен-Жермен бежал в Лондон. Это произошло в 1760 г. Обычно считается, что бегство Сен-Жермена в Лондон было вызвано реальной враждебностью Шуазеля, обусловленной тем, что своим бестактным, абсурдным поведением в Гааге Сен-Жермен поставил мирные переговоры под угрозу срыва.⁸ И лишь один Казанова в своих мемуарах утверждает, что ссора Сен-Жермена с Шуазелем была инсценирована в целях засылки Сен-Жермена в Англию как шпиона. Казанова вспоминает, как весной 1761 г., гуляя в Булонском лесу с мадам Д'Юрф, он увидел там Сен-Жермена, поспешившего от них скрыться, а затем мадам Д'Юрф сообщила Казанове слова Шуазеля о том, что Сен-Жермен провел ночь в его кабинете.⁹ Казанова и до этой, неожиданной только для мадам Д'Юрф, встречи в Париже был уверен в том, что Сен-Жермен оказался в Англии в качестве шпиона, но был заподозрен англичанами и теперь тайно приехал в Париж, чтобы получить новые инструкции у Шуазеля. В 1762 г. Сен-Жермен находится уже в Петербурге, где поддерживает близкие отношения с братьями Орловыми во время свержения и убийства Петра III. Затем он появляется в Италии, в немецких княжествах, а в 1770—1774 гг. снова находится в Париже (когда там не было королевы). Для «игры у королевы» остаются, таким образом, конец 1750-х годов и период «нелегального» пребывания Сен-Жермена в Париже с весны 1761 до 1762 г. Герцогом Орлеанским здесь мог быть только Людовик-Филипп (1725—1785), ставший герцогом Орлеанским в 1752 г. «Если Людовик XIV перестал играть под старость, — замечал В. Р. Зотов, — то Людовик XV играл в карты всю жизнь. В салоне госпожи Сент-Амарант собиралось все лучшее общество и герцог Орлеанский проигрывал огромные суммы».¹⁰ Королевой же, у которой происходила игра в фараон, могла быть только жена Людовика XV, Мария Лещинская. Если увиденные Германном в комнате графини аксессуары и связанные с ними имена свидетельствуют о ее пребывании в Париже в 80-е годы XVIII в., накануне и в начале Великой Французской революции, то участие в приключениях рассказа Томского графа Сен-Жермена свидетельствует о дру-

⁷ Рейсер С. А. Пушкин и мемуары Казановы. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 129.

⁸ Lagousse P. Grand dictionnaire universel. Paris, 1864, t. 14, p. 68—70.

⁹ Mémoires de J. Casanova de Seingalt... Paris, 1880, t. V, p. 361—366.

¹⁰ Зотов В. Р. История карточной игры. — Новь, 1886, т. X, № 13, с. 7.

гом, более раннем пребывании графини в Париже, в период Семилетней войны.¹¹

Современный Пушкину читатель, видя рядом имена Казановы и Сен-Жермена, сразу понимал, что речь идет о событиях 50—60-х годов XVIII в., описанных в мемуарах Казановы,¹² так как со второй половины 70-х годов Сен-Жермен жил «на покое» в немецких княжествах, а в 80-х годах, накануне революции, в Париже уже действовал его ученик Калиостро.

2

Как известно, прототипом старой графини в «Пиковой даме» считалась княгиня Н. П. Голицына, урожденная Чернышева. 7 апреля 1834 г. Пушкин заметил в своем дневнике: «При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся» (XII, 324). Она же действительно была в Париже два раза, в 1761—1762 и 1786—1790 гг., что уже отмечалось в пушкиноведении.¹³ Полезно, однако, остановиться на этих событиях, чтобы устранить обычно повторяемые неточности. В первый раз Наталья Петровна и ее сестра Дарья Петровна¹⁴ находились в Париже вместе со своим отцом, русским послом графом П. Г. Чернышевым. Он прибыл в Париж весной 1761 г.,¹⁵ т. е. как раз тогда, когда, согласно Казанове, и Сен-Жермен, изгнанный из Англии, тайно приехал в Париж. Поскольку Сен-Жермен в начале 1762 г. оказался в Петербурге, то он мог в 1761 г. поддерживать отношения с русским посольством в Париже, а значит, и встречаться с Н. П. Чернышевой. Возможно, что встречи Сен-Жермена с Н. П. Чернышевой и послужили основой для анекдота о передаче ей Сен-Жерменом в Париже «секрета трех карт», который рассказал Пушкину ее внук.¹⁶ Для того чтобы анекдот развернулся в гениальную новеллу, необходимо было, чтобы Пушкин нашел неожида-

---

¹¹ Герцог Ришелье (1696—1788), влюбленный в «Венеру московскую» до мыслей о самоубийстве, также более уместен в Париже 60-х, а не 80-х годов. Когда же Томский рассказывает об игре Зорича с Чаплицким и о передаче графиней Чаплицкому секрета Сен-Жермена, то он говорит уже о времени, когда графиня «была строга к палостям молодых людей», т. е. об эпохе, наступившей после того, как мадам Лебрен нарисовала в Париже портрет «молодой красавицы», который Германн увидел в спальне графини, т. е. после 80-х годов XVIII в. Поскольку фаворит Екатерины II в 1777—1778 гг. генерал-лейтенант С. Г. Зорич умер в 1799 г., то этот эпизод рассказа Томского можно поместить в 90-е годы.

¹² Мемуары Казановы были необычайно популярны в пушкинское время, см.: Рейсер С. А. Пушкин и мемуары Казановы, с. 127.

¹³ См.: Рабкина Н. А. Прототип «Пиковой дамы». — Вопросы истории, 1968, № 1, с. 214; Белоусов Р. С. Из родословной героев книг М., 1974, с. 233—235; Пушкин А. С. Собр. соч.: В 3-х т. М.; Л., 1937, т. III, с. 695; Бартечев П. И. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851—1860 гг. Л., 1925, с. 122 (примеч. М. А. Цявловского).

¹⁴ Во II главе «Пиковой дамы» графиня говорит о Елецкой: «Такова ли была ее бабушка, княгиня Дарья Петровна?» (VIII, 1, 231). Комментаторы давно отметили, что сестрой княгини Н. П. Голицыной была графиня Дарья Петровна Салтыкова (1739—1802).

¹⁵ См.: Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.), ч. 4. Пруссия, Франция, Швеция. М., 1902, с. 111.

¹⁶ См.: Бартечев П. И. Рассказы о Пушкине..., с. 47.

ное ему подтверждение при чтении мемуаров Казановы: в случае, если Сен-Жермен перед появлением в Петербурге находился (тайно) в Париже в 1761 г., то он, действительно, мог встречаться, в соответствии с фамильным анекдотом, с приехавшей в Париж вместе с отцом Н. П. Чернышевой. Но появление Сен-Жермена в Париже в 1761 г. могло иметь место только в том случае, если он в 1759—1760 гг. не бежал в Англию после ссоры с Шуазелем, а оказался засланным туда как французский шпион (ср. у Пушкина: «он был шпион»), о чем говорит только один Казанова в своих «Записках».

В 1762—1786 гг. Наталья Петровна находилась в России. Выйдя в 1766 г. замуж за кн. В. Б. Голицына, она здесь родила пятерых детей: Петра (1767), Бориса (1769), Екатерину (1770, именно ее парижане в 1786—1790 гг. называли Венерой), Дмитрия (1771) и Софью (1775).¹⁷

Добавим к этому, что в каталоге историко-художественной выставки 1905 г. помещены описания двух портретов: «749. Голицын князь Владимир Борисович <...> Супруг графини Н. П. Чернышевой. Работы А. Рослена 1762 года в Париже. Собственность князя П. П. Голицына в имении Марьино Новгородской губернии. 750. Чернышева графиня Наталья Петровна <...> Третья дочь графа Петра Григорьевича <...> Вышла замуж за князя В. Б. Голицына. Работы А. Рослена. 1777 г. Собственность князя П. П. Голицына в имении Марьино Новгородской губернии».¹⁸ Портрет Н. П. Голицыной Рослен писал в России, портрет же ее будущего мужа — в Париже. Александр Рослен (Рослин), находившийся в России в 1775—1777 гг., жил в Париже с 1752 по 1793 г.¹⁹ Возможно, В. Б. Голицын состоял в 1761—1762 гг. в русской миссии под начальством своего будущего тестя.²⁰ Таким образом, одновременное присутствие в Париже — в рассказе Томского — графа Сен-Жермена, юной графини Анны Федотовны и ее мужа соответствует одновременному пребыванию в Париже в 1761 г. реальных лиц: графа Сен-Жермена, прототипа юной графини — дочери русского посла Н. П. Чернышевой и сотрудника русской миссии, ее будущего мужа, В. Б. Голицына.

Во второй раз Н. П. Голицына с мужем и детьми находилась в Париже и Лондоне с 1786 по сентябрь 1790 г.²¹ Встречающиеся в литературе указания на то, что Голицыны покинули Париж в 1787 г., до начала революции, не соответствуют действительности. В 1789 г. Н. П. Голицына и В. Б. Голицын действительно выехали из Парижа, но не в Россию, а в Лон-

---

¹⁷ См.: Шереметев П. С. Вяземы. Пг., 1916, с. 85, 101; Голицын Н. Н. Род князей Голицыных. СПб., 1892, с. 178—179.

¹⁸ Каталог историко-художественной выставки... в Таврическом дворце. СПб., 1905, вып. IV, с. 18.

¹⁹ Государственный Эрмитаж: Западноевропейская живопись. Каталог, 2. Л., 1984, с. 282.

²⁰ В 1762 г. в Париже А. Рослен писал также портреты П. Г. Чернышева (см.: Сапрыкина Н. Г. Коллекция портретов собрания Ф. Ф. Вигеля. М., 1980, с. 66) и «состоящего при посольстве в Париже» кн. Андрея Михайловича Белосельского-Белозерского, пасынка сестры П. Г. Чернышева Натальи (см.: Щербатова М. Н. Материалы для справочной книги по русским портретам, вып. 2 («Б»). М., 1910, № А728, А733, А738).

²¹ См.: Серчевский Е. Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853, с. 107.

дон, оставя в Париже сыновей. Но уже в январе 1790 г. Н. П. Голицына с мужем возвратились из Лондона в Париж, который они покинули только в сентябре по повелению Екатерины II.²² М. П. Алексеев обратил внимание на то, что замеченные Германном в спальне графини «рулетки» представляли собой распространившиеся среди французской знати в канун революции игрушки-диски, усыпанные бриллиантами, передвигавшиеся вверх и вниз по шнуркам. После начала массовой эмиграции из Франции народ стал называть эти игрушки «эмигретками».²³ Между тем по сообщению Ф. Ф. Вигеля, дом Н. П. Голицыной в Петербурге стал после 1790 г. центром французской «белой» эмиграции.²⁴ В этот период бежали из Парижа и Месмер, и мадам Лебрен, в 1795 г. оказавшаяся в России.

3

В заключение отметим любопытные текстовые параллели между «Пиковой дамой» и более ранним произведением Пушкина — «Романом в письмах» (1829). Так, в конце IV главы, выходя из дома графини после неудачной попытки получить от нее «секрет Сен-Жермена», закончившейся неожиданной смертью графини, Германн думает, что «по этой самой лестнице... может быть, лет шестьдесят тому назад, в эту самую спальню, в такой же час, в шитом кафтане, причесанный а l'oiseau royal, прокрадывался молодой счастливец, давно уже истлевший в могиле, а сердце престарелой его любовницы сегодня перестало биться...» (VIII, 1, 245). Это воображаемое «свидание» «шестьдесят лет тому назад» происходит не в Париже, а в петербургском доме графини, а его реально-хронологическое место в романе проясняется после соотнесения со следующим местом «Романа в письмах» (1829): «Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 г. роман, писанный в 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим около себя странные платья, однако ж и знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими» (VIII, 1, 49—50).²⁵ «Штофные кресла и диваны с пуховыми подушками» Германн видит, когда входит в спальню графини перед свиданием с нею, а вторая часть нашей цитаты из «Романа в письмах» аналогична «видению» Гер-

²² См.: Шереметев П. С. Вяземы, с. 103, 107, 120, 122—123.

²³ Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени, с. 103—104; см. также примеч. 250 на с. 104—105.

²⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891, т. 1, с. 138.

²⁵ Отметим здесь сходство «видения» Германна в конце IV главы с описанием одевания графини в начале II главы. В обоих случаях упоминается время «шестьдесят лет тому назад», в обоих случаях особое внимание обращается на одежду и прическу графини и «счастливец», в обоих случаях имеются одинаковые стилистические повторы. В начале II главы речь идет о временных факторах: упоминаются «молодость» графини и «семидесятые годы», отмечается, что в настоящее время, т. е. в 1830-е годы, графиня одевается «так же долго» и по той же моде, что и «шестьдесят лет назад». В конце IV главы подчеркивается пространственное совпадение: «счастливец» поднимается «по той же лестнице, того же самого дома, к той же самой графине, что и «шестьдесят лет назад». Одет он, конечно, по моде «шестьдесят лет назад», как и графиня в начале II главы. В итоге мы можем говорить о свидании в «семидесятые годы» в петербургском доме графини.

манна в конце IV главы, с той разницей, что старинные комнаты, мебель и платья он видит не при чтении «романа, писанного в 775-м», а при посещении дома старой графини, и «помолодевшего» «счастливец» он «видит», выходя по «потаенной лестнице» из этого же дома.

Параллелизм приведенных мест «Пиковой дамы» и «Романа в письмах» не случаен, ибо не только одно это место «Пиковой дамы» соотносится с «Романом в письмах». Напомним также и начало «Романа в письмах» (первое письмо Лизы), где говорится о положении воспитанниц (VIII, 1, 45),²⁶ и то, что героиня «Романа» — воспитанница, которую зовут Лиза, и упоминание англичанки, с «невинным удивлением» восклицавшей «oho!» (VIII, 1, 48), в то время как в «Пиковой даме» фигурирует англичанин, который отвечает холодно «Oh?» (VIII, 1, 247),²⁷ и, наконец, черновой набросок к «Роману»: «Недавно кто-то напомнил эпиграмму Давыдова какой-то спелой кокетке, которая смеялась над его демократическими склонностями к субреткам: <...> que voulez-vous, Madame, elles sont plus fraîches...» (VIII, 2, 570), — «эпиграмму», превратившуюся в эпитафию к II главе «Пиковой дамы»: «Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes. — Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches. Светский разговор» (VIII, 1, 231).²⁸ С другой стороны, разве не представляет «Пиковая дама» в существенной части II и III глав «роман в письмах», состоящий из переписки «воспитанницы Лизы» с Германном, причем первое письмо Германна к Лизе было «слово в слово взято из немецкого романа» (VIII, 1, 237) — очевидно, из немецкого «романа в письмах»?

Таким образом, в лаконичном повествовании «Пиковой дамы» аккумуляровано длительное историческое время, первая половина которого — «молодость графини» — приходится на 1760—1780-е годы; между двумя посещениями графиней Парижа в 1760-х и 1780-х годах имело место ее пребывание в России в 1770-е годы («шестьдесят лет тому назад»).

Создается впечатление, что в «Пиковой даме» продолжены — в новом трагическом ракурсе — размышления Пушкина о закономерностях русской и европейской истории, намеченные отчасти в его первых прозаических произведениях, не доведенных до конца. И в этом отношении осмысление исторического прошлого, каким оно реально предстает в «Пиковой даме», представляет особый интерес.

Б. Я. Виленчик

²⁶ См.: Якубович Д. П. О «Пиковой даме». — В кн.: Пушкин. 1833. Л., 1933, с. 65—66.

²⁷ Еще очевидней это сходство проявляется при обращении к черновому автографу «Романа в письмах» (VIII, 2, 562). См. варианты к строкам 13—16:

13—14 Он привязался к леди Пелам, приезжей англичанк(е), и от нее не отходит | а. Он подружился с приезжим англичанином и с ним не разлучен б. Он подружился с приезжей англичанкою и от нее не отходит — <...>

15 На его речи | На все его речи

15 Отвечает она | он отвечает

15 невинного удивления | холодного удивления³ (примеч. 3: невинного — *позднейшая карандашная поправка*)

16 восклицанием oho! | восклицанием ого!

²⁸ Гладкова Е. Прозаические наброски из жизни «света». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941, т. 6, с. 317.

ЭПИТЕТ «МЕДНЫЙ» В ПОЭМЕ «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Вопрос, почему Пушкин называет бронзового всадника медным, уже обсуждался. «Правдоподобная бронза была бы здесь некстати. Она слишком звонкий, легкий и благородный металл в сравнении с тяжелой, глухой и низменной медью», — говорит Ю. Б. Борев.¹ Ему вторит Л. Еремина: «Благородную бронзу, материал бессмертия, славы и благодарности потомков, Пушкин заменил прозаической медью».² Оба исследователя сходятся также в том, что «медная глава» Петра — намек на его медный лоб. Поскольку такая трактовка эпитета «медный» завоевала популярность, к разговору о нем стоит вернуться.

1. Русский язык допускает употребление слова «медь» в значении «бронза»: колокольная медь, пушечная медь и т. п. Большинство предметов, которые в быту зовутся медными, — светильники, самовары, краны, монеты и проч. — сделаны из сплавов меди с оловом (бронза) и цинком (латунь). В частности, почти все употребления слова «медный» Пушкиными относятся к бронзе и латуни: медные шандалы в спальне старой графини (VIII, 234) и в комнате Сильвио (VIII, 66), медный образ на могиле Вырина (VIII, 106), замок, ручку которого жмет Нулин (V, 10), «медных пушек светлый ряд» (III, 775) и т. д.

2. Особенно интересны для нас случаи, когда Пушкин называет медными бронзовые статуи, тем более что он никогда не называет их бронзовыми. Снижения при этом не возникает: «Ты спрашиваешь меня о Петре? идет по маленьку; скоплю материалы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого не лзя будет перетаскивать с одного конца города на другой» (XV, 154); «Почему же статуи раскрашенные нравятся нам менее чисто мраморных и медных?» (XI, 177); «И славой мраморной и медными хвалами Екатерининских орлов» (III, 189). Из чего льют памятники, Пушкин, конечно, знает: статую Екатерины из Полотняного Завода он по-французски называет бронзовой (XIV, 95, 103). В русских письмах она же — «статуя медная» (XVI, 220) и «медная бабушка» (XIV, 116).

3. Следует отметить, что в допушкинской поэзии статуи вообще только медные. Так, у Жуковского:

Там медь являет зрак героя —
В нем пламень мужества горит.³
(«Могущество, слава и благоденствие
России»)

У Державина:

Такого мужа обелиски
Не тем славны, что к небу близки,
Не мрамором, не медью тверды...⁴
(«Памятник герою»)

¹ Борев Ю. Б. Основные эстетические категории. М., 1960, с. 325. См. также: Борев Ю. Б. Искусство интерпретации и оценки. М., 1980.

² Еремина Л. Почему всадник — медный? — Наука и жизнь, 1978, № 2, с. 129.

³ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4-х т. М.; Л., 1959, т. 1, с. 13.

⁴ Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957, с. 175 (Б-ка поэта. Большая сер.).

Как витязи в веках позднейших
В меди иль в мраморе себя
Со удивленьем созерцают...⁵

(«К Н. А. Львову»)

На твердом мраморном помосте,
На мшистых сводах меж столпов,
В меди, в величественном росте...⁶

(«Мой истукан»)

У Сумарокова:

Сия гора не хлеб — из камня, не из теста,
И трудно сдвинуться со своего ей места,
Однако сдвинулась, а место премея,
Упала ко хвосту здесь медного коня.⁷

(«Сия гора не хлеб...»)

У Ломоносова:

Взирая на него, Перс, Турок, Гот, Сармат
Величеству лица Геройского чудится
И мертвого в меди бесчувственной страшится.⁸

(«Надпись к статуе Петра Великого»)

Светлее злата медь в сем образе сияет,
Что толь великую богиню представляет.⁹

(«Надпись на конное, литое из меди
изображение ее императорского величества
государыни императрицы Елисаветы
Петровны в амазонском уборе»)

В высокой поэтической традиции медь — синоним вечности и славы. Использование в том же значении слова «бронза» становится возможным только в XX в.: «Где он, бронзы звон или гранита грань?» (Маяковский) — в пушкинское время здесь обязательно стояла бы пара: медь и мрамор.

4. Источником такой высокой поэтической традиции явилась античная поэзия. В частности, в известной оде Горация речь идет о памятнике «крепче меди» (aere perennius); русские поэты XVIII—XIX вв. всегда переводят здесь aes («медь, бронза»¹⁰) как «медь». Настоящий рудник «высокой меди» — «Илиада», где χαλκός («бронза, металл, особенно медь как первый металл»¹¹) — едва ли не самое употребительное слово; Гнедич пенз-

⁵ Там же, с. 194.

⁶ Там же, с. 205.

⁷ Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957, с. 111.

⁸ Ломоносов М. В. Избр. произв. М.; Л., 1965, с. 225.

⁹ Там же, с. 247.

¹⁰ Klotz. Handwörterbuch der Lateinischen Sprache. 1853, Bd I, S. 203—205.

¹¹ Pape. Griechisch Deutsches Wörterbuch. Braunschweig, 1914, Bd II, S. 1331—1332.

менно переводит его как «медь»: медный Арей душегубец, меднодоспешные герои, медь сверкающая, жестокая, убийственная и т. п. Надо заметить, что в VII в. до н. э. железо уже известно, так что употребление *χαλκός* по отношению к оружию и доспехам уже у Гомера — поэтизм.

Не менее важным источником высоких ассоциаций, связанных с медью, была для русских поэтов Библия: ср. описание Моисеева святылища, все атрибуты которого делаются из золота, серебра и меди (Исход, 35—39), эпизод с медным змием¹² (Числа, 21, 8—9), а также описание доспехов: «Медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его — пять тысяч сиклей меди. Медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его» (1-я книга Царств, 17, 5—6). Библейская медь — своего рода праметалл, связанный с богослужением и жертвоприношениями.¹³ Медь античная — прежде всего военная и государственная, затем — материал скульптуры («Медная дева, я здесь возлежу, на могиле Мидаса»¹⁴). Вероятно, гомеровскими и библейскими ассоциациями объясняется и то, что Пушкин иногда называет медными стальные доспехи и кавалерийские атрибуты: «На брови медный шлем надвинув» (IV, 12); «Струится кровь с кольчуги медной» (IV, 84); «Уздечки медные гремят»¹⁵ (IV, 109); «Не видал до этих пор Я на ведрах [медных] шпор» (VII, 239).

5. Выражение «медный лоб» (калька франц. *front d'airain*) встречается у Пушкина дважды (II, 458; XV, 2), причем в контекстах, исключающих, на наш взгляд, сопоставление с «Медным всадником». Следует напомнить также, что фразеологизм обладает только целостным значением, которое в другом сочетании («медная глава») не возникает.

6. Слово «бронза» в значении «металл», «сплав меди с оловом» у Пушкина не встречается. «Бронзовый», кроме «Медного всадника», есть в «Графе Нулине» (V, 9) и «Выстреле» (VIII, 71). Несомненно, что это слово у Пушкина имеет только терминологическое значение и лишено поэтических ассоциаций, свойственных меди.

7. Вопрос: «Почему Всадник — медный, хотя он сделан из бронзы» — возник по недоразумению: «медный» и означает «сделанный из бронзы».¹⁶ Еще большее недоразумение — вопрос, «почему Всадник — медный, а конь — бронзовый» (в книге Ю. Б. Борева фигурирует «полиметаллический» образ Петра). Выражение «кумир на бронзовом коне» подразумевает, что весь памятник бронзовый; если же сказано; «Всадник медный», то ясно, что и конь, и седок из меди (т. е. из той же бронзы, только в высоком значении). В единственном случае, когда оба определения оказались в черновике рядом:

¹² Возможно, с ним связана змея, которую топчет Медный всадник.

¹³ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1881, т. 2, с. 367.

¹⁴ См.: Парнас. Антология античной лирики. М., 1980, с. 189.

¹⁵ Уздечка состоит из ременного повода и стальных удил.

¹⁶ Значение слова «медь», охватывающее бронзу и металл вообще, есть и в других языках: ср. немецкое *Etz* — «медь, бронза, металл» (Павловский И. Я. Немецко-русский словарь. Рига; Лейпциг, 1902, с. 471).

Пушкин сразу зачеркивает «бронзовом», избегая непрошеного комического эффекта.

Корректно поставить вопрос можно так: почему памятник в поэме то бронзовый, то медный, при том, что оба слова обозначают у Пушкина один металл, и при том, что «бронзовый» — слово решительно непоэтическое.¹⁸

8. Небезынтересна дальнейшая судьба меди и бронзы в русской поэзии. «Технологический» XIX век восстанавливает терминологически точное значение обоих слов (в частности, электротехника вводит в быт чистую медь); «медный» означает теперь «сделанный из меди» — мягкой, тусклой и дешевой. Соответственно, акции бронзы растут, и сначала в прозе, а затем в поэзии памятники становятся бронзовыми. Ср. в «Подростке» «...останется прежнее финское болото, а посредине его, пожалуй, для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне».¹⁹ У Маяковского: «Мне наплевать на бронзы многопудье, Мне наплевать на мраморную слизь»,²⁰ т. е. бронза окончательно заняла место меди рядом с мрамором. То же в современных переводах римских поэтов: «Создал памятник я, бронзы литой прочней»;²¹ «Тысячу древних фигур из бронзы, из кости слоновой».²² Поэтическая реабилитация бронзы дает возможность уточнить перевод («древние фигуры» делались-таки из бронзы), и она же порождает сниженное восприятие эпитета в названии «Медный всадник».

«Медь» в значении «бронза» продолжает употребляться там, где нужно подчеркнуть архаичность (у Горация в переводе Г. Церетели: «Башни медной замок, двери дубовые»²³) или связь с поэтической традицией: «Будь мрамором и медью будь»,²⁴ «Медь грозных легионов застонала».²⁵ Автор «Мастера и Маргариты» называет статуи во дворце Ирода то медными, то бронзовыми, явно не делая различия.²⁶

Форсирование поэтических ассоциаций, связанных с медью, в поэзии начала XX в. ведет к окончательному ее превращению в «смертельную медь». Ср. у Блока: «И в гроб переплавляю медь».²⁷ И особенно у Мандельштама: «Качает ветер тоненькие прутья. И крепнет голос проволоки мед-

---

¹⁷ Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978, с. 60 (сер. «Литер. памятники»).

¹⁸ Следует учесть также, что «бронзовый» встречается только в сочетании «на бронзовом коне», которое, вероятно, заимствовано у Мицкевича: «Siadł na brązowym grzbiecie bucafa».

¹⁹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1975, т. XIII, с. 113.

²⁰ Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1958, т. 10, с. 284.

²¹ Парнас, с. 261 (пер. С. Шервинского).

²² Там же, с. 329 (пер. Н. Позднякова).

²³ Там же, с. 258.

²⁴ Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1961, с. 443.

²⁵ Там же, с. 543.

²⁶ Булгаков М. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Л., 1978, с. 437, 445.

²⁷ Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1960, т. 2, с. 42.

ной... И только медь — непобедимой дрожью — Пространство режет, нижег бисер черный».²⁸ В последнем примере обыгрываются сразу три значения слова: буквальное (медный провод), высокопоэтическое (античная «смертельная медь») и музыкальное (звучание группы «медных» в оркестре). Ср. у него же: «И ночь нарастает, унынья и меди полна».²⁹

«Медь дороже серебра, — гласит пословица. — Серебро — чертово ребро, а медь богу служит и царю честь воздает».³⁰

Е. С. Хаев

ОБ ИСТОЧНИКАХ СТАТЬИ ПУШКИНА О БАЙРОНЕ

1

Интерес Пушкина к творчеству и биографии Байрона общеизвестен и получил подробное освещение в литературоведении.¹ На фоне лаконичных замечаний об английском поэте, разбросанных в литературно-критических статьях Пушкина, черновой набросок, озаглавленный им «О Байроне и о предметах важных»,² выделяется своим размером и композицией. Не случайно первый его издатель П. В. Анненков заметил, что он несет в себе следы свежих впечатлений от прочитанного.³ Однако вопрос о причинах обращения Пушкина к биографии Байрона в середине 30-х годов и об источниках, к которым восходит его статья, еще недостаточно прояснен.

Одним из источников статьи Пушкина является книга Т. Мура во французском переводе Беллок: «Mémoires de Lord Byron publiés par T. Moore, traduits de Anglais par M-me Louise Sw.-Belloc» (Paris, 1830).⁴

²⁸ М а н д е л ь ш т а м О. Стихотворения. Л., 1974, с. 258.

²⁹ Там же, с. 122.

³⁰ Даль В. Толковый словарь... т. 2, с. 367.

¹ Наиболее полное освещение проблемы смотрите в работах; Ж и р м у н с к и й В. М. 1) Байронизм Пушкина как историко-литературная проблема. — В кн.: Пушкинский сборник. М.; Пг., 1922, с. 295—326; 2) Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы. Л., 1978; К о з м и н Н. К. Пушкин о Байроне. — В кн.: Пушкин в мировой литературе. Л., 1926, с. 99—111.

² Пушкин воспользовался словами из «Горе от ума» Грибоедова, несколько изменив их — в комедии читается: «О Байроне и о матерях важных» (д. 4, стих 103). В 10-томном собрании сочинений Пушкина, вышедшем в издательстве «Художественная литература» (2-е изд. М., 1976, т. 6, с. 366), это определение вынесено как заглавие статьи, в «большом» академическом издании статья озаглавлена «Байрон» (XI, 275).

³ Анненков П. В. Материалы к биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855, т. 1, с. 257. При публикации самого текста (СПб., 1855, т. 6, с. 95—99) статья озаглавлена Анненковым «Лорд Байрон».

⁴ Анна-Луиза Беллок (Belloc, урожд. Swanton, 1796—1881) — французская писательница и переводчица с английского языка. Далее при ссылках на французский перевод книги Мура указывается сокращенно: Беллок, страница.

Книга эта имела в пушкинской библиотеке.⁵ В тексте статьи Пушкин приводит мнение Мура («Мур справедливо замечает, что...» — XI, 273); в рукописи также есть помета Пушкина: «Mémoires 31—33 et quelques mots» (XI, 523), указывающая на намерение сделать в свою статью вставку из книги Мура. С этой французской вставкой статья традиционно и публикуется. Однако «Мемуары» Мура вышли в свет в 1830 г.,⁶ и не совсем ясно, почему Пушкин, оценивший их сразу же по прочтении,⁷ обратился к ним пять лет спустя.

Рассматривая эту проблему, Н. К. Козмин⁸ предположил, что, возможно, работа Пушкина над статьей связана с переводом на русский язык книги Т. Медвина «Conversations of Lord Byron; noted during residence with his lordship at Pisa in the years 1821—1822»⁹ и публикацией ее в типографии Н. И. Греча. Книга Т. Медвина была написана после смерти Байрона, по аналогии с книгой Эккермана о Гете, «с тою только разницей, что он (Медвин, — Н. М.) слишком предавался вымыслам и искажал подлинные факты».¹⁰ Несмотря на это, книга пользовалась большой популярностью. Ее французским изданием сразу же заинтересовались в России.¹¹ Именно эту книгу Пушкин просил брата прислать ему в Михайловское в январе—феврале 1825 г. (XIII, 142). Так как цензурный комитет запретил в России и оригинал и французский перевод книги Медвина, как позже запретит книгу Мура,¹² в периодическую печать смогло проникнуть лишь несколько отрывков из данных книг.¹³ На русский язык книга Медвина была переведена полностью лишь в 1835 г. и вышла в свет «поздней осенью».¹⁴ Пушкинская рукопись статьи о Байроне имеет дату «25 июля»; следовательно, появление этой книги вряд ли могло повлиять на замысел Пушкина; возможно, конечно, он знал о готовящемся переводе и был знаком с подготовительными материалами, но данных, подтверждающих это предположение, пока нет.¹⁵

⁵ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. — В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX—X, с. 182, № 696.

⁶ О восприятии биографических материалов о Байроне в России вплоть до 1830 г. включительно подробно пишет М. П. Алексеев, см.: Русско-английские литературные связи (XVIII век—первая половина XIX). — Литературное наследство. М., 1982, т. 91, с. 723—747.

⁷ См.: Письма П. А. Вяземского к жене. — Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 806.

⁸ Козмин Н. К. Пушкин о Байроне, с. 110—111. Ранее это положение было высказано Козминым в «Примечаниях к историко-литературным, критическим и полемическим заметкам» в кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1929, т. 9 (2), с. 661—673 (далее: Козмин. Примечания).

⁹ Лондонское издание книги (1825 г.) сохранилось в библиотеке Пушкина, см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина, с. 285, № 1149.

¹⁰ Козмин. Примечания, с. 663.

¹¹ См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 386.

¹² См.: Оксмач Ю. Г. Борьба с Байроном в Александровскую и Николаевскую эпоху. — Начала, 1922, № 2, с. 256—263.

¹³ Северная пчела, 1825, № 135; Московский вестник, 1827, ч. 1, № 3, с. 243.

¹⁴ Козмин. Примечания, с. 669.

¹⁵ Предположение об этом Козмина как возможное принимал М. П. Алексеев (Литературное наследство, т. 91, с. 459).

Возможно, Пушкин был знаком с биографией Байрона, опубликованной в «Сыне отечества» в самом начале 1835 г. (цензурное разрешение от 4 января), в которой Байрон представлен «главою <...> так сказать эгоистов-писателей», «развратным великим человеком», стремящимся «посрамить отечество гнусностью своего распутства и вместе ослепить его блеском своего Гения».¹⁶ В таком случае восприятие Пушкиным данного текста могло быть только негативным, заставляющим вспомнить фразу, высказанную им в письме к Вяземскому в 1825 г. по поводу реакции «черни» на мемуары великих лиц: «...врете, подлецы, он и мал и мерзок не так, как вы, — иначе» (XII, 244). Но опять же нет фактов, подтверждающих данное предположение.

Таким образом, бесспорен пока один факт: при написании статьи Пушкин обращался к книге Мура, а раз в его библиотеке сохранился ее французский перевод, то предполагается, что читал он ее по-французски.

Однако в одном из вариантов статьи есть фраза, написанная Пушкиным по-английски. Говоря о матери Байрона, он охарактеризовал ее как дочь владельца Гайфского, а рядом написал и тут же зачеркнул «esquire of Light» (XI, 520). Во французском же переводе Беллок это место читается как «esquire de Light».¹⁷ Это позволяет предположить, что помимо перевода Беллок Пушкин пользовался и оригиналом, где данный фрагмент выглядит так: «esq. of Light».¹⁸

Встает вопрос, насколько хорошо Пушкин знал английский язык в 1835 г. и мог ли он читать Мура в оригинале. М. А. Цявловский пишет, что начиная с 1828 г. Пушкин «довольно хорошо владел английским языком» и мог читать Шекспира в подлиннике.¹⁹ Следовательно, в 1835 г. он вполне мог читать в оригинале и Мура.²⁰

При сопоставлении с соответствующими главами книги Мура в пушкинском тексте обнаруживаются некоторые факты, которые у Мура отсутствуют. Например, Пушкин указывает точную сумму состояния леди Байрон (23 500), в рукописи он делает подсчет и переводит фунты стерлингов в рубли. Этой цифры нет ни в оригинале, ни во французском переводе книги Мура.²¹ Ее мы находим в книге, которая сохранилась в библио-

¹⁶ Сын отечества, 1835, т. XI—XII, с. 245, 253—254.

¹⁷ Беллок, с. 9.

¹⁸ Полное название английского оригинала книги Мура: «Letters and Journals of Lord Byron with Notices of his life by Thomas in four volumes» (Paris, 1830). Далее при ссылах на английский оригинал книги Мура указывается сокращенно: Мур, страница.

¹⁹ Цявловский М. А. Пушкин и английский язык. — В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1913, вып. XVII—XVIII, с. 71. Эту же точку зрения поддерживал М. П. Алексеев, см.: Алексеев М. П. Пушкин и Шекспир. — В кн.: Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 243.

²⁰ Для Пушкина характерно знакомство с английской литературой сначала через посредство французских переводчиков и критиков, а затем обращение к подлинникам. См.: Винокур Г. О. Комментарий к «Борису Годунову». — В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1935, т. VII (Драматические произведения), с. 489.

²¹ Детальное сопоставление английского и французского вариантов книги Мура является предметом отдельного исследования и не входит в задачу данной статьи.

теке Пушкина и называется «The complete works of Lord Byron, from the last London Edition. Now first collected and arranged, and illustrated. With notes by Sir Walter Scott, Frensis Geffrey, professor Wilson... etc.», (Paris, 1835).²² Это издание открывается биографией Байрона, написанной Джоном Гэлтом (Gohn Galt, 1779—1839) — известным английским писателем, работавшим в прозаических и поэтических жанрах. Занимаясь коммерцией, он путешествовал по Средиземноморью и в Гибралтаре встретился с Байроном и Хобхаузом, отправился с ними на Мальту, а позже вновь повстречался с Байроном в Афинах. После смерти Байрона он написал его биографию, первое издание которой вышло в Лондоне в 1830 г.²³ Именно эта биография и предваряла издание сочинений Байрона 1835 г.²⁴

Биография, написанная Гэлтом, учитывала все известные к тому времени свидетельства о жизни Байрона. Она опиралась на книги Мура, Ли Ханта,²⁵ на записки и письма самого Байрона и носила несколько компилятивный характер: некоторые фрагменты 1-й главы, материал которой использовался Пушкиным для набросков биографии Байрона, полностью совпадает с соответствующими фрагментами книги Мура, например сообщения о надгробиях в аббатстве Ньюстид, о рождении поэта, о поездке в горы после скарлатины в 1796 г. и др.

Однако есть такие эпизоды, которые освещены Гэлтом иначе, чем Муром, и которые вошли в пушкинский текст именно в трактовке Гэлта. Сопоставим фрагменты, рассказывающие об отношении капитана Байрона (отца поэта) к своему сыну после развода с женой. У Пушкина читаем: «... он однажды взял к себе маленького сына, который у него и ночевал; но на другой день он отослал неугомонного ребенка к его матери, и с тех пор уже его не приглашал» (XI, 276). У Гэлта: «The Captain also paid some attention to the boy, and had him, on one occasion, to stay with him for a night, when he proved so troublesome that he was sent home next day».²⁶ У Мура: «He <...> expressed a strong wish, to have the child for a day or two, on a visit with him. To this request Mrs. Byron was, at first, not very willingly to accede, but, on the representation of the nurse, that „if he kept the boy one night, he would not do so another“, she consented. The event proved as the nurse had predicted; on inquiring next morning after the child, she was told by Captain Byron that he had had quite enough of his young visitor,

---

²² См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина, с. 181, № 693.

²³ The Encyclopaedia Britanica, fourteenth edition. London; New York, 1929, 1932, vol. 9, p. 999; Grand dictionnaire universel du XIX siècle. Par Pierre Larousse. Paris, [s. a.], vol. 9, p. 972.

²⁴ Далее при ссылках на эту биографию дается сокращенно: Гэлт, страница.

²⁵ Книгой Ханта интересовался и Пушкин, она сохранилась в его библиотеке: Hunt Leigh. Lord Byron and some of his contemporaries. London, 1830. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина, с. 254, № 1013. Сразу же после выхода в свет книга была встречена с большим интересом. «Литературная газета» Дельвига откликнулась на нее положительными рецензиями (1830, № 14, с. 110—112; № 15, с. 120—121).

²⁶ «Капитан еще уделял некоторое внимание маленькому мальчику и однажды оставил его у себя на ночь, причем сын оказался таким беспокойным, что на следующий день был отослан домой» (Гэлт, с. IV).

and she might take him home again».²⁷ Таким образом, Мур дает иное освещение событий, подчеркивая, что капитан Байрон стал жертвой женской хитрости. Гэлт и Пушкин трактуют это событие исходя из духовного склада капитана Байрона.

Касаясь странной дуэли между В. Байроном и мистером Чавортом, Мур умалчивает о ее подробностях, сообщая лишь о самом факте: «The former in the year 1765, stood his trial before the House of Peers for killing, in a duel, or rather scuffle, his relation and neighbour Mr. Chaworth».²⁸ Пушкин пишет подробнее: «Лорд Вильгельм, брат адмирала Байрона, родного деда его, был человек странный и несчастный. Некогда на поединке заколол он своего родственника и соседа г. Чаворта, и палата пэров признала убийцу виновным. Он был однако ж освобожден от наказания...» (XI, 277). В рукописи этот текст находится на правом полулисте страницы, а на ее левой половине, оставленной для вставок и исправлений, вписана фраза: «Они дрались без свидетелей, в трактире при свечке. Дело это произвело много шума...» (XI, 277). Эти же подробности мы находим в биографии Гэлта: «... in 1765, he was sent to the Tower, and tried before the House of Peers, for killing his relation and neighbour, Mr. Chaworth, in a duel fought at the Star and Garter Tavern, in Pall Mall <...> It appeared in evidence that he insisted on fighting with Mr. Chaworth in the room where the quarrel commenced. They accordingly fought without seconds by the dim light of a single candle».²⁹

Вслед за Гэлтом Пушкин указывает на причины, побудившие капитана Байрона жениться на мисс Гордон: «На другой год, — пишет Пушкин, — расчетливый вдовец для поправления своего расстроенного состояния женился на мисс Gordon, единственной дочери и наследнице Георгия Гордона,

²⁷ «Он выражал сильное желание взять мальчика на день или два к себе. Эта просьба вначале была встречена миссис Байрон неблагоприятно, но когда кормилица сказала, что „если он возьмет ребенка на ночь, он никогда его больше не попросит“, она уступила. Случай доказал, что кормилица была права; на ее вопрос о ребенке на следующее утро капитан Байрон сказал, что он вдоволь наслаждался своим юным гостем и она может забрать его домой» (Мур, с. 10—11).

²⁸ «Первый (В. Байрон, — Н. М.) в 1765 г. предстал перед судом в палате пэров за убийство на дуэли или даже в потасовке своего родственника и соседа г. Чаворта» (Мур, с. 6).

²⁹ «В 1765 году он был отправлен в Тауэр и судим палатой пэров за убийство своего родственника и соседа мистера Чаворта на дуэли в таверне „Звезды и Подвязки“, в Пэл Мэл <...> Как явствует из свидетельского показания, он настоял на том, чтобы драться с мистером Чавортом в той же комнате, где началась ссора. Соответственно они дрались без секундантов при тусклом освещении единственной свечи» (Гэлт, с. III). Впрочем, об обстоятельствах поединка Пушкин мог узнать и из «Краткого обзора биографии Байрона», помещенного в книге «The works of Lord Byron complete in one volume» (Francfort o. M., 1826), которую подарил ему А. Мицкевич (Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина, с. 182—183). В этой книге данный эпизод выглядит так: «The dispute which led to this fatal catastrophe was begun and ended in the same room, and at the same meeting. Lord Byron insisting that they should instantly settle it by the sword, and with such light as one glimmering candle afforded» («Спор, который привел к ужасной катастрофе, был начат и закончен в той же комнате и во время этой встречи, лорд Байрон настоял на том, что они должны разрешить его немедленно на шпагах, при свете одной мерцающей свечи») (с. IV).

владельца гайфского» (XI, 275). Гэлт дает следующую трактовку: «Captain Byron then married Miss Catherine Gordon, of Light, a lady of honourable descent, and of a respectable fortune for a Scottish heiress, the only motive he had forming the connection».³⁰

Мур умалчивает о причинах, побудивших капитана Байрона заключить брачный договор. Для него значимы лишь факты, от которых невозможно уклониться; Гэлт, напротив, подчеркивает значение деталей для истолкования фактов. Они как бы дополняют друг друга, поэтому Пушкин использует сведения, сообщаемые и тем и другим, для своей статьи. Сопоставим фрагменты, рассказывающие об обстоятельствах первой женитьбы лорда Байрона.

У Гэлта: «In 1778, he acquired extraordinary eclat by the seduction of the Marchioness of Carmarthen...».³¹

У Мура: «the latter, having carried off to the continent the wife of Lord Carmarthen, on the noble marquis obtaining a divorce from the lady, married her».³²

У Пушкина: «Капитан Байрон, сын знаменитого адмирала и отец великого поэта, навлек на себя соблазнительную славу. Он увез супругу лорда Carmarthen и женился на ней тотчас после ее развода» (XI, 275). Таким образом, если в первой половине фрагмента Пушкин следует за Гэлтом, то во второй половине он явно ближе к Муру.

Любопытные замечания дают варианты статьи Пушкина. Порой в них более открыто оцугит источник, на который Пушкин опирается. Так, в беловом варианте Пушкин пишет о наставнике Байрона следующее: «Некто Патерсон, строгий пресвитерианец, но тихий и ученый мыслитель, был потом его наставником» (XI, 276). В вариантах этого фрагмента явно чувствуется влияние Гэлта; ср.: «сын башмачника» у Пушкина (XI, 522), «son of shoemaker» у Гэлта (с. IV); «хороший наставник» у Пушкина (XI, 522), «a good scholar» у Гэлта (с. IV).

Но не во всем Пушкин следует Гэлту, довольно часто он предпочитает точку зрения Мура. Начиная, как и Мур, с рассуждения о правомерности аристократической гордости Байрона,³³ он включает в текст описание воздействия на Байрона суровых красот шотландской природы, сообщение о смерти наследника на Корсике и т. д.

---

³⁰ «Капитан Байрон затем женился на мисс Катерине Гордон из Гайта, женщине благородного происхождения и значительного для шотландской наследницы состояния; единственным желанием, побудившим его на этот шаг, было стремление породниться с ее семейством» (Гэлт, с. V).

³¹ «В 1773 году он приобрел скандальную известность, соблазнив маркизу Кармартэн» (Гэлт, с. III).

³² «Он увез на континент жену лорда Кармартэна и женился на ней сразу же после того, как благородный маркиз оформил развод» (Мур, с. 6).

³³ Этот мотив был близок Пушкину, так как в связи с полемикой о литературной аристократии его самого неоднократно упрекали в подражании в этом отношении лорду Байрону. Особенно резко это обвинение было высказано Булгариным в № 94 «Северной пчелы» за 1830 г., во «Втором письме из Карлова на Каменный остров». Попытки отражения этого обвинения находятся в не опубликованных при жизни Пушкина заметках «Опровержения на критики» (1830).

Однако пушкинский текст отнодь не носит компилятивного характера. Автор заимствует у Мура и Гэлта лишь необходимые ему сведения, компоуя их в соответствии с собственным замыслом. Отбор материала, который производил Пушкин, позволяет высказать предположение, что Пушкин намеревался создать художественную биографию Байрона, в которой характер поэта строился бы по романтической модели. Прежде всего подчеркивается изначальная предопределенность главного героя. Уродство (в данном случае — хромота) и красота объединены автором в одном персонаже и предопределяют дальнейшее восприятие мира и развитие характера героя. Говоря о хромоте поэта, Мур в своей книге замечает, что она осложняла жизнь Байрона в его ранние годы, позже он уже мог подтрунивать над ней. Пушкин опускает второе положение, так как ни один романтический герой не смеется над собственным уродством, а страдает от него.

Пушкин снимает диалектические характеристики, присущие персонажам в книгах Гэлта и Мура. Каждый герой получает свою доминирующую линию: капитан Байрон — холодную расчетливость, жестокость, леди Байрон — бурные страсти, доходящие до иступления, пятый лорд Байрон — высокомерие и презрение к людям. Не случайно Пушкин писал, что «Манфред и Лара напоминают уединенного ньюстидского барона» (XI, 278), а в одном из вариантов прибавил: «убийцу Чаворта» (XI, 525).

Таким образом, текстовые совпадения статьи Пушкина и книги Гэлта, а также совпадение даты рукописи с годом выхода книги, наличие этой книги в библиотеке Пушкина позволяют сделать предположение, что одной из причин, побудивших Пушкина к написанию статьи, было знакомство его с биографией Байрона, написанной Джоном Гэлтом. Компилятивный характер книги Гэлта, его постоянное обращение к книге Томаса Мура о Байроне, могло послужить стимулом к обращению к оригинальному тексту Мура или к его французскому переводу. Различное освещение известных фактов и неизвестных деталей в книгах Мура и Гэлта могло повлечь за собой мысль об использовании этих книг как параллельных, взаимодополняющих источников для воплощения собственного замысла. Характер произведенного Пушкиным отбора материала позволяет сделать предположение, что данный набросок не критическая статья, а подступ к написанию художественной биографии Байрона.

2

Возникает вопрос о тех причинах, которые тормозили практическое воплощение пушкинского замысла о Байроне вплоть до 1835 г. В связи с этим необходимо обратиться к истории знакомства русского общества первой трети XIX в. с биографией Байрона.

Большое внимание освещению этой проблемы уделял академик М. П. Алексеев.³⁴ Остановиваясь, в частности, на первых этапах проникновения сведений о Байроне в русскую периодическую печать, он вполне обоснованно относил П. А. Вяземского к одним из ведущих пропаганди-

---

³⁴ См. его фундаментальный труд: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. — Литературное наследство. М., 1982, т. 91. 863 с.

стов творчества Байрона в России. В 1827 г. Вяземский сообщил читателям «Московского телеграфа» следующее: «Мы поручили одному из соотечественников наших, живущему в Париже, просить от г-жи Белок, написавшей занимательную книгу (с которой познакомим читателей «Телеграфа») о лорде Байроне, чтобы она указала на лучшие источники, из коих можно бы составить себе ясное понятие о нем и руководствоваться для верного и полного изображения».³⁵

Комментируя это сообщение, М. П. Алексеев пишет, что «хотя Вяземский и не называет того „соотечественника“, живущего в Париже, которому он поручил обратиться к г-же Беллок, но у нас есть все основания полагать, что этим лицом был Василий Федорович Гагарин — брат жены Вяземского, Веры Федоровны».³⁶

Представляется возможным внести в это положение некоторые уточнения, так как сохранился текст приписки Вяземского в одном из писем Карамзиных, адресованных А. И. Тургеневу, где содержится данная просьба.

«... Когда будешь в Париже, отыщи и большого князя Василия Гагарина и в случае нужды пособи ему: <...> Не забывай, что я в Москве; напиши когда-нибудь и присылай книг, когда можно. Мой сердечный поклон братьям. Если вышел уже 2-й том о Вугон, par m-lle Louise Belloc, пришли мне его сейчас и познакомься с ней, да попроси ее указать на лучшие источники, в коих можно почерпнуть сведения о его жизни».³⁷

Письмо Карамзиных датировано 6 сентября 1825 г., приписка Вяземского — 8 сентября. Начиная с 1824 г. в переписке Вяземского постоянно упоминается имя Байрона по поводу какого-то замысла; о том пристальном интересе, который питал к этому замыслу Пушкин, можно судить по его письмам к Вяземскому, относящихся к этому периоду. Так, 25 мая — около середины июня 1825 г. он пишет: «...жду твое о Байроне»; 13 июля 1825 г.: «...и что твой Байрон или Бейрон» (XIII, 184, 187). На эти вопросы Вяземский ответил в письме от 4 августа 1825 г.: «И мой Бай или Бейрон бай-бай! <...> в Остафьеве <...> в начале сентября <...> примусь баять о Байроне. Между тем все эта мысль гнездится у меня в голове, и собираю все возможные материалы» (XIII, 201). Следовательно, в сентябре 1825 г. Вяземский думал перейти к обработке собранного материала в Остафьеве. Пушкин, по-видимому, был очень заинтересован в воплощении этого замысла. 10 августа 1825 г. он вновь обращается к Вяземскому с вопросом: «Что твой Байрон? перешли мне его прежде печати <...>». 28 августа Вяземский пишет Пушкину: «Я на днях возвратился из Ревеля морем с эскадрою на адмиральском корабле. Мало, только два дня был я на море и не успел поверить Байрона, как твой дядя поверил Вергилиеву бурю» (XIII, 204, 223). Приписка этого письма к Пушкину датирована

---

³⁵ Там же, с. 730; Московский телеграф, 1827, ч. 13, № 3, отд. II, с. 118. См. также: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи..., с. 730.

³⁶ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи..., с. 730.

³⁷ Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806—1826 гг.). — Русская старина, 1899, № 98, с. 231—232. До этого текст публиковался дважды: первый раз — в «Московском литературном и учебном сборнике на 1847 г.» (с. 391—392), второй раз — в «Москвитяине» (1855, № 23/24, с. 183—184).

6 сентября 1825 г., в ней, в частности, говорится о Карамзиных и о намерении ехать в Остафьево 12 сентября (XIII, 224), т. е. сообщаются те же факты, что и в приписке к А. И. Тургеневу. Таким образом, становится совершенно очевидно, что Вяземский готовился к написанию биографии Байрона и что Пушкин, А. И. Тургенев и Н. М. Карамзин знали об этом замысле и старались помочь советом или сбором материалов. Поэтому сетования Вяземского по поводу сожженных Муром записок Байрона следует рассматривать не как отвлеченные сожаления на сенсационную новост, а как сетования биографа по поводу утраты ценных материалов. А пушкинский ответ следует рассматривать как определенную модель биографии, построенную на достаточной осведомленности публики относительно основных событий жизни Байрона: «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на суде» (XIII, 243).³⁸

Однако для того чтобы писать биографию, необходимо иметь достаточно проверенный материал. В этом отношении лучшего «собирателя» материала, чем А. И. Тургенев, трудно себе представить. Упоминание Вяземским в приписке к письму Карамзиных имени В. Ф. Гагарина (ум. в 1829 г.) объясняет, почему ответные письма Вяземскому писались им: видимо, А. И. Тургенев перепоручил ему просьбу Вяземского. Однако это несколько не умаляет значительность той роли, которую играл А. И. Тургенев в плане посредничества между Вяземским и английской литературой. Черновик его письма к Т. Муру, текст которого приводит М. П. Алексеев,³⁹ позволяет объяснить те причины, по которым Вяземский отказался от своего замысла: из сообщений русской периодической печати 1828 г. он узнал, что Мур готовит к изданию биографию и письма Байрона. Однако, как установил М. П. Алексеев,⁴⁰ в 1829 г. А. И. Тургенев обсуждает с Муром смелый план перевода корректурных листов его книги о Байроне одновременно с выходом в свет оригинала. Переводчиком предполагался Вяземский. Это предприятие не было осуществлено, так как книга Т. Мура была запрещена царской цензурой.⁴¹

Таким образом, становится вполне очевидным, что Пушкин не берется за написание биографии Байрона до тех пор, пока от этого замысла окончательно не отойдет Вяземский и не начнет работу над биографией Фонвизина. С другой стороны, приступая к работе в июле 1835 г., Пушкин среди своих материалов имел биографию Байрона, написанную Гэлтом, в парижском издании 1833 г. Откуда мог Пушкин получить эту книгу? По-видимому, она была прислана частным образом, так как в списках книжных новинок за этот год она не упоминается (см. «Библиотеку для чтения»). Прислать ее мог А. И. Тургенев, который 27 января 1835 г. покинул Москву и отправился в свое очередное заграничное путешествие.

³⁸ Подробнее см.: Мясоедова Н. Е. Наблюдения над поэтикой мемуарной прозы А. С. Пушкина: (Поэтика биографических текстов) (в печати).

³⁹ Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи... с 747.

⁴⁰ Там же, с. 756—757.

⁴¹ Подробнее см.: Оксман Ю. Г. Борьба с Байроном в Александровскую и Николаевскую эпоху. — Начала, 1922, № 2, с. 256—263.

Март—май 1835 г. он провёл в Италии, июнь — в Париже;⁴² по-видимому, в это время и была отослана Пушкину книга, которой он пользовался уже в июле этого года (пушкинская рукопись имеет дату «25 июля»). В подтверждение этого предположения напомним обращение Вяземского к А. И. Тургеневу в письме от 8 апреля 1836 г. по поводу поддержки пушкинского «Современника»: «Пушкин просит тебя, Христа и публики ради, быть отцом-кормильцею его „Современника“ и давать ему сосать твои полные и млекооточивые груди, которые будут для него слаще птичьего молока».⁴³ Дальнейшее развитие Вяземским в письме этой идеей подтверждает наше предположение о значимости для Пушкина и Вяземского тургеневского участия в издании журнала. Вполне вероятно, что аналогичная ситуация создалась и в 1835 г.; иными словами, перед отъездом А. И. Тургенева за границу Пушкин заручился его поддержкой в осуществлении замысла байроновской биографии и получил согласие Тургенева присылать интересующий Пушкина материал. Этим материалом и оказалась книга Гэлта.

Таким образом, если наши предположения относительно участия А. И. Тургенева в присылке Пушкину книги Гэлта верны, то в данной теме остается еще одно белое пятно, связанное с причинами прекращения пушкинской работы над биографией Байрона. Но этот вопрос пока остается открытым, надеемся, что со временем и он получит свое объяснение.

Н. К. Мясоедова

ВАЛЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК ПУШКИНА

Произведения Пушкина ныне переводятся на самые разные языки, причем не только на такие широкораспространенные, как английский, испанский, китайский, французский или немецкий, но и на языки многих малых народов, до недавнего времени вообще не имевших ни собственной оригинальной, ни переводной литературы.

Показательным в этом смысле становится появление переводов из Пушкина на один из языков кельтской языковой группы — валлийский.¹ Это язык сравнительно небольшой народности, населяющей полуостров Уэльс на западе Великобритании; количество говорящих на нем в настоящее время составляет примерно один миллион человек. Как и языки других национальных меньшинств, он в течение ряда веков постепенно вытеснялся английским. Так продолжалось до начала текущего столетия,

⁴² Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство. — В кн.: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.; Л., 1964, с. 476—477.

⁴³ Остафьевский архив. СПб., 1899, т. 3, с. 312.

¹ Storian o'r Rwsseg (y Gyfres Guntaf) wedi eu cyfieithu o'r Rwsseg gan T. Hudson-Williams. Llandebie, 1942; Cerddi o'r Rwsseg. Wedi eu cyfieithu gan T. Hudson-Williams. Llangollen, N. Wales, 1945; Ar y Weirglodd, gan T. Hudson-Williams. Dinbych, 1946.

когда начался рост национального самосознания валлийцев, а вместе с ним и рост интереса к валлийской культуре и, конечно, к валлийскому языку. Этот интерес продолжает возрастать и в наши дни, что нашло отражение и в художественной литературе; о нем говорится, например, в романе Джона Уэйна «Зима в горах», известном русскому читателю по публикации в журнале «Иностранная литература».

Как следствие этого интереса, в Уэльсе возникает оригинальная литература на родном языке и начинают появляться художественные переводы с других языков, в том числе и переводы с русского. Первые переводы с русского на валлийский язык принадлежат перу Томаса Хадсона-Уильямса. Они были опубликованы в середине сороковых годов.

К сожалению, о жизни и творческой деятельности этого бесспорно незаурядного человека нам известно очень немного. Он родился в 1873 г. в небольшом уэльском городке. После школы изучал староваллийский язык и классическую филологию — сначала в университетском колледже г. Бангора, а затем в Германии, в университете города Грайфсвальда. Вернувшись на родину, он в 1900 г. начал преподавать латынь и древнегреческий язык в том же университетском колледже г. Бангора, а с 1904 г. был в течение 36 лет (до 1940 г.) профессором на кафедре древнегреческой филологии.

Т. Хадсон-Уильямс заинтересовался русской литературой и начал изучать русский язык в конце прошлого века, когда учился в Грайфсвальдском университете. Значительную роль в пробуждении этого интереса сыграла популярность не только в Германии, но и во всей Западной Европе того времени произведений Ф. М. Достоевского. Увлечшись переводом с русского языка, Т. Хадсон-Уильямс отдавал этому занятию много времени и труда, особенно после своего ухода в отставку в 1940 г. Он переводил стихи и прозу целого ряда русских авторов (Н. М. Карамзина, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Плещеева, Ф. И. Тютчева, А. К. Толстого, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. К. Сологуба), но наибольшее внимание уделял произведениям А. С. Пушкина, которые, по словам переводчика, чаруют и вызывают изумление своим поэтическим блеском, красотой слога, музыкой звуков, богатством смысловых оттенков, проникающих в самое сердце читателя. Отмечая высокий поэтический дар Пушкина, Т. Хадсон-Уильямс писал в предисловии к одной из трех опубликованных им книжек с переводами из русских авторов, что поэзия Пушкина отличается необычайной чистотой и похожа своей прозрачностью на безоблачное голубое небо. В его переводе на валлийском языке существуют отдельные стихотворения поэта, а из более крупных произведений — «Пиковая дама», «Быстрел» и «Моцарт и Сальери».

При выборе текстов для перевода Т. Хадсон-Уильямс руководствовался в первую очередь, разумеется, своим личным вкусом, а иногда и внешними обстоятельствами. Так, свой перевод стихотворения «Обвал» он предваряет упоминанием о том, что в тот самый момент, когда в 1943 г. он читал это стихотворение, по английскому радио начали передавать сообщение о боевых действиях Советской армии против немецко-фашистских войск на реке Терек; тут же у него возникло решение перевести это стихотворение.

Т. Хадсон-Уильямс не ставил, да и не мог в то время ставить перед собой задачу дать валлийскому читателю более или менее полное пред-

ставление о творчестве Пушкина; по его словам, даже думать о выполнении такой задачи было бы с его стороны слишком самонадеянно. Его целью было познакомить читателя хотя бы с отдельными образцами творений, созданных величайшим поэтом России.

Несмотря на небольшой объем переводческого наследия Т. Хадсона-Уильямса, оно имеет значение уже потому, что принадлежит первооткрывателю русской литературы вообще и творчества Пушкина в частности для читателей, родным языком которых является валлийский. Надо полагать, что со временем в Уэльсе появятся более совершенные по исполнению и художественному мастерству переводы пушкинских произведений, но положительная роль Т. Хадсона-Уильямса, как первого (и пока единственного) переводчика русской литературы на валлийский язык, основоположника непосредственных русско-валлийских литературных связей, не только не будет забыта, но, наоборот, получит по достоинству высокое признание и на родине переводчика, и на родине Пушкина.

Н. Л. Шадрин

IV. ХРОНИКА

Н. В. ИЗМАЙЛОВ (1893—1981)

Умер Николай Васильевич Измайлов, доктор филологических наук, один из виднейших литературоведов старшего поколения, имя которого неразрывно связано с историей советского пушкиноведения и советской текстологии начиная с первых шагов. Незадолго до своей кончины он принял почетную награду Академии наук СССР — Пушкинскую премию, которой были отмечены его последние труды — книга «Очерки творчества Пушкина» (1975) и подготовленное им в серии «Литературные памятники» издание «Медного всадника» (1978).

Николай Васильевич был соратником блестящей плеяды ученых, стоявших у истоков советского литературоведения. Выпускник Петербургского университета, участник знаменитого пушкиноведческого семинара С. А. Венгерова, он в 1921 г. становится ученым хранителем, а затем и заведующим Рукописным отделом Пушкинского Дома и принимает активное участие в деле публикации и пропаганды классического наследия Пушкина.

В 1922—1923 гг. выходят две первые большие пушкиноведческие работы Н. В. Измайлова — «Новый сборник лицейских стихотворений»¹ и «Политическая эпиграмма лицейской эпохи».² В эти же годы он углубленно занимается биографией Пушкина. Результатом этих занятий был написанный им при участии Б. Л. Модзалевского популярный очерк жизни и творчества поэта и целый ряд разысканий в области пушкинской текстологии и комментария, предпринятых им для издания пушкинских писем, осуществленного Б. Л. Модзалевским в 1926—1928 гг. Это сотрудничество оказалось весьма плодотворно и на последующих самостоятельных работах Н. В. Измайлова — его обширных комментариях к вновь найденным письмам Пушкина к Е. М. Хитрово и историко-биографических статьях «Пушкин и Е. М. Хитрова»,³ «„Роман на Кавказских водах“ — невыполненный замысел Пушкина»,⁴ где анализ планов романа производился на фоне почти исчерпывающе собранных биографических сведений о его прототипах. Биогра-

¹ Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922, с. 35—77.

² Пушкинист. IV. М.; Пг., 1922, с. 13—23.

³ В кн.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927.

⁴ В кн.: Пушкин и его современники. Л., 1928, вып. XXXVII, с. 68—99. Вошло в книгу «Очерки творчества Пушкина».

фического изучения Пушкина и его ближайшего литературно-бытовой среды Н. В. Измайлов не оставлял до конца жизни: в 1936 г. вышло в свет его исследование о письмах Пушкина к Луи Геккерну, внесшее важные уточнения в историю преддуэльной трагедии поэта;⁵ в 1960 г. появляется фундаментальный том «Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов» под редакцией Н. В. Измайлова и с его обширной вступительной статьей «Пушкин и семейство Карамзиных». Н. В. Измайлов взял на себя в 1930-е годы редактирование корпуса переписки Пушкина в академическом собрании сочинений поэта, а в 1960-е годы — редактирование тома «Писем последних лет (1834—1837)» Пушкина (Л., 1969) — широко комментированного издания эпистолярного наследия поэта, завершившего прерванное в 1935 г. издание Б. Л. и Л. Б. Модзалевских.

В 1922 г. Н. В. Измайлов в числе других исследователей принял участие в публикации пушкинских рукописей из собрания А. Ф. Онегина, составивших сборник «Неизданный Пушкин». В процессе этой работы стало очевидным, что безраздельно господствовавший «транскрипционный» метод воспроизведения черновых текстов исчерпал себя и уже не удовлетворяет новым научным требованиям. Это был первый шаг к выработке новых научных методов текстологического исследования, где авторская рукопись рассматривается как процесс, разложимый во времени, а эдиционные приемы были непосредственно подчинены задаче воссоздания эволюции творческого замысла. На протяжении полутора десятилетий эти новые принципы привели к коренной перестройке традиционной текстологии и получили закрепление в шестнадцатитомном академическом собрании сочинений Пушкина (1937—1949), — издании, которое вывело советскую текстологию на первое место в мировой филологической науке.

В этом издании Николаю Васильевичу принадлежала одна из первостепенных ролей. Подготовленные им тексты были не только тщательно прочитаны, но и всесторонне изучены. Сделанной им для III тома издания сводке вариантов «Анчара» предшествовала статья, написанная еще в 1920-е годы;⁶ подготовленный совместно с С. М. Бонди текст «Медного всадника» в V томе опирался на обширное исследование Н. В. Измайлова, впервые разделившего замыслы двух самостоятельных поэм — «Езерского» и «Медного всадника».⁷ Издание «Медного всадника» в серии «Литературные памятники» (1978) явилось, таким образом, результатом сорокалетнего изучения поэмы, в процессе которого Н. В. Измайлов опубликовал еще одну небольшую по размеру, но очень важную статью, посвященную сложному случаю текстологического изучения пушкинского шедевра.⁸

⁵ Измайлов Н. В. История текста писем Пушкина к Геккерну. — В кн.: Летописи Гос. Литературного музея, кн. 1. Пушкин. М., 1936, с. 338—357.

⁶ Измайлов Н. В. Из истории Пушкинского текста. «Анчар, древо яда». — В кн.: Пушкин и его современники. Л., 1927, вып. XXXI—XXXII, с. 3—14.

⁷ Измайлов Н. В. Из истории замысла и создания «Медного всадника». — В кн.: Пушкин и его современники. Л., 1930, вып. XXXVIII—XXXIX, с. 169—190.

⁸ Измайлов Н. В. Текстологическое изучение поэмы Пушкина «Медный всадник». — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 119—130.

Н. В. Измайлову принадлежали в издании прочтения сложнейших черновиков лирических стихотворений 1824 г. и впервые опубликованных вариантов к значительнейшим стихам 1830-х годов. Но, вероятно, самым фундаментальным трудом, предпринятым им для академического издания, стала подготовка текста «Полтавы». Результатом изучения текста, творческой истории реалий и идейного замысла поэмы стала обширная монография о ней, вошедшая в сокращенном виде в книгу «Очерки творчества Пушкина».

В 1966 г. Н. В. Измайлов обобщил свой текстологический опыт в превосходной статье, по существу небольшой монографии, составившей особую главу в коллективном труде «Пушкин. Итоги и проблемы изучения», — сжатом и четком очерке истории текстологического изучения Пушкина, с изложением теоретических основ современной текстологической науки, с всесторонним и объективным анализом академического издания, — а в 1979 г. выступил со специальной работой, обосновывающей принципы нового академического издания Пушкина.⁹

С 1941 по 1953 г. Н. В. Измайлов жил и работал в г. Чкалове (Оренбурге), читал в Чкаловском педагогическом институте курсы истории русской литературы и критики, вел семинары по Пушкину и Л. Толстому, писал литературные и театральные рецензии, участвовал в работе писательской организации. Здесь, в Оренбурге, в местах, где проходило пугачевское восстание и где Пушкин изучал обстановку и реалии крестьянской войны и собирал фольклорные материалы, у ученого возникает замысел обширной работы о «Капитанской дочке». Н. В. Измайлов изучает архивные материалы — фонд оренбургского генерал-губернатора И. А. Рейнсдорна, дела секретной экспедиции Государственной военной коллегии. Он анализирует устное предание, которым пользовался Пушкин, и приходит к выводу, что при наличии двух источников — официального и фольклорного — Пушкин, как правило, отдавал предпочтение последнему, — выводу весьма существенному для уяснения идеологической позиции и исторической методологии Пушкина.

Все эти наблюдения и выводы легли в основу нескольких статей Н. В. Измайлова, посвященных оренбургским материалам «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева»;¹⁰ центральная из них вошла в книгу «Очерки творчества Пушкина». В Оренбурге же была написана еще одна работа — «Мицкевич в стихах Пушкина», — одна из лучших статей Н. В. Измайлова по тонкости и изяществу анализа стихотворного текста, по глубине и убедительности его интерпретации.¹¹

---

⁹ Измайлов Н. В. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979, т. IX, с. 5—16.

¹⁰ Измайлов Н. В. 1) Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы: Труды III Всесоюзной Пушкинской конференции. М.; Л., 1953, с. 266—297; 2) Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1960, т. III, с. 438—454.

¹¹ Ученые записки Чкаловского гос. пед. ин-та. Серия историко-филологических наук, 1952, вып. 6, с. 171—214. В дополненном виде вошла в «Очерки творчества Пушкина».

В 1953 г. Н. В. Измайлов вернулся в Ленинград, а в 1955 г. — в Пушкинский Дом. В 1957 г., после смерти Б. В. Томашевского, он становится заведующим Рукописным отделом Пушкинского Дома. В 1963 г. ему присваивается степень доктора филологических наук по совокупности трудов.

Углубленная, самоотверженная, систематическая работа над источниками предопределила особенности научного почерка Н. В. Измайлова. Строго следуя фактам, чуждаясь эффектных, но поверхностных гипотез, он всегда ставил своей целью всестороннее изучение литературной эпохи. Владея всеми доступными современной филологии методиками исследования — текстологической, биографической, историко-литературной, он применял их в органическом единстве, не деля науку на текстологию и историю литературы. Его работы, посвященные «Медному всаднику», «Полтаве», лирическим стихам Пушкина,¹² проблемам его биографии, остаются образцом филологической точности, фактической оснащенности, глубокого проникновения в материал. Он был носителем лучших традиций академической науки, естественно влившейся в советскую культуру.

Одной из последних значительных работ Николая Васильевича было его участие в академическом собрании сочинений И. С. Тургенева — писателя, изучению которого он отдал более пятидесяти лет жизни. Этому изданию Н. В. Измайлов придавал особое значение. Он был одним из его организаторов, председателем текстологической комиссии, редактором ряда томов. Одновременно он руководил изданиями Пушкинского Дома, связанными с именем Пушкина, был одним из старейших членов Пушкинской комиссии. Его деятельность была многообразна и разностороння; его ученики — ныне известные ученые — работают во многих городах страны. Всегда спокойный и внимательный, никогда не повышавший голоса, подтянутый и элегантный, Николай Васильевич и как ученый, и как личность был воплощением порядочности, благородства, органической культуры, а труд его был высоким патриотическим подвигом во благо советской науки.

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ АЛЕКСЕЕВ 1896—1981

19 сентября 1981 г. скончался председатель Пушкинской комиссии, организатор и бессменный редактор «Временника Пушкинской комиссии», выдающийся советский филолог академик Михаил Павлович Алексеев. Наша наука понесла невосполнимую утрату.

Среди энциклопедически многообразных занятий М. П. Алексеева — а он внес свой вклад в историю музыки, театра, изобразительных искусств и в особенности в сравнительное литературоведение, — особое место принадлежало исследованию творчества Пушкина как одного из вершинных

---

¹² Из работ Н. В. Измайлова о лирике Пушкина необходимо упомянуть статью «Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов» (Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958, т. II, с. 7—48; в переработанном виде вошла в «Очерки...»), «Стихотворение Пушкина „Мирская власть“ (Вновь найденный автограф)» (Изв. АН СССР. Отд-ние литературы и языка, 1954, т. XIII, вып. 6, с. 548—556) и «Осень. (Отрывок)» (в кн.: Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974, с. 222—254).

образцов русской классической культуры. Интерес М. П. Алексеева к Пушкину возник еще на студенческой скамье Киевского университета, и его первая пушкиноведческая работа — «Заметки о „Гаврилиаде“. (По поводу издания В. Брюсова)» появилась в печати в 1919 г., сразу же по окончании им университетского курса. Уже в этом раннем исследовании проявились характерные особенности, свойственные вообще научной манере М. П. Алексеева, — широкая ориентированность в эпохе в целом, тщательный учет историографической традиции и стремление и умение вести изучаемое явление в историко-культурный контекст. Эти качества молодой ученый унаследовал от лучших представителей старого академического пушкиноведения, и в дальнейшем, разрабатывая методологические основы уже новой, советской филологической школы, он всегда считал необходимым сохранять эту культурную преемственность. Время показало, насколько прочным был фактический фундамент, на котором вырастали уже первые его работы: включая их в сборник своих статей о Пушкине в 1970-е годы, М. П. должен был лишь дополнять их новыми данными, не пересматривая выводов и заключений: они сохранили свою ценность на протяжении шестидесяти с лишним лет.

В 1920 г. Михаил Павлович — «профессорский стипендиат» Новороссийского (Одесского) университета по англистике, затем — консультант-библиограф и заведующий библиографическим отделом Одесской гос. публичной библиотеки и одновременно секретарь Пушкинской комиссии при Одесском Доме ученых. Здесь, в Одессе, топографическом центре целого этапа пушкинской биографии, он развивает бурную деятельность по разысканию и концентрации в государственных хранилищах рукописных и иконографических материалов пушкинской эпохи; он устанавливает широкие научные связи с пушкиноведами Москвы и Ленинграда. С его именем было связано оживление деятельности Пушкинской комиссии Одессы, заявившей о себе изданием трех томов «Статей и материалов» о Пушкине (1925—1927). Это издание — одно из лучших пушкиноведческих изданий 1920-х годов по своей информативности и научному уровню, где принимали участие лучшие пушкиноведческие силы, — было плодом организаторской деятельности М. П. Алексеева, который выступал здесь и как редактор и как автор; он поместил в нем статьи об источниках «Гаврилиады», «Истории села Горюхина», об одесских автографах Пушкина и небольшую, но чрезвычайно важную по своей проблематике статью «Пушкин и библиотека Воронцова» (1926). По сие время книжное и рукописное собрание Воронцова как источник для издания пушкинского творчества ожидает своего фронтального исследования; тема, поставленная М. П. Алексеевым более 50 лет назад, актуальна и ныне. Эта работа шла в общем русле начавшегося систематического исследования книжных собраний, принадлежавших Пушкину или ему известных, и интерес к этой теме устойчиво сохранялся у М. П. Алексеева на протяжении всего его научного пути. В 1946 г. он пишет статью о нескольких английских книгах пушкинской библиотеки; пятнадцатью годами позднее исследует историю библиотеки Вольтера в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, стремясь возможно полнее осветить вопрос о ее роли для пушкинского творчества («Библиотека Вольтера в России»), собирает материалы по истории русских рукописных собраний и посвя-

ицает в этой статье специальный экскурс Пушкину («Из истории русских рукописных собраний»). В 1979 г., в четырнадцатом выпуске «Временника Пушкинской комиссии», была напечатана одна из последних его работ, построенных на материале изучения пушкинской библиотеки, — «Пушкин и народная книга о Фаусте».

К тому моменту, когда М. П. Алексеев покинул Одессу, приняв приглашение Иркутского гос. университета занять место доцента (1928), а затем и профессора (1930) кафедры всеобщей литературы, он уже был хорошо известен как первоклассный знаток биографии и творчества Пушкина и как организатор работ в области пушкиноведения. В 1928 г. появляется его обширная рецензия на первый том «Писем» Пушкина (под редакцией Б. Л. Модзалевского, 1926).

В 1933 г., пробыв в Иркутске пять лет, М. П. Алексеев переезжает в Ленинград, и здесь начинается новый период его пушкиноведческой деятельности. Его работы о Пушкине в эти годы почти все прямо или опосредованно связаны с той областью филологии, которая все более овладевает его научными интересами — со сравнительным литературоведением. М. П. Алексеев был одним из основоположников советского сравнительного литературоведения, причем диапазон его занятий был поистине энциклопедичен: он писал об английской, французской, немецкой, испанской, итальянской, славянских литературах. В этом культурном контексте он рассматривал и творчество Пушкина. На всем протяжении своих занятий он руководствовался убеждением, что «творчество великого русского поэта следует изучать на фоне и в тесной связи с историей мировой культуры, потому что и сам он представляет собой явление широкого исторического значения, переросшее национальные и языковые границы». Так он писал в предисловии к своей последней книге, формулируя свое принципиальное научное кредо; более того, добавлял он, любое произведение Пушкина — большое и малое, будучи поставлено в связь с тем или иным памятником западноевропейской художественной и социальной мысли, обнаруживает свою творческую оригинальность, а самое сопоставление позволяет глубже осмыслить неповторимые черты Пушкина-художника.¹ В своих поисках преломления и отражения в творчестве Пушкина мировой культурной традиции М. П. Алексеев был неутомим: он писал об античной антологической традиции в пушкинской лирике, о Пушкине и Чосере, Пушкине и Гете, Пушкине и Шекспире, о Пушкине и французской поэзии XVIII в., об усвоении русским поэтом лирического мотива португальского поэта Гонзага и об интересе его к китайской культуре, воспринятой сквозь призму европейского ориентализма. Но М. П. Алексеев недаром был главой советской компаративности, резко отличной в своих методологических основах от старого сравнительно-исторического литературоведения. Все эти разработки, частные этюды служили созданию некоей общей картины двустороннего взаимовоздействия культур, и с не меньшим, а, может быть, и большим пафосом ученый выстраивает картину восприятия творчества Пушкина западным культурным миром. Уже в 1937 г. выходит из печати его обзор «Пушкин на Западе», — и на протяжении последующих сорока

---

¹ Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 3—4.

с лишним лет М. П. Алексеев продолжает собирать материалы и разрабатывать существеннейшие темы, которые он, однако, представлял себе как отдельные звенья фундаментальной общей работы. Этой работе было не суждено завершиться; в свою последнюю книгу «Пушкин. Сравнительно-исторические исследования» ученый не включил статью 1937 г., намереваясь вернуться к ней специально, обогатив ее и расширив. В 1946 г. он разыскал затерянное на страницах старой английской монографии о Дж. Борро письмо Пушкина к этому известному в свое время писателю и переводчику, полиглоту, переводившему пушкинские стихи, — и с того времени фигура Дж. Борро постоянно привлекала к себе его внимание; в его архиве сохранились обширные неизданные материалы, связанные с литературной деятельностью Борро, — материалы, почти полностью подготовленные к печати. В 1951 г. ученый публикует специальное исследование словарных записей Ф. Энгельса к «Медному всаднику». В посмертно вышедшем томе «Литературного наследства», занятом фундаментальной монографией М. П. Алексеева о русско-английских литературных связях XVIII—первой половины XIX в., мы находим специальную главу «Пушкин и английские путешественники в России»; в следующей же главе, «Т. Мур и русские писатели XIX века», исследуется роль русских посредников в ознакомлении литературных кругов Запада с творчеством Пушкина (таким был, в частности, А. И. Тургенев). К этим первостепенным именам в последнее время добавляется и имя Гете: отправляясь от исследований Б. Я. Геймана и А. Манье, М. П. Алексеев заново поставил вопрос о возможном отражении в творчестве Гете «Сцены из Фауста» Пушкина.

Наряду с обозначившимся в названных работах аспектом темы «Пушкин на Западе», — аспектом, включающим исследование творчества выдающихся деятелей литературного процесса, — М. П. Алексеев разрабатывал и другой аспект, который можно было бы условно назвать критико-библиографическим. Академическое изучение великого русского поэта западной славистикой — в такой же мере историко-культурный факт, как и творческое усвоение, с той только разницей, что оно вносит свой вклад в познание Пушкина как культурного феномена. М. А. Алексеев чрезвычайно внимательно следит за зарубежной пушкинианой, стремясь максимально активизировать все то ценное, что было ею накоплено, и с другой стороны, рассматривая ее как свидетельство все возрастающего интереса Запада к русской культуре в лице одного из самых выдающихся ее представителей. В этих занятиях М. П. Алексеева сказывалась характерная особенность его научного мышления — органический интернационализм, который был и его принципиальным, мировоззренческим свойством. Ученый-патриот, неразрывно связанный с национальной литературной традицией и всю жизнь работавший во имя и на благо национальной культуры, он рассматривал ее как важную часть мирового культурного процесса и в тесной связи с этим последним. Его монография о стихотворении «Я памятник себе воздвиг...», построенная как критический анализ отечественной и зарубежной литературы о пушкинском стихотворении, имела одной из задач продемонстрировать мировой резонанс, который получило это пушкинское поэтическое завещание. Непрерывно расширяя сферу своих сравнительно-исторических исследований, он прямо подошел и к постановке проблемы «Пушкин и Восток», — и лишь необыкновенная научная цепетильность не

позволила ему заняться ею вплотную. Все явления, о которых он писал, были изучены им в оригинале, — будь то английские, испанские, итальянские, немецкие, французские или славянские тексты; он не считал для себя возможным пользоваться материалом из вторых рук. Воздерживаясь от занятий восточными связями Пушкина, он тем не менее приветствовал и поддерживал интерес востоковедов к великому поэту, с готовностью предоставляя им страницы редактируемых им изданий. Сам он выходил за пределы специально филологических тем там, где он обладал профессиональными сведениями: его статья об отражении технических и естественнонаучных знаний в пушкинском творчестве широко используется историками естествознания и техники, а профессиональное знание музыки позволило ему выступить еще в 1935 г. с обширным комментарием к «Моцарту и Сальери», переросшим в специальное исследование об истории русской музыкальной культуры пушкинского времени.

Вся эта исключительная по своему диапазону и интенсивности исследовательская работа, — а мы здесь упоминаем только часть ее, посвященную Пушкину, — сочеталась с столь же напряженной научно-организационной деятельностью. Во время Великой Отечественной войны М. П. Алексеев руководит кафедрой всеобщей литературы Ленинградского и Саратовского университетов; а после войны, вернувшись в Ленинград, избирается членом-корреспондентом АН СССР (1946). В 1955—1957 гг. он руководит сектором пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, а в 1956 г. становится во главе организованного им сектора взаимосвязей русской и зарубежных литератур. В 1958 г. Академия наук СССР избирает его своим действительным членом, а в 1959 г. он становится председателем Пушкинской комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР.

В «Положении» о новой Пушкинской комиссии при Отделении литературы и языка АН СССР, принятом Президиумом АН СССР 26 сентября 1958 г., перечислялись ее основные задачи: определение важнейших проблем изучения творчества Пушкина; координация работ по пушкиноведению; установление международных связей пушкиноведов; содействие научной и популяризаторской деятельности, связанной с творчеством Пушкина. В разрешение всех этих задач М. П. Алексеев внес значительный вклад и как председатель Комиссии, и как исследователь Пушкина. В 1962 г. он принимает ближайшее участие в составлении записок «Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе», а в следующем году выходит под его редакцией первый выпуск «Временника Пушкинской комиссии», — ее печатного органа, призванного давать всестороннюю и возможно более быструю информацию о состоянии и новейших приобретениях пушкиноведения. Этому изданию М. П. Алексеев уделял много времени и сил, формируя каждый его выпуск, прочитывая ежегодно десятки статей, редактируя их, ведя переписку с авторами. С неутомимой энергией он находил и привлекал к изданию новые пушкиноведческие силы, стремясь к максимальному расширению круга затрагиваемых проблем и круга имен и с присущей ему редкой научной щедростью помогал начинающим. Он воспитывал пушкиноведческие кадры, заражая их своим неослабевающим энтузиазмом, делясь с ними своими энциклопедическими познаниями. За двадцать лет им было подготовлено семнадцать выпусков «Временника»,

включивших около трехсот пятидесяти статей, обзоров, хроникальных заметок; здесь появилось около двадцати собственных работ М. П. Алексеева, в том числе такие значительные его труды, как «К источникам „Подражаний древним“ Пушкина» (1963), «Новый автограф стихотворения Пушкина „На холмах Грузии“» (1966), «К тексту стихотворения „Во глубине сибирских руд“» (1971), «Пушкин и французская народная книга о Фаусте» (1979), «Пушкин и повесть А. М. Клингера „История о золотом Петухе“» (1982). Наряду с этими работами он в те же годы создает целую серию пушкиноведческих исследований с более общей проблематикой — исследованных художественных и идеологических мотивов пушкинского творчества. К их числу нужно отнести работу «Пушкин и проблема вечного мира» (1958), статьи «Ремарка Пушкина „Народ безмолвствует“» (1967), «Еще раз о стихотворении Пушкина „Роза“» (1968) и др., где семантически нагруженный мотив рассматривается в своей художественной и идейной преемственности и на широком фоне современных аналогов; так была установлена прямая или опосредованная связь Пушкина с просветительскими социальными проектами «вечного мира», имевшими хождение в XVIII—XIX вв., с фразеологией и историко-социальной мыслью периода Французской революции и т. д. Те же принципы исследования легли в основу его книги о стихотворении «Я памятник себе воздвиг...» (1967), где анализу подверглись поэтические мотивы пушкинского шедевра. В этой книге М. П. Алексеев вновь коснулся проблемы связи словесного, изобразительного и пластического искусств в их глубинных основаниях, — проблемы, которая особенно занимала ученого в последние годы.

В 1972 г. вышла книга М. П. Алексеева «Пушкин. Сравнительно-исторические исследования», куда вошли многие из перечисленных выше работ. Эта книга, удостоенная премии им. В. Г. Белинского, подвела некоторые итоги более чем пятидесятилетней деятельности ученого в области пушкиноведения, но отнюдь не была его научным завещанием. М. П. Алексеев не закрывал, а открывал проблемы и стимулировал их изучение; его творческая мысль работала до последних минут его жизни. За день до смерти он успел закончить большую и очень увлекавшую его работу о Пушкине и Клингере, которую ему уже не довелось увидеть в печатном виде; он успел прочитать корректуры своего фундаментального труда о русско-английских литературных связях, также вышедшего уже после его смерти. До последней минуты он продолжал служить высокому патриотическому делу, которому он посвятил свою жизнь, — и до последней минуты он сохранял то обаяние личности, которое так памятно всем его знавшим и которое было столь органичным для всего его облика — наследника и продолжателя великих традиций национальной культуры.

НЕКРОЛОГИ

Михаил Павлович Алексеев. — Ленинградская правда, 1981, 23 сентября, № 221. Подписи: Г. В. Романов, А. П. Александров, Н. Я. Сулов, Ю. Ф. Соловьев, Л. Н. Зайков, Г. М. Марков, П. Н. Федосеев, В. Г. Захаров, Т. И. Жданова, И. А. Глебов, Б. Б. Пиотровский, М. Б. Храпченко.

А. С. Бупшин, Д. С. Лихачев, С. В. Михалков, Г. С. Пахомова, В. В. Фролов, А. Н. Чепуров, О. В. Творогов. С портретом.

Михаил Павлович Алексеев. — Известия, 1981, 25 сентября, № 225. Подписи: Президиум Академии наук СССР, Министерство высшего и среднего специального образования СССР, Союз писателей СССР, Отделение литературы и языка АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова, Советский комитет славистов.

Михаил Павлович Алексеев. — Литературная газета, 1981, 30 сентября, № 40. Перепечатан некролог из «Известий» за всеми подписями. Статья об М. П. Алексееве за подписями: Г. П. Бердников, член-корреспондент АН СССР, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького; Ю. П. Вишпер, член-корреспондент АН СССР; А. Д. Михайлов, доктор филологических наук.

М. П. Алексеев. — Ленинградский университет, 1981, 9 октября, № 29. Подпись: «От имени филологического факультета: профессор В. Балахов, заведующий кафедрой истории зарубежной литературы; доцент И. Володина, секретарь партбюро филологического факультета». С портретом.

Михаил Павлович Алексеев. — Вестник Академии наук СССР, 1981, № 12, с. 95. Перепечатан некролог из «Известий» за всеми подписями. Академик Михаил Павлович Алексеев. — Русская литература, 1981, № 4, с. 247. Без подписи.

М. П. Алексеев. (5 июня 1896—19 сентября 1981). — Русский язык в школе, 1982, № 1, с. 101—102. Подпись: Редколлегия и редакция журнала «Русский язык в школе».

Михаил Павлович Алексеев. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1982, т. 41, № 1, с. 94—95. Подпись: В. Н. Баскаков.

Михаил Павлович Алексеев. — Советское славяноведение, 1982, № 2, с. 93—94. Без подписи.

Творческий подвиг ученого. (Памяти академика М. П. Алексеева). — Вестник Ленинградского университета, 1982, № 20. История—язык—литература, вып. 4, с. 119—120. Подписи: Н. Я. Дьяконова, А. А. Чамеев.

История Сибири в трудах академика М. П. Алексеева. — Известия Сибирского отделения АН СССР, 1982, № 11, с. 151—152. Подпись: Б. П. Полевой.

М. П. Алексеев как исследователь Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983, т. XI, с. 323—327. Подпись В. Капуру.

Библиография трудов М. П. Алексеева о Пушкине. — Там же, с. 327—335. Составитель В. В. Зайцева.

Михаил Павлович Алексеев (1896—1981). — В кн.: Проблемы истории, взаимосвязей русской и мировой культуры: Межвузовский научный сборник. Изд-во Саратовского ун-та, 1983, с. 3—6. Без подписи.

Puschkin-Forscher Aleksejew gestorben. — Neue Zürcher Zeitung, 1981, 29 IX. Без подписи.

In memory of Mikhail Alexeyev. — Soviet Weekly, London, 1981, 10 X, N 2, 070, p. 13. Подпись: Boris Gilenson. С портретом.

In memoriam Mihail P. Aleksejev. Umrl je predsednik Mednarodnega slavističnega komiteja. — Naši razgledi, Ljubljana, 1981, 6 IX. Подпись: Bratko Kreft.

Mikhail Pavlovitch Alexéiev (1896—1981). — Revue de Littérature Comparée, Paris, 1981, N 3—4, Juillet—Dec., p. 508. Подпись: Mária Rév.

In memoriam M. П. Алексеев (1896—1981). — Studia Slavica Hung., Budapest, 1981, t. XXVII, p. 391—393. Подпись: Ј. Хадровић.

Mikhail Pavlovich Alekseev. 1896—1981. — Slavic Review, Urbana, Illinois, 1982, t. 41, N 1. Подпись: William B. Edgerton.

Za akademikem M. P. Alexejevem. — Československá rusistika, Praha, 1982, t. XXVII, N 1, s. 45. Без подписи.

In memoriam. Михаил Павлович Алексеев (1896—1981). — Сборник за славистику. Матица Српска; Нови Сад, 1982, број 22, с. 157—158. Подпись: Витомир Вулегић.

Obituary. — Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. Leeds; Oxford, 1982, N 10, Sept., p. 4—5. Подпись: Prof. A. G. Cross.

M. P. Alexeev. — Bulletin de la Société française d'étude du XVIIIe siècle. Paris, 1982, octobre, p. 14 (Nouvelle série, N 43). Подпись: P. Zaborov, Ch. Porset.

Four Soviet Scholars: T. A. Bykova. A. D. Lyublinskaya. M P. Alekseev. E. Laucevičius. Portraits and a few references: Oxford, 1982, p. 3, 8—9. Подпись: J. S. G. Simmons. С портретом.

In memoria di Michail Pavlovič Alekseev. — Bollettino dell' AIS (Associazione italiana degli Slavisti), Milano, 1982, t. VI, N 1, p. 2—4. Подпись: Egidano Vazzarelli.

Михаил Павлович Алексеев (1896—1981). — Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest, 1982, 24, p. 251—252. Подпись: Мария Рев.

In memoriam Michail Pavlovič Alekseev. — Zeitschrift für Slawistik, Berlin, 1983, № 1, Bd 28, S. 802. Подпись: K. Dornacher.

Mikhail Alexéiev. — Cahiers I. Tourguéniev, P. Viardot, M. Malibran... Paris, 1982, N 6, p. 96—97. Подпись: A. Zviguisky.

Academician M. P. Alekseev. (1896—1981): a Tribute. — Oxford Slavonic Papers, Oxford, 1983, v. XVI, p. 1—9. Подпись: A. G. Cross.

Михаил Павлович Алексеев. (1896—1981). — Годишњак XXXIX за 1982. Српска Академија наука и уметности. Београд, 1983, с. 371—373. Подпись: Мира Лалић.

Necrológica. — Anales Cervantinos, Madrid, 1983, t. XXI, p. 220—222. Bibliografía hispánica de M. Alekséev, p. 222—223. Подпись: V. Vagno.

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1981 г.

Большим событием в жизни музея было открытие в юбилейные пушкинские дни новой мемориальной экспозиции — Музея-дачи А. С. Пушкина. Произведена реставрация здания, и теперь посетители имеют возможность увидеть все комнаты, которые занимала семья Пушкиных в этом доме.

Экспозиция, построенная на подлинных изобразительных материалах, включающая портреты А. С. Пушкина и его близких, передает атмосферу напряженной творческой работы и мирного семейного счастья. Впервые открыт для посетителей кабинет поэта.

В течение года экспонировались временные и передвижные выставки. В Музее-Лицее — «Пушкин в советской графике», «Пушкин и художники русского театра конца XIX—начала XX веков»; в г. Пскове — «Пушкин и его современники»; в городах Сланцы, Ивангород — «Пушкинские места Ленинградской области». Передвижную выставку «Пушкин. Жизнь и творчество» увидели жители Тулы, Смоленска, Калуги, Мурманска, Петрозаводска. Ее посмотрели 61 592 человека.

Проводилась научно-исследовательская работа. Составлен 321 научный паспорт на фондовые материалы. Подготовлены и прочитаны на научных заседаниях следующие доклады: «К вопросу о творческой активности Пушкина в последние годы жизни (1834—1836 гг.)» С. Л. Абрамович; «Адресат стихотворения А. С. Пушкина „Новоселье“» Г. И. Назаровой; «Образ Пушкина в советском кино» Н. А. Пименовой; «Российское юношество накануне 1812 года (проблемы образования, нравственный облик, воспитание патриотизма)» Г. С. Тюриной; «Письмо французского учителя (по архиву семьи Ралль)» и «Портреты Гончаровых в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина» Р. Г. Жуйковой; «Пушкин и петербургская жизнь 1836—1837 годов» Н. И. Поповой; «О новых поступлениях в фонды Всесоюзного музея А. С. Пушкина» Г. П. Балог.

Состоялось научное заседание, посвященное 150-летию со дня окончания Пушкиным романа «Евгений Онегин». С докладом «Проблемы современного прочтения романа» перед собравшимися выступил кандидат филологических наук Ю. Н. Чумаков.

Совместно с Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) проведено научное заседание, посвященное 150-летию пребывания А. С. Пушкина в Царском Селе. В заседании приняли участие кандидат филологических наук С. А. Фомичев и заведующая филиалом Музей-дача А. С. Пушкина Н. М. Чернецкая.

Для сборника Международного совета музеев были подготовлены статьи: Т. Г. Александровой «Использование изобразительных материалов на выставках Всесоюзного музея А. С. Пушкина» и Н. И. Поповой «Мемориал как художественный символ».

Сотрудники музея выступали с докладами на научных конференциях, пушкинских чтениях, совещаниях. На традиционной конференции в Музее-заповеднике А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Н. И. Попова прочитала доклад «К проблеме городской культуры в романе Пушкина „Евгений Онегин“». В Государственном музее А. С. Пушкина (г. Москва) выступили Р. Г. Жуйкова — «Гроза 1812 года в письмах русской женщины», Г. П. Балог — «О новых поступлениях Всесоюзного музея А. С. Пушкина». На Пушкинской конференции в Михайловском Г. И. Назарова выступила с сообщением «П. В. и В. А. Нащокины — друзья Пушкина (по материалам архива В. А. Зызиной-Нащокиной)».

Сотрудники музея принимали участие в телепрограммах «Монитор» и «Время», работали со съемочными группами «Мосфильм», «Ленфильм»

и «Центрнаучфильм», готовили передачи для радио, проводили консультации с корреспондентами центральных и ленинградских газет.

В издательстве «Книга» вышел в свет каталог выставки «Первенцы свободы».

Отмечались памятные пушкинские даты. 10 февраля в Музее-квартире А. С. Пушкина проведено торжественно-памятное собрание, посвященное 144-й годовщине со дня смерти поэта, на котором выступили: доктор филологических наук В. А. Мануйлов, поэт Александр Кушнер, народный артист СССР композитор А. П. Петров, заслуженный артист РСФСР кинорежиссер В. Я. Венгеров, народная артистка СССР И. П. Богачева, заслуженная артистка РСФСР Е. С. Гороховская, лауреат международного конкурса скрипачей С. Стадлер, хор мальчиков хорового училища при Ленинградской академической капелле им. М. И. Глинки под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР Ф. М. Козлова.

Из цикла «Вечера на Мойке» состоялся литературно-музыкальный вечер к 144-й годовщине со дня гибели А. С. Пушкина — «Моцарт и русская музыка пушкинского времени». В вечере приняли участие доцент Московской государственной консерватории Елена Сорокина и лауреат международного конкурса Александр Бахчиев.

К 100-летию со дня рождения А. Блока с литературной композицией, посвященной поэту, выступил заслуженный артист РСФСР А. Я. Кутепов.

К 150-летию со дня смерти А. А. Дельвига заслуженный артист РСФСР А. М. Адоскин познакомил присутствующих с литературно-документальной композицией «О Дельвиг мой!».

В Музее-Лицее к 170-й лицейской годовщине проведен литературно-музыкальный вечер, на котором выступил доктор педагогических наук Н. Д. Никандров и ленинградский хор под художественным руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР В. А. Чернушенко. К вечеру было приурочено открытие временной выставки «Реликвии Лицея».

К 150-летию окончания А. С. Пушкиным романа «Евгений Онегин» состоялся вечер в Музее-даче А. С. Пушкина. На вечере выступил кандидат филологических наук С. А. Фомичев; главы из романа прочитал заслуженный артист РСФСР Яков Смоленский. Фрагменты из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» исполнили аспиранты и студенты Ленинградской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

В 1981 г. музей посетили 555 219 человек, проведено 16 994 экскурсии. Лекторской группой музея в Ленинграде, Ленинградской области, городах, где экспонировалась передвижная выставка, прочитаны 335 лекций, которые прослушали 24 435 человек. Экскурсоводы музея приняли участие в работе агитпоездов ЦК ВЛКСМ. В составе агитбригады поезда «Ленинский комсомол» по трассе БАМА (пос. Кунерма, Тоннельный, Северомуйск) прочитано 12 лекций; в составе агитбригады поезда «Комсомольская правда», который проехал через Калужскую и Тульскую области Нечерноземья, прочитаны 23 лекции.

Продолжалась плановая собирательская работа. Проведено 6 заседаний Закупочной комиссии. Рассмотрено и рекомендовано к приобретению 325 единиц. Наиболее ценные приобретения: 126 книг и изобразительных

материалов из коллекции С. Л. Маркова. В их числе почти все прижизненные издания произведений А. С. Пушкина, книги с автографами русских писателей, 1-е издание комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», два шкафа и шахматный столик из семьи Ивашевых, 48 гравюр А. И. Кравченко, 8 цветных автолитографий художника В. Вильнера и др.

Г. А. Черкасова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА)

В 1981 г.

Одним из основных направлений деятельности музея в 1981 г. были подготовка и проведение мероприятий к XXVI съезду КПСС.

В зале «Пушкин и советская культура» была открыта выставка «Пушкин в советском искусстве», где были представлены лучшие произведения советских художников из собрания музея.

Состоялось 8-е собеседование «Пушкин в школе» для учителей Российской Федерации, подготовленное музеем совместно с Министерством просвещения РСФСР.

XXVI съезду КПСС было посвящено 10 вечеров. Среди них творческие вечера известных советских поэтов, делегатов съезда, — Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии, народного поэта Дагестана Р. Гамзатова, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии, народного поэта Башкирии М. Карима. С творческими отчетами выступили также Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии М. Дудин, лауреат Государственной премии, народный поэт Калмыкии Д. Кутультинов, поэт Д. Самойлов. В вечере советской поэзии, посвященном творчеству В. Маяковского, принял участие лауреат Ленинской и Государственной премий, народный артист РСФСР В. Лановой.

В дни работы съезда состоялся вечер-прием Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

Деятельность музея в 1981 г. в значительной степени определило его участие во Всесоюзном смотре научно-фондовой работы, посвященном 60-летию образования СССР.

Активно проводились инвентаризация и паспортизация поступивших материалов, научное изучение и описание предметов, имеющих наибольшую музейную ценность. Составлено более 1300 паспортов.

За год музейное собрание увеличилось на 1219 единиц. В их числе изобразительных материалов — 548 единиц (55 ед. получено в дар), книг — 621 единица (155 ед. подарено), рукописей — 5 единиц.

Среди новых поступлений следует отметить четыре портрета членов семьи С. А. Соболевского, которых знал Пушкин (металл, пластины, масло,

работы неизвестного художника 1830-х гг.); портрет художника и архитектора А. П. Брюллова (акварель А. И. Клюндера, 1840 г.); парные портреты мужа и жены из семьи Муравьевых (холст, масло, работы неизвестного художника, 1840-е гг.); несколько мемориальных предметов, принадлежавших поэту Е. А. Баратынскому и его жене, а также миниатюрный портрет его отца; бюст А. С. Пушкина (бронза, работа П. П. Трубецкого, 1899 г.); «Вид Москвы с Каменного моста» (гравюра Ж. Делабарта, 1799 г.); зеркало в раме красного дерева с подзеркальным столиком 1830—1840-х годов.

Из материалов XIX в., полученных в дар, наиболее значительны: портрет Н. В. Гоголя (холст, масло, копия неизвестного художника с оригинала А. И. Иванова 1841 г.) — дар Е. В. Полосатова; портрет М. Н. Меркурьева (холст, масло, работа неизвестного художника 1830—1840-х гг.) — дар Л. Е. Преображенской; 28 поддужных колокольцев, изготовленных в разных губерниях России преимущественно в годы жизни поэта, — дар С. И. Николенко; ломберный стол красного дерева, принадлежавший Н. И. Гончаровой, — дар А. А. Черненко; дорожная шкатулка красного дерева с отделкой кожей и металлом (1-я половина XIX в.); тюлевая накидка с кружевом машинной работы — дар М. И. Свищевой; женская сумочка, шитая бисером (1820—1830-е гг.), — дар З. Ф. Кондрашовой.

В 1981 г. музей вступил во владение имуществом А. Г. Ливер, полученным согласно ее завещанию. Вещи, принадлежавшие А. Г. Ливер, являются частью ценнейшего собрания П. В. Губара. Они дополнили подаренную музею ранее часть этой коллекции. Среди материалов, полученных по завещанию А. Г. Ливер, — очень редкие образцы фарфора XVIII—начала XX в., канделябр золоченой бронзы французской работы XVIII в., туалет и буфет красного дерева 1830-х гг. Предметы изобразительного искусства связаны прежде всего с темой городского пейзажа и жанра. Музей стал обладателем редчайшей гравюры на меди Зубова (1711 г.) — «Триумфальный въезд в Москву Петра I». В эту часть собрания П. В. Губара входят также 5 гуашей предположительно С. Щедрина — виды Петербурга и его окрестностей, 1800-е гг., три литографии А. Орловского, очень редкое издание 1817 г. — альбом «Волшебный фонарь» с 40 офортами А. Венецианова.

В коллекции предметов изобразительного и прикладного искусства семьи Арендт, полученной музеем после смерти последней ее владелицы Е. Г. Андреевой-Арендт, следует выделить портреты русских деятелей, выполненные в различной технике. Наиболее интересен среди них предполагаемый портрет Петра I ребенком (дерево, темпера, работа неизвестного художника, конец XVII в.), портрет Александра I (акварель Ж.-Б. Изабе, 1810-е гг.), редкий портрет Н. Ф. Арендта (литография 1835—1836 гг. с оригинала Ф. Крюгера). Мебель и предметы прикладного искусства этой коллекции представлены в основном изделиями мастеров XVIII—XIX вв.

Музейное собрание пополнилось также работами советских художников на пушкинские темы. Среди них серия иллюстраций к повести Пушкина «Барышня-крестьянка» (гравюры на дереве в два тона, работы А. С. Бакулевского), эскизы костюмов и декораций к постановкам опер — «Алеко», «Евгений Онегин» (работы А. Ф. Лушима), эскиз декорации

к кинофильму «Как царь Петр Арапа женил» — «Дворец Ягужинского» (картон, темпера, работы И. П. Лемешёва), и др.

Продолжалась разработка темы «Пушкин и Москва». На научных заседаниях музея были сделаны доклады: «Переводы произведений Пушкина на иностранные языки и статьи о Пушкине в зарубежной прессе — по материалам московских журналов 1826—1829 гг.» (Г. Г. Курочкина), «Арбат в 1830—1831 годах. Друзья и знакомые Пушкина — жители Арбата» (Ф. Ш. Рысина), «История здания, занимаемого ГМП, во второй половине XIX—XX века» (Н. М. Волович), «Московские родственники Пушкина» (Л. А. Корнаухова), «Московский знакомый Пушкина — декабрист В. П. Зубков» (В. Н. Рядинская).

Результатом изучений фондовых материалов стали сообщения: «П. Ф. Соколов — литограф» (Л. И. Вуич), «Атрибуция двух парных портретов неизвестных работы А. Орловского» (Е. А. Усова).

Сотрудники музея опубликовали 20 научных и популярных статей. Кроме того, было написано 5 рецензий, подготовлены 2 радио- и 1 телепередача.

В течение года состоялось 10 открытых научных заседаний. Обсуждались проблемы изучения биографии и творчества Пушкина, творчества поэтов — его современников. С докладами выступили В. Н. Турбин («„Вакхическая песнь“ Пушкина. Опыт анализа»), С. А. Фомичев («О пушкинском цикле „Опыт драматических изучений“»), С. М. Громбах («Лукьян Якубович — поэт пушкинского окружения»), В. С. Листов («Из истории стихотворения Пушкина „Я памятник себе воздвиг...“») и «К истории стихотворения Пушкина „Герой“»), Ю. И. Левина («Болдино в биографии Пушкина. Итоги и проблемы изучения»), А. Л. Осповат и Е. А. Тоддес («Новонайденные тексты А. А. Бестужева-Марлинского»), Г. С. Кнабе («Тадит и Пушкин»), М. Сергеев («Несчастно верная сестра...»). Сообщения сделали также студенты филологического факультета МГУ И. Великодная («Переводчик Пушкина — Одынец») и А. Махов («А. С. Пушкин и В. И. Туманский»).

В 1981 г. в прижизненную экспозицию музея, а также в залы «Мировая слава Пушкина» и «Пушкин и наше время» введен ряд новых материалов.

К различным вечерам, проходившим в музее, в фойе зрительного зала были организованы временные выставки.

Продолжалась работа по созданию мемориальной «Квартиры Пушкина на Арбате». В соответствии с первым вариантом художественного проекта фондовой выставки на тему «Пушкин и Москва» во втором этаже мемориального дома было разработано тематическое распределение экспозиции по залам, примерный маршрут внутри каждого зала. К каждому разделу выставки были написаны тематико-экспозиционные планы.

С передвижными выставками на подлинных материалах познакомились жители нескольких городов страны. Выставка «Пушкин в советском изобразительном искусстве» экспонировалась в Воронежском областном музее изобразительного искусства, в Ульяновском художественном музее, в краеведческом музее г. Тольяти; выставка «Спутники Пушкина» — в Калининском государственном объединенном историко-архитектурном и литературном музее, в Киевском государственном музее Т. Г. Шевченко.

В 1981 г. музей посетило более 70 000 человек, проведено 1547 экскурсий. Сотрудники музея прочитали более 200 лекций в учреждениях и на предприятиях различных регионов страны: в Москве и Подмосковье, в Калужской, Калининской, Калининградской областях, на трассе БАМа, в Дагестане, Карелии, на Украине и Дальнем Востоке.

С некоторыми предприятиями Москвы заключены договора о сотрудничестве. Лекции читались на заводах «Научук», «Старт», «Мосэнерго», в институте ВНИИКА «Нефтегаз». На фабрике «Красный Октябрь» организован университет культуры, в общежитиях Главмоспромстроя — пушкинский лекторий.

За год в музее проведено 53 вечера и 6 вечеров в других учреждениях, состоялось 200 кинопоказов документальных и художественных фильмов в музее и 40 кинопоказов — вне музея.

Литературно-музыкальными вечерами отмечались памятные даты в жизни страны.

Пушкинские чтения были посвящены юбилейным пушкинским датам, новым работам в пушкиноведении, музейным коллекциям и др.

Состоялись творческие вечера народного артиста СССР, лауреата Государственных премий Д. Н. Журавлева, композитора, заслуженного деятеля искусств, лауреата Государственной премии им. М. И. Глинки А. Николаева, кинорежиссера, лауреата Государственной премии Ю. Норштейна, солистки Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, заслуженной артистки РСФСР, лауреата международных конкурсов Г. Писаренко, композитора, заслуженного деятеля искусств РСФСР Б. Чайковского и др.

Г. Д. Асланова

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА В СЕЛЕ БОЛЬШОЕ БОЛДИНО В 1981 г.

В 1981 г. в жизни Музея-заповедника А. С. Пушкина произошло знаменательное событие: 1 июля 1981 г. Советом Министров РСФСР было принято постановление «О мерах по дальнейшему развитию и благоустройству Музея-заповедника А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области».

Постановлением предусмотрен большой объем работ по мемориализации и благоустройству Музея-заповедника, реставрации и музеефикации его памятников (Большое Болдино завтра. — Литературная Россия, 1981, 7 августа; Музей-заповедник в селе Большое Болдино. — Советская культура, 1981, 31 июля; Не зарастет народная тропа. — Горьковский рабочий, 1981, 31 июля; О Пушкинском Болдино. — Советская Россия, 1981, 7 августа; Принято постановление. — Советская Россия, 1981, 30 июня).

На основании постановления Совета Министров и решения Горьковского облисполкома областным Управлением культуры был утвержден план мероприятий по комплексному развитию Музея-заповедника А. С. Пушкина в селе Большое Болдино на 1981—1990 гг.

В феврале 1981 г. на заседании Президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры был заслушан доклад начальника Горьковского областного управления культуры А. Г. Трухманова о Музее-заповеднике А. С. Пушкина и перспективах его развития. По докладу было принято специальное решение.

В апреле в Болдине состоялось выездное расширенное заседание градостроительного Совета областного отдела по делам строительства и архитектуры, на котором был обсужден новый генеральный проект планировки и застройки Большого Болдина. Он был разработан по заданию Горьковского облисполкома и Госгражданпроекта институтом Горьковгражданпроект (авторы проекта — архитекторы В. С. Нелюбин, Н. В. Юзёфович, Ю. В. Елин); историческое обоснование к генплану составили научный сотрудник Музея-заповедника А. С. Пушкина Ю. И. Левина, зав. отделом использования и публикации Государственного архива Горьковской области Н. И. Куриянова. Своим решением от 30 июня 1981 г. облисполком утвердил этот план.

Новым генеральным планом застройки села определены охранные зоны регулируемой застройки и охраняемого исторического ландшафта. Планом и решением облисполкома предусмотрено запрещение строительства объектов в охранно-исторической зоне. Этим планом предусмотрен также постепенный вывод с территории заповедника и из охранной зоны административных зданий и создание нового административно-культурного центра в 1 км от музея-усадьбы. Согласно разработанной предварительной схеме территориального развития Музея-заповедника А. С. Пушкина, Большеболдинский райисполком в 1981 г. передал в состав музея-заповедника территорию бывшей церковной площади (2,5 га), прилегающую к современной территории музея (с церковью XVIII в. и двумя прудами) (Ва й н ш т е й н П. Болдинский урок. — Литературная газета, 1981, 9 декабря).

В начале 1980-х годов перед музеем остро встал вопрос о разработке научно обоснованного плана развития и о подготовке проектов реставрации памятников истории и природы. В связи с этим были заключены два договора с институтом «Спецпроектреставрация» республиканского объединения «Росреставрация» на разработку генерального плана мемориализации Музея-заповедника А. С. Пушкина и проекта реставрации церкви Успения в Болдине. В 1981 г. мастерскими института № 8 и № 4 был выполнен большой объем изыскательных работ.

Силами Горьковской научно-реставрационной производственной мастерской в 1981 г. велась реставрационные работы в господском доме Львовской усадьбы А. С. Пушкина.

Суровая зима 1978/79 г. нанесла большой ущерб усадебному парку и саду. В 1981 г. территория усадьбы была полностью освобождена от погибших деревьев (700 штук). Весной и осенью 1981 г. было высажено 400 саженцев яблонь и групп различных сортов, кусты смородины и крыжовника; произведена посадка 87 молодых лип и берез в северной липовой, нижней и верхней березовых аллеях.

XV Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии в Болдине проходил 6—7 июня 1981 г. В составе делегации Союза писателей в Болдино были: секретарь правления Союза писателей СССР поэт О. Н. Шестинский (глава делегации), Е. Антошкин, Ю. Гальцерин, Л. Григорьева, Н. Злот-

ников, М. Кабахов (Москва), лауреат Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького, Ю. Шесталов, А. Мичковский, О. Цакунов (Ленинград), А. Мельников (Могилев), представители Горьковской областной писательской организации.

Торжественный вечер, посвященный 182-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина, состоялся 6 июня в кинотеатре «Лира». В первом отделении вечера с чтением стихов о Пушкине выступили гости праздника, во втором — демонстрировался фильм Горьковской студии телевидения «Болдинское притяжение», посвященный 150-летию Болдинской осени.

Второй день праздника был открыт митингом и возложением цветов к памятнику А. С. Пушкина. Для гостей праздника была проведена экскурсия по Музею-заповеднику, перед ними выступили участники фольклорного хора села Большое Болдино. В заповедной роще «Лучинник» состоялся большой поэтический вечер и концерт оркестра народных инструментов Горьковского Дома культуры «Победа» (руководитель — заслуженный работник культуры РСФСР Н. Воронин), (Косолапов Г. Наедине с Пушкиным. — Горьковская правда, 1981, 9 июня; Путешествие к поэту. — Литературная газета, 1981, 3 июня; Селиверстова Г. Стихи над прудами. — Горьковский рабочий, 1981, 9 июня; Танин Г. Здравствуй, праздник поэзии. — Горьковская правда, 1981, 5 июня; Хроника торжеств. — Советская Россия, 1981, 7 июня, и др.).

Традиционное празднование Болдинской осени проходило 9—12 сентября 1981 г. В программе праздника было предусмотрено проведение торжественного вечера и научной конференции, вечера-встречи с болдинским фольклорным хором и экскурсий по музею-заповеднику, открытие выставки работ студентов Горьковского художественного училища и демонстрация кинофильмов по пушкинской тематике («Болдинское притяжение», «Я к вам лечу воспоминаям»).

Торжественный вечер, посвященный 151-й годовщине приезда А. С. Пушкина в Болдино был проведен 8 сентября в районном Доме культуры. Вечер открыл директор Музея-заповедника А. С. Пушкина в Болдине Г. И. Золотухин. Перед жителями Болдина с рассказом о творчестве Пушкина, о хранении и изучении его рукописей, о деятельности пушкинских музеев выступили профессор Рижского государственного университета им. П. Стучки доктор филологических наук Л. С. Сидяков, профессор Коломенского педагогического института доктор филологических наук Г. В. Краснов, секретарь Пушкинской комиссии Академии наук СССР, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР кандидат филологических наук С. А. Фомичев, хранитель Музея-квартиры А. С. Пушкина (Ленинград) Н. И. Попова, зав. сектором научно-массовой работы Государственного музея А. С. Пушкина (Москва) Н. А. Тархова, бывший директор Музея-заповедника А. С. Пушкина в Болдине Ю. И. Левина. В вечере приняли участие правнучка А. С. Пушкина И. Е. Клименко-Гибшман, известный советский писатель Ю. М. Нагибин.

Традиционные XI Болдинские чтения, посвященные 150-летию завершения работы над романом «Евгений Онегин», состоялись 10—12 сентября 1981 г. Конференция была организована кафедрой русской литературы Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и

Музеем-заповедником А. С. Пушкина в Болдине. В работе чтений активное участие приняли сотрудники Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Института истории и теории Госкино СССР, исследователи творчества Пушкина из Московского, Ленинградского, Рижского, Тартуского, Горьковского университетов, Новосибирского, Смоленского, Коломенского, Череповецкого, Шадринского педагогических институтов. На чтениях было заслушано 25 докладов и сообщений. Большая часть выступлений была посвящена различным аспектам изучения романа «Евгений Онегин» (15 докладов). Наряду с литературоведами на чтениях с докладами выступили и сотрудники музеев.

Директор музея-заповедника А. С. Пушкина Г. И. Золотухин прочел доклад «О принципах мемориализации и музеефикации Музея-заповедника А. С. Пушкина в Болдине», в обсуждении которого ученые приняли самое активное участие.

Большая часть докладов, заслушанных на XI конференции в Болдине, опубликована в 7-м выпуске Болдинских чтений (Волго-Вятское книжное издательство, 1982; см. также: Борисова Н. XI Болдинские чтения. — Русская литература, 1982, № 1; Хандрос Б. Места священные. Болдино. — Литературная газета, 1981, 30 сентября).

Большое впечатление на участников чтений произвело выступление старейших участниц фольклорного хора села Большое Болдино. В их исполнении прозвучали старинные русские народные песни. Ю. И. Левина рассказала о становлении этого самобытного коллектива, его солистах, о своеобразии характеров и исполнительской манеры его участниц: Натальи Николаевны Кривойкиной, Екатерины Ивановны Черновой, Александры Васильевны Алексеевой, Татьяны Александровны Сквородовой, Марии Андреевны Тивиковой и др.

В 1981 г. музеем издан очередной 6-й выпуск сборника Болдинские чтения — по итогам конференции 1980 г., посвященной 150-летию Болдинской осени. Главным хранителем музея Л. М. Задоркиной опубликована статья «Собирательская деятельность Музея-заповедника А. С. Пушкина» в сборнике «Записки краеведов» (Волго-Вятское книжное издательство, 1981 г. (ею же подготовлена для переиздания рукопись путеводителя по Музею-заповеднику А. С. Пушкина — план издания 1984 г.)). В 1981 г. в издательстве «Советская Россия» вышел сувенирный альбом-книга «Обитель дальняя трудов», посвященный пушкинскому Болдину (автор-составитель Ю. И. Левина, фотограф Г. Д. Петренко).

В 1981 г. Музей-заповедник А. С. Пушкина посетило 33 045 человек, было проведено 1783 экскурсии, в селах области прочитано 77 лекций.

В основной фонд музея в 1981 г. поступило 442 экспоната. Среди наиболее интересных поступлений года — гарнитур мебели красного дерева для гостиной, принадлежавший бывшим крепостным Пушкиных Виляновым, — дар Всесоюзного музея А. С. Пушкина Музею-заповеднику А. С. Пушкина к 150-летию Болдинской осени. Раздел живописи и рисунка пополнился серией гравюр на дереве — иллюстраций к «маленьким трагедиям» — члена-корреспондента Академии художеств Ф. Ф. Константинова (40 единиц хранения). В отдел редкой книги поступила рукописная книга 1828—1835 гг., которая велась в соседнем с Болдином селе Казариново в дни пребывания А. С. Пушкина в нижегородском имении отца:

«Книга учиненная из Арзамасского духовного правления Саргачской округи села Казаринова священнослужителем для записи бракосочетавшихся...».

Н. А. Борисова

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ 1981 г.

В Кировабаде открыта библиотека Низами и Пушкина, в которой собраны книги двух гениев земли азербайджанской и земли русской. Их портреты входят в огромную композицию, которую написал на стенах народный художник Азербайджанской ССР Тогрул Нариманбеков.

(«Бакинский рабочий», 7 февраля)

В научно-исследовательском институте Академии художеств СССР в Ленинграде открыта выставка работ художника П. А. Шиллинговского, посвященная 100-летию со дня его рождения. Одна из основных тем этой выставки — пушкинская (серия литографий «Пушкинские места»). На выставке демонстрируются также работы учеников П. А. Шиллинговского, художников Б. Кожина (иллюстрации к «Капитанской дочке»), И. Архангельской (офорт «Пушкин в Царском Селе»), М. Орлова-Мочалова (гравюра на дереве «Приезд Пушкина в Михайловское», иллюстрации к пушкинским сказкам), Н. Фандерфлит (иллюстрации к произведениям Пушкина) и др.

(«Вперед» (г. Пушкин), 16 апреля)

В залах Архангельского областного музея изобразительных искусств открыта выставка «А. С. Пушкин и его современники» из собрания Государственного литературного музея (г. Москва).

(«Правда Севера», 16 мая)

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР состоялась традиционная XXVI Пушкинская конференция, в которой приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Пскова, Риги, Тарту, Смоленска.

(«Вечерний Ленинград», 1 июня; «Ленинградская правда», 2 июня; «Смена», 2 июня)

XV Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии открылся торжественным вечером в Псковском областном драматическом театре имени А. С. Пушкина и прошел в селе Михайловском, в Ленинграде, в селе Большое Болдино (Горьковская обл.), в Калининне и в Калининской области, в Оренбурге, в Орджоникидзе, в Калуге, в Языково (Ульяновская обл.), на трассе БАМа, в Яропольце и Захарове (Московская обл.),

в Гурзуфе, в селе Пушкино (Молдавская ССР). Праздник закончился 8 июня торжественным вечером в Концертном зале имени П. И. Чайковского.

(«*Вечерний Ленинград*», 5 июня; «*Знамя*» (г. Калуга), 6 июня; «*Верный путь*» (г. Старица Калининской обл.), 6 июня; «*Колхозная трибуна*» (с. Болдино Горьковской обл.), 6 июня; «*Калининская правда*», 6 июня; «*Амурская правда*» (г. Благовещенск), 6 июня; «*Советская Молдавия*», 6 июня; «*Правда*», 7 июня; «*Известия*», 7 июня; «*Советская Россия*», 7 июня; «*Псковская правда*», 7 июня и 9 июня; «*Литературная газета*», 10 июня; «*Литературная Россия*», 12 июня).

В Ленинграде началась Неделя театрального и музыкального искусства, посвященная 182-й годовщине со дня рождения Пушкина.

(«*Ленинградская правда*», 5 июня)

В астрономических каталогах появились названия новых астероидов, малых планет, которые недавно были открыты сотрудниками Института теоретической астрономии АН СССР. Одна из малых планет названа «Пушкин».

(«*Вперед*» (г. Пушкин), 30 июня)

В Аксае на одном из старинных зданий, построенных в начале прошлого века, открыта мемориальная доска с надписью: «Здесь, в Аксайской почтовой станции, в 1820 и 1829 годах останавливался великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837)».

(«*Молот*» (Ростов-на-Дону), 17 июня)

В Пушкинских Горах открылась традиционная 25-я выставка работ студентов и преподавателей Института имени И. Е. Репина, которые ежегодно проходят практику в Пушкинском заповеднике на Псковщине.

(«*Ленинградская правда*», 14 июня)

Видеофильм «Евгений Онегин» создан на Ленинградской студии телевидения. Текст пушкинского романа народный артист СССР Михаил Ульянов читает в обстановке, в которой жил и творил поэт: в последней пушкинской квартире на Мойке, в Летнем саду, на невской набережной, в заповедных местах на Псковщине.

(«*Псковская правда*», 31 мая; «*Вечерний Ленинград*», 11 июля)

В Пушкинских Горах прошли традиционные Пушкинские чтения, посвященные 157-летней годовщине приезда поэта в михайловскую ссылку.

(«Исковская правда», 3 сентября)

В Музее-квартире А. С. Пушкина в Одессе открыта новая экспозиция. Основу выставки, посвященной двадцатилетию со дня открытия мемориального музея, составляют гравюры, повествующие о пребывании поэта в Одессе в 1821—1823 гг.

(«Советская культура», 18 сентября)

Центральная студия телевидения создала спектакль по повести Пушкина «Выстрел» (режиссер П. Фоменко).

(«Советская Россия», 15 октября)

В Доме-музее А. С. Пушкина в Кишиневе открыта фотовыставка «Рисунки А. С. Пушкина».

(«Советская Молдавия», 25 октября)

На сцене Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера новой программы солистки оперы Галины Кузнецовой — «Михайловских рощ вдохновенье...». Стихи Пушкина исполняет ведущий программы — народный артист РСФСР А. Консовский.

(«Московский комсомолец», 31 октября)

Телевидение Тбилиси, Еревана и Центральное телевидение показали документальный фильм «Путешествие в Арзрум» (автор сценария К. Серебряков, режиссеры Л. Тактакишвили и К. Месьян, оператор Н. Намгаладзе).

(«Заря Востока» (Тбилиси), 11 декабря)

В Тюменской областной картинной галерее экспонируется выставка «Графическая пушкиниана» из фондов Пермской государственной художественной галереи.

(«Тюменская правда», 26 декабря)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет В. К. Кюхельбекера. Рисунок А. С. Пушкина. (ПД, № 841, л. 23). (С. 27).
  2. Портрет П. А. Плетнева. Рисунок А. С. Пушкина. (ПД, № 841, л. 28). (С. 29).
  3. А. С. Пушкин. «Из Пиндемонти». Автограф. (С. 54).
  4. А. С. Пушкин. «Мирская власть». Автограф. (С. 55).
  5. Портрет Ек. Ушаковой. Рисунок А. С. Пушкина. (С. 56).
  6. А. С. Пушкин. Автопортрет. (ПД, № 794, л. 1). (С. 94).
  7. А. С. Пушкин. Автопортрет. (ПД, № 698, л. 1 об.). (С. 95).
  8. А. С. Пушкин. Автопортрет. (ПД, № 830, л. 64). (С. 96).
  9. А. С. Пушкин. Автопортрет, шарж. (ПД, № 835, л. 5 об.). (С. 101).
-

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СВОИ СТАТЬИ ВО «ВРЕМЕННОМ ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ»

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, отпечатанными на машинке через два интервала (в том числе и подстрочные примечания). Нумерация подстрочных примечаний должна быть сплошной по всей статье.

2. Текст статьи должен представляться в окончательном виде. Изменения могут вноситься в корректуру только в исключительных случаях: когда они диктуются новыми научными данными.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При библиографических ссылках в тексте и сносках необходимо давать следующие сведения: фамилию и инициалы автора, название работы, название и номер издания, место и год издания, номера страниц. При повторном упоминании работы в сносках дается сокращенное ее название (сокращение «указ. соч.» или «op. cit.» не допускается).

5. Тексты сочинений и писем А. С. Пушкина цитируются по полному собранию его сочинений в 16 томах (1937—1949). Ссылки на это издание делаются с помощью римских и арабских цифр (см. с. 4 настоящего издания).

6. Ссылки на автографы А. С. Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, даются сокращенно (см. там же).

7. Крупнейшие архивохранилища обозначаются сокращенно: ГБЛ (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва), ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва), ГПБ (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград), ПД (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Ленинград), ЦГАЛИ (Центральный государ-

ственный архив литературы и искусства СССР, Москва), ЦГАОР (Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва), ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов СССР, Москва), ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив, Москва), ЦГИА (Центральный государственный исторический архив, Ленинград) и т. п. За этими обозначениями следуют архивные шифры.

8. Фотографии представляются в двух экземплярах, отпечатанными на глянцевой бумаге с накатом. Они должны сопровождаться списком, в котором приводится подпись к каждой иллюстрации, указываются местонахождение оригинала, его шифр, датировка, размер.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Л. М. Ариштейн. «Вторичная мемуаристика» в комментарии. (Об эпиграмме Пушкина «Сказали раз царю...»)	5
Я. Л. Левкович. Из наблюдений над «арзрумской» тетрадью Пушкина	18
Н. Н. Петрунина. Когда Пушкин написал предисловие к «Пове- стям Белкина»	31
С. А. Фомичев. Последний лирический цикл Пушкина	52
II. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Пушкиниана 1981 г.	67
Р. Г. Жуйкова. Автопортреты Пушкина (каталог)	86
Г. Г. Курочкина. Московская пресса 1820—1830-х годов о Пушкине	108
А. З. Розенфельд. Новые переводы Пушкина на персидский язык (50—70-е годы)	121
III. ЗАМЕТКИ	
С. К. Романюк. О семье Пушкиных в Москве в 1801—1803 гг.	130
М. Д. Эльзон, Л. А. Черейский. Две даты к биографии Пушкина	134
В. С. Листов. Из творческой истории стихотворения «Герой»	136
С. А. Рейсер. Три строки дневника Пушкина	146
М. Ш. Файнштейн. Книжки А. В. Зражевской в пушкинской биб- лиотеке	152
Д. И. Велкин. Пушкин и Николай Титов	154
В. П. Степанов, П. П. Дудочкин, С. А. Фомичев. Из ком- ментария к «Евгению Онегину»	159
Б. А. Кац. «Звуки итальянские!»	168
Б. Я. Виленичк. Историческое прошлое в «Пиковой даме»	173

Е. С. Хаев. Эпитет «медный» в поэме «Медный всадник»	180
Н. К. Мясоедова. Об источниках статьи Пушкина о Байроне	184
Н. Л. Шадрин. Валлийский переводчик Пушкина	193

IV. ХРОНИКА

Н. В. Измайлов	196
М. П. Алексеев	199
Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1981 г.	206
Государственный музей А. С. Пушкина в 1981 г.	209
Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино в 1981 г.	212
По страницам газет 1981 г.	216
Список иллюстраций	219
К сведению авторов, присылающих свои статьи во «Временник Пушкинской комиссии»	220

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ
1981

*Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. А. Храмова*
Технический редактор *Ф. А. Юлии*
Корректоры *Н. И. Журавлева* и *Г. И. Тимошенко*

ИБ № 21021

Сдано в набор 25.07.84. Подписано к печати 17.01.85.
М-18115. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журналь-
ная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 14. Усл. кр.-отт. 14.25. Уч.-изд. л. 16.77. Ти-
раж 9050. Тип. зак. 1746. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12